

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ
СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2022 Том 22 № 4

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2022 Volume 22 No. 4

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: СОЦИОЛОГИЯ

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socioj@rudn.ru.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

RUDN JOURNAL OF SOCIOLOGY

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in RSCI, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socioj@rudn.ru.

Подписано в печать 12.12.2022. Выход в свет 22.12.2022. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 21,45. Тираж 500 экз. Заказ № 1226. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut-np@rudn.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, научный руководитель Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, научный руководитель Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, директор Института социологии ФНИСЦ РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Егорышев С.В., доктор социологических наук, главный научный сотрудник Института социально-экономических исследований Уфимского федерального исследовательского центра РАН

Иванов В.Н., член-корреспондент РАН, доктор философских наук, профессор, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, заведующая лабораторией исследования здоровья населения и системы здравоохранения Института социально-экономических проблем народонаселения ФНИСЦ РАН

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии и философии истории философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая лабораторией социологических и фокус-групповых исследований факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хазендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шастри С., доктор философии, профессор, вице-канцлер университета Джагран Лейксити (Индия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио-Гранде-ду-Сул (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*

Компьютерная верстка *И.А. Чернова*

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2

Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socioj@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: narbut-np@rudn.

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia.
E-mail: trotsuk-iv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Scientific Director of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD (Philosophy), Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Scientific Director of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences, Head of Institute of Sociology of FCTAS of RAS (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus, Utrecht University (Netherlands)

Diez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor, School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Egoryshev S.V., D.Sc (Sociology), Senior Researcher, Institute of Social and Economic Studies, Ufa Federal Research Centre of Russian Academy of Sciences

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor, Russian Academy of Sciences (Russia)

Kurojatinik M.S., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Laboratory for Population Health and Health System Studies, Institute of Socio-Economic Studies of Population, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of Russian Academy of Sciences (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD (Philosophy), Associate Professor, Chair of Social Philosophy and Philosophy of History, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Laboratory of Sociological and Focus-Group Research, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Shastri S., PhD (Philosophy), Professor, Vice Chancellor, Jagran Lakecity University (India)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafraniec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology, Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambáliková M., PhD (Sociology), Professor, Researcher, Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences; Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Faculty of Humanities, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Irina A. Chernova*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socioj@rudn.ru

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), Moscow, Russian Federation

6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Краевский А.А.** Социология Питирима Сорокина и немецкая юриспруденция..... 749
- Тагиров Ф.В.** Европейский консерватизм и природопознание:
от сакрализации природы к нигилизму 764
- Троцук И.В., Субботина М.В.** «Ядро» и «периферия» понятий «счастье»
и «справедливость»: метод неоконченных предложений как инструмент
валидации..... 782

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Пузанова Ж.В., Филиппов В.М., Ларина Т.И., Симонова М.А.** Семейные
установки студенческой молодежи в контексте экстремистских рисков
(на англ. яз.) 802
- Беляева Л.А.** «Взрослая» молодежь в современном социальном
пространстве России..... 812
- Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В.** Жизненные
и трудовые стратегии пенсионеров в современной России 828
- Розанова Н.Н., Сухова Е.Е.** Ядро репутационного пространства
российской власти: экспертная оценка и мнение населения (на англ. яз.)..... 844
- Мукситх М.А., Музыкант В.Л., Тайибнапис Р.Г., Пратомо Р.Р.** Революция
Панчасилы как идеологии индонезийцев (на англ. яз.)..... 860
- Чистякова О.В.** Развитие российского туризма в социальных
и этнокультурных условиях современности (на англ. яз.) 872

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- Зборовский Г.Е., Амбарова П.А.** Ресурсность научно-педагогического
сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу 881
- Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А.** Вузовская бюрократия
в России – terra incognita социологии образования 895

Эбзеева Ю.Н., Смирнова Ю.Б. Позиции российских вузов в мировых рейтингах в 2022 году.....	909
---	-----

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

Чижо Э., Меньшиков В., Кокаревича А., Селиванова-Федорова Н. Концентрация имущества и «имущественный средний класс» в современной европейско-американской цивилизации.....	919
Анисимов Р.И. Динамика капитализма и возвращение классов	937
Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения.....	949
Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г. Моральная эксклюзия в контексте социальной желательности	963
Заболотских А.В., Дугина Т.В., Игнатова Т.А. Социологический анализ распределенного лидерства в команде (на англ. яз.).....	972

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Орехов А.М. Справедливость и законотворчество: социально-философские аспекты.....	983
Маньшин Р.В. Социально-демографические процессы в ЕАЭС: заметки о научных мероприятиях в Кыргызстане.....	990
НАШИ АВТОРЫ	995

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Kraevsky A.A.** Pitirim Sorokin's sociology and German jurisprudence..... 749
- Tagirov Ph.V.** European conservatism and the study of nature:
From sacralization of nature to nihilism 764
- Trotsuk I.V., Subbotina M.V.** 'Core' and 'periphery' of the concepts
'happiness' and 'justice': Unfinished sentences technique as a means of validation 782

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Puzanova Zh.V., Filippov V.M., Larina T.I., Simonova M.A.** Family attitudes
of university students in terms of extremism risks 802
- Belyaeva L.A.** 'Adult' youth in the contemporary social space of Russia..... 812
- Barkov S.A., Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V.** Life and work strategies
of pensioners in contemporary Russia 828
- Rozanova N.N., Sukhova E.E.** The core of the Russian power's reputation
space: Expert assessment and public opinion 844
- Muqsith M.A., Muzykant V.L., Tayibnapis R.G., Pratomo R.R.** Revolutionizing
Pancasila as the ideology of Indonesians..... 860
- Chistyakova O.V.** Development of Russian tourism in the contemporary
social and ethnocultural conditions..... 872

SOCIOLOGY OF EDUCATION

- Zborovsky G.E., Ambarova P.A.** Resources of the research-pedagogical
community: Administrative and mobilization approaches 881
- Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A.** Russian university
bureaucracy – terra incognita for sociology of education..... 895
- Ebzeeva Yu.N., Smirnova Yu.B.** Positions of the Russian universities
in the world university rankings in 2022 909

SOCIOLOGICAL LECTURES

Čižo E., Menshikov V., Kokarevica A., Selivanova-Fyodorova N. Wealth concentration and the ‘patrimonial middle class’ in the contemporary European-American civilization	919
Anisimov R.I. The dynamics of capitalism and the return of classes.....	937
Kartashkin V.A. Digital human rights: International-legal and social dimensions.....	949
Puzanova Zh.V., Tertyshnikova A.G. Moral exclusion in the context of social desirability	963
Zabolotskikh A.V., Dugina T.V., Ignatova T.A. Sociological analysis of the distributed team leadership	972

SCIENTIFIC LIFE

Orekhov A.M. Justice and lawmaking: Social-philosophical aspects.....	983
Manshin R.V. Social-demographic processes in the EAEU: Notes on the scientific events in Kyrgyzstan	990

AUTHORS	995
----------------------	-----

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-749-763

Социология Питирима Сорокина и немецкая юриспруденция*

А.А. Краевский

Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская наб., 7–9, Санкт-Петербург, 199034, Россия
(e-mail: a.kraevsky@spbu.ru)

Аннотация. В статье показана связь социолого-правовой концепции П.А. Сорокина с основными направлениями немецкой юриспруденции XVII — начала XX века: естественно-правовым направлением, исторической школой, юриспруденцией интересов и концепцией возрожденного естественного права. Генезис социологических идей Сорокина, как правило, рассматривается в контексте общего развития социологии второй половины XIX — начала XX века. Вместе с тем в начале XX века, когда проходило становление Сорокина как самостоятельного ученого, социологические проблемы затрагивались в преподавании иных дисциплин, в частности, юридических, которые будущий исследователь постигал на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета. Глубокое изучение юридических наук, особенно уголовного и государственного права, не могло не отразиться на последующих исследованиях Сорокина. Автор полагает, что некоторые важные аспекты его социологии права тесно связаны с основными направлениями юридической мысли, в частности, с трудами немецких правоведов и философов права. Идеи каждого из четырех направлений немецкой юриспруденции нашли свое отражение в трудах Сорокина, в первую очередь, в базовой для его социологии права теории организованных групп. Классическая школа естественного права представлена теорией общественного договора и соответствует целенаправленной организации групп. Концепция органического развития права лидера исторической школы Ф.К. фон Савиньи, отражена в спонтанной организации групп. Юриспруденция интересов с идеей Р. фон Иеринга о борьбе за право предвосхитила идею целенаправленного образования права в ситуации социального конфликта. Концепция возрожденного естественного права Р. Штаммлера содержит общее представление об организующей роли права. Если элементы учений первых трех школ используются Сорокиным в теории происхождения орга-

* © Краевский А.А., 2022

Статья поступила 15.07.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

низованных групп, то идея Штаммлера созвучна общему пониманию социальной функции права Сорокиным и одним из его учителей — Л.И. Петражицким.

Ключевые слова: социология права; П.А. Сорокин; организованная группа; социальная группа; немецкая юриспруденция; правогенез; Р. Штаммлер

Питирим Александрович Сорокин — один из выдающихся социологов XX века, его перу принадлежат работы в самых разных областях социологии. Однако научные интересы Сорокина никогда не ограничивались чистой социологией, он внес вклад и в развитие иных наук, одной из которых является правоведение.

В начале XX века, когда проходило становление Сорокина как ученого, дифференциация социальных наук еще не достигла нынешнего уровня: изучение социологии и экономики, как правило, происходило в стенах юридических факультетов параллельно с усвоением гражданского права, государственного, уголовного и других юридических дисциплин. Как пишет в автобиографии Сорокин, «до революции 1917 года в университете не было ни факультета социологии, ни каких-либо подобных курсов на других факультетах. Несмотря на отсутствие официального признания социологии как науки, многие социологические проблемы обстоятельно рассматривались в лекционных курсах, посвященных праву, экономике, теории и философии истории, политическим наукам, криминологии, этнографии и т.д. Большинство таких курсов читалось на юридическом факультете, что и определило мой выбор этого факультета для продолжения образования и специализации» [15. С. 59]. В годы обучения на юридическом факультете Санкт-Петербургского императорского университета им были изучены «все сколь-нибудь важные теории права — русского и европейского; история русского, римского и европейского права, конституционное, гражданское и уголовное право по кодексам и сводам законов и наиболее важным западным и русским трудам в этой области» [15. С. 60]. После окончания университета, в период подготовки магистерской диссертации (с 1914 года) Сорокин выбрал уголовное право и пенеологию как основную специализацию, а конституционное право — как дополнительную, посвятив их изучению первые два года подготовки к профессорскому званию [15. С. 61, 70].

Погруженность Сорокина в юридическую науку в дальнейшем проявилась в интересе к социологии и теории права, которым были посвящены его ранние работы, в частности, его первая книга, социолого-правовая монография «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) и «Элементарный учебник общей теории права в связи с учением о государстве», а также более поздние сочинения и фрагменты общих работ, среди которых следует отметить статью «Организованная группа (институт) и правовые нормы» (1947) и соответствующий раздел монографии «Общество, культура и личность: их структура и динамика. Система общей социологии» (1947).

Таким образом, есть все основания считать Сорокина не только социологом, но и правоведом и попытаться осмыслить его научное наследие

с точки зрения юриспруденции. Вместе с тем цель статьи — не реконструкция социологии права Сорокина, а выявление связи его социологических и социолого-правовых концепций с немецкой юриспруденцией, и данная задача обусловлена исторически тесной связью немецкой и русской юридической науки [4].

Естественно-правовое направление и теория общественного договора

Естественно-правовая теория к началу XX века прошла долгий путь от античных теорий, отождествляющих естественное право с мировым порядком (космосом), до попыток разработать естественное право с изменяющимся содержанием. Однако свое классическое воплощение юснатуралистские идеи получили в политической и правовой философии Нового времени, основанной на идеях рационализма. Сторонники данной версии естественно-правового учения полагали, что существует совершенное право, которое не создается волей людей, но может быть открыто разумом, исследующим природу человека [8]. Естественно-правовая школа, включая таких ее немецких представителей, как Х. Томазий, С. Пуфендорф, Х. Вольф и др., критически оценивалась Сорокиным в силу аргумента о вариативности и изменчивости содержания права в зависимости от того, в каком обществе оно существует [21. С. 91–92] и, видимо, интересовала его с точки зрения флуктуации систем истины и знания [21]. Впрочем, по крайней мере одну идею этого философско-правового направления Сорокин признавал значимой — теорию общественного договора. Если в ранних работах он обращает внимание на концепции английских философов Т. Гоббса и Дж. Локка, а также французского мыслителя Ж.-Ж. Руссо [22. С. 90–91], то позднее для изложения собственных идей ставит на первое место сочинения немецких философов и правоведов С. Пуфендорфа и Х. Вольфа [26. С. 372].

По мнению Пуфендорфа, идея общественного договора стремится примирить естественное право с правом позитивным, созданным людьми, и показать необходимость последнего. Для сохранения мира между ними и пресечения попыток извлечь преимущества из причинения вреда другому люди должны объединиться для взаимной помощи и защиты. Простого объединения недостаточно, потому что в нем сложно достичь согласия относительно правильного применения сил, поэтому люди заключают два договора: первый связывает всех людей между собой, обязывая подчиняться одному суверену, а второй подчиняет их конкретному индивиду, в распоряжение которого люди передают свои ресурсы и силы, а также право применять принуждение [25. С. 368–370]. Такой способ образования характерен не только для государства, анализом происхождения которого ограничивается большинство сторонников теории общественного договора, но и иных обществ (союзов), например, семьи [25. С. 370–371].

Если Пуфендорф и его предшественники не проводили четкого разграничения между естественным правом и моралью, то в правовом учении Томазия такое разграничение появляется, когда он содержательно различает правила справедливости (естественное право в узком смысле) и правила добродетели и приличия. Естественное право в узком смысле, как и позитивное право, основано на взаимных правах и обязанностях, и корреляция права и обязанности является универсальным свойством правил справедливости [27. С. 607–615]. Подобный содержательный подход к разграничению права и морали был использован в психологической теории права Л.И. Петражицкого [13. С. 252–260] и взят Сорокиным за основу определений права и правовой нормы: «Первая и основная черта правовой нормы поведения заключается в том, что она является нормой, наделяющей одно лицо (субъекта права) тем или иным полномочием (правомочием), а другое лицо (субъекта обязанности) — той или иной обязанностью» [22. С. 30].

Историческая школа и органическое развитие права

В XIX веке на смену господствовавшему в Европе естественно-правовому направлению пришла немецкая историческая школа права. Ее истоки восходят к трудам правоведов Геттингенского университета конца XVIII — начала XIX века И.-С. Пюттера и его ученика Г. Гуго [9], но широкое признание она получила в первой половине XIX века благодаря трудам Ф.К. фон Савиньи и Г.Ф. Пухты. В отличие от господствовавшей в XVIII веке естественно-правовой теории в центре внимания исторической школы был не поиск общих рациональных принципов законодательства, а тщательное изучение истории права. Наиболее ярко это различие проявилось в полемике фон Савиньи и А.Ф.Ю. Тибо. В 1814 году, вдохновляясь созданием в 1804 году во Франции гражданского кодекса, Тибо выступил за создание единого гражданского кодекса для немецких государств и отказ от римского права [23]. В ответной брошюре Савиньи подверг резкой критике идею абстрактного законотворчества, отстаивая принцип эволюционного и закономерного развития права, а также недопустимости его произвольного изменения [14]. Позиция Савиньи возобладала и отложила кодификацию германского гражданского права на девять десятилетий [2. С. 39–43].

Особое значение имеют две концепции исторической школы права — историко-правовой метод исследования и идея закономерности развития права. Специфика исторической школы права состояла в необходимости решения одновременно двух задач — во-первых, практической, состоящей в объяснении современного права, которое в германских государствах XIX века в значительной степени основывалось на источниках, имеющих древнее (источники римского права) и средневековое (источники канонического и германского права) происхождение; во-вторых, историко-теоре-

тической, заключающейся в целостной реконструкции правовой системы определенного времени. Несмотря на то, что историко-правовые исследования проводились задолго до появления исторической школы, для них был характерен не критический метод использования исторических источников [6. С. 84–85]. Нововведением исторической школы стал органический метод, который в формулировке фон Иеринга состоит в следующем: «Если организм может быть познан только в контексте и во взаимозависимости отдельных элементов, то тогда воззрение, считающее право организмом, при изложении правовой системы прошлого должно стремиться прежде всего к нахождению изначального места отдельных частей, знаниями о которых оно располагает, и если подобным образом из них можно будет реконструировать Целое, тогда проследить это Целое как часть высшего Единства — народной индивидуальности и развитие этой стороны жизни народа с постоянным учетом жизни Целого» [6. С. 88].

Теория закономерного развития права основана на идее «органической связи права с сущностью и характером народа» [14. С. 132]. Право рассматривается Савиньи и его последователями как одно из проявлений «единого убеждения» и «общего чувства внутренней необходимости» народа наряду с языком, нравами, общественным устройством и иными культурными явлениями [14. С. 132]. Данный тезис применяется равным образом и к времени возникновения права, и к его современному существованию [14. С. 132–134]. Первоначально право развивается благодаря обычаям и народной вере, а затем благодаря юриспруденции (юридической доктрине и судебной практике), т.е. «повсюду благодаря внутренним, незаметно действующим силам, а не вследствие произвола законодателя» [14. С. 134]. Поэтому историческая школа придавала особое значение исследованию правовых обычаев как прямой форме народного правотворчества, а также стремилась тщательно изучить факторы хозяйственной жизни, оказывающие влияние на народное убеждение, лежащее в основе национального права [6].

Применение Савиньи историко-правового метода позволило Сорокину отнести его к числу выдающихся исследователей XIX века, в работах которых «произведен фактологический анализ исторических данных и сформулировано практически все, что в худшей — спекулятивной — форме содержится в формулировках экономической или материалистической интерпретации истории Маркса и Энгельса» [20. С. 465]. Важным достижением исторической школы Сорокин, по-видимому, считал ниспровержение многовекового господства естественно-правовой теории и обращение к социальным фактам для объяснения правовых явлений [22. С. 92]. Сорокин признает важный вклад исторической школы в развитие социологии в целом, отмечая, что Савиньи и Пухта «своими исследованиями происхождения и кристаллизации социальных институтов и права сказали большую часть того, что можно найти в современной социологии обычаев и нравов, развитой Г. Спенсером,

У. Самнером и др.» [26. С. 21], хотя и не соглашается с данными результатами в полной мере [20. С. 614–617].

Наиболее важная связь между исторической школой права и социологией Сорокина прослеживается в теории правогенеза, точнее в теории образования организованных групп. Сорокин воспринял основной тезис исторической школы о спонтанном возникновении и закономерном развитии права, коррелирующий с его теорией возникновения, развития и организации социальных групп.

Рудольф фон Иеринг и борьба за право

Правовое учение Р. фон Иеринга ознаменовало завершение периода преобладания в немецкой юридической науке исторической школы права и начала эпохи юридического позитивизма. Подобно тому как историческая школа сыграла решающую роль в дискредитации естественно-правовых теорий, критика исторической школы Иерингом привела к отказу немецких правоведов от некоторых идей и методов фон Савиньи и Пухты [9], хотя ряд достижений исторической школы, таких как доктрина источников права или совокупность методов догматической разработки и толкования права, известная как «юриспруденции понятий», прочно вошли в европейское правоведение.

Первоначально Иеринг был близок к исторической школе, разделял ее методы, хотя и понимал их по-своему, допуская необходимость рационального, но при этом эволюционного прогресса в праве [6. С. 96–101]. Со временем он перешел к прямой критике концепции объективного, эволюционного и поступательного развития права исторической школы, изложив свои аргументы в книге «Борьба за право». По его мнению, учение исторической школы не отражает реального исторического развития права, которое меняется в результате не закономерного и органического развития (как язык), а конфликта, напряженной борьбы общественных сил, имеющих противоположные интересы. «Все великие приобретения, которые должны быть отмечены в истории права — уничтожение рабства, крепостного состояния, свобода земельной собственности, промыслов, веры и др. — все это должно было быть завоевано посредством упорнейшей борьбы, продолжавшейся зачастую в течение столетий, и нередко путь, который прошло... право, отмечен потоками крови и... поправленными правами. Ибо... право может обновляться, только порывая с собственным прошлым» [5. С. 28].

Теория органического развития права, по Иерингу, помимо теоретической ложности, содержит политическую опасность: «В той области, где человек должен действовать и притом действовать с полным, ясным сознанием цели и с напряжением всех своих сил, она утешает его тем, что дело делается само собою» [5. С. 29]. Положительная часть концепции Иеринга состояла в применении к анализу права телеологии и представлении права как средства достижения социально значимых целей: «Право не служит само себе це-

лью, а лишь средством к достижению цели. Конечной целью как государства, так и права должно быть установление и гарантия жизненных условий общества — право существует для общества, а не общество для права» [7. С. 349].

Несмотря на то, что один из учителей Сорокина, Петражицкий, испытывал неприязнь к идеям Иеринга [12], они, несомненно, оказали влияние на Сорокина как в теоретическом, так и в практическом аспекте. Второй связан с политической деятельностью Сорокина [15. С. 37–43], поскольку идея о необходимости активной борьбы за свои права, которую отстаивал Иеринг, может интерпретироваться как революционная, и такая ее трактовка оказала влияние на идеологию партии социалистов-революционеров (эсеров), к которой принадлежал и Сорокин. Известный девиз партии эсеров «В борьбе обрешь ты право свое» — цитата из книги Иеринга «Борьба за право» [5. С. 86]. Как отмечает Сорокин, в идеологии эсеров его привлекало то, что, в отличие от марксистского материализма, она уделяла больше внимания внеэкономическим факторам, влияющим на социальные процессы, таким как «социальные идеи», «личностные усилия» и «борьба за индивидуальность» [15. С. 37].

Теоретическая важность идей Иеринга о борьбе как основном факторе развития права в трактовке Сорокина заключалась в преодолении односторонности учения об органическом развитии права и теории обычая. Несмотря на то, что в данном случае Сорокин не ссылается прямо на работы Иеринга, его идеи явно подразумеваются в критике исторической школы, социологии обычая Самнера и других близких к ним авторов [20. С. 616–617]. Так, в «Элементарном учебнике общей теории права» Сорокин почти цитирует немецкого правоведа, когда пишет, что подход исторической школы «слишком “спокойной” рисует историю развития права, он забывает, что развитие права — сплошная борьба, что правовая жизнь — это постоянная борьба за право, что последнее родилось из борьбы и живет борьбою» [22. С. 92].

Рудольф Штаммлер и организующая роль права

В конце XIX — начале XX века в правоведении, как и в других общественных и гуманитарных науках, проявились две во многом противоположные тенденции, объединяемые общим стремлением упрочить методологический фундамент науки. С одной стороны, основываясь на успехах естественных наук и экспериментальной психологии, развивалось эмпирико-реалистическое направление, с другой стороны, широкое распространение получили неокантианские идеи, обосновывающие специфику наук о духе. В российском правоведении начала XX века эти направления прочно ассоциировались с петербургской (Л.И. Петражицкий и его ученики) и московской (П.И. Новгородцев и его ученики) научными школами. Несмотря на принадлежность к петербургской школе и отрицание неокантианской ме-

тодологии [18], Сорокин был хорошо знаком с трудами правоведов, следовавших данному направлению.

Одним из основоположников юридического неокантианства был немецкий правовед Р. Штаммлер. Наибольшую известность ему принесла концепция естественного права с изменяющимся содержанием — как новая трактовка старой идеи. Первая особенность новой концепции состояла в отказе от представления о естественном праве как актуально действующем в том же смысле, что и право позитивное: по мнению Штаммлера, различие ролей положительного и естественного права в социальной жизни очевидно, и последнее представляет собой «цель для законодателя, а не для судьи и администратора», «масштаб и цель действующего права» [24. С. 154–155]. Данная черта стала отличительным признаком движения возрожденно-естественного права Сорокина [10; 11]. Вторая особенность концепции Штаммлера — представление об изменчивости естественного права в разных общественных условиях: «нет ни одного правового принципа, который по своему положительному содержанию был бы априорным», т.е. под естественным правом он понимал «те правовые принципы, которые содержат право теоретически верное при известных эмпирических условиях» [24. С. 166–167].

Из всех немецких правоведов, живших позднее Иеринга, именно Штаммлер чаще всего упоминается в работах Сорокина. Примечательно, что книга Штаммлера «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: социально-философское исследование» включена в короткий список наиболее важных юридических сочинений, приводимый Сорокиным в «Элементарном учебнике общей теории права в связи с теорией государства» [22. С. 192], и в список наиболее значимых авторов, исследовавших право как социальное явление, в книге «Общество, культура и личность» [26. С. 28, 33–34]. Представляется, что наибольшее значение для Сорокина имела не концепция «естественного права с меняющимся содержанием», а другая важная идея, связанная с учением Штаммлера.

Согласно Штаммлеру нормы, в частности правовые, играют особую роль в жизни общества, организуя и упорядочивая его. Штаммлер последовательно отстаивает точку зрения, согласно которой «материя социальной жизни, урегулированное сотрудничество, может быть сделана особым объектом научного изучения, а именно социально-экономического исследования, только в качестве определенным образом урегулированного, следовательно, лишь в связи с существующим конкретным нормированием» [24. С. 171]. Как выражает ту же мысль Сорокин, критикуя одностороннюю роль экономического фактора в марксизме, «Петражицкий и Штаммлер отмечали, что право и общественный порядок являются логическими и фактическими предпосылками экономических отношений, потому что без кодекса обязательных правил поведения сами факты общественных отно-

шений и совместного проживания невозможны» [20. С. 474]. В принципе та же идея была применена Штаммлером к организации публичной власти: «Нельзя установить понятия государства, не предпослав понятия права. Последнее есть логическое *prius*. Можно дать определение правового строя без всякого отношения к государственной организации, но нельзя говорить о государственной власти, не предпосылая юридических норм» [24. С. 113]. То же относится и к иным организованным группам, включая «бродячие орды, племена и кочевые народы», церковь, автономные общины и даже семейные союзы [24. С. 113].

Идея Штаммлера имеет явное сходство с представлением Сорокина о значении права для социальной организации: «Социальная группа, понимаемая как общность взаимодействующих индивидов, может быть либо организованной, либо не организованной, либо дезорганизованной (разобщенной). Она является организованной, когда все действия и реакции ее членов в их взаимоотношениях, равно как и со внешними субъектами и миром в целом ясно определены нормами права и производятся в соответствии с ними. В развернутой форме это означает, во-первых, что эти нормы определяют в деталях: а) каковы права и обязанности каждого члена; б) что, при каких условиях, в отношении кого и сколь много каждый из членов управомочен и обязан делать или не делать, терпеть или не терпеть; в) какие именно функции или роли члены должны исполнять; д) каков статус члена в системе взаимодействий, как он определен совокупностью его прав-обязанностей, функций и ролей» [17. С. 600]. Хотя похожие идеи развивал и Петражицкий, Сорокин, несомненно, учитывал работы Штаммлера, на что указывает его упоминание в числе авторов, развивавших сходные с Сорокиным социолого-правовые идеи, сразу после Петражицкого [26. С. 82–83].

Идея Сорокина об организующей роли права вызвала критику со стороны немецкого социолога Л. фон Визе, которого Сорокин относил к одному направлению со Штаммлером — к «формальной школе», объединенной интересом к изучению форм социальных отношений, а не их содержания [20. С. 437–438]. Фон Визе полагал, что Сорокин преувеличивает роль норм в общественной жизни, превращаясь из социолога в юриста: «Сорокин не видит фундаментального различия между юридическим и современным = социологическим подходом» [1. С. 112]. Более того, фон Визе усматривает противоречие в том, что Сорокин в качестве источника общеобязательных правил выдвигает не государство, а право [28. С. 267]. Вероятно, в основе предположения фон Визе о противоречии лежало представление о праве как о совокупности принудительных норм, в то время как Сорокин, следуя Петражицкому и Томазию, считал отличительным признаком правовых норм не принудительность, а предоставительно-обязывающий характер их содержания [17. С. 602–603]. Различие взглядов

Штамллера и фон Визе в вопросе об организационной роли норм можно считать аргументом в пользу высказываемых вторым сомнений в существовании такой школы [3. С. 116].

Право и организация социальной группы

Несмотря на то что достижения исторической школы, правового учения Иеринга (и возникшего благодаря ему континентального юридического позитивизма) и концепции естественного права с меняющимся содержанием Штамллера во многом были обусловлены относительно успешной критикой предшествующей школы правоведения, каждое из рассмотренных направлений юридической науки XVIII — начала XX века, с точки зрения Сорокина, заключало в себе зерно истины, поэтому он интегрировал элементы всех четырех концепций в единую теорию организации социальных групп.

Социальные группы (коллективные единства в ранней терминологии Сорокина) возникают под влиянием целого ряда космических, биологических и социально-психологических факторов, побуждающих людей вступать во взаимодействие, после чего группы либо распадаются, либо, в силу иных космических, биологических и социально-психологических факторов, сохраняются продолжительное время [19]. Право как социальное явление возникает, когда существующая долгое время социальная группа вступает в стадию организации. Основная причина организации групп состоит в том, что без «кристаллизации функций и ролей, прав и обязанностей взаимодействующих индивидов» контакты между ними неизбежно приведут к постоянным конфликтам, «войне всех, против всех» по выражению Гоббса [26. С. 371]. По Сорокину, организация группы является необходимым условием ее сохранения и продолжительного существования [26. С. 371], и характер организованной группы может быть самым разным: в зависимости от соотношения сил членов группы и иных условий — справедливым или несправедливым, фамилистичным или принудительным [26. С. 371].

Организация группы может происходить: 1) целенаправленно со стороны всех членов; 2) спонтанно (методом проб и ошибок) со стороны всех участников; 3) целенаправленно со стороны одних при противодействии других; 4) при всеобщем противодействии [26. С. 371–372]. Первый способ довольно прост и предполагает свободное объединение индивидов, которые вместе принимают устав или конституцию, которая определяет цели группы, условия членств, порядок управления, права и обязанности членов. Множество семейных групп, юридических лиц, политических, научных и творческих объединений образованы таким способом, но он возможен только в том случае, если нормы, ценности и цели создающих группу индивидов в значительной степени совпадают [26. С. 372]. В обозначении такого

договорного и целенаправленного способа организации группы (правогенеза) и состоит зерно истины теорий общественного договора, подобных концепции Пуфендорфа, согласно Сорокину [26. С. 372].

Второй способ организации группы предполагает, что общие нормы, ценности и цели членов, как и степень организации, формируются постепенно, в результате продолжительного взаимодействия индивидов. Такая организация группы возможна, если ценности и цели участвующих индивидов изначально существенно различаются. Их взаимодействие происходит методом проб (прецеденты поведения) и ошибок (конфликты). Постепенно не вызывающие споров образцы поведения становятся привычными и превращаются в обычаи, приобретающие императивно-атрибутивный (т.е. устанавливающий взаимные права и обязанности) характер. В детальном исследовании такого спонтанного и «органического» правогенеза состоит заслуга исторической школы права [26. С. 372–373]. Более того, восходящая к Иерингу телеологическая критика концепций спонтанного развития права, предполагающая сознательное и целенаправленное установление всех институтов, оценивается Сорокиным как чрезмерная. По его мнению, такое утверждение неверно для многих социальных групп, образованных спонтанно, и для многих законодательных актов, представляющих собой не более чем запись существовавшего ранее обычного права [26. С. 373].

Третий способ организации группы основан на применении принуждения одних участников по отношению к другим. Такое образование групп происходит при изначальном антагонизме ее будущих членов в результате войны (завоевания) или — шире — иной социальной борьбы [26. С. 375–376]. Хотя Сорокин не упоминает Иеринга в контексте данного способа правогенеза, вероятно, на него повлияли идеи немецкого правоведа о борьбе за право. Подтверждением можно считать фрагмент книги Сорокина «Современные социологические теории», посвященный войне как средству распространения солидарности и мира: «Война была мощным инструментом в процессе сплочения групп и областей во все более и более крупные замиренные территории... А совсем недавно Р. Иеринг в своем блестящем эссе показал, что “цель права — это мир, но ведет к нему дорога войны”». В настоящий момент кажется очевидным, что без войны и принуждения процесс объединения многочисленных враждующих групп во все более и более расширяющиеся замиренные сообщества вряд ли бы был возможен. В этом отношении война и другие способы насилия были инструментами. Благодаря им оказалось возможно сплотить завоевателей и побежденных в одну группу, держать их вместе, установить между ними интенсивный контакт, “уравнять” их различия и после нескольких поколений совместного проживания сделать из них одну социальную группу, в которой стерты прежние различия и враждебность» [20. С. 312].

Четвертый способ состоит во внешнем принуждении участников к организации, осуществляемой вопреки целям и желаниям членов группы (наиболее очевидный пример — принуждение к браку со стороны родителей) [26. С. 376]. Такой порядок создания организованных групп встречается нечасто и вряд ли может быть соотнесен с определенным направлением в юридической науке.

Основной недостаток существовавших ранее теорий организации социальных групп как в юриспруденции, так и в социологии, по мнению Сорокина, заключается в их односторонности — выделении лишь одного из четырех возможных путей в качестве универсального [26. С. 376]. Проведенный анализ взаимосвязи социолого-правовых идей Сорокина с основными направлениями немецкой юриспруденции XVII — начала XX века показал, что идеи каждого из них нашли свое отражение в его теории организации социальных групп.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00451: «П.А. Сорокин и немецкая социология: личные контакты и история взаимного влияния (1923-1957)»

Библиографический список

1. *Визе Л. фон*. Питирим А. Сорокин // *Наследие*. 2021. № 1.
2. *Гирке О. фон*. Историческая школа права и германисты // *Савиньи Ф.К. фон*. Система современного римского права Т.1. М., 2011.
3. *Головин Н.А.* П.А. Сорокин и немецкие социологи: возможности социобиблиографического исследования // *Социологические исследования*. 2020. № 8.
4. *Желдыбина Т.А.* Правоведение Германии и России (историко-сравнительное исследование) // *Наука. Общество. Государство*. 2017. Т. 5. № 3.
5. *Иеринг Р. фон*. Борьба за право // *Избранные труды*. Т.1. СПб., 2006.
6. *Иеринг Р. фон*. Историческая школа юристов // *Савиньи Ф.К. фон*. Система современного римского права Т.1. М., 2011.
7. *Иеринг Р. фон*. Цель в праве // *Избранные труды*. Т.1. СПб., 2006.
8. *Коркунов Н.М.* История философии права. СПб., 1915.
9. *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов. СПб., 1999.
10. *Новгородцев П.И.* Современное положение проблемы естественного права // *Юридический вестник*. 1913. Кн. 1.
11. *Петражицкий Л.И.* К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права // *Теория и политика права*. Избранные труды. СПб., 2011.
12. *Петражицкий Л.И.* Модные лозунги юриспруденции // *Vona fides* в гражданском праве. Права добросовестного владельца на доходы с точек зрения догмы и политики гражданского права. СПб., 1897.
13. *Петражицкий Л.И.* Очерки философии права // *Теория и политика права*. Избранные труды. СПб., 2011.
14. *Савиньи Ф.К. фон*. О призвании нашего времени к законодательству и юриспруденции // *Система современного римского права*. Т.1. М., 2011.
15. *Сорокин П.А.* Долгий путь: автобиографический роман. Сыктывкар, 1991.
16. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии // *Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики*. Сыктывкар, 2019.

17. Сорокин П.А. Организованная группа (институт) и правовые нормы // Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого / Под общ. ред. А.В. Полякова, Е.В. Тимошиной. СПб., 2018.
18. Сорокин П.А. Преступление и кара. Подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1999.
19. Сорокин П.А. Система социологии. Т. 1. М., 1993.
20. Сорокин П.А. Современные социологические теории (включая первую четверть XX столетия). Сыктывкар, 2020.
21. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М., 2017.
22. Сорокин П.А. Элементарный учебник общей теории права в связи с теорией государства // Популярные очерки теории права, социологии и социальной педагогики. Сыктывкар, 2019.
23. Тибо А.Ф.Ю. О необходимости общего гражданского права для Германии // Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права Т.1. М., 2011.
24. Штаммлер Р. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории: Социально-философское исследование. М., 2010.
25. Pufendorf S. Two Books of the Elements of Universal Jurisprudence. Indianapolis, 2009.
26. Sorokin P.A. Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology. N.Y., 1962.
27. Thomasius C. Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations. Indianapolis, 2009.
28. Wiese L. von. Sorokin's System der allgemeinen Soziologie // Kölner Zeitschrift für Soziologie. 1949/1950. Bd. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-749-763

Pitirim Sorokin's sociology and German jurisprudence*

A.A. Kraevsky

Saint Petersburg State University,
Universitetskaya Nab., 7–9, Saint Petersburg, 199034, Russia
(e-mail: a.kraevsky@spbu.ru)

Abstract. The article considers the connection between the social-legal theory of P.A. Sorokin and the main directions of the German jurisprudence in the 17th — early 20th century: natural-legal school, historical school, jurisprudence of interests and the theory of the revived natural law. The genesis of Sorokin's sociological ideas is usually considered in the context of the general development of sociology in the second half of the 19th century — early 20th century. At the beginning of the 20th century, when Sorokin was turning into an independent scholar, sociological issues were discussed in the teaching of other disciplines, in particular legal ones, which Sorokin studied at the Faculty of Law of the Saint Petersburg University. Sorokin's study of legal sciences, especially of criminal and state law, affected his further research. The author argues that some important aspects of Sorokin's sociology of law are closely connected with the main directions of the legal

* © A.A. Kraevsky, 2022

The article was submitted on 17.07.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

thought of his time, in particular with the works of German jurists and philosophers of law. The ideas of all four directions of German jurisprudence are reflected in Sorokin's works, primarily in the theory of organized groups as a basis of his sociology of law. The classic school of natural law is represented by the social contract theory and corresponds to the purposeful organization of groups. The concept of the organic development of law by the leader of the historical school F.C. von Savigny is reflected in the spontaneous organization of groups. The jurisprudence of interests with R. von Jhering's idea of the struggle for law anticipated the idea of purposeful formation of law in a social conflict. R. Stammler's concept of the revived natural law contains a general idea of the organizing role of law. The elements of the first three theories are used by Sorokin in his theory of the origin of organized groups, while Stammler's idea is close to the general understanding of the social function of law by Sorokin and one of his teachers L.I. Petrażycki.

Keywords: sociology of law; P.A. Sorokin; organized group; social group; German jurisprudence; genesis of law; R. Stammler

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research under research project no. 20-011-00451: "P.A. Sorokin and German sociology: Personal contacts and a history of mutual influence (1923-1957)"

References

1. Wiese L. von. Pitirim A. Sorokin. *Nasledie*. 2021; 1. (In Russ.).
2. Gierke O. von. Istoricheskaya shkola prava i germanisty [Historical school of law and Germanists]. Savigny F.C. von. *Sistema sovremennogo rimskogo prava*. Vol. I. Moscow; 2011. (In Russ.).
3. Golovin N.A. P.A. Sorokin i nemetskie sotsiologi: vozmozhnosti sotsiobibliogra-ficheskogo issledovaniya [P.A. Sorokin and German sociologists: A social-bibliographic study]. *Sotsiologicheskije Issledovaniya*. 2020; 8. (In Russ.).
4. Zheldybina T.A. Pravovedenie Germanii i Rossii (istoriko-sravnitelnoe issledovanie) [Jurisprudence of Germany and Russia (A historical-comparative study)]. *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo*. 2017; 5 (3). (In Russ.).
5. Jhering R. von. Borba za parvo [The struggle for law]. *Izbrannye trudy*. Vol. I. Saint Petersburg; 2006. (In Russ.).
6. Jhering R. von. Istoricheskaya shkola yuristov [Historical school of lawyers]. Savigny F.C. von. *Sistema sovremennogo rimskogo prava*. Vol. I. Moscow; 2011. (In Russ.).
7. Jhering R. von. Tsel v prave [Goal in law]. *Izbrannye trudy*. Vol. I. Saint Petersburg; 2006. (In Russ.).
8. Korkunov N.M. *Istoriya filosofii prava* [History of Philosophy of Law]. Saint Petersburg; 1915. (In Russ.).
9. Novgorodtsev P.I. Istoricheskaya shkola yuristov [Historical School of Lawyers]. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.).
10. Novgorodtsev P.I. Sovremennoe polozhenie problemy estestvennogo prava [Current status of the problem of natural law]. *Yuridicheskij Vestnik*. 1913; 1. (In Russ.).
11. Petrażycki L.I. K voprosu o sotsialnom ideale i vrozozhdenii estestvennogo prava [On the social ideal and the revival of natural law]. *Teoriya i politika prava. Izbrannye trudy*. Saint Petersburg; 2011. (In Russ.).
12. Petrażycki L.I. Modnye lozungi yurisprudentsii [Fashionable slogans in jurisprudence]. *Bona fides v grazhdanskom prave. Prava dobrosovestnogo vladeltsa na dokhody s toček zreniya dogmy i politiki grazhdanskogo prava*. Saint Petersburg; 1897. (In Russ.).
13. Petrażycki L.I. Ocherki filosofii prava [Essays on philosophy of law]. *Teoriya i politika prava. Izbrannye trudy*. Saint Petersburg; 2011. (In Russ.).

14. Savingy F.C. von. O prizvanii nashego vremeni k zakonodatelstvu i yurisprudentsii [On the vocation of our age for legislation and jurisprudence]. *Sistema sovremennogo rimskogo prava*. Vol. I. Moscow; 2011. (In Russ.).
15. Sorokin P.A. *Dolgy put: avtobiografichesky roman* [A Long Journey: The Autobiography]. Syktyvkar; 1991. (In Russ.).
16. Sorokin P.A. Obshchedostupny uchebnik sotsiologii [Popular sociology textbook]. *Populyarnye ocherki teorii prava, sotsiologii i sotsialnoy pedagogiki*. Syktyvkar; 2019. (In Russ.).
17. Sorokin P.A. Organizovannaya gruppa (institut) i pravovye normy [The organized group (institution) and law norms]. *Peterburgskaya shkola filosofii prava. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya Lva Petrażyckogo*. Pod obshch. red. A.V. Polyakova, E.V. Timoshinoy. Saint Petersburg; 2018. (In Russ.).
18. Sorokin P.A. *Prestuplenie i kara. Podvig i nagrada. Sotsiologichesky etjud ob osnovnykh formah obshchestvennogo povedeniya i morali* [Crime and Punishment. Feat and Reward. Sociological Study of the Main Forms of Societies, Behavior and Morals]. Saint Petersburg; 1999. (In Russ.).
19. Sorokin P.A. *Sistema sotsiologii* [System of Sociology]. Vol. 1. Moscow; 1993. (In Russ.).
20. Sorokin P.A. *Sovremennyye sotsiologicheskie teorii (vkhlyuchaya pervuyu chetvert XX stoletiya)* [Contemporary Sociological Theories Through the First Quarter of the Twentieth Century]. Syktyvkar; 2020. (In Russ.).
21. Sorokin P.A. *Sotsialnaya i kulturnaya dinamika* [Social and Cultural Dynamics]. Moscow; 2017. (In Russ.).
22. Sorokin P.A. Elementarny uchebnik obshchey teorii prava v svyazi s teoriyei gosudarstva [Elementary textbook of the general theory of law in connection with the theory of the state]. *Populyarnye ocherki teorii prava, sotsiologii i sotsialnoy pedagogiki*. Syktyvkar; 2019. (In Russ.).
23. Thibaut A.F.J. O neobkhodimosti obshchego grazhdanskogo prava dlya Germanii [On the need for a civil code for Germany]. Savingy F.C. von. *Sistema sovremennogo rimskogo prava*. Vol. I. Moscow; 2011. (In Russ.).
24. Stammer R. *Khozyaystvo i pravo s tochki zreniya materialisticheskogo ponimaniya istorii: Sotsialno-filosofskoe issledovanie* [Economy and Law According to the Materialist Concept of History: A Social-Philosophical Study]. Moscow; 2010. (In Russ.).
25. Pufendorf S. *Two Books of the Elements of Universal Jurisprudence*. Indianapolis; 2009.
26. Sorokin P.A. *Society, Culture and Personality: Their Structure and Dynamics. A System of General Sociology*. New York; 1962.
27. Thomasius C. *Institutes of Divine Jurisprudence with Selections from Foundations of the Law of Nature and Nations*. Indianapolis; 2009.
28. Wiese L. Sorokins System der allgemeinen Soziologie. *Kölner Zeitschrift für Soziologie*. 1949/1950. Bd. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-764-781

Европейский консерватизм и природопознание: от сакрализации природы к нигилизму*

Ф.В. Тагиров

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: tagirov-fv@rudn.ru)

Аннотация. Проблема понимания природы и отношения к ней выходит за рамки экологической или производственно-экономической тематики и напрямую затрагивает онтологические и антропологические основания культуры. Доминирующая сегодня субъект-объектная модель претендует на всеобщую значимость, однако многие мыслители готовы оспорить ее универсальность. Представители европейской континентальной консервативной мысли XX — начала XXI веков делают акцент на уже известных формах природопознания и природоотношения, которые не подразумевают объективацию природы или ее сведение к экономическому ресурсу. Эти культурные формы принадлежат историческому прошлому, что рождает вопрос о возможности возвращения к ним современного человека или же о возможности их возвращения в его жизнь. В начале статьи разбираются понимание природы и отношение к ней, господствовавшие, по мнению консервативных мыслителей, до утверждения современного «объективирующего» взгляда на природу. Автор анализирует два связанных, но нетождественных подхода к «традиционному» пониманию природы, предложенные мыслителями данного направления. В первую очередь речь идет об «освящении природы», в контексте которого природный мир не опредмечивается, а понимается как единая реальность, включающая в себя человека и обладающая сакральным статусом. Второй подход представлен метафизически-ориентированной линией консерватизма XX — начала XXI веков и рассматривает природный мир, прежде всего, с точки зрения его функции символизации трансцендентного сверхприродного мира. Далее представлены взгляды консервативных авторов на «нигилизм» последних столетий, который и привел к субъект-объектному отношению к природе. Специально анализируется их позиция по поводу христианского природоотношения. В последнем разделе сформулирована гипотеза о том, что признание за каждой культурой «права на свою природу», предполагаемое современным культурным плюрализмом, также может способствовать преодолению универсализации конкретного природопонимания за счет выбора иной модели отношения к природе, известной данной культуре в прошлые эпохи.

Ключевые слова: антропология; европейская идентичность; консерватизм; нигилизм; природа; священное; традиция

* © Тагиров Ф.В., 2022

Статья поступила 30.05.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

Где искать основания современных субъект-объектных отношений между человеком и природой? Знал ли человек иные формы природоотношения и если да, то что привело к отказу от них и утверждению господствующей сегодня модели, построенной на опредмечивании природного мира? Поскольку речь идет о поиске форм, которые существовали — или «предположительно существовали» — в культурах прошлых эпох, среди возможных ответов на данные вопросы особый интерес представляют те, что были предложены представителями консервативного направления, чуткими к наследию прошлого. В силу обилия материала и обширности затронутой проблемы в статье мы вынужденно ограничим анализ воззрениями авторов XX — начала XXI веков, принадлежащих к европейской континентальной мысли (прежде всего Германии и Франции).

Священность природы...

Проблема понимания природы и отношения к ней, хотя и встает наиболее остро в свете экологических рисков, областью экологии не исчерпывается, выходит за ее пределы и затрагивает самые разные сферы общественной жизни, будучи в первую очередь проблемой антропологической, онтологической, т.е. мировоззренческой. «Антропоцентрическая переоценка отношения к миру ослабила его онтологически и с необходимостью привела к его детелеологизации. Отказ от “качественного” представления о мироздании, по сути, явился деструкцией универсальности космического целого как основоположенности всех уровней и процессов его организации. Рациональное, экономически эффективное вытеснило человеческое, одухотворенное, жизненное и смысловое. Лишенный самостоятельной ценности мир был отдан на откуп силам инженерии и индустрии, которые, схлопнув и спрессовав сферу (шар) бытия, перевели его в плоскость» [1. С. 31].

Современные субъект-объектные отношения между человеком и природой, по мнению ряда авторов консервативного направления, — наследие традиции христианской идентичности и присущей ей антропологии [22]. Для консервативных авторов, выводящих европейскую идентичность из дохристианских культурных корней, мир зачастую являет себя не как противостояние тварного и нетварного, но как «постоянное обращение, единственность существ и вещей, земли и неба, людей и богов» [11. С. 74]. Подобное природочувствование открыто и современному человеку, когда он обращается к древнеевропейским мифам, которые, по Д. Веннеру, суть «не верования, а изображения и энергии, проявляющие сторону божественного в этом мире» [4. С. 169–170]. Для Веннера принцип «природа как основание» является одним из трех столпов подлинной идентичности европейца: Сократ отказывается от познания природы в пользу самопознания, однако древним грекам (как и древним германцам, кельтам, латинянам или славянам) в целом свойственна особая внимательность по отношению к природе, наблюдение за ко-

торой в частности «учит греков умерять свои страсти, ограничивать свои желания... Они знают, что она связана с фундаментальными сочетаниями, рожденными высшими оппозициями — между мужским и женским, насилием и кротостью, инстинктом и разумом» [4. С. 170].

В «языческом» мировосприятии, которое было знакомо европейским культурам до их христианизации и в тех или иных формах продолжало существовать и в христианскую эру, мир открывается человеку в своей одушевленности, а душа мира — в своей божественности. В отличие от авраамической трансцендентности божественного, в дохристианском европейском наследии божественное представляется имманентным и единосущным миру. Человек здесь обращен к «тайне мира», но не «тайне в мире». Однако отсутствие «потусторонней» смысловой доминанты не приводит нас к царству абсурда, как в случае «смерти» трансцендентного бога для тех, чьи смысло-жизненные ориентиры целиком укоренены в трансценденции. «Тайна мира» предполагает наличие у человека свободы наделения смыслом событий внутри мира [11. С. 36–39], но смысл этот отличается от смысла, который выпытывает у природы современная наука. Природа, по Веннеру, — «то, что существует и живет своей собственной жизнью без вмешательства человека или вопреки ему» [4. С. 57]. В этом определении Веннер не вступает в противоречие с распространенным сегодня пониманием природы как объективной (по отношению к человеку как виду) реальности, но далее он проясняет специфику дохристианского переживания природы: «В древние времена, воспетые Гесиодом и Вергилием, наши предки уважали ее, хотя и боялись. Они внутренне сознавали единство мира как гармонию противоположностей, сознавали собственную зависимость от сил, устанавливающих в ней равновесие. У природы есть душа, она одушевлена и проявляет во всем свою божественность» [3. С. 282].

Из священного статуса природы следует священность человека и его начинаний, если он осуществляет себя через причастность ей. Правильная жизнь — жизнь в согласии с природным миропорядком. Эта мысль хорошо знакома и философии поздней античности, например стоицизму. Ш. Моррас, чтящий «наследие» Афин и Рима, формулирует «нетеологическое» и «нелегитимистское» обоснование любимой им монархии как «естественного строя, которого требует природа» [19. С. 10]. Эта мысль расходится с традиционно-католической идеей «монаршей власти» от Бога (в ряде трудов Моррас резко выступает против «библейского христианства»), а в частной переписке признает себя политеистом [4. С. 103–104]: он призывает опираться на разум, который иерархичен и чувствителен к естественным различиям и, следовательно, к иерархичности природного мира [19. С. 18]. Для языческого мировосприятия сложный иерархический порядок, присущий миру, освящен его божественностью: между разными уровнями бытия и различными существами нет разрывов, а наличествует преемственность [11. С. 178]. Человек —

не просто часть живого макрокосмоса, он сам — микрокосмос, его жизнь «аналогична космической жизни, которая в свою очередь становится прообразом человеческого существования» [33. С. 104]. Место, занимаемое человеком в таком миропорядке, предполагает определенные формы его участия в космических процессах, но исходный природный детерминизм компенсируется идеей человеческой свободы и героической воли [11. С. 183].

Вместе с тем божественный характер природы не приводит нас к пантеистическому мировоззрению, поскольку для «язычества» природа — «одна из сторон мира, который ею не ограничивается» [11. С. 181]. «Языческое богословие — это богословие не природы, но мира. Природа являет лик существования, но не представляет собой его конечного определения» [11. С. 182]. Признание за природой ее самоценности, как полагает А. де Бенуа, приводит европейца к утверждению принципа объективности — «дара» Европы человечеству. Этот принцип позволяет сопротивляться претензиям универсализма [12. С. 7], поскольку универсализация требует некоего гомогенного основания, а объективно мир разный. Но все же рассуждения де Бенуа не свободны от противоречия. В христианстве связь человека и Бога предшествует всем прочим (природным, социальным) связям [13. С. 20]. Утверждение Августином местопребывания истины во внутреннем мире человека «прививает» западной мысли «склонность к рефлексии», из которой современный человек выведет субъективность [12. С. 17], хорошо знакомую нашей эпохе. При этом для де Бенуа философская мысль (явно немислимая без рефлексии) и самокритика вытекают, напротив, из понятия объективности [12. С. 7].

Однако чему бы ни была обязана западная рефлексивность своим рождением — сократовскому «познай себя» или средневековым практикам покаяния и исповедания (или же их тайному союзу?) — трудно не согласиться с П. Брюкнером в том, что самокритичность — специфическая черта Европы по крайней мере, с Возрождения. Но не эта же рефлексивность приводит в итоге к отрыву современного европейца от того, что консервативной мысли представляется его традиционными основаниями? «Западный разум — это уникальная эпопея саморефлексии, сносящая на своем пути любых идолов и прорывающая оборону любых традиций и авторитетов. Едва появившись на свет, Европа смогла восстать против самой себя и впустить врага в свое сердце, подвергая себя постоянному переосмыслению» [2. С. 46]. В этой трагичной саморефлексии, которая, начиная со второй половины XX века, делает европейца все более незащитным, а его убеждения — уязвимыми перед безапелляционностью тех, кто не сомневается в собственной правоте, можно увидеть и один из возможных ответов на вопрос «что значит быть европейцем?». «Я не пытаюсь этим доказать, — замечает Брюкнер, — что одно лишь сомнение в собственном превосходстве вознесет Европу выше остальных. Но уже хотя бы это сомнение отличает ее от других культур, которые, по крайней мере до последнего времени, не были замечены в таком система-

тическом пересмотре собственных убеждений. По примеру Старого Света, ни один народ не свободен от обязанности спорить с самим собой» [2. С. 47] (политеизм европейского язычества, по мнению его современных апологетов, выступает гораздо более органичным основанием плюрализма, чем универсалистская логика христианства или «прогрессистов» [11. С. 132, 169].)

Споря с самой собой (сегодняшней и ушедшей?), «тайная», зачастую скрытая от глаз Европа, по мнению многих консервативных авторов [23], ищет не возвращения к минувшему, а возвращения (казалось бы) минувшего, в котором нам открывается непреходящее (не вечное возвращение, а возвращение вечного [37. С. 113]). Это возвращение есть движение не вспять, а вперед, но без исключения вектора прошлого, а, напротив, с опорой на него. Сущность жизненной (природной) основы, например, у Э. Юнгера, выражает Дух, но она питает его, поэтому он к ней «относится... с благодарностью» [35. С. 121]. «Космическая перспектива, которая издавна присуща консерватизму, имеет не только эстетическое значение. Учитывая тот факт, что человек как никогда ранее обречен на то, что он сам должен обеспечить физические предпосылки своего существования, эта перспектива означает революционизацию всего нашего способа мышления... отказ от... безмерной антропоцентрической гордыни» [17. С. 111], не романтическое «возвращение к природе», а создание «теории экологического мира», для которой человек уже не самопровозглашенный тиран-эксплуататор природы, а «член и хранитель всеобщего порядка» [17. С. 112]. Но такое преобразование человека невозможно без переосмысления того порядка, к которому он принадлежит и за который ответственен.

Насколько неизбежна трагическая судьба, предписываемая человеку, например, В. Зомбартом? Он убежден, что, поскольку любая культура подразумевает «некий отказ от природного», это «означает, кроме прочего, распад, разрушение, смерть» [16. С. 73]. А. Гелен, описывая индустриально-техническое общество, характеризует современность как «колонию паразитов», эпоху разрушения институтов, «атомарной агрессивности» и все большего тяготения искусства и наук к абстрактности. Индивид, потерянный среди «текучих», изменчивых «институциональных фикций», абстрактных, оторванных от жизни форм, ищет спасения в «квиелизме потребления». Однако наряду с консюмеризмом Гелен отмечает и растущую потребность в религии [21. С. 136]. Пессимистическое шпенглеровское видение «второй религиозности», которая «не предшествует культуре, а идет вслед за ней» [27. С. 624] и «содержит тот же багаж, что первая, подлинная и ранняя, только иначе пережитой и по-другому выраженный [и в которой] на свет выходит весь мир примитивной религии, отодвинутый великими формами ранней веры» [28. С. 324], дополняется юнгеровской убежденностью, что «земле не обойтись без богов» [37. С. 462] и надеждой на их возвращение, которое положит конец исчерпавшей себя эпохе титанов.

Природа ныне, как и прежде, по мнению Юнгера, способна открыться как космическая сила для всякого, кто умеет читать символы: «Всегда и везде присутствует знание того, что в изменчивом ландшафте скрыто действуют архаичные силы, а под пеленой преходящих явлений бьют родники изобилия, космической мощи» [36. С. 61]. На этом знании, как считает Юнгер, строится любая религиозность — как великих конфессий, так и эзотерически-сектантская. Оно же лежит в основании философских озарений, и различие в их понятийной интерпретации не должно скрыть главного: «Кто хоть раз прикасался к бытию, тот и переступал ту кромку, внутри которой все еще важны все те слова, понятия, школы и конфессии. И тогда он учился по-настоящему чтить то, что их оживляет... Вот он Эдемский сад, вот виноградники, лилии, пшеничное зерно из христианских притч. А вот сказочный лес с волками-людоедами, ведьмами и великанами, но там же и добрый охотник, и изгородь из розовых кустов Спящей красавицы, в тени которых застыло время. Вот наконец германские и кельтские леса, роща Гласир, где герои побеждают смерть, и опять же Гефсиманский сад с оливами... Но того же самого ищут и в других местах — в пещерах, в лабиринтах, в пустынях, где обитает Искуситель. Могущественная жизнь пребывает всюду для тех, кто понимает ее символы» [36. С. 62].

...И природа как символ священного

Схожую трактовку символов мы встречаем и у М. Элиаде, который описывает опыт природы, доступный человеку типа *homo religious*, как иерофантический — природа выступает в качестве манифестации священного [34]. Прочтению природных иерофаний помогает символизм, который в целом сохраняет свою структуру и смыслы несмотря на бег времени [33. С. 88]. Более того, по Элиаде, даже однажды позабытые символы исчезнувших культур могут быть вновь открыты человеком другого времени в своем исконном значении [32].

И все же как быть с «проклятием природы», в монотонности которой, по Р. Гвардини, потерял индивид до прихода Христа? [18. С. 138]. «Христово благовествование требует от человека отрешения от природных связей» [6]. Полемизируя с Гегелем, Элиаде не принимает его идею, что «первобытный» человек «зарыт в Природу»: архаичный человек сохраняет свою субъектность и сознает ее, даже когда выстраивает действия в соответствии с открытыми ему мифом сакрально-космическими природными ритмами [33. С. 104]. Но речь идет не просто о сохранении субъектности, и в этой связи показательным христианское понимание «чуда». Согласно Р. Гвардини, поскольку отношение Бога к миру, «не природно, а лично..., когда Он “действует”, она повинует, что не отменяет природные законы, а приводит к их исполнению “в более глубоком смысле”» [6]. Таким образом, высшим творческим субъектом выступает Бог. По Элиаде же уподобление богам, героям, природно-кос-

мическим силам в неавраамических учениях открывает человеку еще один уровень понимания себя и своих действий, благодаря которому обретается свобода «подлинного творчества», заключающегося в создании «нового человека..., сверхчеловека, человека-бога» [31. С. 141].

Не все мыслители консервативного направления, рассуждающие вне строго христианской модели мира или даже за ее рамками, придерживаются идеи имманентности божественного природе. В принципиально метафизичной перспективе разворачиваются идеи Р. Генона, Ю. Эволы, А. Кумарасвами, Ф. Шуона и их единомышленников и последователей. Исходной точкой такого подхода выступает «доктрина двух природ»: «Существует физический порядок и порядок метафизический... Существует высшее царство “бытия” и низшее — “становления”. Обобщая, можно сказать, что существует зримый и осязаемый мир, но прежде, по иную его сторону, существует незримый и неосязаемый мир, являющийся источником, принципом и истинной жизнью первого» [29. С. 21]. Между этими двумя природами не разрыв, а родство, возникающее из преемственности низшего порядка по отношению к высшему (например, традиционное государство берет начало не в народе, а в «небесном принципе» [29. С. 48].

По убеждению Эволы, главным символом первой, арктической, цивилизации (достоверных «исторических» сведений о которой мы не имеем) является неподвижное солнце, отсылающее к изначальному духовному принципу в его чистоте и аполлонической умопостижимости. Здесь низшая природа открыта человеку в своей иерархичности, происходящей из иерархичности высшей природы. Нематериальна и земля как основополагающий символ южной, деметрической, цивилизации, возникающей и существующей параллельно с северной, но находящейся дальше от изначальной традиции. Деметрическая духовность — темная, сокрытая, мистериальная, женская, эгалитарная. В следующей, титанической, цивилизации власть узурпирует не знающий связи с высшей природой материализованный мужской принцип, который восстает против лунного жреческого символа и женской деметрической духовности. От материализации не защищен и женский принцип, что проявится в афродитической цивилизации и ее культах, возвеличивающих, прежде всего, телесное.

Традиционное понимание уранически-духовного как первичного по отношению к природно-телесному сохраняется в цивилизации, которую Эвола называет героической. Она найдет свое воплощение в ахейском и дорийском наследии Древней Греции, в Древнем Риме, сопротивляющемся деметрическому и афродитическому элементам, и, наконец, в гибеллинском средневековье. Метафизична, а не материалистична мысль греческих натурфилософов. Ранним римлянам присуще «отсутствие пафоса, лиричности и мистицизма по отношению к божественному» [29. С. 353], для них сверхъестественное раскрывается в первую очередь как *nimem*

(чистая мощь), а не *deus*. Это духовность, причем восходящая к солярному, а не лунарному истоку. Христианский дуализм не имеет ничего общего с традиционной «доктриной двух природ», ибо подразумевает противопоставление, а не единство в высшем принципе [29. С. 370]: «тварность» и принципиальная греховность человека служит сущностной дистанцированности его от Бога как творца, что влечет за собой десакрализацию природного мира. При этом существующий вопреки церковной доктрине фактический средневековый феодальный порядок среди прочего обеспечивает возможность обретения каждым человеком места, «свойственного его природе» [29. С. 386].

Однако природа человека — не исключительно интеллектуальная, для приобщения к высшим духовным принципам, которые по определению эмпиричны, требуется опора, доступная чувственному восприятию. На этом уровне и работают символы, их задача — оттолкнув нас от зримого, направить на незримое.

Рационально-аналитическое, «дискурсивное» постижение символов, как отмечает Генон, не обеспечивает в должной мере осуществления их задачи. Необходимо опираться прежде всего на «интуитивное», синтетическое их восприятие, которое свободно от четко определенных значений, во власти которых пребывают наши понятия [8. С. 35–36]. В этом аспекте геноновская мысль совпадает, например, с идеей О. Шпенглера о внутренней достоверности, с которой посредством символа действительность обозначает нечто, недоступное для рассудочного мышления, но открывающееся для «чувственно-бодрствующих людей» [27. С. 324]. По Генону, «мироздание предстает как бы Божественным языком для тех, кто умеет его понимать... вся природа может считаться символом сверхприродной реальности» [8. С. 38]. Данная мысль хорошо знакома европейскому средневековью — францисканцам и, прежде всего, Бонавентуре, а также родственна томистской идее аналогии, существующей между творением и Творцом, посредством которой через познание природы человек может выйти на познание Бога.

При этом мы имеем дело не с натурализмом, а, напротив, с антинатуралистической интерпретацией связи между природой и мифологической символикой: не мифический образ изображает природное явление (или отсылает к нему), а природное явление отсылает к мифу и тому, что в нем раскрывается, поскольку «низшее может символизировать высшее, но обратное невозможно» [8. С. 39]. Следуя этой логике, например, катящийся шар жук-скарабей у египтян не является просто символом восходящего солнца — и утреннее солнце, и жук-скарабей символически отсылают нас к принципу нового рождения, повторяющегося снова и снова.

Природа, сведенная до эмпирически доступных проявлений, представляется нам всецело материальной, и телесная материя оказывается пре-

дельным основанием мира. Однако с точки зрения авторов, выступающих за традиционное понимание символизма, телесная сторона мира — это лишь одна из его сторон. М. Лингс, в частности, пишет, что «внешний мир земного существования соответствует во всех своих деталях внутреннему миру человеческой души, и подобное соответствие существует между Садам Сердца [часть Эдемского сада, где обретается Древо жизни] и Садам Души [Эдемский сад как таковой]»; «все различные области вселенной соответствуют друг другу в том, что каждая из них является образом вселенной как таковой» [38. С. 154].

Генон, обращаясь к средневековым схоластам и к Аристотелю, на идеи которого они опирались, к соотношению пурushi и пракрити в индуистской традиции и другим учениям, утверждает, что с точки зрения традиционного знания эта телесная материя представляет лишь низший уровень материального. В тела, доступные нашему чувственному восприятию, оформляется сообразно качественному (прежде всего духовному) принципу материя, относящаяся к более высокому уровню и лишенная конкретных качественных характеристик, — та, которую схоласты называли *materia secunda* и которая сама является проявлением универсальной субстанции (*materia prima*, пракрити). Именно *materia prima* (субстанция) как количественный принцип вместе с качественным принципом сущности образуют, по Генону, «первую космическую дуальность» и содержатся в самом принципе универсального проявления [9. С. 12–24].

В силу единства «ансамбля проявлений» универсального трансцендентного принципа законы, открываемые нами в природе, не утрачивают ценности при взгляде из метафизической перспективы. Генон убежден, что ущербна лишь практика рассмотрения их изолированно, в отрыве от сверхприродных принципов, манифестацией которых они являются. В некотором роде схожей мысли, но с позиций христианской теологии придерживается и Гвардини, согласно которому между природным и сверхприродным нет разрыва. Естественные причинно-следственные связи не отменяются проявлением внеприродного, но они не должны «фетишизироваться», ибо «в естественных связях как раз и действует сатана» [6]. «Законы низшей сферы всегда могут быть приняты за символизацию реальностей высшего порядка, где они обретают свое самое глубокое обоснование, которое есть разом их принцип и цель» [8. С. 38]. Правильное понимание природы наделяет ее не только утилитарно-экономической или эстетической ценностью, но и такой ценностью, каковой она не может обладать, ограничить мы себя естественно-научным подходом: «природа обретает для нас все свое значение лишь тогда, когда мы рассматриваем ее как средство подняться к познанию божественных истин, т.е. обнаруживаем в ней способность исполнить главную роль, признаваемую нами за символикой» [8. С. 39].

О «христианском язычестве», «пространственной революции» и нигилизме

Многим упоминаемым авторам можно было бы вменить в вину предвзятое отношение к христианской традиции и, соответственно, пониманию природы. Будучи комплексным феноменом и имея двухтысячелетнюю историю, христианство является пространством, в границах которого был выработан многосложный спектр ответов на одни и те же вопросы — под влиянием внешних воздействий и в силу саморефлексии. Следовательно, христианство едва ли может быть подсудно как культура, оторвавшая человека от природы, препоручив его трансцендентному Богу. Даже если принять точку зрения, согласно которой христианство рождается как «религия пустыни», уже в первые века существования оно скорее всего не может однозначно рассматриваться как исключительно таковое. Даже те консервативные мыслители, кто ставит себя в оппозицию христианскому мироотношению, зачастую признают это. Так, де Бенуа предлагает вспомнить «“христианское язычество” Франциска Ассизского, который прославляет “нашу сестру луну”, “нашего брата ветер”, “нашу сестру землю, нашу мать, которая носит и питает нас” и “особенно господина нашего брата солнце”» [11. С. 177]. Элиаде подчеркивает, что ассимиляция христианством символики и обрядов средиземноморской цивилизации произошла на заре христианской эры [30. С. 162], что позволяет говорить о «космическом христианстве». Веннер делает акцент на сохранении в христианстве дохристианского европейского наследия «благодаря наложению древних культов» [5. С. 22–23]. И хотя грань здесь порой становится довольно тонкой, и Гвардини с позиции христианства пишет об «одушевленности природы», отвергаемой современным человеком [6] (подразумевая, судя по всему, ее одухотворенность трансцендентным Богом, иначе природа — «падшая»), данные компоненты и «включенное» отношение человека к природе все же не рассматриваются как исходно христианские или шире — авраамические. Для иудаизма, согласно Зомбарту, «природа не является не святой, но в тоже время нельзя сказать, что она свята, она еще не такова и должна стать святой только через нас» [15. С. 411]; «христианское вероучение превращает “святого” в монаха, иудейское — в рационалиста» [15. С. 412].

Гелен отмечает, что «прорыв монотеистических религий» приводит к культовой нейтрализации внешнего мира [21. С. 125], а «трансцендирование в потустороннее» вытесняет «трансцендирование в посюстороннее». Однако затем трансцендирующая устремленность сменяется обращенностью к внутримировому, и понимание мира и природы оказывается преобразовано опытом потустороннего: вслед за бесконечностью божественного в сознании европейца рождается не знающий границ бесконечный природный мир. К. Шмитт указывает, как страшила ранее человека мысль о бесконечном пространстве — это страх перед абсолютной пустотой, за которым мы об-

наруживаем страх перед ничто и пустотой смерти, ужас перед нигилизмом [26. С. 611–612]. Изменение отношения к пространству, по его мнению, не является результатом великих географических открытий или первых кругосветных путешествий, скорее, наоборот: «Не будет большим преувеличением сказать, что новым пониманием пространства охвачены все области человеческой жизни, все формы бытия, все виды творческих способностей человека, искусство, наука, техника. Огромные перемены в географическом облике Земли составляют всего лишь внешний аспект глубокого преобразования, означенного таким многообещающим и чреватых многими последствиями словосочетанием, как “пространственная революция”. Отныне неотвратимо наступает то, что называли рациональным превосходством европейца, духом европеизма и “рационализма Оккама”. Он проявляется у народов Западной и Центральной Европы, разрушает средневековые формы человеческого общежития, образует новые государства, флоты и армии, изобретает новые машины и механизмы, поработачивает неевропейские народы и ставит их перед дилеммой: или принять европейскую цивилизацию, или опуститься до уровня простого народа колонии» [26. С. 614]. Новому опыту пространства соответствует и новое понимание природы, предложенное Бруно и закрепившееся благодаря Галилею, Кеплеру и Ньютону.

В соответствии с логикой бесконечности это понимание превращается в основание для нового универсализма, при котором с природы сняты одежды священности, а законы ее конституции суть только ее собственные законы, более не отсылающие к высшим принципам. Преодолев страх перед бесконечным пространством, *horror vacui*, человек освобождается и от ужаса перед нигилизмом. «Смерть Бога» (точнее его убийство) не исчерпывается «смертью» лишь христианского Бога, которой желает «антихрист»-Ницше, — с его уходом не происходит возвращения античных богов, ни Дионис, ни Аполлон не воцаряются в мире людей. Вместе с убийством Бога, как полагает М. Хайдеггер, происходит «устранение людьми сущего как самого по себе сверхчувственного мира» [25. С. 213], остановленное представлением, сущее превращается в предмет. Нигилизм как «основополагающее движение в историческом совершении Запада» [25. С. 176], по Хайдеггеру, нельзя свести к неверию в христианского Бога. На смену религиозным авторитетам стремятся прийти авторитеты совести и разума, но им сопротивляется «социальный инстинкт». «Бегство от мира в сферу сверхчувственного заменяется историческим прогрессом. Потусторонняя цель вечного блаженства преобразуется в земное счастье для большинства. Попечение о религиозном культе сменяется вдохновенным созиданием культуры или распространением цивилизации. Творческое начало, что было прежде отличительной чертой библейского бога, отмечает теперь человеческую деятельность» [25. С. 178]. С одной стороны, «творение дает земле быть землей» [24. С. 147], помогая ей раскрыться и проясняя истину о сущем. С другой стороны, торжеству-

ющий нигилизм приводит к тому, что «человеческое творчество переходит наконец в бизнес и гешефт» [25. С. 178].

«Бизнес и гешефт» превращаются в современном мире в главные системообразующие социальные факторы. По Зомбарту, «торгашеские» либерально-буржуазные представления переносятся и на природу [20. С. 16]. Для homo capitalisticus, предпринимателя, вместе с искусством, литературой, государством и дружбой природа «исчезает... в загадочное ничто, у него нет больше “времени” отдаваться всему этому» [14. С. 427], поскольку «дух подлинного капиталистического хозяйствования» «ставит достижение прибыли выше всяких прочих целей, соотносимых с природным укладом жизни» [15. С. 288], в то время как в глобальном плане «великан-капитализм разрушает природу и людей» [14. С. 433]. Это разрушение — не сопутствующий эффект, развитие капитализма возможно, только если «сначала переломить все кости в теле естественному, инстинктивному человеку» и «поставить специфически рационально устроенный душевный механизм на место первоначальной, природной жизни» [14. С. 297].

«Негативный нигилизм», подразумевающий отрицание высших ценностей, преодолевается, по Хайдеггеру, нигилизмом «позитивным», где «источником и мерой нового полагания ценностей» становится воля к власти [25. С. 204]. Земля (природа), в виде которой отныне представляется сущее, в поле новых ценностей понимается как объект господства: «Мир становится предметом, пред-стоянием. В таком восставляющем опредмечивании всего сущего то, что прежде всего должно быть приведено в распоряжение представления и составления, — земля, — вдвигается в самое средоточие человеческого полагания и рас-полагания. Сама земля может являть себя лишь как предмет нападения, атаки, которая устрояется в волеии человека как безусловность опредмечивания. Природа повсюду выступает — ибо повсюду волился изнутри сущности бытия — как предмет техники» [25. С. 208].

Многоликая природа, или на распутье

Если вопрос об универсальности трансцендентных принципов остается метафизическим, то мысль, утверждающая универсальность какой-либо из культурно-исторических форм, к каковым относятся природопознание и отношение к природе, в той или иной мере подсудна принципу верификации и может отстоять от реальности на весьма значительное расстояние. Разные культуры не только рождаются и развиваются, окруженные разной природой, различные природные условия делают культуры предрасположенными к различному природопознанию и мироотношению. В праве ли мы отказать одним из них в истинности в угоду другим, которым мы привыкли придавать статус всеобщности? Можем ли мы, с другой стороны, игнорировать историческое воздействие природопонимания, рожденного одними культурами, на культуры, для которых оно изначально не было органичным?

Де Бенуа анализирует знаменитое высказывание Э. Ренана, что «пустыня монотеистична» и ряд соображений других авторов — от Э. Фромма до Элиаде — о воздействии «жизненной среды на общее представление о мире» [11. С. 176–177]. О заложенном религиями, рожденными «в пустынях Востока», отделении от природы пишет и Веннер [4. С. 57]. Влиянию природного окружения на закрепившееся в основах культуры отношение к природе уделяет внимание и Зомбарт: «На севере отношение к природе более интимно, чем в жарких странах. На севере человек как бы погружается в природу, даже если он охотник и вынужден бродить по лесам, или пастух, который прорубает в чаще просеку для своего стада. Я мог бы сказать (боясь, что меня обзовут “современным мистиком”), что на севере даже вполне обычного человека связывают с природой нежные узы любви и дружбы, которых человек, живущий в жарком климате, ...не чувствует с такой остротой. Нередко вполне обоснованно говорят о том, что на юге человек воспринимает природу с точки зрения каких-то своих культурных целей. Человек остается внутренне чуждым природе, причем даже тогда, когда он обрабатывает землю: в тех благословенных краях нет подлинной сельской жизни — жизни в природе и с природой, когда ощущаешь сокровенную связь с деревом и кустарником, с землей, лугом, дикими животными и птицами» [15. С. 582]. По Зомбарту, влияние совокупного окружения идет дальше сентиментальной сферы или мистических переживаний, определяя в конечном итоге мышление: «Итак, пустыня и лес, юг и север! Резкие очертания знойных, выжженных солнцем просторов, яркие солнечные пятна наряду с глубокими тенями, светлые звездные ночи, замершая природа, — все это можно схватить единым “абстрактным” восприятием, которому противостоит “конкретика” всего северного, где щедро льются воды, одним словом, совершенно иное окружение, живая природа леса и поля, земля, источающая пар» [15. С. 585–586]. Даже город и городская культура для Зомбарта — порождения пустынного духа и сами суть пустыня.

«В основе всякого знания о природе, пусть даже самого точного, лежит религиозная вера» [27. С. 570], — убежден Шпенглер. Она, в свою очередь, определяется прасимволом души конкретной культуры, который тесно связан с природой. Природный ландшафт, согласно Шпенглеру, позволяет проявиться разным прасимволам: ограниченному телу аполлонической греческой культуры, бесконечному пространству западной, фаустовской, культуры, дуализму пещеры, свойственной магической душе, прямому пути египтянина, непрямому пути без направления китайца, сновиденческому движению индийца или бесконечной «братской» равнине русской души. И хотя конкретные положения теории Шпенглера оспариваются даже его соратниками по консервативному лагерю, стоящую за ней идею опровергнуть сложнее.

Можно отметить и различие в понимании природы человека между авраамическими антропологиями: так, привычное христианину понятие первородного греха (одно из самых фундаментальных в концепте человека) принципиально отсутствует в исламе, как и «падшая природа»; связка грехопадения с сексуальностью не только чужда иудаизму, но нетипична и для христианства первых веков нашей эры. Промежуточному положению человека как посредника между небом и землей в дальневосточной триаде [7] можно найти аналогии в других традициях, однако специфика этого положения будет варьировать — в зависимости от понимания «неба», «земли» и связи между ними.

Признание разного понимания природы, присущего различным культурам, не только как фактической данности, но и в контексте права культур на «свою природу», с которой сливается «своя» антропология и «свой» этос и практос, открывает возможность для признания разных форм понимания природы, присущих конкретной культуре в разные эпохи, — как потенциально равных вариантов для выбора. При потенциальном равенстве они все же не могут рассматриваться как эквивалентные в перспективе своих практических последствий. И эта перспектива при сохранении существующего сейчас миро- и природоотношения представляется многим консервативным авторам (от Зомбарта и Хайдеггера до де Бенуа и Кальтенбруннера) тревожной. Хайдеггер, в частности, пишет о господствующем нигилизме следующее: «такова глубина этого движения, что его разворачивание может лишь повести к мировым катастрофам» [25. С. 177].

Следовательно, выбор здесь не может быть произволен. Он может происходить из текущего положения вещей и тогда остается выбором в пользу принятия наличного в силу его наличия и сообразно его собственной аргументации. В лучшем случае такой выбор может стремиться к «устойчивому» или «самоподдерживающемуся» развитию, «экологизации» производства и потребления без мировоззренческой трансформации, подразумевающей изменение нашего понимания природы. В таком случае любое переустройство здания современной культуры природоотношения оказывается ограничено его старым фундаментом — опредмеченностью природы, обращением к ней как к объекту, пусть даже и ценному в контексте наших практических интересов. Или мы можем отказаться от признания наличного как лучшего из возможного и его аргументации как универсально верной и обратиться к тому, что еще предлагает наша собственная культура в своем наследии. Консервативная мысль, рассматриваемая нами, следует второму пути.

При этом «связь между человеком и «природой», согласно де Бенуа, должна рассматриваться не как плоский натурализм — «возврат к природе», дорогой сердцу последователей Руссо, экологистов и народнических сект, а как деятельное участие человека в существовании во всей его це-

лости, основанное на ясном понимании этого существования, которое может иметь человек» [11. С. 177]. Веннер отмечает намечающееся «изменение ментальности, представляющее экологический дух» [4. С. 54] (что может оказаться излишне оптимистичной оценкой). Наше отношение к природе, согласно данной логике, должно быть направлено на возвращение мира человеку [11. С. 233]. Для христианской традиции — это возвращение природы, «одушевленной» Христом. Для неавраамической консервативной мысли — переход от метафизики творения *ex nihilo* и рожденных ею прогрессизма и опредмечивания природы к метафизике земли, неба, человека и Бога как различных, но равных оснований [11. С. 234]. Не фантастично ли это настолько, что оказывается за пределами научной аргументации? Не уход ли это от реальности в область невероятного? Безусловно. В этом слабость подобного консерватизма. Но в этом же и его притягательность — ибо разве что-то способно манить нас больше, чем невероятное?

Библиографический список

1. Бондарь О.Ю. Антропологические и космологические аспекты неолиберальной глобализации (к вопросу концептуализации) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 1.
2. Брюкнер П. Тирания покаяния. Эссе о западном мазохизме. СПб., 2009.
3. Веннер Д. История и традиция европейцев. 30000 лет идентичности. М., 2018.
4. Веннер Д. Самурай Запада. М., 2017.
5. Веннер Д. Шок истории. Религия, память, идентичность. М., 2019.
6. Гвардини Р. Господь. М., 2015.
7. Генон Р. Великая триада. М., 2010.
8. Генон Р. Символы священной науки. М., 2002.
9. Генон Р. Царство количества и знаменья времени. М., 1994.
10. Де Бенуа А. Вперед, к прекращению роста! Эколого-философский трактат. М., 2007.
11. Де Бенуа А. Как можно быть язычником. М., 2013.
12. Де Бенуа А. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. М., 2015.
13. Де Бенуа А. Против либерализма (к Четвертой политической теории). СПб, 2009.
14. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 1. СПб., 2005.
15. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 2. СПб., 2005.
16. Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 3: Исследования по истории развития современного капитализма. СПб., 2005.
17. Кальтенбруннер Г.-К. Трудный консерватизм. М., 2020.
18. Молер А. Консервативная революция в Германии 1918–1932. М., 2017.
19. Моррас Ш. Фрагменты. Об Англии, Германии, Франции и монархии. М., 2018.
20. Руткевич А.М. Вернер Зомбарт — историк капитализма // Зомбарт В. Собрание сочинений в 3 тт. Т. 1. СПб., 2005.
21. Руткевич А.М. Теория институтов А. Гелена // Консерваторы XX века. М., 2006.
22. Тагиров Ф.В. Европейский консерватизм и природопознание: «фаустовская» идентичность // Проблемы современного образования. 2022. № 1.
23. Тагиров Ф.В. Кризис европейской идентичности и традиция: три консервативных ответа континентальной мысли XX — начала XXI вв. // Гуманитарный вестник. 2020. № 5.
24. Хайдеггер М. Исток художественного творения. // Исток художественного творения. Избранные работы разных лет. М., 2008.

25. Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв» // Работы и размышления разных лет. М., 1993.
26. Шмитт К. Земля и море. Рассказ для моей дочери // Номос Земли в праве народов *jus publicum euroraeum*. СПб., 2008.
27. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 тт. Т. 1: Гештальт и действительность. М., 1993.
28. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 тт. Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. М., 1998.
29. Эвола Ю. Восстание против современного мира. М., 2016.
30. Элиаде М. Аспекты мифа. М., 2000.
31. Элиаде М. Миф о вечном возвращении (Архетипы и повторение) // Космос и история. М., 1987.
32. Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. Киев, 1996.
33. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.
34. Элиаде М. Трактат по истории религий. М., 2015.
35. Юнгер Э. О духе // Националистическая революция. М., 2008.
36. Юнгер Э. Уход в лес. М., 2020.
37. Юнгер Э. Эвмесвиль. М., 2013.
38. Lings M. The symbol // The Underlying Religion: An Introduction to the Perennial Philosophy. World Wisdom, 2007.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-764-781

European conservatism and the study of nature: From sacralization of nature to nihilism*

Ph.V. Tagirov

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow; 117198, Russia
(e-mail: tagirov-fv@rudn.ru)

Abstract. The issue of how we understand nature and operate with it goes beyond the scope of ecology or economics and directly affects the ontological-anthropological foundations of culture. The subject-object model that dominates today claims universal validity, but many thinkers challenge its universality. Representatives of the European continental conservative thought of the 20th — early 21st centuries focus on the already accepted forms of natural knowledge and nature relations, which do not imply the objectification of nature or its reduction to an economic resource. These cultural forms belong to the historical past, which raises the question of the possible return to them by the contemporary man or of their possible return to his life. The article starts with the analysis of the nature-knowledge that dominated, according to the mentioned conservative thinkers, before the modern ‘objectification’ of nature. The author considers two related but non-identical approaches to the ‘traditional’ understanding of nature developed by these thinkers. The first approach claims the ‘sanctification of nature’, i.e., the natural world is not objectified but understood as a single reality that includes the man and has a sacred status. The second approach is represented by the metaphysically oriented conservatists and considers the natural world primarily through its function of symbolizing the transcendent supernatural world. Then the author considers the

* © Ph.V. Tagirov, 2022

The article was submitted on 30.05.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

conservative thinkers' views on the 'nihilism' of the last centuries, which led to the current subject-object relationship with nature, and focuses on their perception of the Christian understanding of nature. The article concludes with the hypothesis that the recognition of each culture's 'right to its own nature' (the essence of the contemporary cultural pluralism) can help to overcome the universalization of a specific understanding of nature by choosing a different model known to this culture in past epochs.

Keywords: anthropology; conservatism; European identity; nature; nihilism; the sacred; tradition

References

1. Bondar O.Ju. Antropologicheskie i kosmologicheskie aspekty neoliberalnoj globalizatsii (k voprosu kontseptualizatsii) [Anthropological and cosmological aspects of neoliberal globalization (on its conceptualization)]. *Vestnik Voronezhskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Serija: Filosofija*. 2017; 1. (In Russ.).
2. Bruckner P. *Tiranija pokajaniya. Esse o zapadnom mazokhizme* [The Tyranny of Guilt: An Essay on Western Masochism]. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.).
3. Venner D. *Istorija i traditsija evropejtsjev. 30000 let identichnosti* [History and Tradition of Europeans. 30,000 Years of Identity]. Moscow; 2018. (In Russ.).
4. Venner D. *Samuraj Zapada* [Samurai of the West]. Moscow; 2017. (In Russ.).
5. Venner D. *Shok istorii. Religija, pamjat, identichnost* [The Shock of History. Religion, Memory, Identity]. Moscow; 2019. (In Russ.).
6. Guardini R. *Gospod* [The Lord]. Moscow; 2015. (In Russ.).
7. Guenon R. *Velikaja triada* [The Great Triad]. Moscow; 2010. (In Russ.).
8. Guenon R. *Simvoly svjashchennoj nauki* [Symbols of Sacred Science]. Moscow; 2002. (In Russ.).
9. Guenon R. *Tsarstvo kolichestva i znamenija vremeni* [The Reign of Quantity and the Signs of the Times]. Moscow; 1994. (In Russ.).
10. De Benoist A. *Vpered, k prekrashcheniju rosta! Ekologo-filosofsky traktat* [Forward, to the Cessation of Growth! An Ecological-Philosophical Treatise]. Moscow; 2007. (In Russ.).
11. De Benoist A. *Kak mozžno byt jazychnikom* [On Being a Pagan]. Moscow; 2013. (In Russ.).
12. De Benoist A. *Po tu storonu prav cheloveka. V zashchitu svobod* [Beyond Human Rights. In Defense of Freedoms]. Moscow; 2015. (In Russ.).
13. De Benoist A. *Protiv liberalizma (k Chetvertoj politicheskoj teorii)* [Against Liberalism (Towards the Fourth Political Theory)]. Saint Petersburg; 2009. (In Russ.).
14. Sombart W. *Sobranie sochinenij v 3 tt. T. 1* [Collected Works in 3 vols. Vol. 1]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
15. Sombart W. *Sobranie sochinenij v 3 tt. T. 2* [Collected Works in 3 vols. Vol. 2]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
16. Sombart W. *Sobranie sochinenij v 3 tt. T. 3* [Collected Works in 3 vol. Vol. 3]. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
17. Kaltenbrunner G.K. *Trudny konservatizm* [Difficult Conservatism]. Moscow; 2020. (In Russ.).
18. Mohler A. *Konservativnaja revoljutsija v Germanii 1918–1932* [Conservative Revolution in Germany 1918–1932]. Moscow; 2017. (In Russ.).
19. Maurras Ch. *Fragmenty. Ob Anglii, Germanii, Frantsii i monarkhii* [Fragments. About England, Germany, France and the Monarchy]. Moscow; 2018. (In Russ.).
20. Rutkevich A.M. Werner Sombart — istorik kapitalizma [Werner Sombart, historian of capitalism]. *Sobranie sochinenij v 3 tt. T. 1*. Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
21. Rutkevich A.M. Teorija institutov A. Gehlena [A. Gehlens theory of institutions]. *Konservatory XX veka*. Moscow; 2006. (In Russ.).

22. Tagirov Ph.V. Evropejsky konservatizm i prirodopoznanie: “faustovskaja” identichnost [European conservatism and nature science: A “Faustian” identity]. *Problemy Sovremennogo Obrazovanija*. 2022; 1. (In Russ.).
23. Tagirov Ph.V. Krizis evropejskoj identichnosti i traditsija: tri konservativnyh otveta kontinentalnoj mysli XX — nachala XXI vv. [The crisis of the European identity and tradition: Three conservative answers of the continental thought of the 20th — early 21st centuries]. *Gumanitarny Vestnik*. 2020; 5. (In Russ.).
24. Heidegger M. Istok khudozhestvennogo tvorenija [The origin of the work of art]. *Istok khudozhestvennogo tvorenija. Izbrannye raboty raznyh let*. Moscow; 2008. (In Russ.).
25. Heidegger M. Slova Nietzsche “Bog mertv” [Nietzsche’s words: “God is dead”]. *Raboty i razmyshlenija raznyh let*. Moscow; 1993. (In Russ.).
26. Schmitt C. Zemlja i more. Rasskaz dlja moej docheri [Land and sea. A story for my daughter]. *Nomos Zemli v prave narodov jus publicum Europaeum*. Saint Petersburg; 2008. (In Russ.).
27. Spengler O. Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. V 2 tt. T. 1. *Geshtalt i dejstvitelnost’* [The Decline of the West: Outlines of the Morphology of World History. In 2 vols. Vol. 1: Form and Actuality]. Moscow; 1993. (In Russ.).
28. Spengler O. Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. V 2 tt. T. 2. *Vsemirno-istoricheskie perspektivy* [The Decline of the West: Outlines of the Morphology of World History. In 2 vols. Vol. 2: Perspectives of World History]. Moscow; 1998. (In Russ.).
29. Evola J. *Vosstanie protiv sovremennogo mira* [Revolt Against the Modern World]. Moscow; 2016. (In Russ.).
30. Eliade M. *Aspekty mifa* [Aspects of Myth]. Moscow; 2000. (In Russ.).
31. Eliade M. Mif o vechnom vozvrashchenii (Arkhetipy i povtorenie) [The myth of the eternal return: cosmos and history]. *Kosmos i istorija*. Moscow; 1987. (In Russ.).
32. Eliade M. *Mify, snovidenija, misterii* [Myths, Dreams and Mysteries]. Kiev, 1996. (In Russ.).
33. Eliade M. *Svjashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane: The Nature of Religion]. Moscow; 1994. (In Russ.).
34. Eliade M. *Traktat po istorii religij* [Patterns in Comparative Religion]. Moscow; 2015. (In Russ.).
35. Jünger E. O dukhe [On the spirit]. Jünger E. *Natsionalisticheskaja revoljutsija*. Moscow; 2008. (In Russ.).
36. Jünger E. *Ukhod v les* [The Forest Passage]. Moscow; 2020. (In Russ.).
37. Jünger E. *Evmesvil* [Eumeswil]. Moscow; 2013. (In Russ.).
38. Lings M. The symbol. *The Underlying Religion: An Introduction to the Perennial Philosophy*. World Wisdom; 2007.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-782-801

«Ядро» и «периферия» понятий «счастье» и «справедливость»: метод неоконченных предложений как инструмент валидации*

И.В. Троцук^{1,2,3}, М.В. Субботина¹

¹Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы,
при Президенте Российской Федерации
Просп. Вернадского, 82, Москва, 119571, Россия,

³Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия,
(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; subbotina-mv@rudn.ru)

Аннотация. Статья продолжает серию публикаций по результатам многолетнего исследовательского проекта кафедры социологии РУДН, посвященного содержательному и методическому изучению самоидентификации российской студенческой молодежи в терминах счастья. На текущем этапе реализации проекта в него были добавлены два новых «измерения»: во-первых, контекстуализация вопросов о счастье понятием и элементами социальной справедливости (как его «внешней детерминанты»); во-вторых, «измерение» образов счастливого и несчастного человека посредством проективной методики (неоконченных предложений) и с учетом устойчивых социальных представлений о справедливости и несправедливости. Будучи ограничены размерами статьи, авторы сосредоточивают внимание на втором «измерении», стремясь обозначить возможности и ограничения метода неоконченных предложений как инструмента валидации результатов эмпирического проекта, а не средства исследовательского поиска на его начальной стадии. Структура статьи способствует решению этой задачи: в первой, вводной, части сформулирована исследовательская проблема, обусловленная самодиагностической манией современного общества (с точки зрения уровня счастья) и вытекающими из нее попытками типологизировать факторы счастья; во второй части представлены основные этапы реализации проекта и выводы по итогам проведенных опросов (методом анкетирования; на выборке студентов РУДН и общероссийской репрезентативной онлайн-панели); в третьей, основной, части приведены результаты применения метода неоконченных предложений, полученные на основе простейшего контент-аналитического кодирования полученных элементарных закрытий. В итоге была реконструирована однотипная структура образов счастливого/несчастливого человека (в контексте определяющих такие «статусы» факторов), а также справедливости/несправедливости (с учетом их характеристик) — ядро, ближняя периферия и дальняя периферия, различающиеся своими семантическими «объемами» и оценочными векторами.

* © Троцук И.В., Субботина М.В., 2022

Статья поступила в редакцию 15.07.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022.

Ключевые слова: счастье/несчастье; справедливость/несправедливость; объективные и субъективные факторы; репрезентативный опрос; метод неоконченных предложений; ядро и периферия образа; социальные представления; кодирование

Фактически на протяжении большей части современной истории человечество занимается поисками ответа на вопрос «Что такое счастье и как его обрести?»: «одним счастьем кажется добродетель, другим — рассудительность, третьим — известная мудрость, а иным все это вместе или что-нибудь одно в соединении с удовольствием или не без участия удовольствия, есть и такие, что включают в понятие счастья и внешнее благосостояние» [2. С. 66]. «Инструментальным» новшеством последних десятилетий стали попытки квантификации инструментов и результатов этих поисков — в форме мониторинговых массовых опросов и сравнения массивов статистических и социологических данных. Как правило, первые призваны охарактеризовать своего рода объективный контекст поисков счастья — те социально-экономические, демографические, политические, миграционные и прочие обстоятельства, в которых человек вынужден выстраивать собственную концепцию обретения счастья «в заданных условиях», а вторые — субъективные оценки успешности этих поисков.

В принципе можно говорить о своего рода самодиагностической мании современного общества — судя по сайтам крупнейших социологических центров, они постоянно «замеряют» разные показатели нашей жизни и сводного социального самочувствия, и ситуацию только усугубляют постоянные ссылки на результаты этих «замеров» в средствах массовой информации и управленцев всех уровней (усугубляют, потому что масс-медиа и политическая риторика обычно обыгрывают отдельные, вырванные из общего контекста «цифры», игнорируя методические особенности и ограничения опросных данных). И когда речь заходит о счастье, ситуация выглядит несколько абсурдной — невзирая ни на какие объективные и очевидные любому человеку социально-экономические трудности («заданные обстоятельства»), россияне неизменно декларируют поразительно высокий уровень счастья.

Все это ставит перед социологами очевидные аналитические задачи: с одной стороны, формулировки более четкого концептуального определения счастья, которое позволит разработать более надежную и валидную систему его эмпирических индикаторов; с другой стороны, уточнения операционального определения счастья, т.е. систематизации методических возможностей его социологического «измерения». Задачи эти очевидны в том смысле, что имеют долгую междисциплинарную историю: концептуальные поиски в этом предметное поле ведутся еще со времен Античности, заложившей основания до сих пор неразрешенных споров о том, что приоритетнее для счастья — удача, внутренняя гармония, материальный достаток, духовное развитие, чувственные наслаждения или добродетельная жизнь [18. С. 80].

Современное общество не столько разрешило этот спор, сколько перевело его в русло персональной ответственности, утверждая, что человек в ответе за собственное счастье (его дефиницию и достижение), невзирая на окружающие социальные реалии. А поскольку ни о каком равенстве в них и речи не идет, то материальные и социальные блага из этого персоналистического определения счастья как бы исключаются («не в деньгах счастье», «каждый сам кузнец своего счастья» и т.д.), и «позитивная психология» [см., напр.: 15] призвана помочь человеку достичь соответствующего эмоционального состояния — удовлетворенности и осмысленности жизни, положительного восприятия себя и окружающего мира, отдавая «себе полный отчет в том, что такое счастье» [1. С. 9].

Что касается операционального определения счастья, то формально принято разводить «объективные» и «субъективные» его факторы, хотя «объективность» первых номинальна в том смысле, что в значительной степени большая их часть также весьма «субъективна» (характеризуется сложным соотношением предписаний и личного выбора): к первой группе факторов относят «внешние детерминанты» счастья (наличие семьи и близких людей, уровень дохода, состояние здоровья, профессиональная деятельность, уровень образования, свободное время и досуговые практики, возраст, пол, религиозная принадлежность, количество и интенсивность социальных связей и др.); ко второй группе — «внутренние детерминанты» (самооценка, частота и сила положительных эмоций, идентификационные паттерны и др.).

Длительное время группа внешних факторов считалась прерогативой экономических и демографических исследований (статистические данные и математические операции обеспечивали оценку счастья, хотя и в иной терминологии — «качество жизни» и «уровень жизни», хотя «экономика счастья» дополняет их оценку субъективными показателями счастья [см., напр.: 8; 30]), а вторая группа — областью социологических поисков (преимущественно номинальные и полуупорядоченные шкалы в опросах общественного мнения, характеризующие не только «счастье», но и «социальное самочувствие» и/или «субъективное благополучие» на основе разных сочетаний вопросов типа: «Чувствуете ли вы себя счастливым человеком?», «Что делает вас счастливым?» и «Что не дает вам быть счастливым?»; «В жизни бывает всякое и хорошее, и плохое. Но, если говорить в целом, вы счастливы или нет?» и «Как вам кажется, среди ваших знакомых и близких больше счастливых людей или несчастных?»; «Насколько счастливым или несчастным человеком вы себя ощущаете в связи с событиями в вашей личной жизни?»; «Довольны ли вы своим материальным положением?», «Чувствуете ли вы себя в безопасности в своем городе?», «Довольны ли вы уровнем городского благоустройства?», «Чувствуете вы себя счастливым в вашем городе?»; «Оцените, насколько вы счастливы сегодня?» и «Оцените, насколько вы были

счастливы в прошлом месяце?» и др.). Эмпирическая социология стремится сочетать (в меру возможностей) условные эконометрический и социально-психологический подходы к изучению счастья, однако даже объемные анкеты, сочетающие показатели обоих подходов, принципиально не меняют получаемые опросные данные.

На кафедре социологии РУДН был разработан такой комплексный инструментарий и проведена его апробация — в 2018 году было опрошено 350 студентов бакалавриата; анкета состояла из 27 вопросов, разделенных на три блока, — 9 вопросов «паспортички» (значимых различий по социально-демографическим критериям обнаружено не было, что говорит об устойчивых социальных представлениях о счастье); 8 вопросов на самооценку (удовлетворенность жизнью, склад характера, возможность назвать себя счастливым и др.); 10 вопросов, призванных выявить представления студентов о счастье (можно ли сделать человека счастливым, сколько нужно денег и детей для счастья, можно ли измерить счастье, что в наибольшей степени определяет ощущение счастья и др.). В последнем блоке использовались как традиционные номинальные шкалы с возможностью выбрать один или несколько вариантов ответа, так и другие методические решения, в частности, метод неоконченных предложений и набор дихотомических шкал — 24 суждения, отражающих повседневные представления о счастье, с которыми респондент мог согласиться или нет («Счастье — мимолетное ощущение: то возникает, то неожиданно исчезает», «Счастье — состояние души: либо человек чувствует себя счастливым, либо нет, от конкретных событий или людей счастье мало зависит», «Счастье — рациональный выбор: человек сам решает, быть ему счастливым или несчастным, невзирая на конкретные обстоятельства своей жизни», «Счастье — миф, чтобы людям было ради чего жить», «Счастье — это когда тебя понимают», «Счастье — довольствоваться тем, что у тебя уже есть» и др.).

Согласно полученным данным, большинство студентов (90 %) называют себя счастливыми людьми (с разной степенью уверенности), и данный показатель практически не зависит от уровня дохода (за исключением самой необеспеченной группы, которой часто не хватает средств даже на самое необходимое, и доля счастливых снижается до 77 %). Когда студентам было предложено оценить свой уровень счастья на шкале от 1 до 10, то половина ответов сосредоточилась в градациях «7» (24 %) и «8» (25 %), четверть — в градациях «9» и «10». Столь высокий уровень счастья объясняется тем, как студенческая молодежь его определяет: это не мифологема и не состояние, требующее внешнего засвидетельствования; каждый второй уверен, что для счастья нужно уединение и любовь к себе, труд по налаживанию своей жизни, хорошее настроение, решение быть счастливым, отсутствие зависти к более успешным людям; еще выше доля тех, кто считает счастье состоянием души, для обретения которого необходимо любимое дело и близкие люди, взаи-

мопонимание и умение находить радость в том, что имеешь [см. подробнее в: 10; 21; 22; 23]. В представлениях студентов о счастье переплетаются две его интерпретации: с одной стороны, устойчивые социальные стереотипы о неприоритетности материального достатка для счастья в принципе; с другой стороны, когда вопрос задается не в абстрактно-оценочной, а лично-конкретной форме, финансовый фактор оказывается не менее приоритетным для счастья, чем семейное благополучие.

В конце 2020 года мы разработали анкету для репрезентативного общероссийского онлайн-опроса из 31 вопроса: 3 вопроса «скрининга», 19 — о трактовках счастья, его факторах и самооценках респондентов, 9 — о социальной справедливости и 7 вопросов «паспортички». Первый опрос по анкете был проведен в декабре 2020 — январе 2021 года в онлайн-формате на общероссийской панели компании «Тибурон» (N = 808) и показал доминирование в российском обществе личностной трактовки счастья [см. подробнее в: 9]: человек счастлив, если находит радость в жизни и людях, которые его понимают; не гоняется за счастьем как чем-то внешним, а ищет его в себе; определяет счастье не как цель, а как образ жизни — с любимым делом, выбранной жизненной стезей и близкими людьми, с которыми делится своим счастьем, т.е. «большинство людей счастливы настолько, насколько решили быть счастливыми», довольствуются тем, что у них есть и не испытывают мучительной зависти к чужому счастью; причем в трактовках счастья практически не прослеживается значимых гендерных и поколенческих различий.

По ответам респондентов на вопрос, что в наибольшей степени определяет сегодня, чувствует себя человек счастливым или нет, «факторы» счастья были сгруппированы в три блока, где первый блок составили наиболее значимые факторы, набравшие более 49 % — здоровье (75 %), семья (70 %) и любимый человек (69 %), исполнение желаний/мечты (64 %), материальное положение (59 %), друзья (58 %), свободное время/увлечения и профессия/работа (по 54 %), везение/удача (49 %), т.е. очень «персональные вещи». Справедливо устроенное общество назвал лишь каждый третий, и во второй блок вошли и другие «внешние вещи» — место жительства (27 %), состояние окружающей среды (26 %), общая ситуация в стране (24 %), общественное признание (22 %) и ситуация в мире (19 %), дополненные рядом «частных» аспектов — уровень образования (18 %), возраст (17 %) и исповедуемая религия (10 %). Третий блок, самый малочисленный по числу факторов и набранным долям, составили дата рождения (знак зодиака, символ года и пр.) (5 %), пол (4 %) и политические взгляды (3 %). Данная структура факторов почти не имеет гендерной окраски, поколенческие различия более выражены, но не меняют общей структуры и соотношения факторов, что, видимо, объясняет, почему большинство опрошенных (79 %) могут назвать себя счастливым человеком (с разной степенью уверенности).

«Факторы несчастья» (ответы на вопрос «Если, пусть даже иногда, Вы не ощущаете себя счастливым, то почему?»), напротив, оказались сосредоточены «вовне»: переживания за будущее (47 %) и низкий уровень доходов (45 %), сложные жизненные обстоятельства и болезни/плохое здоровье (по 41 %), накопленная усталость/неспособность радоваться жизни (39 %) и ощущение ее несправедливости (36 %), проблемы в семье и отсутствие уверенности в завтрашнем дне (по 35 %).

Результаты онлайн-опроса показали, что на прямые вопросы респонденты склонны давать позитивно-смещенные ответы, следуя стереотипам социальной «нормальности», поэтому декларативно довольны своей жизнью (абсолютное большинство, хотя в своем окружении лишь 37 % отмечает преобладание счастливых людей, и с возрастом показатель снижается — с 46 % у подростков до 31 % после тридцатилетнего рубежа), тем более что в российском обществе доминирует «персоналистичная» трактовка счастья — как зоны личной ответственности. Условное «ядро» понимания счастья формирует сфера личного выбора и частной жизни — профессиональный и жизненный путь, ближнее социальное окружение и самоопределение в терминах счастья, а «периферия» понимания счастья более дифференцирована — включает подкрепляющие «ядро» личные решения (рациональный выбор быть счастливым, решение жизнь по уму и в счастье, контроль эмоционального состояния и т.д.) и внешние элементы (справедливо устроенное общество, общая в стране и мире, общественное признание и пр.).

В декабре 2021 года был проведен повторный общероссийский онлайн-опрос по тематике счастья, в апреле 2022 года — по тематике справедливости — на аналогичной по структуре и объему выборке из онлайн-панели компании «Гибурон», и в каждую анкету были включены отдельные вопросы и/или закрытия, связывающие понятия счастья и справедливости [см. подробнее в: 22]. Результаты опроса показали устойчивость выявленной ранее личностной трактовки счастья (несмотря на включение вопросов и закрытий о социальной справедливости, а также об изменении ситуации за период пандемии) и подтвердили некоторые поколенческие различия: в целом до 30 лет люди чаще считают, что быть счастливым — это личное рациональное решение (позитивно-смещенная трактовка), а после 50 лет — реже согласны с тем, что счастье — довольствоваться тем, что у тебя есть, и результат тяжелого труда по налаживанию жизни, поскольку человек обязан быть счастлив, и несчастье — его личная вина (негативно-смещенная трактовка). Сохраняется и обозначенная выше условная иерархия факторов счастья (со статистически незначимыми отклонениями), где лишь каждый третий отмечает принципиальное значение справедливого социального устройства, и распределение приоритетных «факторов несчастья», где прослеживаются незначительные поколенческие различия, за исключением абсолютного поколенческого

консенсуса в отношении несправедливости жизни (например, после тридцатилетнего рубежа респонденты реже чувствуют себя несчастными, переживая за будущее, отмечая накопленную усталость, проблемы в семье и хроническое отсутствие времени на отдых, но чаще — в силу неуверенности в завтрашнем дне).

Столь незначительная (в сравнении с другими показателями) доля считающих социальную несправедливость важным фактором несчастливости объясняется не только доминированием личностной трактовки счастья, но и пониманием социальной справедливости — в первую очередь как правовой категории (равенства перед законом — 71 %), менее важны равенство прав и соблюдение законов (по 58 %), равенство возможностей и гарантии безопасности (по 56 %), соблюдение большинством сограждан моральных норм (53 %), свобода слова и отсутствие дискриминации (по 50 %), социальные гарантии (49 %), каждый третий отметил отсутствие социального неравенства и равенство доходов (по 31 %). Поколенческие различия оказались незначительными и предсказуемыми: с возрастом в целом и после тридцатилетнего рубежа особенно возрастает значимость равенства перед законами и их соблюдения, гарантий безопасности и социального обеспечения, но становится менее важна свобода слова и равенство доходов. Показательно, что и в анкете о социальной справедливости каждый третий полагает, что жизнь в российском обществе скорее несправедлива (каждый второй — что иногда справедлива, иногда нет), на условной «лестнице справедливости жизни» разброс позиций российского общества оказался значительным — между 3 и 7 позициями (среднее — 5 из 10), а треть опрошенных полагает, что ситуация со справедливостью в российском обществе за период пандемии ухудшилась (более половины не заметили изменений). Основным нарушением принципа социальной справедливости в стране респонденты считают неравенство доходов, со значительным отставанием за ним следует социальное неравенство (перед законом, прав и возможностей, отсутствие свободы слова), и с возрастом доля отмечающих отсутствие практически всех перечисленных компонентов социальной справедливости (за исключением свободы слова) возрастает. Однако речь опять, видимо, идет об устойчивых социальных представлениях, потому что практически каждый пятый затруднился ответить на вопрос, сталкивался ли он или его близкие в последние несколько лет с социальной несправедливостью к себе лично.

Таким образом, если в понимании счастья россияне тяготеют к «личностным» определениям и внутренним (в пределах близкого социального круга) факторам обретения, то справедливость характеризуют скорее как правовую, а не морально-нравственную категорию, а столь «внешние факторы несчастливости» по определению входят в «периферию», а не «ядро» доминирующей трактовки счастья. Кроме того, если счастье большинство считает неизмеримым феноменом/абстрактным понятием (что объяснимо,

учитывая столь личностные его «индикаторы» и «факторы»), то справедливость, напротив, полагают поддающейся измерению, но не в неких конкретных величинах, а в сопоставлении с прошлым.

Чтобы оценить, насколько в своих опросах мы не подталкиваем респондентов к выбору социально одобряемых вариантов, а учитываем сложившиеся социальные стереотипизации, мы решили использовать метод неоконченных предложений. В силу его «качественного» проективного характера метод сложно назвать популярным инструментом современной эмпирической социологии, увлеченной сопоставительной опросной квантификацией. Тем не менее, метод вполне институционализирован в отечественной традиции, в том числе с точки зрения обработки полученных закрытий [см., напр.: 5] (стимульные предложения, реальные и идеальные «эксперты», разные типы группировки данных — «абстрактно-аналитические и обобщения на уровне здравого смысла, типичные высказывания отдельных респондентов»), и применение проективных методик считается обоснованным в силу простоты получения данных, отсутствия влияния предварительных гипотез на результаты, меньшей вероятности фальсификации данных респондентами (не видящими подвохов в формулировках вопросов и ответов), возможности группировки данных по разным основаниям и т.д. [см., напр.: 19].

Если в психологии метод неоконченных предложений предполагает выявление скрытых индивидуальных переживаний посредством оказания на человека косвенных воздействий, то в социологии он используется для изучения социальных феноменов именно в том контексте, который подразумевают сами действующие субъекты: исследователь формулирует «стимулы» (начала фраз), которые обретают смысл благодаря субъективным трактовкам респондентов (предлагаемые ими окончания фраз создают определенное смысловое пространство, спектр возможных ответов и их обоснований). Как правило, в таком качестве метод неоконченных предложений наиболее полезен на разведывательном этапе исследования: до разработки инструментария массового опроса можно применить метод на небольшой выборке — чтобы реконструировать обыденное семантическое пространство изучаемого социального феномена (лексическое оформление содержания коллективных представлений). Метод может использоваться и как основной прием сбора данных, но применяется в таком формате крайне редко, поскольку здесь ограничения метода перевешивают его достоинства (сложность обработки массива разрозненных данных; трудности заполнения опросника респондентами, для которых проблематика неактуальна/неинтересна и т.д. [см., напр.: 12]); нерепрезентативные и неустойчивые данные) [см., напр.: 20].

Многочисленные модификации [см., напр.: 7] и сочетания метода с другими методиками, призванные упростить работу респондентов и повысить их искренность, сложно назвать успешными в современном информационном обществе (где человек усваивает многочисленные лексические шаблоны

и дискурсивные паттерны), насыщенном опросами (чьи результаты постоянно публикуются в средствах массовой информации и озвучиваются лидерами общественного мнения), и данная проективная методика может утрачивать свой эвристический потенциал — люди пишут либо слишком индивидуальные ответы (иррелевантные окончания фраз), либо, напротив, слишком социально-стереотипизированные (тривиальные окончания фраз). Примем в качестве рабочей условную типологию основных направлений применения метода неоконченных предложений: 1) конструирование и применение методики для сбора и анализа данных; 2) адаптация методики для использования в конкретных социологических проектах. А в рамках первой стратегии согласимся с разведением методических экспериментов (уточнение способов конструирования и апробация неоконченных предложений для сбора надежных и валидных данных) и сочетания методики с другими инструментами сбора данных (для повышения надежности и валидности информации, а также более корректной ее интерпретации). Тогда мы однозначно идем по первому пути, но сначала включили несколько неоконченных предложений в формализованный опросный инструментарий (анкету), т.е. использовали методику как вспомогательный прием, а затем усложнили ее, совместив неоконченные предложения по тематике счастья и справедливости, и использовали в качестве самостоятельного опросного инструмента — для выделения «ядра» и «периферии» обыденных трактовок счастья и справедливости, чтобы понять причины их столь принципиальной невзаимосвязи в российском общественном мнении.

С декабря 2020 по декабрь 2021 года с помощью метода неоконченных предложений было опрошено 392 человека (в основном студенты — 352 человека, поэтому результаты опроса родительского поколения из рассмотрения исключены и приводятся только в качестве иллюстративного материала в вероятностных суждениях; несколько больше девушек, чем юношей — 60 % против 40 %). В качестве методического эксперимента мы реализовывали опрос в трех форматах: неоконченные предложения только по одной тематике (счастье или справедливость), неоконченные предложения по обеим тематикам (в разной последовательности). В обеих тематиках было использовано по шесть неоконченных предложений (предварительно была проведена их апробация — на предмет однозначности, релевантности и надежности): «Счастливый человек — это...», «Несчастный человек — это...», «Для счастья человеку нужно...», «Несчастье — неизбежный спутник...», «Человек может быть счастлив и без...», «Человек может быть счастлив и с...»; «Справедливость — это...», «Справедливый человек никогда...», «Несправедливость — это...», «Определение “справедливый” можно использовать только по отношению к...», «Несправедливость бывает...».

Как показал анализ полученных данных, рассматриваемые тематики воспринимаются респондентами как абсолютно автономные, поэтому ника-

кие их сочетания на итоговое распределение ответов влияние не оказывают: слова, однокоренные с понятием «счастье», не появились в разделе о справедливости, и только два человека внесли определения «справедливый» в одно неоконченное предложение в разделе о счастье). В среднем респонденты формулировали больше и более разнообразные закрытия в первых «стимульных фразах», чем в последующих, и в неоконченных предложениях о счастье, чем о справедливости (в среднем 2 закрытия против 1,3).

Закрытия были внесены в базу данных в программе SPSS в первоначальном виде, а затем перекодированы в логике «обоснованной теории» (отбирались наиболее частотные и обобщающие «живые коды» [см.: 16; 26; 32]) и простейшего контент-анализа — схожие «элементарные обоснования» объединялись в тематические группы (классифицировались как однотипные) под обобщенными названиями. В случае неоднозначных текстовых элементов использовались три стратегии [20]: игнорирование irrelevantных элементарных обоснований (например, имен известных актеров и политиков); повышение уровня абстрактности (например, формулировки, связанные с голодом, переводились на уровень материальной обеспеченности); присвоение ответу нескольких кодов (например, «вторая половина» может кодироваться как «любовь» и «семья»).

После перекодирования текстовых переменных был проведен контент-анализ — подсчет частоты встречаемости элементарных обоснований, который позволил определить «ядро» и «периферию» в структуре образов счастья и несчастья (счастливого и несчастного человека), а также справедливости и несправедливости (справедливого и несправедливого человека). Итак, счастливый человек — это, прежде всего, тот, «кого устраивает его жизнь» («ценит, что имеет»/«не хотел бы изменить свою жизнь») — 39 % ответов; «кто считает себя счастливым» — 20 %; «у кого все хорошо» («нет проблем», «решил все проблемы») — 13 %; «кто добивается своих целей» («исполнения своих мечтаний») — 12 %; «кто не одинок» — 10 %; «умеет любить и принимать любовь» («любимый», «любящий», «любит и любим») — 8 %; «у кого все есть», «кто умеет радоваться мелочам» и «здоров» — по 7 % (элементарные обоснования, набравшие менее 5 % ответов, мы не учитывали) (Рис. 1). Хотя мы не имеем права проводить поколенческие и гендерные сопоставления (вследствие смещенной структуры выборки и недостаточности данных), можно отметить несколько условных «типологических синдромов»: в отличие от поколения «детей», счастливый человек в представлении родительского поколения — тот, «у кого все родные здоровы» (9 % против 0 %), кто здоров сам и не одинок (13 % против 5 %); тогда как поколение «детей» акцентирует важность удовлетворенности жизнью, тем, что имеешь (42 % против 28 %); для мужчин более значимый «индикатор» счастливого человека — достижение целей (13 % против 5 %), для девушек — признание себя счастливым (15 % против 10 %).

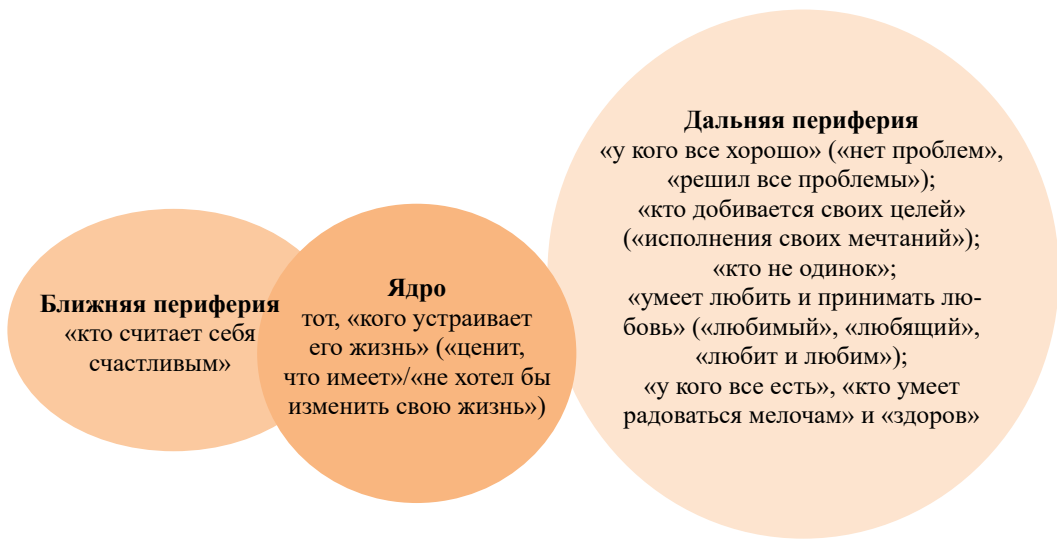

Рис. 1. Ядро и периферия образа счастливого человека

Соответственно, в качестве «факторов счастья» (что человеку нужно для счастья) респонденты называют, в первую очередь, «каждому свое» («то, что сам человек считает нужным для своего счастья») — 41 %, «близких людей» (семья) — 26 % и «любовь» (22 %); на втором месте стоит «принятие себя» («любить себя»/«ценить себя») — 17 %, «принятие своей жизни» («ценить жизнь») — 12 % — и деньги (11 %); на третьем — умение «быть реалистом» («смотреть правде в глаза») и «здоровье» (свое и близких) — по 7 %, а также «любимое дело» (6 %). Для счастья родителей более важны близкие люди (20 % против 14 %), умение принимать себя (17 % против 11 %), здоровье (9 % против 4 %) и вера в бога (3 % против 0); для счастья «детей» — любимое дело (6 % против 0), старания/усилия (5 % против 0) и деньги (4 % против 0); для юношей более значимы собственные усилия (4 % против 2 %), деньги (11 % против 6 %) и представления человека о счастье (28 % против 20 %). Среди элементарных обоснований неоконченного предложения «Человек может быть счастлив и без...» однозначно лидируют «деньги»/«материальные блага» (67 %; чаще у «родителей» — 73 % против 61 % — и женщин — 62 % против 56 %), за которыми с огромным отставанием следуют «видимые причины» (15 %; чаще у «детей» — 16 % против 8 %), «другие люди» (12 %) и «любовь» (8 %).

Образ несчастного человека оказался менее мозаичным — это, прежде всего, тот, «кто не может реализовать себя в жизни» («достичь своих целей») — 48 %, «считает себя несчастным» — 26 %, «одинокий» (нет семьи, нет друзей и пр.) — 19 %, «у кого все плохо» (17 %), и при этом он «злой/злопамятный/мстительный» («испытывает негативные эмоции чаще, чем по-

зитивные») — 11 % (Рис. 2). Для юношей более важна «объективная» сторона несчастья — когда у человека «все плохо» (18 % против 12 %), он «беден» (5 % против 1 %), для девушек — «субъективная»: одиночество (18 % против 12 %), преобладание негативных эмоций (9 % против 4 %) и отсутствие любви (3 % против 0); для родителей — отсутствие любви (6 % против 1 %) и «когда все плохо» (20 % против 10 %), для «детей» — личная нереализованность (46 % против 34 %).

Рис. 2. Ядро и периферия образа несчастливого человека

Несчастье респонденты считают неизменным спутником двух условных групп «вещей»: прежде всего, «негативных эмоций» (грусть, пессимизм, плохое настроение, уныние и пр.) — 28 %, жизненных «неудач» («неудачников») (24 %), самой «жизни» (19 %) и «зависти» (11 %); во вторую очередь — «горя» («беды», «страданий») — 8 %, «одиночества» — 7 %, «лени/пассивности» («лентяев») и «гнева/злости/агрессии/жестокости» («злых людей») — по 6 %. Девушки не упоминают несчастье в качестве спутника «вредных привычек» (наркомании, алкоголизма) (4 % против 0); родительское поколение чаще связывает несчастье со злобой и гневом (12 % против 4 %), завистью (15 % против 10 %) и бедами (19 % против 7 %), «дети» чаще видит в несчастьях неизбежную часть жизни (24 % против 4 %). Элементарные обоснования, завершающие предложение «Человек может быть несчастлив и...», также имеют однозначного лидера — «с деньгами/достатком» (59 %; более значим для родителей) — 65 % против 43 %, за ним с огромным отрывом следует «обладание всем, что нужно для счастья» (20 %), «семья/близкие» (15 %) и «любовь» (12 %). Родители не упоминают любовь/любимого человека (0 против 7 %), друзей (0 против 5 %) и славу/известность (0 против 3 %), значительно реже отмечают «успешную карьеру» (4 % против 10 %).

«Ядро» образа справедливости формирует понятие «каждому по заслугам» (37 %), его «ближнюю периферию» — честность («поступать/жить по совести/по правде» — 21 %; важнее для женщин — 18 % против 11 %), «моральное долженствование» (18 %), «(всеобщее) равенство» (прав, возможностей, благ, перед законом — 17 %; важнее для мужчин — 18 % против 11 %) и «объективность» («непредвзятость») — 11 %; «дальнюю периферию» — понятия правильных поступков (8 %), «хорошего отношения к другим» (честность, понимание, уважение) — 6 %, а также трактовки справедливости как «чего-то, чего не хватает/не существует в нашем обществе/мире» (6 %) (Рис. 3).

Рис. 3. Ядро и периферия образа справедливости

В образе справедливого человека доминируют определения «не предаст/обманет/подставит/лицемерит/не поступает дурно/подло» (38 %) и «не поступает несправедливо» (33 %); «ближнюю периферию» образа составляет отказ «делать людям то, чего они не заслужили»/«пользоваться людьми» (20 %), «брать больше, чем заслужил» (15 %), «ставить себя выше других» (13 %) и «нарушать требования морали» (11 %); «дальнюю периферию» — отказ принимать решения на основе «чувств/эмоций/личных привязанностей» (7 %). Для поколения «детей» более значим отказ пользовательски относиться к людям (14 % против 8 %) и считать себя выше других (10 % против 3 %; чаще так считают женщины — 10 % против 4 %), для родителей — честность и порядочность (50 % против 26 %). Следует отметить, что определение «справедливый» считается чисто «человеческим» (характеристикой добрых, честных, бескорыстных и т.п. людей) — 74 %, с огромным отставанием за ним идет возможность характеризовать таким образом «поступки/действия/решения» (в том числе судебные) — 14 %, «законы» (8 %), «все» (7 %), «события/ситуации» (6 %) и «общество/мир» (5 %).

В структуре образа несправедливости доминируют не противоположности справедливости, а иные элементы: прежде всего «несоответствие вознаграждения/наказания деянию» («безнаказанность», «незаслуженное наказание») — 36 %; «ближнюю периферию» образа составляют «плохое отношение к другим» (пренебрежение, неуважение, ложь) и некая «противоположность справедливости» («не по-честному») — по 22 %, а также «нарушения норм морали» (18 %; более значимы для женщин — 16 % против 8 %); «дальнюю периферию» — «(грубое) неравенство» (13 %; чаще упоминается мужчинами — 16 % против 9 %) и оценка несправедливости как «качества/греха современного общества» (12 %). В структуре образа несправедливости практически по всем элементарным обоснованиям прослеживаются поколенческие различия: для «детей» более значимы такие компоненты несправедливости, как несоответствие вознаграждения/наказания деянию (30 % против 17 %), противоположность справедливости (17 % против 6 %) и неизбежность (10 % против 3 %); для родителей — плохое отношение к другим (28 % против 17 %), отклонение от моральных принципов (22 % против 13 %), неравенство (17 % против 10 %) и нарушение законов (6 % против 2 %).

Характеристики несправедливости оказались противоречивыми в том смысле, что среди них доминирует признание ее «повсеместности» (43 %), но далее следуют одновременно оценочные эпитеты — «жестокая/обидная/вопиющая» (21 %; чаще так считают родители — 36 % против 15 %), «закономерная/оправданная/уместная» (11 %) и констатации — «постоянная/вечная» (17 %; чаще так считают «дети» — 13 % против 6 %); реже всего упоминаются «типы» несправедливости — «со стороны государства/общества» (8 %), «по отношению к другим людям» (7 %), «явная/скрытая» (6 %), «большая/малая» и «случайная/ситуативная» (по 5 %) (Рис. 4). В отличие от поколения «детей», родители не склонны столь разнообразно «типологизировать» несправедливость (не упоминают, что она может проявляться по отношению к другим людям или со стороны государства/общества, быть неявной или открытой, большой или малой).

Образ несправедливого человека более четко структурирован, чем образ справедливого человека: «ядро» — поиски личной выгоды («действует только в своих интересах/чтобы получить больше, чем заслуживает/думает только о личной выгоде») — 57 %; «ближняя периферия» конкретна — он «коварен/хитер/лжив/лицемерен/жесток» — 22 %, а «дальняя периферия», напротив, абстрактна: «поступает несправедливо» (12 %), «не думает о других» (13 %); условные «аутсайдеры» образа — принижение других людей и использование их в своих интересах (по 8 %), а также недовольство жизнью/несчастливость (6 %). У родителей «дальняя» и «ближняя периферия» переплетаются — несправедливые поступки (24 % против 9 % у «детей») упомянуло практически столько же, сколько и набор активно-нега-

тивных характеристик (коварен/лжив/жесток и т.д.) — 28 % против 17 %; однако у родителей пустой оказалась зона «аутсайдеров»: принижение и использование других людей (0 против по 7 %), а также игнорирование их интересов (0 против 11 %).

Рис. 4. Ядро и периферия образа несправедливости

Таким образом, метод неоконченных предложений показал, что образ счастливого человека имеет преимущественно «лично-персоналистическое» «ядро» — это тот, кого устраивает его жизнь и кто считает себя счастливым; а вот объективное отсутствие проблем (или их устранение), решение своих задач, создание социального круга и обретение второй половины — компоненты для образа счастливого человека скорее «периферийные» (с возрастом «периферия» упрочивает позиции, приближаясь к «ядру»). Соответственно, главными факторами счастья считается понимание человеком, что именно ему нужно для счастья (и для каждого это свое), менее значимы такие частно-объективные факторы счастья, как близкие люди и любовь, причем их важность практически эквивалентна принятию себя и собственной жизни (с возрастом значение «периферийных» компонентов несколько возрастает), а в неоконченном предложении «счастье возможно и без» консолидировано отвергается только материальный фактор.

Столь же лично-персоналистичен и образ несчастного человека — его «ядро» формирует жизненная нереализованность, «периферию» — признание своих неудач (самооценка как несчастного), одиночество и абстрактное жизненное кредо «у меня все плохо». Однако при этом несчастье квалифицируется как атрибут одновременно трех очень разных «вещей» — субъективных негативных эмоций, объективных жизненных неудач и жизни как таковой, но богатство считается тем, что однозначно не гарантирует чело-

веку счастье (реже в этом качестве упоминаются близкие люди и абстрактное «все, что нужно для счастья»).

Образ справедливости слабо пересекается с образом счастья, потому что первый носит абстрактно-внешний характер — «каждому по заслугам», и конкретные компоненты справедливости (честность, моральные принципы, равенство, непредвзятость и пр.) формируют «периферию» образа. Соответственно, достаточно абстрактен и образ справедливого человека (не поступает несправедливо и не совершает дурных поступков), хотя эпитет «справедливый» однозначно считается «человеческим». Аналогичные тенденции просматриваются и в образах несправедливости и несправедливого человека — они формулируются как некие противоположности справедливости (несоответствие вознаграждения/наказания деянию, плохое поведение и нечестность, которые считаются повсеместными) и справедливого человека (личная выгода вопреки интересам других людей)

Информация о финансировании

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект №20-011-00307 «Субъективное и объективное измерения счастья: справедливость как критерий личного и социального благополучия»

Библиографический список

1. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб., 2003.
2. *Аристотель.* Никомахова этика // Сочинения. Т. 4. М., 1983.
3. *Баранова Т.С.* Психосемантические методы в социологии // Социология: 4М. 1993–1994. № 3–4.
4. *Климов И.А.* Комплексное использование семантического дифференциала и контент-анализа открытых вопросов для изучения культурных феноменов // Социология: 4М. 1998. № 10.
5. *Климова С.Г.* Опыт использования методики неоконченных предложений в социологическом исследовании // Социология: 4М. 1995. № 5–6.
6. *Клюшкина О.Б.* Построение теории на основе качественных данных // Социологические исследования. 2000. № 10.
7. *Лапыгин В.Д.* Методологические и методические перспективы развития метода неоконченных предложений // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 4.
8. *Намлинская О.О.* «Экономика счастья»: особенности определения и перспективы развития в условиях модернизации // Региональные проблемы преобразований экономики. 2014. № 4.
9. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Счастье и его детерминанты в представлении россиян: результаты опроса // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2021. № 4.
10. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Счастье как междисциплинарный конструкт: варианты социологической концептуализации и операционализации // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 2.
11. *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Ценностные ориентации и социальное самочувствие студенчества (результаты исследовательского проекта). М., 2017.
12. *Оберемко О.А.* На какие вопросы отвечают ответы на открытый вопрос: опыт реконструкции трансформаций вопроса респондентами // Социология: 4М. 2013. № 37.
13. *Саганенко Г.И.* Метод открытых вопросов // Социологический журнал. 1998. № 3/4.

14. *Саганенко Г.И.* Системы, форматы и познавательный потенциал открытых вопросов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. IV. № 4.
15. *Селигман М.Э.П.* Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни. М., 2006.
16. *Страусс А., Корбин Дж.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. М., 2001.
17. *Таршиш Е.Я.* Контент-анализ: принципы методологии (Построение теоретической базы. Онтология, аналитика и феноменология текста. Программы исследования). М., 2014.
18. *Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека. М., 1981.
19. *Татарова Г.Г., Бурлов А.В.* Логическая организация анализа данных, полученных методом неоконченных предложений // Социологические исследования. 1999. № 8.
20. *Татарова Г.Г., Бурлов А.В.* Метод неоконченных предложений в изучении образа («культурный человек») // Социология: 4М. 1997. № 9.
21. *Троцук И.В.* Методические и содержательные особенности социологического изучения феномена счастья опросными методами // Социальная политика и социология. 2019. Т. 18. № 1.
22. *Троцук И.В.* Трактовки счастья и справедливости — основа поколенческой солидарности или конфликта? // Межкультурный и межрелигиозный диалог в российских регионах. Тюмень, 2022.
23. *Троцук И.В., Гребнева В.Е.* Возможности и ограничения основных методических подходов к изучению счастья // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2019. Т. 25. № 3.
24. *Троцук И.В., Королева К.И.* Неочевидные ограничения социологической оценки благополучия: результаты методического эксперимента // Социальная политика и социология. 2020. Т. 19. № 1.
25. *Шматова Ю.Е., Морев М.В.* Измерение уровня счастья: литературный обзор российских и зарубежных исследований // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2015. № 3.
26. *Charmaz K.* Constructing Grounded Theory: A Practical Guide Through Qualitative Analysis. Thousand Oaks, 2006.
27. *Duncan G.* What do we mean by «happiness»? The relevance of subjective well-being to social policy // Social Policy Journal of New Zealand. 2005. Vol. 25.
28. *Easterlin R.* Income and happiness: Towards a unified theory // Economic Journal. 2001. Vol. III.
29. *Easterlin R.* Will raising the income of all increase the happiness of all? // Journal of Economic Behavior and Organization. 1995. Vol. 27.
30. *Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P.* How important is methodology for the estimates of the determinants of happiness? // Economic Journal. 2004. Vol. 114.
31. *Kahneman D., Krueger A.B.* Developments in the measurement of subjective well-being // Journal of Economic Perspectives. 2006. Vol. 20. No. 1.
32. *Miller S.I.* How does grounded theory explain? // Qualitative Health Research. 1999. Vol. 9. No. 4.
33. *Montgomery A.C., Crittenden K.S.* Improving coding reliability for open-ended questions // Public Opinion Quarterly. 1977. Vol. 41. No. 2.
34. *Trotsuk I.V.* Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2021. Т. 21. № 2.
35. *Trotsuk I.V.* Three approaches to the sociological study of the social well-being // Serbian Sociological Review. 2019. Vol. LIII. No. 1.
36. *Trotsuk I.V.* What do sociologists really «measure» when speaking of happiness? // Sociology in XXI Century: Challenges and Perspectives. Belgrade-Niš, 2019.
37. *Veenhoven R.* Hedonism and happiness // Journal of Happiness Studies. 2003. No. 4.

‘Core’ and ‘periphery’ of the concepts ‘happiness’ and ‘justice’: Unfinished sentences technique as a means of validation*

I.V. Trotsuk^{1,2,3}, M.V. Subbotina¹

¹RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia

³National Research University Higher School of Economics

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

(e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru; subbotina-mv@rudn.ru)

Abstract. The article continues a series of publications based on the results of a long-term research project of the Sociology Chair of the RUDN University, which combines research and methodological study of the self-identification of Russian students in terms of happiness. At the current stage, two new ‘dimensions’ were added to the project: first, the contextualization of questions about happiness by the concept and elements of social justice (as its ‘external determinant’); second, ‘measuring’ the images of a happy/unhappy person with the projective technique (unfinished sentences) and taking into account social ideas about justice/injustice. Being limited by the size of the article, the authors focus on the second ‘dimension’ — identify the possibilities and limitations of the unfinished-sentences technique as a means for validating the results of the project rather than a means for starting it. The structure of the article contributes to the solution of this task: in the first, introductory part, the author set the research problem as determined by the self-diagnostic mania of the contemporary society (in terms of the level of happiness) and the attempts to classify the factors of happiness; the second part presents the main stages of the project and its conclusions based on the results of the surveys (on the sample of the RUDN University students and on the all-Russian representative online panel); the third, main part presents the results of the unfinished-sentences technique application, which were obtained with the simplest content-analytical coding of the elementary endings. The authors reconstructed a single-type structure of images of a happy/unhappy person (in the context of factors determining such ‘statuses’) and of justice/injustice (taking into account their characteristics) — the core, the near periphery and the far periphery, which differ in their semantic ‘volumes’ and evaluation trends.

Keywords: happiness/unhappiness; justice/injustice; objective and subjective factors; representative survey; unfinished sentences technique; core and periphery of the image; social representations; coding

Funding

The article was prepared with the support of the RFBR. Project No. 20-011-00307 “Subjective and objective dimensions of happiness: Justice as a criterion of personal and social well-being”

* © I.V. Trotsuk, M.V. Subbotina, 2022

The article was submitted on 15.07.2022. The article was accepted on 03.10.2022

References

1. Argyle M. *Psikhologiya schastyia* [The Psychology of Happiness]. Saint Petersburg; 2003. (In Russ.).
2. Aristotel. *Nikomakhova etika* [Nicomachean ethics]. *Sochineniya*. Vol. 4. Moscow; 1983. (In Russ.).
3. Baranova T.S. Psikhosemanticheskie metody v sotsiologii [Psychosemantic methods in sociology]. *Sotsiologiya: 4M*. 1993–1994; 3–4. (In Russ.).
4. Klimov I.A. Kompleksnoe ispolzovanie semanticheskogo differentsiala i kontent-analiza otkrytykh voprosov dlya izucheniya kulturnykh fenomenov [The combination of semantic differential and content analysis of open questions for the study of cultural phenomena]. *Sotsiologiya: 4M*. 1998; 10. (In Russ.).
5. Klimova S.G. Opyt ispolzovaniya metodiki neokonchennykh predlozheniy v sotsiologicheskoy issledovaniy [The use of the unfinished sentences technique in sociological research]. *Sotsiologiya: 4M*. 1995; 5–6. (In Russ.).
6. Klyushkina O.B. Postroyeniye teorii na osnove kachestvennykh dannyyh [Making a theory on the basis of qualitative data]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2000; 10. (In Russ.).
7. Lapygin V.D. Metodologicheskie i metodicheskie perspektivy razvitiya metoda neokonchennykh predlozheniy [Methodological perspectives for the development of the unfinished sentences technique]. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Iskustvovedenie*. 2016; 4. (In Russ.).
8. Namlinskaya O.O. “Ekonomika schastyia”: osobennosti opredeleniya i perspektivy razvitiya v usloviyakh modernizatsii [“Economy of happiness”: Definition and prospects for development under modernization]. *Regionalnye Problemy Preobrazovaniy Ekonomiki*. 2014; 4. (In Russ.).
9. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Schastie i ego determinanty v predstavlenii rossiyan: rezultaty oprosa [Russians’ interpretation of happiness and its determinants: Results of the survey]. *Zhurnal Belorusskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2021; 4. (In Russ.).
10. Narbut N.P., Trotsuk I.V. Schastie kak mezhdistsiplinarny konstrukt: varianty sotsiologicheskoy kontseptualizatsii i operatsionalizatsii [Happiness as an interdisciplinary construct: Types of sociological conceptualization and operationalization]. *Vestnik RFFI. Gumanitarnye i Obshchestvennyye Nauki*. 2021; 2. (In Russ.).
11. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Tsennostnyye orientatsii i sotsialnoye samochuvstvie studenchestva (rezultaty issledovatel'skogo proekta)* [Value Orientations and Social Well-Being of Students (Results of the Research Project)]. Moscow; 2017. (In Russ.).
12. Oberemko O.A. Na kakie voprosy otvechayut otvety na otkryty vopros: opyt re-konstruktsii transformatsiy voprosa respondentami [What questions the answers to the open question answer: A reconstruction of the question transformation by respondents]. *Sotsiologiya: 4M*. 2013; 37. (In Russ.).
13. Saganenko G.I. Metod otkrytykh voprosov [Open questions method]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 1998; 3/4. (In Russ.).
14. Saganenko G.I. Sistemy, formaty i poznavatelny potentsial otkrytykh voprosov [Systems, formats and cognitive potential of open questions]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoy Antropologii*. 2001; IV (4). (In Russ.).
15. Seligman M.E.P. *Novaya pozitivnaya psikhologiya: Nauchnyy vzglyad na schastie i smysl zhizni* [The New Positive Psychology: A Scientific Perspective on Happiness and the Meaning of Life]. Moscow; 2006. (In Russ.).
16. Strauss A., Corbin J. *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of Qualitative Research: Grounded Theory Procedures and Techniques]. Moscow; 2001. (In Russ.).
17. Tarshis E.Ya. *Kontent-analiz: printsipy metodologii (Postroyeniye teoreticheskoy bazy. Ontologiya, analitika i fenomenologiya teksta. Programmy issledovaniya)* [Content Analysis: Principles of Methodology (Theoretical Basis. Ontology, Analysis and Phenomenology of Text. Research Programs)]. Moscow; 2014. (In Russ.).

18. Tatarkevich V. *O schastie i sovershenstve cheloveka* [On Human Happiness and Perfection]. Moscow; 1981. (In Russ.).
19. Tatarova G.G., Burlov A.V. Logicheskaya organizatsiya analiza dannyh, poluchennyh metodom neokonchennyh predlozheniy [Logical organization of the analysis of data obtained by the unfinished sentences technique]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 1999; 8. (In Russ.).
20. Tatarova G.G., Burlov A.V. Metod neokonchennyh predlozheniy v izuchenii obraza (“kulturny chelovek”) [The unfinished sentences technique in the study of the image (“cultured man”)]. *Sotsiologiya: 4M*. 1997; 9. (In Russ.).
21. Trotsuk I.V. Metodicheskie i sodержatelnye osobennosti sotsiologicheskogo izucheniya fenomena schastiya oprosnymi metodami [Methodological and conceptual issues of the sociological study of the phenomenon of happiness by survey techniques]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2019; 18 (1). (In Russ.).
22. Trotsuk I.V. Traktovki schastiya i spravedlivosti — osnova pokolencheskoy solidarnosti ili konflikta? [Interpretations of happiness and justice — the basis for generational solidarity or conflict?]. *Mezhkulturny i mezhreligiozny dialog v rossiyskih regionah*. Tyumen; 2022. (In Russ.).
23. Trotsuk I.V., Grebneva V.E. Vozmozhnosti i ogranicheniya osnovnykh metodicheskikh podkhodov k izucheniyu schastiya [Possibilities and limitations of the key methodological approaches to the study of happiness]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 18: Sotsiologiya i Politologiya*. 2019; 25 (3). (In Russ.).
24. Trotsuk I.V., Koroleva K.I. Neochevidnye ogranicheniya sotsiologicheskoy otsenki blagopoluchiya: rezultaty metodicheskogo eksperimenta [Nonobvious limitations of the sociological study of well-being: Results of the methodological experiment]. *Sotsialnaya Politika i Sotsiologiya*. 2020; 19 (1). (In Russ.).
25. Shmatova Yu.E., Morev M.V. Izmerenie urovnya schastiya: literaturny obzor rossiyskikh i zarubezhnykh issledovaniy [Measuring the level of happiness: A review of Russian and foreign studies]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2015; 3. (In Russ.).
26. Charmaz K. *Constructing Grounded Theory: A Practical Guide through Qualitative Analysis*. Thousand Oaks; 2006.
27. Duncan G. What do we mean by «happiness»? The relevance of subjective well-being to social policy. *Social Policy Journal of New Zealand*. 2005; 25.
28. Easterlin R. Income and happiness: Towards a unified theory. *Economic Journal*. 2001; III.
29. Easterlin R. Will raising the income of all increase the happiness of all? *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1995; 27.
30. Ferrer-i-Carbonell A., Frijters P. How important is methodology for the estimates of the determinants of happiness? *Economic Journal*. 2004; 114.
31. Kahneman D., Krueger A.B. Developments in the measurement of subjective well-being. *Journal of Economic Perspectives*. 2006; 20 (1).
32. Miller S.I. How does grounded theory explain? *Qualitative Health Research*. 1999; 9 (4).
33. Montgomery A.C., Crittenden K.S. Improving coding reliability for open-ended questions. *Public Opinion Quarterly*. 1977; 41 (2).
34. Trotsuk I.V. Complex concepts with varying connotations: In search for conceptual definitions. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (2).
35. Trotsuk I.V. Three approaches to the sociological study of the social well-being. *Serbian Sociological Review*. 2019; LIII (1).
36. Trotsuk I.V. What do sociologists really “measure” when speaking of happiness? *Sociology in XXI Century: Challenges and Perspectives*. Belgrade-Niš; 2019.
37. Veenhoven R. Hedonism and happiness. *Journal of Happiness Studies*. 2003; 4.

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-802-811

Family attitudes of university students in terms of extremism risks*

Zh.V. Puzanova, V.M. Filippov, T.I. Larina, M.A. Simonova

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; president@rudn.ru; larina-ti@rudn.ru; simonova-ma@rudn.ru)

Abstract. Youth extremism continues to be relevant considering the fluid and changeable character of the contemporary world: new risk factors emerge while social institutions designed to provide social stability malfunction. The article aims at presenting the family attitudes among the youth which are connected to the problem of infantilism (social-psychological maturity), the attitude towards non-traditional gender relations, to the infidelity in romantic relationships, and how the media and TV series may contribute to an increased risk of extremism among the younger generations. The article is based on the data from six original studies on the above-mentioned issues conducted at the RUDN University in 2017–2019 with different sociological methods (questionnaire survey, focus groups and content analysis): a 2017 survey of RUDN students titled “Personal freedom through the eyes of young people” (N = 470); content analysis of four episodes of four Russian TV series in 2017; validation results for the method “Diagnostics of social immaturity in young people” (N = 500); four focus groups on the “Transformation of the contemporary social image of the Russian woman” in 2019; two focus groups with female students on the “Infidelity in romantic relationships” in 2021, and a 2021 survey of Moscow university students on extremism. The broad scope of topics covered in the study in the frame of up-to-date relevant research allowed for several findings which clarified the aspects that should be stressed when implementing the youth and family policy: the conscious parenting training for young families, systematic monitoring of social immaturity of young people in family and everyday life, restoration of the educational

*© Zh.V. Puzanova, V.M. Filippov, T.I. Larina, M.A. Simonova, 2022

The article was submitted on 09.07.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

system to its former esteem as a counter to the present service sector. Some gradual changes can already be observed in the clear policy on same-sex relationships and attention to the media content at the government level.

Keywords: family; education; immaturity; extremism; same-sex relationship; content analysis; family values

The family as a primary socialization agent shapes young people's ideas of what is proper, what is allowed and what is not. It is wrong to think that only children whose parents are inclined to antisocial behavior and live on the fringes or single-parented children are prone to be engaged in terrorist activities [2] since the influence of other factors (such as the Internet, etc.) has grown recently. However, we cannot deny the role of the family in the young person's perception of extremism. That said, gender, religious identity, or belief in Sharia law, despite general belief, have no strong connection to the inclination towards extremism [1].

Extremist threats related to young people's involvement in criminal activities tend to grow in the contemporary world. The family as a social institution also evolves together with the family attitudes of young people (towards liberalization) [15]. Major drivers of youth extremism include intergenerational differences; disruption of continuity and bonds between younger and older generations; the cult of violence and promotion of disvalues in the mass culture; young people's focus on individualistic values; widespread infantilism; desire to assert themselves with adults, etc. [4; 10].

The article aims at reviewing the original studies' results to identify the way certain aspects of youth family attitudes impact extremism risks. The article is based on the results of several original empirical studies:

1. Survey of Moscow university students on extremism in 2021. The quota sample comprised Russian students from three classic Moscow universities — the Moscow State University (MSU), the Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), and the National Research University Higher School of Economics (HSE University). The sample population was selected based on the following criteria: field of study (social sciences and humanities, natural sciences, engineering and medicine), course (bachelor's or master's program). A sample of 478 RUDN students (N = 20248) specializing in engineering, social sciences and humanities, natural sciences, and medicine participated in the survey. The RUDN sample was biased towards students specializing in humanities and social sciences. At the MSU, 446 students were surveyed, specializing in engineering, humanities and social sciences, and natural sciences (N = 38150; sample error less than 6 %). At the HSE, 436 students were surveyed, specializing in engineering, social sciences and humanities, and natural sciences (N = 39671; sample error less than 4 %). The questionnaire consisted of 47 questions.
2. Survey of the RUDN students "Personal freedom through the eyes of young people" in 2017 (N = 470). The survey used quota sampling with quotas applied for the year of study and department. The questionnaire consisted of 25 questions.

3. Content analysis of four episodes of four Russian TV series in 2017. Two of the shows — “Sklifosovsky” (season 6, episode 4) on Russia 1, and “Particle of the Universe” (episode 2) on Channel 1 — target mass audience while the other two — “Junior Team” (season 5, episode 3) on STS, and “Crisis of Tender Age” (episode 1) on TNT — appeal to a younger audience (up to 39 years old), and are interesting to analyze given their direct influence on the youth. The episodes for analysis were selected randomly by a random number generator.
4. Validation results for the method “Diagnostics of social immaturity in young people” (N = 500). The method has a form of a questionnaire of 26 items and was validated in the student community.
5. Results of four focus groups on the “The transformation of the contemporary social image of the Russian woman” in 2019.
6. Results of two focus groups involving female students of the RUDN on the “Infidelity in romantic relationships” in 2021.

University students’ perception of extremism. According to the 2021 survey of Moscow university students, about 47% of replies were close to the scientific definition of extremism, while 50% gave a wrong answer. The answers corresponding to the definition include radical views and ways of pursuing a goal (19%), aggression and malicious mischief performed by a group of people (11%), extreme views (10%), radicalism (7%) (Fig. 1).

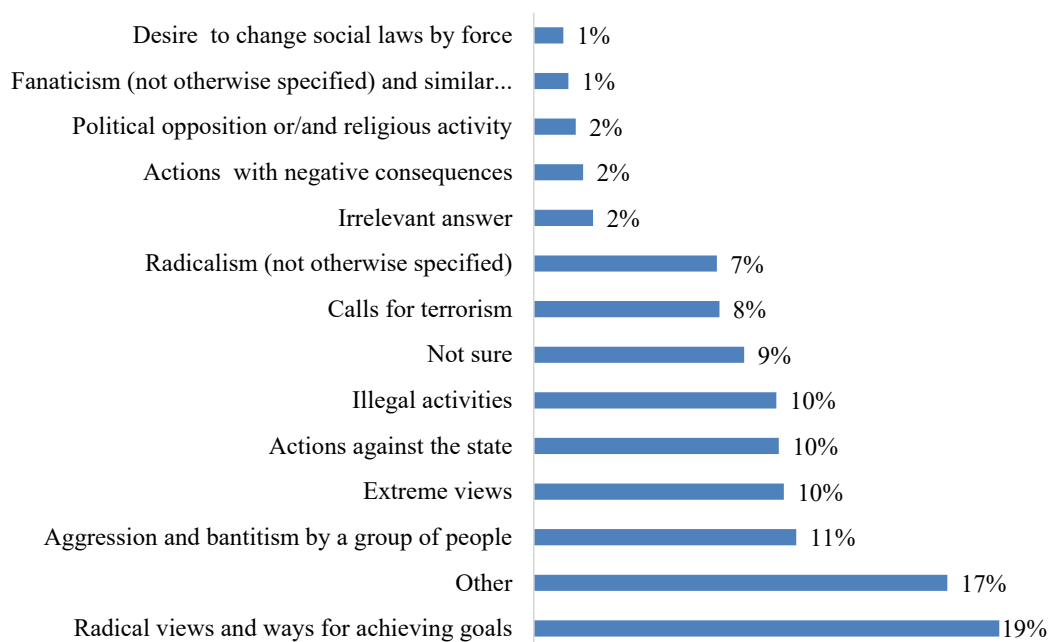

Fig. 1. Answers to the question about the definition of extremism

The second question regarded the antinomy of conservatism and liberalism. Students were offered a choice between citizenship of two countries: a conservative one (N) with heavy-handed law enforcement, or a liberal one (L) with more freedoms and a policy of all-permissiveness. Half of the students (52 %) preferred the country L which implies a lack of apparent inclination towards either liberalism or conservatism.

Another question was whether respondents consider the actions of a student who made a performance dressed as Jesus Christ in front of the Federal Security Building [18] to be extremist. A quarter of students (24 %) answered “yes, I do”, 21 % chose “never heard about it”, and 16 % chose “not sure”.

Students were also asked whether they were ready to help law enforcement officers fight extremism. Most of the respondents were not ready to help law enforcement officers (Fig. 2). Possible explanation can be that students do not have a clear understanding as to how they can help, are afraid of responsibility, or distrust law enforcement.

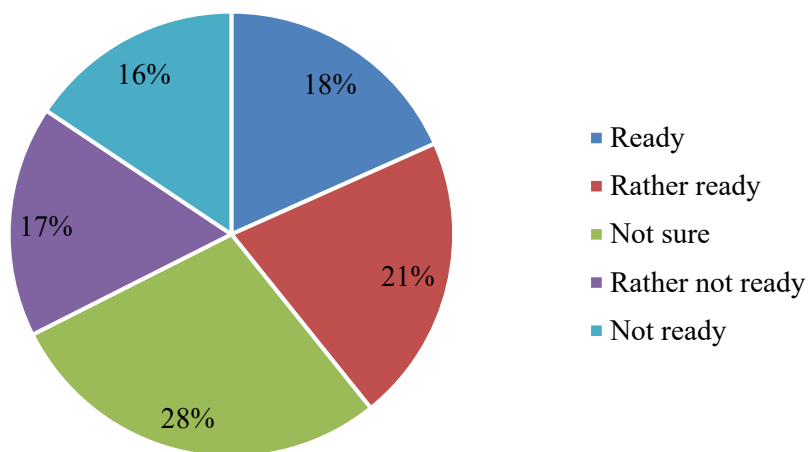

Fig. 2. Students’ readiness to help law enforcement officers fight extremism

The last question concerns the Protest Activity scale in accordance with the violent extremism dispositions method [5] and healthy personality categories. About 60 % of students fell into the category of moderate protest activity, about 14 % — low activity, while 26 % appeared to be at risk, meaning their protest activity was high.

Social immaturity. If we consider the key trends in the state and position of the Russian family [7], we can single out the following elements: the majority of the population still considers marriage important, but it has become a milestone signaling a conscious choice rather than a way to legalize relationship according to social expectations; divorce is not seen as something

condemnable or reprovable. The change trends are observed in the whole population, but there are also some youth-specific aspects due in part to the above-mentioned immaturity.

In the field of family and relations, social immaturity manifests itself in twisted family norms and roles. Examples of this type of social immaturity include cases of shifting family statuses, roles, and hence obligations. The problem stemming from the social immaturity manifestation in the family field regards children socializing in such social units where they acquire vague ideas of standards of behavior and roles that they have to perform after growing up. The individual has no behavioral compass to guide them in their future family. Not being able to find answers in their present family, the person starts to dig into themselves, abstract their mind trying to “find their identity”, or sometimes grow reserved without trying to resolve their inner questions and problems as they can even be unaware that such questions and problems exist.

The family factor, for its part, influences immaturity too. In the best-case scenario, the child mimics the behavior of a harmonious couple applying examples of relationship norms and behavior to their own lives. In the worst-case scenario, the child struggles to identify their future family and social life. Distortion of identity leads to the immaturity of men and women who are unable either to allocate roles in the family in the right way or properly raise their own children and the new generation.

The study to validate a diagnostics method for measuring social immaturity level [13] showed that about 20 % of students are characterized by a high-level infantilism in the family field (according to answers to questions on decisions to live together with other options available), meaning they are highly dependent and not adapted to the realities of everyday life, unwilling to set up their own home.

Non-traditional relationships and types of marriage. To describe youth attitude towards non-traditional gender relationships, let us consider the 2017 survey of RUDN students (N = 470). Male and female respondents were asked similar questions with the only difference being the change of gender according to the responder’s gender. The question for male students: “Imagine that your male friend plans on marrying a man in a country where such marriages are allowed. What your reaction will be? 1) I will definitely be against such an alliance, will cut ties with the friend; 2) I will be against such an alliance, but will comfortably keep in touch with the friend; 3) I won’t be against it, but it will be awkward to mix with him; 4) I won’t be against it, I will totally support him; 5) Not sure”. A third of male students (31 %) were not against such a marriage. Almost a quarter (23 %) said they were against such an alliance, but would not cut ties, 22 % were definitively against, while 19 % are not against but wouldn’t be able to continue to keep in touch because of awkwardness. A similar question was offered to girls: a third of respondents

(34 %) were absolutely not against such a marriage, 26 % were against but ready to continue to keep in touch. A quarter of female students were not against the marriage but would not feel comfortable to continue keeping in touch, while 15 % were definitely against it. The students in general were socially open to such relationships. There was no great difference in attitude towards same-gender male and female couples.

To describe youth attitude towards different types of cohabitation, let us take a look at the question: “What do you think your family members, friends, and teachers think about such relationships? 1) Approve; 2) Consider acceptable; 3) Rather disapprove; 4) Strongly oppose such a type of relationship; 5) Not sure”. Every second respondent (55 %) said their families strongly oppose such relations, a fifth said their families rather disapprove. The percentage of the families that believe it acceptable or definitively approve was 7,5 % and 8,3 % respectively. Same-sex marriages find opposition among students and their social circles but students’ attitude is less radical. Meanwhile, students have a tolerant attitude to common law marriages.

Gender expectations from marriage partners. While female respondents put masculine characteristics as priorities and feminine as secondary but definitely inherent in women’s nature, young men want to see feminine psychological characteristics as predominant, but highly appreciate the strength of character, willpower, and determination. The root cause for female respondents’ accent on strong traits in women lies in the lack of confidence in men and desire to be financially independent. Students want to see masculine and feminine qualities integrated into the woman’s nature with men students wanting to see feminine features as predominant and female students prioritizing masculine qualities. Representatives of both sexes acknowledged that women should be visually attributable to the corresponding social gender.

The traditional gender distribution of social roles still exists among young people, but young men no longer want to have a passive, obedient partner. That’s why they are ready to support women’s professional ambition as long as it doesn’t jeopardize her obligations as a wife and mother. The prevailing number of female respondents highlighted the value of social rather than marital success. Girls greatly appreciate personal independence and self-sufficiency. The contemporary woman is expected to harmoniously combine multiple social roles and a number of social statuses that are important and interesting to her. Girls’ and young men’s expectations towards the image are different, sometimes even completely opposite which potentially can be the driver of social problems in the families and a big percentage of divorces in Russia.

Family attitudes in Russian TV series. The summarized results of the study conducted with content analysis of TV series are the following: the overwhelming majority of families represented in the film constructs are nuclear families with one child. Larger families are mostly associated with

problems in film discourse. TV show producers see adultery as the main problem potentially leading to divorce and dissolution of the family. The function of transferring family experience and the household function are not represented as important in the discourse of Russian TV series. The “closed nature” of the family as a social unit is questionable in the contemporary Russian TV series: family members are obliged by the script to spend more time within external circles rather than in the family ambience. Still, the communication within the family as shown in the episodes is more positive in comparison to the communication in the external ambience in general. The communicative function of the family is represented as the most important in the discourse of Russian TV series.

The family shown in Russian TV series acts primarily as a communicative system with the communicative function at the heart of it, but the “closed nature” of the system is very limited. The family structurally represented in the TV series is predominantly nuclear, with few children, while the issue of family preservation in the discourse of the Russian TV shows appears to be adultery. The image is quite uniform: the family representations in the TV series for young adults and the general audience do not differ much.

Romantic relationships and infidelity. Romantic relationship as a form of interpersonal communication is based upon mutual liking, affection and sexual attraction. People entering romantic relations and/or marriage expect certain things from each other, including fidelity. That’s why studying the phenomenon of adultery goes in close connection with such categories as trust, faith and fidelity. The results of the study showed that most girls associate adultery with betrayal, lies, breach of conditions and agreements existing in the couple (more often unspoken). When discussing different cases of cheating the female participants used such phrases as “an ugly deed”, “unfair to the other partner”.

The girls drew a distinction between adultery and some “non-traditional” romantic relationships. If people entering a relationship or already being in a relationship agree to have one more (or multiple) partner(s) the female respondents did not call it adultery. When asked about their personal life, the girls answered that were not ready for such scenarios as polyamory, open relationship, etc. and tend to stick to traditional romantic relationships. Most of the girls declared a negative attitude to the adultery believing it unacceptable in many cases offered for discussion. The cheater’s actions were viewed positively only in one case — when cheating was a way to save yourself and escape an abusive relationship with violence. The majority viewed the adultery in the negative light even when there were no extradyadic sexual relationship and ‘mitigating’ circumstances.

Discussion participants suggested that any adultery case would lead to breaking up and getting out of relationships. Summing up what they said during the discussion, we can identify the main reason for such decision which is loss of confidence in

the partner, negative association, an unpleasant aftertaste in the relationship with the cheater. Therefore, it becomes impossible to renew the relationship, or it may become possible in certain conditions and with a mutual desire to save the union.

Young people aged from 18 to 35 years account for 31,7 million in Russia, more than half of whom — 22,2 million — live in their own apartments or houses, according to the joint report of the DOM.RF and the Russian Public Opinion Research Center (WCIOM). In particular, 13,4 million young people (almost 43 %) live in their houses on their own, while 8,8 million (40 %) live with their parents. The share of homeowners living independently is low among the youth: 15 % people aged up to 25 years and 54 % aged up to 35 years. Young people tend to leave their parental home later and take life more lightly [16]. Some researches show a connection between psychological immaturity and a possible inclination towards extremism [8: 9].

When it comes to the results regarding the attitude of university students towards types of relationships unusual for the Russian discourse and the influence such attitude may have in the context of extremism, we would like to highlight a peculiar paradox of the contemporary society: a combination of tolerance to LGBT people with strong homophobic movements that goes beyond social and cultural confrontation and becomes a political and legal conflict. The rise of protest activities in the LGBT communities and the heterosexual society lead to the expression of extremism and reciprocally fuel each other [16]. The difference is more evident in comparison, for example, to the Historically Black Colleges and Universities (HBCUs), where safe environment is created for students with different identity characteristics [3].

Another study conducted by Russian researchers [18] shows that a dysfunctional family significantly influences a child's deviant behavior regardless of moral development, acceptance of social norms and emotional make-up.

Considering the type of screen characters popular in the present-day Russian society, the danger of deformation of TV audience's mind, which can lead to extremism in certain circumstances, becomes obvious [12]. Today the television lays the minimal basis for extremist sentiment, and, if we develop the idea, the family image shown in the TV series adds to this basis. Building on this reflection by analyzing Western media content, including TV series encouraging or secretly promoting polygamy or same-sex relationships, we can say that young people, whose idea about the family will be shaped by such content, may become latent extremists in the context of family policy in the Russian Federation.

We would like to conclude the article with several recommendations: it is necessary to teach young parents the basics of conscious parenting in order to avoid distortion of family roles and pandering to infantilism; a systematic monitoring of immaturity signs is needed, especially when it comes to domestic immaturity; the role of education in influencing extremism risks should not be denied [11] — educational institutions should regain their status of “the realm of science” and “mentor” instead of a service agency on order not to cultivate

an integral infantilism of the youth; it is essential that the government pursues a clear and consistent policy towards same-sex relationships that leaves no room for propaganda, including in the media (TV series), but doesn't push LGBT individuals to extreme measures; the media sphere as a transmitter of relationship scenarios should be controlled by the government. Parental control over the content consumed by children is also needed since many icons and popular TV series convey an indirect destructive message, implying easiness and 'consumerism' in relation to things and people. The same is true for the videogames, the influence of which on the mental health of the youth has been repeatedly demonstrated.

Funding

The study was funded by the RFBR. Project No. 21-011-44210.

References

1. Ahearn E.-R., Bhui K., Jones E. What factors are truly associated with risk for radicalisation? A secondary data analysis within a UK sample. *Transcultural Psychiatry*. 2021. 58; (5).
2. Butkevich S.A. Family as an institution for preventing extremism and terrorism (legal and social aspects). *Bulletin of the Ural Law Institute*. 2018; 1. (In Russ.).
3. Coleman K. The difference safe spaces make: The obstacles and rewards of fostering support for the LGBT community at HBCUs. *SAGE Open*. 2016; April.
4. Davydov D.G. Causes of youth extremism and ways to prevent it in the educational environment. *Russian Social Science Review*. 2015; 56 (5). (In Russ.).
5. Khlomov K.D., Davydov D.G. Diagnostics of dispositions of violent extremism. *Psychological Diagnostics*. 2017; 14 (1). (In Russ.).
6. More than a half of the Russian youth consider mortgages as a way to improve living conditions: URL: <https://xn--dlaqf.xn--plai/media/news/dom-rf-bolshe-poloviny-rossiyskoy-molodezhn-rassmatrivaet-ipoteku-kak-sposob-uluchshit-zhilishchnye>. (In Russ.).
7. Russian family: How to preserve traditions and find new meanings? URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/210910_Demografija_doklad.pdf. (In Russ.).
8. Kolotova O.V. Escapism: The danger of 'flight' under the psychosocial immaturity and readiness for extremism. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*. 2018; 22. (In Russ.).
9. Medvedeva N.I. Social-psychological conditions for countering extremism and terrorism among the. *World of Science, Culture and Education*. 2017; 3. (In Russ.).
10. Monitoring materials for the study of causes of extremist manifestations in adolescence. URL: <http://psy-centre-31.ru/images/ekstremist%202017-2018.pdf>. (In Russ.).
11. Ning B., Rind I.A., Asad M.M. Influence of teacher educators on the development of prospective teachers' personal epistemology and tolerance. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244020914639>.
12. Popova T.V. Comprehension of the "television-society" interaction system based on the conceptualization of the research results. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2021; 3. (In Russ.).
13. Puzanova Z.V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. Infantilization of the youth: A methodological approach to measurement. *RUDN Journal of Sociology*. 2021; 21 (3). (In Russ.).
14. RBK: An activist in the image of Christ was detained near the FSB building in Moscow. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fa44bc69a7947a30fe8f3ab>. (In Russ.).
15. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V. Transformation of the desired family model in different generations: Results of the All-Russian sociological study. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).

16. Smyslova V.N. Interdependence of extremist manifestations and protest activity of LGBT communities. *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018; 2. (In Russ.).
17. Sobolevskaya O.V. The youth began to separate from their parents later. URL: <https://iq.hse.ru/news/177665223.html>. (In Russ.).
18. Tolstenko A., Baltovskij L., Radikov I. Chance of civic education in Russia. URL: <https://doi.org/10.1177/2158244019859684>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-802-811

Семейные установки студенческой молодежи в контексте экстремистских рисков*

Ж.В. Пузанова, В.М. Филиппов, Т.И. Ларина, М.А. Симонова

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; president@rudn.ru; larina-ti@rudn.ru; simonova-ma@rudn.ru)

Аннотация. Проблема молодежного экстремизма — тема, не теряющая своей актуальности в силу текучей изменчивости современного мира: появляются новые факторы риска, а социальные институты, которые должны работать на стабильность общества, дают сбой. Цель статьи — рассмотреть возможное влияние семейных установок молодежи, которые связаны с проблемами инфантилизма (социально-бытовой и психологической зрелости), нетрадиционными гендерными отношениями, изменами, влиянием медиа и сериалов на рост экстремистских рисков в молодежной и подростковой среде. Были использованы результаты шести авторских исследований, посвященных вышеперечисленным проблемам и реализованных в период с 2017 по 2019 годы в Российском университете дружбы народов разными социологическими методами (анкетирование, фокус-группы, контент-анализ): опрос студентов в 2017 году на тему «Свобода личности глазами молодежи» (N = 470); контент-анализ четырех серий четырех отечественных сериалов, вышедших в 2017 году; валидизация авторской методики «Диагностика социального инфантилизма среди молодежи» (N = 500); четыре фокус-группы на тему «Трансформация современного социального образа российской женщины» в 2019 году; две фокус-группы со студентками на тему «Измены в романтических отношениях» в 2021 году; опрос московского студенчества на тему экстремизма в том же году. Благодаря широкому охвату проблематики в контексте релевантных современных исследований был сделан ряд выводов, показывающих необходимые акценты в реализации молодежной и семейной политики: обучение молодых семей осознанному родительству, системный мониторинг социального инфантилизма молодежи в семейно-бытовой сфере, возврат системе образования былого авторитета в противовес нынешней модели сферы услуг. Авторы полагают, что предложенные изменения постепенно начинают происходить благодаря четкой политике в сфере нетрадиционных отношений и вниманию к медиаконтенту на государственном уровне.

Ключевые слова: семья; образование; инфантилизм; экстремизм; нетрадиционные отношения; контент-анализ; семейные ценности

Информация о финансировании

Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 21-011-44210.

* © Пузанова Ж.В., Филиппов В.М., Ларина Т.И., Симонова М.А., 2022

Статья поступила 09.07.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827

«Взрослая» молодежь в современном социальном пространстве России*

Л.А. Беляева

Институт философии РАН,
ул. Гончарная, 12, стр. 1, Москва, 109240, Россия
(e-mail: bela46@mail.ru)

Аннотация. Изучение проблем современной молодежи невозможно без поколенческого анализа, который дает методологические основания для определения места молодежи в социальном пространстве, ее функций и идентификационных практик в контексте смены поколений и их преемственности. Теоретические истоки такого анализа были заложены в теории поколений К. Мангейма, в его понимании процесса социализации молодежи, занимающей свое место в иерархии поколений. Некоторые стороны проблемы поколений были разработаны Мангеймом вполне основательно, другие только обозначены, но его анализ был исторически первым комплексным исследованием, за которым последовали работы других авторов. В статье представлены результаты исследования проблем социальной стратификации и социализации «взрослой» молодежи современной России (коhort 18–24 и 25–34 лет), ее положения в социальном пространстве страны. В качестве методологического основания анализа использована теория поколений Мангейма, эмпирическая база — всероссийский репрезентативный опрос «взрослой» молодежи (N = 1717). Рассмотрено влияние материального благополучия, образования родителей на финансовую дифференциацию, уровень образования и профессиональное самоопределение молодежи. Отмечена тенденция восходящей социальной мобильности молодежи по сравнению с родителями, сделан вывод о закреплении дифференциации общества в молодых поколениях россиян. Проанализировано влияние на первичную и вторичную социализацию молодежи родителей, учителей, одноклассников, неформальных групп и виртуального мира. Сделан вывод, что неформальные группы и общение в Интернете занимают главное место в первичной и вторичной социализации современной молодежи при ее почти полной отстраненности от политического участия и приверженности этике абсентеизма.

Ключевые слова: «взрослая» молодежь; социальное пространство; социальная стратификация; социализация; поколения; виртуальный мир

*© Беляева Л.А., 2022

Статья поступила 26.04.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

**«Динамика поколений» Карла Мангейма:
методологические предпосылки изучения поколений
в постсоветской России**

Статья К. Мангейма «Проблема поколений» [1], изданная в двух частях в 1928–1929 годы, содержит концептуальные основания изучения поколений, которые не потеряли актуальности почти за сто лет после ее опубликования. К ней и сейчас продолжают обращаться исследователи поколений, развивая многие ее положения. Первоначально статья не получила достойной оценки в научном сообществе, многие ее сюжеты были поняты только в середине XX века, когда на Западе проблемы поколений стали активно изучаться в связи с молодежными протестами и движениями. В этот период был частично преодолен исключительно демографический и количественный подход к измерению поколений, который доминировал в XIX — начале XX века. Кроме того, в тот период помимо биолого-генетического аспекта определения поколений были представлены еще три: позитивистско-хронологический (пространственно-хронологическая общность), романтико-гуманитарный (идейно-духовная общность) и историко-политический (временно господствующая общность) [2. С. 42].

Статья Мангейма оставила «длинный след» в науке, поскольку историческое развитие с 1920-х годов ставило перед обществами многие из описанных им проблем. В определении поколения Мангейм учитывает и «позитивистский», и «романтико-исторический» подходы, но при этом выстраивает свой — социологический — подход: «единство поколения составляет, главным образом, сходным местоположением множества индивидов в социальном пространстве» [1. С. 24]. Мангейм отрицает наличие периодического, с равными интервалами ритма поколений, настаивая, что необходимо исследовать влияние на феномен поколений социальных процессов. С другой стороны, при определении поколений нельзя отождествлять их с группой близких людей или с ассоциациями, образованными для специальных целей. Мангейм отмечает биологические ритмы — факторы жизни и смерти, ограниченные во времени периоды жизни и старения, которые определяют общее положение индивидов в исторической протяженности социального процесса. Он видит в биологических факторах объяснение местоположения поколения, но подчеркивает: «Если бы не социальное взаимодействие между людьми, не было бы поддающейся определению социальной структуры, истории, основанной на определенном сорта преемственности, а, значит, феномен социального местоположения не мог бы существовать, а были бы просто-напросто рождение, старение и смерть. Поэтому социологическая проблема поколений начинается с открытия социологической уместности этих биологических факторов» [1. С. 25].

Мангейм видит общность местоположения поколения только тогда, когда оно участвует в одних и тех же исторических и социальных событиях,

но разные поколения, например, старшие и молодые, имеют не одинаковое местоположение в социальном пространстве. В силу этого и опыта, который имеют разные поколения, передача прагматического опыта от старших к младшим крайне сложна: «эмпирические проблемы молодого человека обусловлены иным, нежели у его учителей, набором противоречий... если бы не один компенсаторный фактор: воспитывает не только учитель ученика, а и ученик учителя» [1. С. 34–35].

Мангейм подчеркивает, что взаимодействие поколений зависит от социальной динамики: в случае высокой скорости изменений старшее поколение испытывает большее влияние молодых при опосредовании средних поколений, а в условиях статичного состояния общества молодое поколение стремится приспособиться к старшему и походить на него. Таким образом, смена поколений происходит и в условиях социального прогресса, и в условиях социальной стагнации, при этом социальный процесс подразумевает смену поколений и новые импульсы, которые отражаются на носителях традиции, а если бы переход от поколения к поколению не был бы постоянным, то взаимодействие не могло бы осуществляться без трений.

Мангейм рассматривает проблему стратификации поколений, отмечая, что воздействие одной и той же фазы общего процесса создает только механический, внешний критерий «сходства местоположения». Исследователю важно понимать воздействие субъективных сторон жизни представителей поколения на его стратификацию. Восприятие одних и тех же событий зависит от дифференциации сознания представителей каждого поколения, что и определяет их реальное местоположение в социальном пространстве. Простая хронологическая одновременность не может сама по себе продуцировать для поколения общность местоположения. В этом находит свое выражение отличие возрастной когорты (как совокупности людей, социальная связь между которыми основана на временном совпадении значимого события) от поколения. Особое значение в местоположении поколения имеет опыт его социализации («специфическая внутренняя диалектика сознания») — первые впечатления детства и последующий опыт биографии, формирующие «слои» сознания. Для единства поколения, его солидарности необходимо участие в общей судьбе исторической и социальной общности [1. С. 38].

Дифференциация поколения происходит вследствие того, что группы («секции») внутри него рассматривают исторические проблемы под разными, специфическими углами зрения. Эти группы характеризуются не только близостью в оценке одних и тех же событий, но и тождественными реакциями, сходством в поведении и общими навыками. «В каждом поколении могут быть многие разные, даже антагонистические секции. Совместно они составляют “реальное” поколение как раз потому, что ориентированы друг на друга, хотя бы даже в плоскости борьбы друг против друга» [1. С. 40]. В современных исследованиях помимо традиционных групп, наделенных вполне

осязаемыми дифференцирующими признаками, выделяют специфические «латентные» группы — в связи с развитием цифровых технологий и компьютерных сетей [3].

Молодые поколения острее воспринимают современные проблемы, драматизируют процесс дестабилизации общества, но при этом его поддерживают, в отличие от старшего поколения. Более того, в случае ускорения темпа социальных и культурных преобразований становится невозможной адаптация и модификация традиционных моделей опыта, мышления и выражения — формируется новый образ поколения [1. С. 43].

Для Мангейма смена поколений обуславливает динамику общественного развития, а анализ их взаимодействия позволяет понять природу этого развития. Он не предлагает стандартную схему анализа поколений независимо от конкретного общества: каждый раз мы видим новое положение поколений в историческом процессе и новый, специфический образ мыслей и исторически уместный образ действий. С использованием методологических посылок, которые заложены в теории поколений Мангейма, можно увидеть в поколениях и в их взаимодействии то, что характеризует именно данное общество в исторически определенный период.

Поколения «взрослой» молодежи в современной России

В статье поставлена задача рассмотреть место молодежи в социальном пространстве современной России. Социальное пространство — своего рода метафора [4], обозначающая иерархию динамических социальных позиций поколений и их компонентов на различных этапах развития общества. Взаимодействие поколений может происходить при взаимном доверии/недоверии и консолидации/враждебности вплоть до ощущения онтологической опасности. Как отметил Э. Гидденс, «пространство не является бессодержательным измерением, вдоль которого структурируются социальные группировки, но должно рассматриваться с позиций своего участия в становлении систем взаимодействия» [5. С. 491].

Социальное пространство многомерно и может анализироваться с точки зрения солидарности (Дюркгейм), социальных дистанций и кругов (Зиммель), сетей взаимодействия (Московичи), связи и контактов локальной общности внутри и с внешним миром (Знанецкий), социального контроля, мобильности и маргинальности (Парк), «концентрических зон и кругов» (Берджесс), иерархически расположенных социальных слоев (Сорокин), взаимодействия структурированных социальных отношений и индивидуальных и коллективных практик (Гидденс), влияния повседневных практик на общую организацию социальных систем (Хагерstrand), генезиса социального пространства как результата общественного производства, которое представлено не только вещами, но и отношениями (Лефевр), совокупности полей, власть над которыми

дает обладание капиталом (экономическим, культурным, социальным, символическим), что делает социальное пространство многомерным (Бурдьё) [6]. Взаимодействие поколений в социальном пространстве могут порождать такие его напряжения, которые выливаются в межпоколенные конфликты и риски для общества, например, несправедливое распределение национального богатства, не учитывающее интересы отдельных поколений, исключение поколений из управления на разных институциональных уровнях, из участия в политической системе и т.д.

Положение молодежи в социальном пространстве России многокомпонентно: мы рассмотрим те компоненты, которые наиболее важны с точки зрения межпоколенного взаимодействия. Источником эмпирической информации послужил всероссийский репрезентативный онлайн опрос «взрослой» молодежи России, проведенный летом 2020 года, в условиях пандемии коронавируса: были опрошены две молодежные когорты — 18–24 и 25–34 лет (1717 человек — 836 и 881 соответственно), т.е. взрослые молодые россияне, которые в ближайшие годы потеснят более старшие возрастные когорты во всех сферах общества. Сравнение двух когорт внутри этой группы объясняется тем, что хотя они прошли социализацию в постсоветский период и для них погружение в цифровой мир прошло практически безболезненно (они слабо различимы по реальному включению в цифровой и сетевой мир), по другим показателям были выявлены значительные различия, связанные с разными условиями социализации.

Социальная стратификация молодежи

Резкое социальное расслоение современной молодежи — неопровержимый факт, влияющий на состояние нравственных устоев общества, вызывающий серьезное социальное напряжение не только в молодежной среде, но и в обществе в целом, имеющий сегодняшние и отдаленные последствия. Применительно к положению на рынке труда, выбору молодежью трудовой деятельности социальное расслоение, с которым сталкивается молодой человек, простирается далеко за рамки той ситуации, в которой происходит жизненный выбор профессиональной занятости [7]. И это только один из факторов воздействия неравенства молодежи на общество, на перспективы его развития. Этот пример подтверждает идею Мангейма, что простая хронологическая одновременность существования поколения не может сама по себе продуцировать общность его местоположения в социальном пространстве. Молодежь дифференцирована по уровню жизни, образованию, доступности социальной инфраструктуры по месту жительства. Эта дифференциация не только определяет место в социальном пространстве здесь и сейчас, но и проецируется на будущее, воздействуя на социальную мобильность.

Рассмотрим материальную дифференциацию молодежи и влияние на эту дифференциацию родительской семьи. В Таблице 1 представлены данные

о самооценке уровня дохода молодежью: старшая когорта менее обеспечена — только 54 % имеют доход, достаточный для жизни, в младшей когорте таковых 62 %.

Таблица 1

Самооценка дохода семьи респондента (%)

Когорты	Все	18–24	25–34
Живем на этот доход, не испытывая материальных затруднений	11,3	13	9,8
Этого дохода нам в принципе хватает	46,4	48,6	44,5
Жить на такой доход довольно трудно	34,5	32,4	36,3
Жить на такой доход очень трудно	7,9	6	9,4

Многие представители молодой когорты еще живут с родителями, не имеют своих семей и детей, поэтому их оценка уровня жизни выше, чем у старшей когорты, среди которой 54 % состоят в зарегистрированном браке, 62 % имеют детей (в младшей когорте — 13 % и 12 % соответственно).

Материальное положение родительской семьи существенно влияет на положение респондента в имущественной пирамиде (Табл. 2).

Таблица 2

Самооценка дохода семьи, когда респонденту было 14 лет (%)

Когорты	Все	18–24	25–34
Жили на этот доход, не испытывая материальных затруднений	13,9	17,7	10,6
Этого дохода нам в принципе хватало	39,7	50	30,8
Жить на такой доход было довольно трудно	33,5	26,1	39,9
Жить на такой доход было очень трудно	12,9	6,2	18,7

Респонденты более обеспеченные сейчас вышли из более обеспеченных семей ($K=0,367$), и доход молодой когорты более зависим от материального уровня родителей ($K=0,439$), чем у старшей молодежи ($K=0,307$). Для более молодой когорты 14-летний возраст пришелся на подъем экономической активности, их семьи в то время испытывали материальные трудности в меньшей мере, чем старшая когорта в том же возрасте — для ее родителей это были кризисные годы, включая дефолт 1998 года. Сравнение материальной дифференциации взрослой молодежи с ранее полученными данными по населению в целом позволяет заключить, что молодежь, по ее самооценкам, — более обеспеченная группа в обществе, особенно младшая когорта. Вместе с тем от 38 % до 45 % взрослой молодежи, по ее признанию, имеют доход,

на который жить трудно или очень трудно. Материальная пирамида взрослой молодежи повторяет расслоение населения в целом, но со сдвигом к верхней части пирамиды.

Среди других факторов дифференциации были рассмотрены: влияние уровня дохода семьи на получение высшего образования в старшей когорте, поскольку часть младшей когорты еще продолжала обучение на момент опроса и не учитывалась в анализе (Табл. 3); влияние уровня образования родителей на материальную дифференциацию молодежи, уровень ее образования и профессиональное самоопределение.

Таблица 3

Влияние дохода семьи, когда респонденту было 14 лет, на уровень его образования (когорта 25–34 лет, в %)

Уровень дохода	Образование респондента	
	Высшее и послевузовское	Ниже высшего
Жили на этот доход, не испытывая материальных затруднений	38,5	61,5
Этого дохода нам в принципе хватало	46,5	53,6
Жить на такой доход было довольно трудно	30,9	59,1
Жить на такой доход было очень трудно	25,5	74,5

Оказалось, что доход родительской семьи неоднозначно повлиял на уровень образования респондентов из старшей когорты ($r_s=0,111$). Практически 40 % когорты имеют диплом о высшем или послевузовском образовании, из них 46,6 % — выходцы из довольно обеспеченных семей, 53,4 % — из малообеспеченных. Здесь сработал эффект престижности высшего образования, распространенность его бесплатных форм в тот период, когда респонденты окончили школу и ситуация на рынке труда (дефицит рабочих мест для молодежи), побуждающая молодых людей продолжать обучение в вузах. Непропорционально большая доля молодежи из самых необеспеченных семей не получила высшее образование (75 %) — видимо, они искали работу или поступали в техникумы/средние профессиональные учебные заведения, что подтверждает зависимость уровня образования молодежи от материального положения их семей.

Корреляция уровня образования взрослой молодежи и их родителей оказалась весьма значимой: чем выше образование отца и матери, тем выше уровень образования респондента, особенно сильна эта связь (у матери $r_s=0,37$, у отца $r_s=0,41$) в когорте 25–34-летних. Отмечена вертикальная образовательная мобильность детей относительно родителей, особенно отца (в России уровень образования у мужчин был традиционно ниже, чем у женщин). Так, в старшей когорте молодежи по сравнению с отцом нисходящая мобильность

отмечена у 19 %, воспроизводство уровня образования — у 33 %, восходящая мобильность — у 48 %. По сравнению с матерью нисходящая мобильность в старшей когорте наблюдается у 25,8 %, воспроизводство уровня образования — у 35,1 %, восходящая мобильность — у 39,1 %. Можно предположить, что мы наблюдаем выравнивание уровня образования у мужской и женской части молодежи.

Для оценки влияния материального благосостояния семьи и образования родителей на профессиональное положение молодого человека были сформированы четыре группы, различающихся престижем у молодежи: 1) специалисты, руководители, офисные работники; 2) работники торговли и сферы услуг; 3) рабочие разной квалификации; 4) работники сельского хозяйства. Была рассмотрена когорта 25–34 лет, поскольку младшая когорта состоит из большого числа не работающей молодежи. Анализ показал, что доходное неравенство семей оказывает влияние на профессиональное самоопределение молодежи: более 46,6 % выходцев из обеспеченных семей попадают в первую — наиболее престижную — профессиональную группу, 41,5 % работают в торговле и сфере услуг, 37 % стали рабочими и только 20 % — работниками сельского хозяйства. Соответственно, респонденты из плохо обеспеченных семей с большей вероятностью оказываются в группе рабочих или трудятся в сельском хозяйстве. Торговля и сфера услуг поглотила около четверти молодежи старшей когорты из всех доходных групп, став своего рода стартовой площадкой включения молодежи в экономику.

Сейчас большинство взрослой работающей молодежи имеет статус наемных работников — 84 % и 75 % от ответивших на этот вопрос из младшей и старшей групп соответственно. В старшей группе 20 % работают на себя, самозанятые (часто фрилансеры или прекарии) или предприниматели, у них довольно высокая самооценка влияния в своей организации. Большинство работающей молодежи из числа опрошенных заняты квалифицированным трудом, не- или малоквалифицированные рабочие составляют менее 5 % и 10 % среди ответивших на этот вопрос в младшей и старшей когорте соответственно. По сравнению с занятым населением России в целом молодежь занимает на рынке труда более квалифицированные позиции. В то же время значительная часть молодежи отметила, что не влияет на принятие важных решений в своей организации — их влияние ограничено только повседневной работой в сравнении с более старшими поколениями, т.е. можно говорить о сниженном статусе молодежи в иерархии поколений.

На базе материалов пятой волны межстранового сравнительного исследования ESS было выявлено отношение молодежи к труду и создан интегративный показатель «значимость труда»: по этому показателю Россия занимает 11 место среди 29 стран. Минимальных значений «значимость труда» достигает в Исландии (1), Франции (2), Швеции (3), а максимума — в Албании (31), Болгарии (30) и Румынии (29). Это интересный результат, требующий даль-

нейшего изучения. Можно предположить, что работа обретает повышенную значимость, если она нестабильна, является единственным источником материального благополучия семьи, как сейчас в России, а свободное время — это привилегия экономически развитых обществ.

Отмеченные выше различия материального положения внутри двух когорт молодежи, а также радикальное влияние на дифференциацию молодежи экономического и социально-культурного капитала родительских семей позволяют говорить о разных экономических и социальных ресурсах групп молодежи, т.е. внутренняя дифференциация молодежи в России — безусловный факт: составляющие ее группы различаются, по Мангейму, местоположением в социальном пространстве. Для России актуальна в целом негативная тенденция укоренения и углубления социальной дифференциации молодежи по материальному положению и по обладанию образовательными и культурными ресурсами, необходимыми для старта и выстраивания жизненной траектории. Коммерциализация профессиональной подготовки и дополнительных образовательных услуг для детей и молодежи заложила неравенство в стартовые возможности и формирование жизненного выбора молодежи. Параллельно происходит субъективизация стратификационных различий, фиксируемая в ориентациях на манеру поведения, музыкальные пристрастия, стиль одежды и даже образ жизни.

Социализация современной молодежи

В период крупных социальных сдвигов, когда меняются ценности общества, нормы и образцы поведения, трансформируются и процессы социализации, причем как вторичной, протекающей в более зрелом возрасте, так и первичной — под влиянием новых ориентиров в жизни семьи, детских коллективов, сверстников. Первичная социализация поменяла даже во временном измерении режим воздействия семьи, Интернета, школы, сверстников, детских внешкольных коллективов. Приоритет в большинстве семей отдан Интернету как образовательной и развлекательной площадке, играющей главную роль в первичной социализации молодежи. Причем она протекает в режиме индивидуального общения с «машиной», не способствует интеграции индивида в коллектив, не формирует такие личностные структуры и ценностные системы, которые способствуют усвоению навыков общения и развивают коллективизм. В современных обществах, в том числе в России, сложилось новое межпоколенное взаимодействие в связи с развитием цифровой социализации [9].

Вторичная социализация обычно связывается с профессиональным становлением, послешкольным образованием, позволяющим начать трудовую деятельность, обретением социальной зрелости и устойчивой самоидентификации. Сегодня вторичная социализация стала более длительной, зачастую заходя на вторую половину жизни — когда человек уже должен быть соци-

ально зрелым по меркам прошлых десятилетий. Это связано с новыми тенденциями в сфере семейно-брачных отношений, удлинением сроков образовательного и профессионального самоопределения, повышением требований к профессиональной квалификации, к подготовке и переподготовке к работе в новых условиях, возросшей территориальной мобильностью, влияющей на укоренение в определенном месте жительства, воздействием массовой культуры, СМИ и Интернета, транслирующих образцы потребления и поведения, которые влияют на неустойчивость самоидентификации.

В отечественной литературе выделяют два направления в изучении социализации молодежи [10]: первое рассматривает социализацию как структурно-функциональный процесс для включения молодежи в общественное разделение труда, ее подготовки к выполнению ролевых функций. Соответственно, государство и другие институты обычно стремятся создавать для этого благоприятные условия и интегрировать молодое поколение в культуру, помогают осваивать нравственные, этнические и религиозные традиции, формировать целостное мировоззрение, являющееся для государства системообразующим [11]. Второе направление рассматривает социализацию молодежи преимущественно в социально-психологическом аспекте, с учетом социальной субъектности. Освоение молодежью пространства, правил и реальностей этого мира происходит постепенно, механизмами освоения становятся конструирование социальной реальности и ее проектирование. Причем конструкции и проекты молодого человека могут существенно отличаться от таких же инструментов «ответственного взрослого» (родители, учителя и т.д.) и динамично меняться [12].

Социализация обеспечивает разный уровень преемственности поколений, в одних условиях «работая» на разрыв или преобразование традиций, внедряя новые социальные практики, а в других условиях сохраняя традиции. Сегодня на социализацию молодежи воздействуют внутренние и внешние информационные потоки, сливаясь в общую информационную лавину, которая по глобальности воздействия на социализацию всех поколений, особенно молодежи, не имеет аналогов. Признавая необходимость использования в исследованиях молодежи разных парадигм — от анализа объективного положения молодежи в обществе до оценок со стороны общества и отдельных акторов происходящих в молодежной среде изменений, важно понимать и то, как сама молодежь оценивает разные факторы, влияющие на ее сознание и на ее социализацию.

Опрос показал, что в социализации современной молодежи существенно изменились факторы и условия, их соотношение, что сказывается на социализации младшей и старшей когорт. Сегодня, пожалуй, только семья сохранила свое влияние на ранних этапах социализации, но и в семье происходят заметные изменения. По статистике и по данным нашего опроса, в России растет доля неполных семей: 28 % респондентов старшей возрастной группы (25–34

года) росли в неполных семьях, когда им было 14 лет, но среди 18–24-летних таковых уже 35 %. Полностью доверяли своим родителям в этом юном возрасте в старшей группе 41 %, в младшей — 34 %; авторитетом родители были для 35 % в старшей и для 29 % в младшей группе; полностью уверены, что в сложной жизненной ситуации они получают реальную помощь от родителей, 52 % и 43 % соответственно (Табл. 4).

Таблица 4

**Какими были Ваши взаимоотношения с родителями,
одноклассниками и школьными учителями,
когда Вам было 14 лет? (в %)**

Полностью согласны с суждениями	18–24	25–34
Вы доверяли		
своим родителям	34	41
одноклассникам	11	9
учителям	8	13
Для Вас были авторитетом, их мнение служило ориентиром для Вас в жизни		
родители	29	35
одноклассники	2	2
учителя	7	10
В трудной ситуации Вы могли получить реальную помощь		
от родителей	43	52
от одноклассников	4	6
от учителей	9	10

Сравнение двух групп показывает низкий уровень доверия одноклассникам и учителям и снижение уровня доверия в младшей группе по сравнению со старшей. Учителям полностью доверяли в старших классах 13 % из старшей группы и только 8 % из младшей. Одноклассники отстают от учителей, и уровень доверия опять падает в младшей группе. Можно задать резонный вопрос: что стало со школьной дружбой, почему ей на смену пришли жесткая конкуренция и враждебность учащихся? Индивидуализм и отсутствие солидарности сейчас закладываются в детском и подростковом возрасте, нередко случаи буллинга в школьных и других молодежных коллективах. Все респонденты уже вышли из подросткового и переходного возраста, поэтому объяснять их оценки подростковым максимализмом и неприятием авторитетов вряд ли возможно.

По признанию респондентов, все большее влияние на молодежь школьного возраста оказывают неформальные отношения при снижении влияния

учителей и доверия к ним. В старшей группе 49 % отметили, что неформальные отношения в школе повлияли на то, как складывалась их жизнь в дальнейшем, в младшей группе — 57 %. Неформальные отношения выходят на еще более значимые позиции в поведении и социализации молодежи, когда после школы она приходит в учебные заведения или на работу. Их роль не снижается по сравнению со школой, а в младшей группе вырастает до 60 %.

Можно обоснованно предположить, что неформальные группы и общение в Интернете занимают главное место в первичной и вторичной социализации современной молодежи. Около 82 % младшей и более 88 % старшей группы заходят в Интернет каждый день. Более 50 % молодежи признали, что все свободное время проводят в Интернете, самые популярные сайты — ВКонтакте, Инстаграм¹ и YouTube. Младшая группа намного чаще использует эти сайты, например, на сайт ВКонтакте заходят 75 % младшей группы против 52 % старшей. Проявляют активность в Интернете примерно 50 % младшей и старшей групп: публикуют тексты, комментируют публикации, делают репосты и дублируют тексты, фото и т.д. Чужие блоги читает около трети посетителей Интернета в рассматриваемых группах. Благодаря Интернету активно происходит социально-сетевое группообразование на основе сильных и слабых связей, становящихся социальным капиталом молодежи. М. Грановеттер пришел к парадоксальному выводу, справедливому в отношении сетевых групп молодежи: слабые связи могут рассматриваться как необходимое условие формирования у индивидов возможностей и их интеграции в сообщества; сильные связи, способствующие формированию сплоченности на локальном уровне, на макроуровне приводят к фрагментации общества [14]. В работах отечественных авторов, изучавших проблемы формирования виртуальных групп молодежи, делается вывод, что уход в виртуальное пространство формирует новое социальное сообщество со своей культурой, политическими взглядами и языком общения [15].

Свое воздействие на самоидентификацию и социализацию молодежи оказывает и зарубежный кинематограф. Молодежь — основной посетитель кинотеатров, активный участник домашних просмотров фильмов. Молодежь, особенно младшая группа, предпочитает зарубежные кинофильмы — выбирает их в два раза чаще, отечественные. Тридцать лет постсоветской истории изменили систему ценностных и культурных ориентаций молодежи, способствовали их «сползанию» с национальной платформы, переходу на промежуточные позиции между традиционализмом и современностью.

Политические ориентации молодежи отличает плюральность и отстраненность от политики в силу неверия в свои возможности повлиять на нее.

¹ Компания Meta Platforms Inc., владеющая социальными сетями Facebook и Instagram, по решению суда от 21.03.2022 признана экстремистской организацией, ее деятельность на территории России запрещена

Нигилизм молодежи зиждется на недоверии к политическим институтам и критическом отношении к демократии в стране. Особенно это касается младшей группы, для 69 % которой важно жить в демократической стране, но только 29 % считают, что наша страна управляется демократично. Интересы молодежи сосредоточены в основном на проблемах своего материального благополучия и внутрисемейных отношениях, которые не всегда отличаются миролюбием и терпимостью, часто (50 %) носят конфликтный характер. Социализация молодежи проходит в условиях неустойчивого социального развития, рождает у нее внутренние психологические напряжения, страхи и опасения [16].

Таким образом, неослабевающее внимание к проблемам современной молодежи в России не случайно. В многочисленных исследованиях присутствует явная попытка не только сконструировать «социологический портрет» молодежи, но и понять, может ли общество рассчитывать на нее как агента развития России, насколько ее цели соответствуют ожиданиям общества и могут содействовать обновлению общественной жизни. Наш опрос показал, что в обществе продолжает закрепляться зависимость материальной дифференциации молодежи от материального положения родителей, что оказывает влияние на образовательное и профессиональное самоопределение молодых людей и их трудоустройство, не способствует консолидации молодежи и общества. Ориентация на материальные ценности, отстраненность от политических процессов, недоверие основным институтам общества превращают молодых людей в «аутсайдеров» политического влияния. Замкнутость во внутреннем мире и погружение в мир виртуальный, что уже оказало влияние на социализацию взрослой молодежи, делают проблематичным ее массовое политическое участие вследствие приверженности этике абсентеизма. Взрослая молодежь России обладает достигательными ориентациями, но реализует их через удовлетворение частного интереса, используя навыки виртуального общения и стремясь к самореализации в сугубо частном поле, обладает способностью к мобильности в профессиональной сфере и в социальном пространстве, но слабо связывает их с целями общественного развития. Можно предполагать, что при определенных условиях, допускающих большую свободу выбора в соответствии с личными устремлениями, не противоречащими общественным целям, эти достигательные ориентации способны превратить молодежь в активного актора развития страны.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-011-00285 «Социальная стратификация и социализация российской молодежи в постсоветский период»

Библиографический список

1. Мангейм К. Проблема поколений // Очерки социологии знания: Проблема поколений — состязательность — экономические амбиции. М., 2000.

2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. № 10.
3. Тихонов А.В., Мерзляков А.А., Почестнев А.А. Феномен латентного группообразования в регионах с различным уровнем социокультурной модернизации // Социологические исследования. 2021. № 10.
4. Беляева Л.А. Социальное пространство: от теоретических построений к эмпирическому изучению // Философские науки. 2012. № 6.
5. Гидденс Э. Устройство общества. Очерк теории структуризации. М., 2006.
6. Беляева Л.А. Напряжения социального пространства России и ее регионов в процессах модернизации // Проблемы социокультурной модернизации регионов России. М., 2013.
7. Черныш М.Ф. Молодежь на рынке труда: проблема неравенства // Социологические подходы к изучению социального благополучия. М., 2021.
8. Луков В.А. Концептуализация молодежи в XXI веке: новые идеи и подходы // Социологические исследования. 2012. № 2.
9. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М., 2020.
10. Луков В.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012.
11. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. М., 2010.
12. Ковалева А.И., Левичева В.Ф. Луков Вал.А. Теории молодежи: междисциплинарный анализ. М., 2012 // Социологические исследования. 2014. № 4.
13. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы // Россия реформирующаяся. Вып. 15. М., 2017.
14. Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10. № 4.
15. Козырева Л.Д., Зверькова С.А. Трансформация социальных связей молодежи в информационном обществе // Социодинамика. 2017. № 4.
16. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
17. Нарбут Н.П., Троцук И.В. Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (Часть 2) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-812-827

‘Adult’ youth in the contemporary social space of Russia*

L.A. Belyaeva

Institute of Philosophy of RAS,
Goncharnaya St., 12–1, Moscow, 109240, Russia
(e-mail: bela46@mail.ru)

Abstract. The study of the contemporary youth problems is impossible without generational analysis which provides methodological grounds for understanding the youth’s place in the social space, their functions and identification practices in the context of generational changes and

* © L.A. Belyaeva, 2022

The article was submitted on 26.04.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

continuity. The theoretical grounds for such an analysis were provided by the theory of generations by K. Mannheim, by his definition of socialization of the younger people who take their place in the hierarchy of generations. Some aspects of the generational analysis were developed by Mannheim quite thoroughly, others were only named, but his analysis was historically the first comprehensive study followed by the works of other authors. The article presents the results of the study of the social stratification and socialization of the ‘adult’ youth in contemporary Russia (cohorts of 18–24 and 25–34 years old) and of their position in the social space. Mannheim’s theory of generations was used as a methodological basis, while the empirical data was provided by the All-Russian representative survey of the ‘adult’ youth (N=1717). The author considers the influence of material well-being and education of parents on the financial differentiation, level of education and professional self-identification of the younger people; identifies the upward social mobility trend of the younger people compared to their parents; makes a conclusion about the consolidation of the social differentiation among the younger generations of Russians; analyzes the influence of parents, teachers, classmates, informal groups and virtual world on the primary and secondary socialization of the youth. The author argues that informal groups and Internet communications have become extremely important in the primary and secondary socialization of the contemporary youth, especially under their detachment from political participation and ethical absenteeism.

Keywords: ‘adult’ youth; social space; social stratification; socialization; generations; virtual world

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00285 “Social stratification and socialization of the Russian youth in the post-Soviet period”.

References

1. Mannheim K. Problema pokolenij [The problem of generations]. *Ocherki sotsiologii znaniya: Problema pokolenij — sostyazatelnost — ekonomicheskie ambitsii*. Moscow; 2000. (In Russ.).
2. Glotov M.B. Pokolenie kak kategoriya sotsiologii [Generation as a sociological category]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2004; 10. (In Russ.).
3. Tikhonov A.V., Merzlyakov A.A., Pochestnev A.A. Fenomen latentnogo gruppoobrazovaniya v regionah s razlichnym urovnem sotsiokulturnoj modernizatsii [Phenomenon of the latent group formation in regions with different levels of social-cultural modernization]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2021; 10. (In Russ.).
4. Belyaeva L.A. Sotsialnoe prostranstvo: ot teoreticheskikh postroenij k empiricheskomu izucheniyu [Social space: From theoretical constructs to the empirical study]. *Filosofskie Nauki*. 2012; 6. (In Russ.).
5. Giddens A. *Ustroenie obshchestva. Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2006. (In Russ.).
6. Belyaeva L.A. Napryazheniya sotsialnogo prostranstva Rossii i ee regionov v protsessah modernizatsii [Tensions in the social space of Russia and its regions under modernization]. *Problemy sotsiokulturnoj modernizatsii regionov Rossii*. Moscow; 2013. (In Russ.).
7. Chernysh M.F. Molodezh na rynke truda: problema neravenstva [Youth in the labor market: The problem of inequality]. *Sotsiologicheskie podkhody k izucheniyu sotsialnogo blagopoluchiya*. Moscow; 2021. (In Russ.).
8. Lukov V.A. Kontseptualizatsiya molodezhi v XXI veke: novye idei i podkhody [Conceptualization of the youth in the 21st century: New ideas and approaches]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2012; 2. (In Russ.).
9. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Nestik T.A. Tsifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost i bezopasnost [Russian Digital Generation: Competence and Security]. Moscow; 2020. (In Russ.).
10. Lukov V.A. *Teorii molodezhi: mezhdisciplinarny analiz* [Theories of the Youth: An Interdisciplinary Analysis]. Moscow; 2012. (In Russ.).

11. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. *Molodezh Rossii: sotsiologicheskyy portret* [Russian Youth: A Sociological Portrait]. Moscow; 2010. (In Russ.).
12. Kovaleva A.I., Levicheva V.F. Lukov Val.A. *Teorii molodezhi: mezhdistsiplinarnyy analiz*. M., 2012 [Lukov Val.A. Theories of the Youth: An Interdisciplinary Analysis. Moscow; 2012]. *Sotsiologicheskyye Issledovaniya*. 2014; 4. (In Russ.).
13. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Sovremennaya sotsiologiya molodezhi: izmenyayushchayasya realnost i novyye teoreticheskiye podkhody* [Contemporary sociology of the youth: Changing reality and new theoretical approaches]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Issue 15. Moscow; 2017. (In Russ.).
14. Granovetter M. *Sila slabyykh svyazey* [The strength of weak ties]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2009; 10 (4). (In Russ.).
15. Kozyreva L.D., Zverkova S.A. *Transformatsiya sotsialnykh svyazey molodezhi v informatsionnom obshchestve* [Transformation of the youth's social ties in the information society]. *Sotsiodinamika*. 2017; 4. (In Russ.).
16. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Sotsialnoye samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
17. Narbut N.P., Trotsuk I.V. *Sotsialnoye samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelnyy analiz strakhov, nadezhd i opaseniy (Chast 2)* [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2). (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-828-843

Жизненные и трудовые стратегии пенсионеров в современной России*

С.А. Барков, А.В. Маркеева, И.В. Колодезникова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,

Ленинские горы, 1, стр. 33, Москва, Россия, 119234

(e-mail: barkserg@live.ru; anna_markeeva@mail.ru; inna0105@yandex.ru)

Аннотация. На материалах всероссийского опроса пенсионеров (февраль 2022 года) выявлены их представления о труде в пенсионном возрасте, причины продолжения трудовой деятельности, проблемы при смене работы, отношение к новым формам занятости, жизненные установки и приоритеты. Представленный материал является продолжением статьи «Трудоустройство людей в пожилом возрасте: социальные императивы и ограничения в современной России» (№1 за 2022 год). Важнейшим фактором, изменяющим жизненные стратегии пожилых людей в постиндустриальном обществе, является их все большая вовлеченность в трудовую активность. Опрос показал, что базовый мотив труда в пожилом возрасте — получение дополнительного дохода. В депрессивных регионах и в периоды кризисов труд пенсионеров — одно из возможных средств не только их личного выживания, но и выживания их семей. С ростом благосостояния для работающих пенсионеров принципиально важными становятся социальные мотивы и самореализация. Различия в мотивации продолжения трудовой деятельности лежат как в плоскости личных характеристик (гендер, возраст), так и локальных социально-экономических обстоятельств (места жительства). Так, особыми мнениями по ряду вопросов выделяются пенсионеры Москвы, получающие городские надбавки и ощущающие себя менее бедными, чем пенсионеры в других регионах. Жизненные стратегии различаются у пенсионеров мужчин и женщин: вторые в меньшей степени довольны статусом неработающего пенсионера и в большей мере готовы использовать новые формы занятости, что в будущем может привести к более активному их трудоустройству. Более трети пенсионеров вопреки стереотипам готовы работать в дистанционном формате. Большинство пенсионеров не готовы стать самозанятыми, но постепенно многие начинают задумываться о такой форме занятости и осознают ее преимущества. Для повышения своей социальной роли в обществе пенсионеры предлагают создавать волонтерские и образовательные проекты, в которых они могли бы делиться знаниями и опытом с молодыми поколениями, и проводить мероприятия, показывающие вклад пожилых людей в развитие общества.

Ключевые слова: рынок труда; занятость; пенсионеры; трудовые стратегии; наставничество; профессиональное обучение; жизненные стратегии; самоощущение; отношение общества

*© Барков С.А., Маркеева А.В., Колодезникова И.В., 2022

Статья поступила 30.05.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

Пенсионеры — важный элемент социальной структуры российского общества. Социальные установки, поведение, экономическое положение, а также темпы роста данной социально-возрастной группы оказывают существенное влияние на социально-экономические и политические процессы, на взаимодействие социальных институтов и жизнедеятельность общества в целом [1; 8; 9]. Актуальность исследования жизненных и трудовых стратегий лиц пенсионного возраста признается учеными во всем мире. Накоплен значительный опыт теоретического изучения социально-психологических, социально-экономических и правовых аспектов культуры активного старения [7; 10; 12; 18], выявлены и проанализированы факторы, характеризующие специфику труда в пожилом возрасте [2; 3; 21]. Эти факторы определяют возможности и мотивы смены профессий в предпенсионном и пенсионном возрасте [1; 20], а также разнообразие трудовых стратегий пенсионеров [4; 6]. Данные исследований, посвященных положению пожилых работников на рынках труда различных стран, демонстрируют, что востребованность их труда обусловлена как сложившимися социально-экономическими условиями [6; 13–16; 18; 20–21], так и культурно-историческими традициями отношения к труду пожилых [7; 11; 17]. При этом по-прежнему в отношении этой возрастной группы во многих странах, включая Россию, существует целый ряд стереотипов [9], которые могут быть преодолены только при внимательном анализе мнений самих пенсионеров в интересах вовлечения людей этой возрастной группы в активную социальную и экономическую жизнь. Только в этом случае старость в России станет восприниматься как «золотой возраст», а не как «возраст дожития» — и самими пенсионерами, и российским обществом в целом.

Мотивы трудовой деятельности в пенсионном возрасте

Чтобы прояснить отношение пенсионеров к трудовой деятельности и определить их жизненные и трудовые стратегии, в рамках научно-исследовательского проекта «Особенности трудоустройства и карьеры пожилых людей в современной России» преподаватели социологического факультета МГУ провели всероссийский опрос пенсионеров. Респондентами стали лица пенсионного возраста из 71 субъектов Российской Федерации (всех 8 федеральных округов). В силу серьезных социально-экономических различий между территориями с разной степенью урбанизации для повышения репрезентативности опрос проводился в трех типах мест проживания пенсионеров: столицы субъектов, другие города, поселки или сельские населенные пункты (деревни). В ряде случаев специально выделялись респонденты, проживающие в Москве. По возрасту респонденты были разделены на 4 группы (55–59 лет; 60–65; 66–74; 75+) для более точного анализа изменений в отношении к трудовой активности в рамках старения. Анкета

состояла из 35 вопросов — общих и специальных для работающих и неработающих пенсионеров.

Опрос дал однозначный ответ на вопрос, какие мотивы преобладают у российских пенсионеров при продолжении трудовой деятельности. На первом месте стоит получение дополнительного дохода: труд для россиян в пенсионном возрасте — это необходимость, обусловленная нехваткой финансовых ресурсов для поддержания уровня и качества жизни. Так, на вопрос, чем для них является работа в пенсионном возрасте, 45 % респондентов выбрали вариант «средство зарабатывания денег», на втором месте — «необходимость» (42 %) (Рис. 1).

Рис. 1. Мотивы трудовой деятельности у лиц пенсионного возраста, %

О восприятии труда как необходимости говорят и другие социологические исследования [1; 2; 6]. Сложившиеся в стране условия приводят к тому, что для многих россиян старшего возраста труд перестал ассоциироваться с положительными эмоциями: в 2021 году 31 % опрошенных россиян старше 60+ указали, что «труд — неприятная необходимость; если бы мог, не работал бы» [2]. Эта негативная установка выявлена и в группе вопросов об условиях включения неработающих пенсионеров в трудовую деятельность. Так, 44 % неработающих пенсионеров «не пошли бы работать ни при каких условиях» (Рис. 2). Более 50 % работающих и ищущих работу пенсионеров «не работали бы, если бы им позволяли материальные возможности».

Желание пенсионеров работать связано не столько с абсолютным размером пенсий и общих доходов, сколько с оценкой своего материального положения относительно благосостояния других людей. Если в регионах главной причиной продолжения работы пенсионеры называли недостаточный размер пенсий, то в Москве на первое место они поставили нематериальный фактор — «привычку работать» (66 %) (Рис. 3).

Рис. 2. Условия возвращения на работу неработающих пенсионеров, %

Рис. 3. Причины продолжения работы в пенсионном возрасте, работающие и ищущие работу пенсионеры

Пенсионеры-москвичи, получающие более высокие пенсии, чем в регионах, к тому же дополненные городскими надбавками, не так сильно ориентированы на финансовый мотив трудовой деятельности. Причем дело именно в восприятии: статистика не свидетельствует о сильном превышении доходов пенсионеров в столице в сравнении с регионами. Минимальная пенсия неработающих пенсионеров в Москве на 1 января 2022 года составляет до 21193 рублей (до этой суммы выплачиваются городские надбавки), а средняя пенсия по стране — 18521 рублей. Понятно, что официальная статистика не полностью отражает реальное положение вещей. Более высокие средние доходы столичных семей, более высокие зарплаты как база определения размера пен-

сии, возможность относительно выгодно сдавать недвижимость и ряд других факторов увеличивают доходы пожилых людей, но все же речь не идет о многократном превышении. При этом важно ощущение себя «небедным» — чтобы мотивы трудовой деятельности изменились [5].

Выявленные различия между московскими и региональными пенсионерами ограничивают возможность масштабирования московских программ профессиональной переподготовки и трудоустройства, которые реализуются в рамках «Стратегии в интересах лиц пожилого возраста». Москва с ее флагманскими проектами в отношении трудоустройства и переобучения представителей старших возрастов («Моя карьера», «Моя работа») стала «полигоном» для обкатки различных программ. Однако данный комплекс мер разрабатывался под требования московских пенсионеров, с учетом их пожеланий и устремлений, а в силу выявленных различий он может потребовать существенной адаптации и переработки для использования в других регионах.

Результаты опроса показали необходимость отхода от рассмотрения пенсионеров как однородной группы — они различаются не только по личным характеристикам (гендеру, возрасту), но и по локальным социально-экономическим обстоятельствам (месту жительства, составу семьи): эти факторы определяют их жизненные и трудовые стратегии [4; 6]. Так, женщины чаще руководствуются социальными мотивами («не быть в одиночестве») и «увлеченностью работой»; у пенсионеров старше 65 лет «привычка работать» — более частая причина оставаться на рабочем месте, чем у младших возрастных групп; у пенсионеров с высоким достатком (например, если им помогают дети) главным мотивом продолжения работы становится самореализация — работа им интересна, они увлечены ею (Рис. 4).

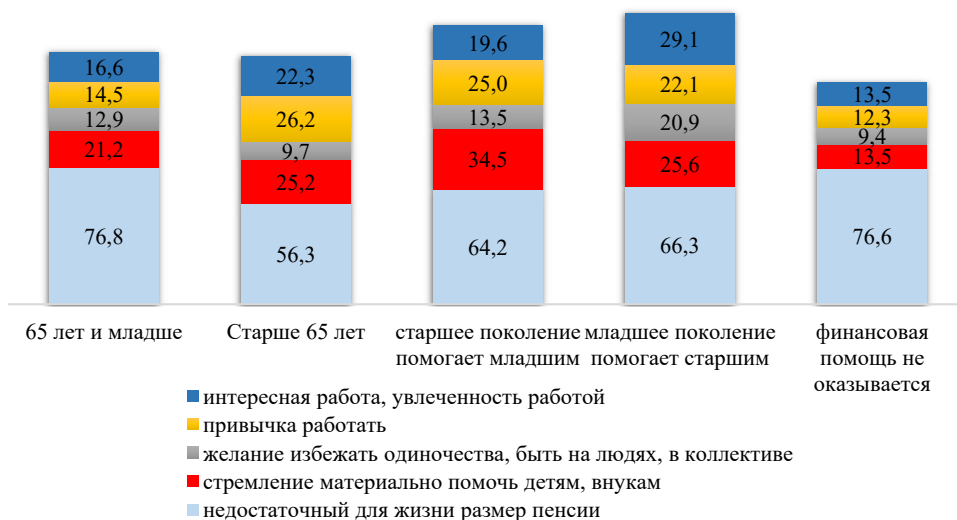

Рис. 4. Зависимость мотивов пенсионеров продолжать работать от их возраста и финансовой помощи, %, работающие и ищущие работу пенсионеры

Трудовые и жизненные стратегии пожилых людей

В ходе опроса были подтверждены общероссийские тенденции в отношении жизненных стратегий лиц старших возрастов [1–3; 8]. Так, 72 % опрошенных пенсионеров не работают и не ищут работу, 18 % нацелены на продолжение трудовой деятельности (работают сейчас и планируют продолжать), 4 % работают, но планируют прекратить работу, 7 % не работают, но ищут работу. Были выделены две базовые жизненные стратегии пенсионеров: активная — ориентация на продолжение трудовой деятельности (характерна для работающих и планирующих продолжать работать, а также для неработающих, но стремящихся найти работу); пассивная — ориентация на жизнь вне работы (характерна для завершивших трудовую деятельность или планирующих завершить ее).

Пол, возраст и образование — ключевые факторы, влияющие на выбор активной стратегии (Табл. 1). Так, ориентация на продолжение трудовой деятельности в большей степени характерна для мужчин (33 % против 20 %). Вероятно, более широкий круг домашних обязанностей или более интенсивное вовлечение в воспитание внуков обуславливает более низкие показатели ориентации женщин на продолжение занятости. Предпочтение активной стратегии также связано с возрастом (38 % респондентов младше 65 лет заинтересованы в продолжении работы или активно ее ищут, и только 13 % старше 65 лет отметили для себя такую возможность). Резонно предположить, что ухудшающееся с возрастом здоровье удерживает пожилых людей от продолжения работы.

Таблица 1

«Работаете ли Вы или ищете работу?», в %

Варианты ответов	Всего	Ваш пол		Возраст		Образование		
		мужской	женский	65 лет и младше	старше 65 лет	Неполное среднее/среднее	Средне-профессиональное	Высшее/неоконченное высшее
работаю (полный/неполный день) и планирую продолжать ближайшее время	17,6	21,7	15,7	27,9	9	4,2	13,7	23,3
работаю (полный/неполный день), но планирую прекратить в ближайшее время	4,2	4,1	4,2	5,9	2,7	0,4	3,1	5,8
не работаю, но ищу работу	6,7	11,5	4,5	10,3	3,7	6,3	4,0	9,8
не работаю и не ищу работу	71,5	62,7	75,6	64,9	84,6	89,1	79,2	61,1

Важное значение для реализации активной стратегии имеет образование: пенсионеры с высшим образованием чаще выбирают активную стратегию (23 % из них работают, 10 % находятся в поиске работы; среди опрошенных со средним образованием таковых 14 % и 4 % соответственно).

Пенсионерам, нацеленным на продолжение работы, были заданы вопросы о возможностях и сложностях смены работы и последующего трудоустройства. Среди пенсионеров, нацеленных на продолжение трудовой деятельности, 33 % меняли работу по достижении пенсионного возраста. 35 % из менявших работу испытывали сложности с поиском нового места работы («сложно» и «очень сложно» было найти работу). Было установлено (Рис. 5), что пенсионерам сложно найти не только желаемую работу (по профилю, близко к дому, с достойным окладом), но часто хоть какую-нибудь работу.

Рис. 5. Сложности при трудоустройстве в пенсионном возрасте, %, работающие и ищущие работу пенсионеры, кто испытывал сложности при смене работы по достижению пенсионного возраста

При наличии таких сложностей при трудоустройстве и осознании их пенсионерами интерес представляло выявление факторов, которые все же подталкивают работающих пенсионеров прекратить работу или уволиться с текущего места работы (Рис. 6).

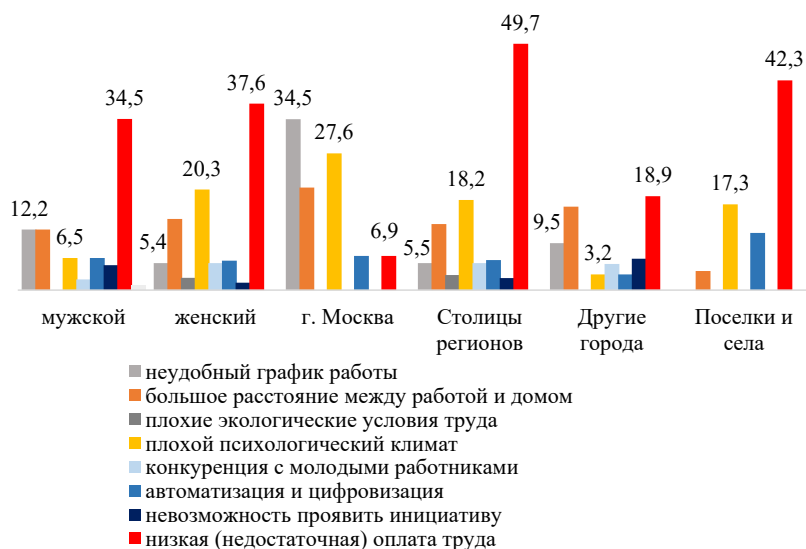

Рис. 6. Важнейшие причины увольнения работающих пенсионеров, %

В ответах на этот вопрос были выявлены различия по гендерному и территориальному признакам. Так, помимо общезначимого для мужчин и женщин фактора низкой оплаты труда мужчины чаще называли неудобный график работы, а женщины — психологический климат в коллективе. Говоря о возможных причинах увольнения (связанных с особенностями жизни в столичной агломерации), московские пенсионеры указали прежде всего неудобный график и большое расстояние между работой и домом. Тем не менее, проявилась общая закономерность: чем выше доход человека, тем более значимы для него социально-психологические условия работы, например, резко увеличивается значимость психологического климата при принятии решения о продолжении работы или увольнении. Такая позиция характерна и для тех, кто «все равно продолжал бы работать, даже если пенсии и помощи от детей хватало бы на безбедную жизнь». Опрос подтвердил, что люди готовы мириться с плохими психологическими условиями работы, только если ощущают себя бедными. Если такого ощущения нет, они становятся очень внимательны к социально-психологическим аспектам работы и к тому, как складываются их отношения с коллегами и начальством.

Новые форматы работы и занятости

Работодатели и специалисты кадровых служб часто рассуждают о том, что почти все представители старшего поколения испытывают сложности в работе с информационно-компьютерными технологиями, поэтому не готовы и не хотят воспринимать новые форматы, в частности, дистанционной работы [3–4; 6; 9]. Согласно данным опроса, более трети пенсионеров выразили готовность работать в дистанционном формате. При этом отношение к дистанционной работе было очень категоричным — в ответе на вопрос не было неопределенных: 38 % готовы работать дистанционно, 62 % не рассматривают такой формат работы. Вероятно, опыт жизни в условиях пандемии и вынужденное погружение в дистанционный формат работы и жизни позволили респондентам сформировать четкую установку относительно «ухода на дистант». Готовность к дистанционной работе определяется множеством факторов, наиболее очевидными оказались пол, возраст (чем старше человек, тем труднее ему дается взаимодействие с информационно-компьютерными технологиями) и образование (чем выше образование, тем проще использовать дистанционный формат). Неочевидным, но логичным фактором выбора дистанта стало место жительства: в целом пенсионеры, проживающие в сельской местности, выразили большую склонность к поиску дистанционной работы. По всей видимости, в условиях постоянного дефицита рабочих мест в селах многие пожилые люди начали понимать, что единственно возможное трудоустройство на пенсии — это некая форма работы на компьютере и с использованием Интернета (несмотря на то, что в сельской местности и с наличием компьютеров, и с устойчивым Интернетом бывают серьезные проблемы).

Понятным и не теряющим важности фактором положительного отношения к дистанционной форме занятости стало наличие в организации, где работает пенсионер, обратного наставничества (практики обучения пожилых работников молодыми). Если молодежь активно делится знаниями и умениями по части владения компьютерной техникой, лицам старших возрастов легче ее использовать в работе. Поддержка коллег определяет еще одну закономерность — люди, не менявшие работодателя, лучше относятся к дистанционной форме занятости, чем те, кто менял работу (Табл. 2).

Таблица 2

Факторы, обуславливающие готовность пенсионера работать дистанционно (%), работающие и ищущие работу пенсионеры)

Готовы ли Вы работать в дистанционном формате?	Пол		Образование			Смена работы на пенсии		Наличие системы обратного наставничества	
	мужской	женский	Неполное среднее/ среднее	Средне- профессиональное	Высшее/ неоконченное высшее	да	нет	да	нет
да	27,3	46	40	20,9	49,3	30,1	42,5	43,2	29,8
нет	72,7	54	60	79,1	50,7	69,9	57,5	56,8	70,2

Интересные данные получены по поводу самозанятости и возможности применения такой жизненной траектории в пожилом возрасте: 40 % допускают для себя такую возможность, 56 % — не рассматривают ее вообще (Рис. 7). Наш опрос зафиксировал большую готовность к самозанятости, чем исследования ВЦИОМ [2] двухлетней давности: в 2020 году только 20 % в возрасте 45–59 лет и 10 % представителей группы 60+ «хотели бы реализоваться как фрилансеры и самозанятые». Так как закон о самозанятых был принят не так давно, и его применение сначала ограничивалось только рядом регионов, люди постепенно узнают преимущества данного вида трудоустройства, и с каждым годом его сторонников становится все больше. За два года цифры, отражающие положительное отношение к самозанятости у пенсионеров, увеличились почти в четыре раза. От лиц младших возрастов и от своих сверстников они получают информацию о том, какие преимущества дает такая работа и даже сам статус самозанятого. Например,

многие пенсионеры, которые официально сдают недвижимость, поняли, что налог у самозанятых будет в два раза меньше, чем тот, который платят «несамозанятые».

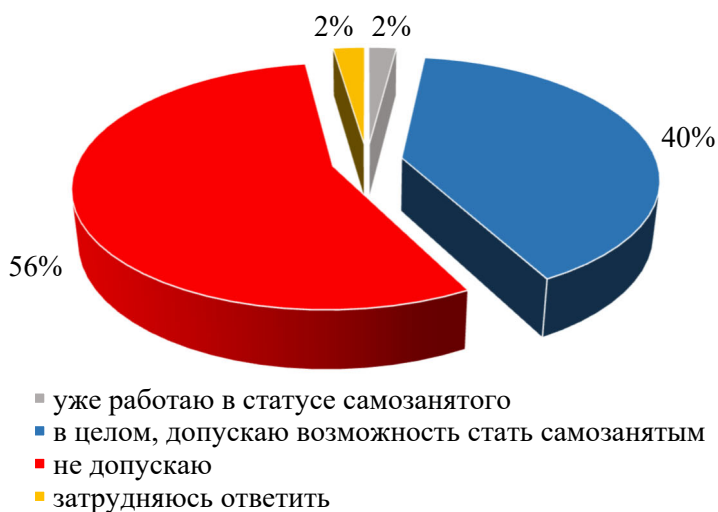

Рис. 7. Готовность пенсионеров стать самозанятыми, %, работающие и ищущие работу пенсионеры

Информационная политика государства по популяризации самозанятости имела положительный эффект: пенсионеры стали лучше понимать преимущества самозанятости — упрощение отчетности и оптимизация налогов (16%). Для сравнения: в 2020 году в опросе ВЦИОМ среди респондентов старше 60 лет таковых было только 2%. Ключевым преимуществом самозанятости те опрошенные, кто рассматривает такую форму, назвали свободу действий (независимость от руководства, возможность гибко выстраивать график работы) (Рис. 8), реже упоминались возможности самореализации и общения. В большей степени интерес к самозанятости проявляют более «молодые» пенсионеры (младше 65 лет), более образованные и жители столиц регионов. В целом пенсионеры начинают видеть плюсы самозанятости и понимают, что она, помимо всего прочего, позволяет реализовать давнюю мечту, например, заработать на хобби.

Сформированные в рамках программ обратного наставничества механизмы взаимодействия пожилых и молодых сотрудников учат первых функционировать в среде, где более молодые сотрудники обладают большим объемом технических знаний и готовы ими делиться. Принятие пожилыми новой социальной реальности, умение работать и найти свое место в услови-

ях префигуративной культуры — важные составляющие успешной социальной адаптации и профессиональной ориентации пожилых [3; 8], что определяет возможность выйти «в свободное плавание» и стать самозанятым.

Рис. 8. Преимущества самозанятости, %, допускающие такую возможность

Жизненные стратегии и семейные ценности

Постиндустриальные реалии существенно преобразили отношения в семьях — современные ценности ориентируют и молодых, и пожилых россиян на относительную свободу в принятии жизненно важных решений и определенную степень автономии. В этих условиях пенсионеры демонстрируют синтез традиционных и новых паттернов поведения [8], что особенно характерно для женщин. Большинство мужчин пенсионного возраста проживают с супругой (что связано с меньшей продолжительностью жизни мужчин в России), но только треть женщин пенсионного возраста — с мужем или партнером, что совпадает с общероссийскими данными. Среди женщин больше одиноких (36 % против 27 %), больше тех, кто живет с детьми или другими родственниками (8 % против 5 %). Эти внешние обстоятельства приводят к тому, что из-за серьезного разрыва в продолжительности жизни стратегии мужчин и женщин различаются — это касается как сроков (времени), отведенных на определенные социальные практики, так и их качества. Так, среди сторонников пассивной жизненной стратегии в отношении трудоустройства большинство — женщины (Табл. 1), а в слу-

чае продолжения работы они обычно остаются на том же месте после выхода на пенсию (65 % против 35 %).

Ответы на вопрос, довольны ли они своей жизнью неработающего пенсионера, у женщин распределились практически в пропорции 50/50. Значительный процент недовольных женщин позволяет предположить, что в будущем именно женщины будут искать возможности для активного долголетия и переходить к активной жизненной стратегии. Предпосылки для этого существуют практически во всех российских регионах — реализуются программы проекта «Активное долголетие» (число участвующих женщин намного превышает число мужчин). Кроме того, преимущественно женщины готовы работать в дистанционном формате: в данном случае, видимо, сказываются особенности трудоустройства женщин пожилого возраста — они часто заняты в сфере услуг и работают на должностях разного ранга в административном аппарате; многие из них на работе используют компьютер и в условиях пандемии получили опыт дистанционной занятости. Многие женщины пенсионного возраста прошли курсы компьютерной грамотности в рамках образовательных программ для пожилых. Закономерным итогом стала готовность женщин использовать компьютерную технику в работе. Женщин больше и среди тех, кто уже работает в статусе самозанятого или допускает такой формат для себя в будущем. Новые возможности нестандартной занятости ближе российским женщинам-пенсионерам, чем их сверстникам-мужчинам. Все это говорит о том, что скоро женщины смогут составить мощную когорту «постиндустриальных» пенсионеров, не планирующих жить на государственные выплаты, а желающих продолжать активно трудиться.

Неожиданными и интересными результатами опроса, требующими дальнейшего изучения, стали данные об отношении пожилых людей к оказанию финансовой помощи детям. Большинство респондентов среди пенсионеров, которые работают и стремятся продолжать работать в будущем, не помогают своим детям. Это важный маркер происходящих в обществе изменений, поскольку он находится в чувствительном институциональном поле: традиционно помощь детям рассматривалась многими пенсионерами как главный смысл их жизни. Однако ситуация меняется, и пенсионеры работают прежде всего для себя. Многообразие мотивов, которыми они при этом руководствуются (желание увеличить доход, стремление к общению или самореализации), не отменяет главного — они делают это для себя, а не для других членов семьи. Хотя предварительный вопрос о наличии детей респондентам не задавался и среди отрицательно ответивших о желании помогать были и бездетные респонденты, нельзя не отметить, что такие ответы указывают на укрепление индивидуалистических ценностей в российском обществе.

Среди респондентов, которые помогают младшим поколениям, большинство планируют завершить работу в ближайшее время — они вынуждены трудиться до тех пор, пока дети не «встанут на ноги», но после этого работать не хотят. Достаточно много респондентов ищут работу, чтобы поддержать детей и внуков (временная вынужденная мера до момента, когда у младших поколений появится достаток). Безусловно, ситуация с финансовой помощью различается по регионам и даже от семьи к семье, но в целом институт семьи в современной России переживает значительную трансформацию.

Самоощущение пенсионеров и отношении общества к ним

В завершение опроса пожилым людям были заданы вопросы о самоощущении и оценке отношения общества к ним. Среди неработающих пенсионеров большинство довольны своей жизнью (62 %; 32 % не удовлетворены; 6 % затруднились ответить) — это относится ко всем группам респондентов — одиноким и имеющим семью, высокообразованным и имеющим среднее образование; несколько меньше довольных своим статусом в Москве, но их все равно больше половины.

Работающие пенсионеры не конфликтуют с молодежью — об этом заявили 79 %: различные сложности и препятствия, связанные с проявлениями эйджизма, они испытывают в процессе поиска работы и трудоустройства, а внутри организации уже не сталкиваются с предвзятым отношением. Респонденты, которые отметили наличие межпоколенческих конфликтов, полагают, что их основными причинами являются разные подходы к решению рабочих проблем и нежелание молодых учиться у старших. Такие причины можно считать вполне естественными, поскольку они представляют собой преломление вечной проблемы «отцов и детей» в трудовой деятельности. Такие конфликты могут обладать существенным положительным эффектом для организации — позволяют выявить рабочие проблемы, заострить разницу между их возможными решениями, определить востребованность прошлого опыта и инновационных подходов.

Отношение общества к пенсионерам респондентов попросили оценить по тому, как представлен их образ в СМИ и художественных произведениях. Большинство (71 %) считают этот образ положительным, отмечая, что пенсионеры в рекламе, на телевидении, в сериалах и фильмах являются активными и полными сил. 30 % придерживается противоположного мнения — что старшее поколение изображается в депрессии и с ограниченными возможностями. Пенсионеры не считают, что в существующем о них представлении нужно что-то менять. Отвечая на вопрос о том, что может сделать общество и государство для повышения их социальной роли и улучшения жизни, только 20 % отметили, что необходимо пока-

зывать больше примеров успешной активной старости в телевизионных передачах и других СМИ.

Хотя мы этого часто не замечаем, создатели контента для российских СМИ и люди творческих профессий создают в целом положительный, а иногда даже притягательный образ пожилого человека. Отрицательный образ российского пенсионера уже несколько десятилетий кочует по зарубежным СМИ, олицетворяя общее негативное отношение к нашей стране (убогая старушка, живущая в покосившейся избе и собирающая деньги на хлеб). Отечественная информационная среда, в которой находятся пожилые люди (не так много сведений получающие из зарубежных источников), успешно ставит барьеры к проникновению негативных представлений о стариках и образах «русской старости».

В завершение опроса пенсионеры поделились мыслями о том, как можно более активно использовать их знания, опыт и потенциал, — создавать волонтерские и образовательные проекты, в рамках которых они могли бы делиться знаниями и опытом с молодыми поколениями; проводить мероприятия, показывающие вклад пожилых людей в работу предприятий и организаций, жизнь городов и развитие страны. Современные пенсионеры активно участвуют в общественных начинаниях, стремятся помогать детям и начинают учиться «жить для себя». При более активном использовании потенциала пожилых россиян их опыт и знания гармонично дополняют энергию и энтузиазм молодых поколений в создании стабильно и прогрессивно развивающегося общества.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ. Проект № 20-511-00020 «Особенности занятости и социализации лиц пенсионного возраста в Республике Беларусь и Российской Федерации: компаративистский социологический анализ»

Библиографический список/References

1. Барсуков В.Н., Шабунова А.А. Тренды изменения трудовой активности старшего поколения в условиях старения населения // Проблемы развития территории. 2018. № 4 / Barsukov V.N., Shabunova A.A. Trendy izmeneniya trudovoy aktivnosti starshego pokoleniya v usloviyah stareniya naseleniya [Trends in the labor activity of the older generation under the population aging]. *Problemy Razvitiya Territorii*. 2018; 4. (In Russ.).
2. ВЦИОМ. Труд-2021: запрос на баланс жизнь/работа. 24.02.2021 / WCIOM. Trud-2021: zapros na balans zhizn/rabota [Labor-2021: Request for a life/work balance]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/trud-2021-zapros-na-balans-zhizn-rabota>. (In Russ.).
3. Глуханюк Н.С., Сергеева Т.Б. Индивидуальные свойства как корреляты готовности к мобильному поведению в пожилом возрасте (в контексте профессиональной занятости) // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. № 5 / Gershkovich T.B., Glukhanyuk N.S. Individualnye svoystva kak korrelyaty gotovnosti k mobilnomu povedeniyu v pozhilom vozraste (v kontekste professionalnoy zanyatosti) [Individual characteristics as correlates of readiness for mobile behavior in the older age (professional employment)]. *Mir Nauki. Pedagogika i Psikhologiya*. 2019; 5. (In Russ.).

4. Забелина О.В. Особенности занятости и проблемы трудоустройства лиц старших возрастных групп на российском рынке труда // Экономика труда. 2018. Т. 5. № 1 / Zabelina O.V. Osobennosti zanyatosti i problemy trudoustroystva lits starshih vozzrastnykh grupp na rossiyskom rynke truda [Features and problems of employment of the older age groups in the Russian labor market]. *Ekonomika Truda*. 2018; 5 (1). (In Russ.).
5. Зеликова Ю.А. Субъективное благополучие пожилых людей (кросс-национальный анализ) // Социологические исследования. 2014. № 11 / Zelikova Yu.A. Sub'ektivnoe blagopoluchie pozhilykh lyudey (kross-natsionalny analiz [Subjective well-being of the elderly (a cross-national analysis)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 11. (In Russ.).
6. Картузова М.В. Трудовые практики старших возрастных групп: причины выбора // Экономическая социология. 2020. Т. 21. № 1 / Kartuzova M. Trudovye praktiki starshih vozzrastnykh grupp: prichiny vybora [Work practices of the older groups: Reasons for choice]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*. 2020; 21 (1). (In Russ.).
7. Маркеева А.В., Колодезников И.В. Технологии вовлечения пожилых людей в трудовую деятельность (обзор зарубежного опыта) // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 11 / Markeeva A.V., Kolodeznikova I.V. Tekhnologii vovlecheniya pozhilykh lyudey v trudovuyu deyatelnost (obzor zarubezhnogo opyta) [Technologies for involving the older in work (a review of foreign experience)]. *Obshchestvo: Sotsiologiya, Psikhologiya, Pedagogika*. 2021; 11. (In Russ.).
8. Шмерлина И.А. Возрастные конструкты и стиль жизни в старшем возрасте // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 1 / Shmerlina I.A. Vozzrastnye konstrukty i stil zhizni v starshem vozzraste [Age constructs and lifestyle in the older age]. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*. 2014; 1. (In Russ.).
9. Barkov S.A., Markeeva A.V. Young and aged employees in the Russian labor market: Confrontation or complementarity? *Postmodern Openings*. 2021; 12 (1).
10. Bogdanova E., Grigorieva I. The crisis of neoliberal project of aging during the covid-19 pandemic: From compulsory activity to mandatory isolation. *Journal of Adult Protection*. 2020; 23 (2).
11. Conen W., Henkens K., Schippers J. Employers' attitudes and actions towards the extension of working lives in Europe. *International Journal of Manpower*. 2012; 33 (6).
12. FitzGerald D., Reid A., O'Neill D. Promoting workability for our ageing population. Parry E., McCarthy J. (Eds.). *The Palgrave Handbook of Age Diversity and Work*. London; 2017.
13. Gietel-Basten S., Mau V., Scherbov S., Sanderson W., Shulgin S. Ageing in Russia: A regional appraisal. *Journal of Population Ageing*. 2020; 13.
14. Goić S. Employees older than 50 in Croatian labor market — need for a new approach. *Journal of Human Resource Management*. 2017; 20 (2).
15. Holder L. *Innovative Beratung zur Förderung der Teilhabe von Menschen 50+ am. Berufs- und Sozialleben*; 2019.
16. Hughes M., Bigby Ch., Tilbury C. Australian social work research on ageing and aged care: A scoping review. *Journal of Social Work*. 2016; 18 (4).
17. Karpinska K., Henkens K., Schippers J. Hiring retirees: Impact of age norms and stereotypes. *Journal of Managerial Psychology*. 2013; 28 (7/8).
18. Mucci N., Tommasi E., Giorgi G., Taddei G., Traversini V., Fioriti M., Arcangeli G. The working environment as a platform for the promotion of active aging: An Italian overview. *Open Psychology Journal*. 2018; 12.
19. Nilsson K. Conceptualization of ageing in relation to factors of importance for extending working life — a review. *Scandinavian Journal of Public Health*. 2016; 44 (5).
20. Truxillo D.M., Cadiz D.M., Hammer L.B. Supporting the aging workforce: A research review and recommendations for workplace intervention research. *Annual Review of Organizational Psychology and Organizational Behavior*. 2015; 2.
21. Zacher H., Kooij D., Beier M. Successful aging at work: Empirical and methodological advancements. *Work, Aging and Retirement*. 2018; 4 (2).

Life and work strategies of pensioners in contemporary Russia*

S.A. Barkov, A.V. Markeeva, I.V. Kolodeznikova

Lomonosov Moscow State University,

Leninskie Gory, 1–33, Moscow, 119234, Russia

(e-mail: barkserg@live.ru; anna_markeeva@mail.ru; inna0105@yandex.ru)

Abstract. Based on the data of the All-Russian survey of pensioners (February 2022), the article reveals their opinions on working in retirement, reasons for continuing work, problems when changing jobs, attitudes to new forms of employment, and life priorities. The article continues the analysis presented in the article “Employment of the elderly: Social imperatives and barriers in contemporary Russia” (2022; 22 (1)). The most important factor affecting the life strategies of the elderly in the post-industrial society is their increasing involvement in labor activity. The survey showed that the basic incentive for working in the older age is additional income. In depressed regions and during crises, work is one of the possible means for survival of both pensioners and their families. However, under the growing well-being of working pensioners, social motives and incentives for self-realization become fundamentally important. Differences in the pensioners’ motivation to continue their labor activity are determined by both personal characteristics (gender, age) and local social-economic circumstances (place of residence). Thus, Moscow pensioners, who get city allowances and feel less poor than pensioners in other regions, express special opinions on a number of issues. Life strategies differ significantly by gender: retired women are less satisfied with their status as non-working pensioners and are more willing to use new forms of employment, which may lead to more active employment of women in the future. More than a third of pensioners, contrary to stereotypes, are ready to work remotely. Most pensioners are not ready to become self-employed, but many start to consider this form of employment and admit its benefits. To improve their social role, pensioners propose to develop volunteer and educational projects in which they could share knowledge and experience with the younger generations, and to hold events that would show the elderly’s contribution to the development of society.

Keywords: labor market; employment; pensioners; labor strategies; mentoring; vocational training; life strategies; self-perception; attitude of society

Funding

The study was funded by RFBR and BRFB. Project No. 20-511-00020.

* © S.A. Barkov, A.V. Markeeva, I.V. Kolodeznikova, 2022

The article was submitted on 15.06.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-844-859

The core of the Russian power reputation space: Expert assessment and public opinion*

N.N. Rozanova, E.E. Sukhova

Smolensk State University,
Przheval'skogo St., 4, Smolensk, 214000, Russia
(e-mail: rozznina@yandex.ru; elena-suchova@mail.ru)

Abstract. The article is based on the data collected in the study of the Russian power reputation space. The study focused on both the Russian power in general (official state and municipal power) and the regional power including the state executive power of the region. The authors defined several levels (federal/regional/municipal) and branches (legislative/executive/judicial) of power as the coordinate system structuring the space of power; and for the regional executive power, also peculiarities of responsibilities carried by the subjects of power. The study aimed at identifying the core and periphery of the reputation space of the Russian power based on the results of the two-stage sociological study — expert assessments and mass survey. The authors argue that the reputation space of both the Russian power in general and the regional power is multi-component and formed by the reputation of different subjects of power with a high degree of mutual influence. The study revealed a significant difference in the definitions of the core of the reputation space by the population and experts. The federal power constitutes the core of the reputation space of the Russian power as structured by its levels, according to experts and public opinion. Experts believe that the executive branch constitutes the core of the reputation space as structured by its branches, while the influence of the reputation of different branches seems balanced for public opinion. The similar situation was identified in the reputation space of the regional power. The authors also identified the significant influence of the personification factor on the reputation space of both the Russian power in general and the regional authorities. This leads to a 'shift' of the reputational core, which becomes especially evident in public opinion on the role of the president's reputation: every third respondent identifies it with the reputation of the entire Russian power.

Keywords: reputational space of power; reputation of the Russian power; reputation of the regional power; core and periphery of the reputation space; value attitude to the power; expert assessments; public opinion

The study of the 'reputation of the Russian power' (with trust as its essential feature) is actualized by the tasks of strengthening the internal political consolidation of society and government under the growing international threats. Trust becomes a central indicator of public opinion about the state policy and a precondition for the viability of the political system [1. P. 175]; it allows us to estimate the margin of safety

*© N.N. Rozanova, E.E. Sukhova, 2022

The article was submitted on 26.08.2022. The article was accepted on 26.10.2022.

of the public administration institutions [28. P. 151]. Researchers note a growing gap between people's social-economic and political expectations and the fulfillment of the authorities' promises [9. P. 162–163], in addition to the clear alienation of the Russian society from the power [see, e.g.: 10. P. 40; 19. P. 78]. The low level of trust in state institutions is reflected in the demand for 'law and order' and social justice without which incentives for positive action are missing [12. P. 25].

Overcoming the political alienation of power (i.e., counter modernization) from society [39. P. 31] depends largely on how much the power (as a governing entity) is ready to develop a policy based on the coordination of the main actors' interests. At the same time, the state should be perceived as an integral part of the community, which is characterized not only by a coalition of interests but also by morality binding the society into a single organism [9. P. 169]. Russians relate any political authority with to 'common endeavor', i.e., certain moral values kept by the activities of the politician and power [30. P. 46]. The social being of contemporary politics distorts value bases, creates the autonomy of political subjects from society [31. P. 158]. The alienation can be overcome if there is mutual trust and political responsibility between the government and the population [16. P. 37]. Therefore, we need a further search for optimal conceptual schemes in the study of the power [17. P. 25], and the focus on its reputation is a promising field of research. In the study of the reputation of the Russian power we believe in the predominance of citizens' requests for moral authority, first of all, such reputation characteristics as honesty, responsibility, justice, care for the people, their protection. The power's reputation as a stable value perception is based on the assessment of its real actions, the system of citizens' expectations and ideas about proper power.

Provided the complexity of the 'power' phenomenon and its current multidimensional interpretation [17. P. 21], we combined the idea of "power as empowerment" [8. P. 33], the communication theory defining power as a coordinated action to implement collective goals (political power exists and functions only if citizens support it, interact with each other, society and the state in harmony), and the neoinstitutional approach (mainly sociological institutionalism) to consider the reputation of the public power — official state and municipal power (Articles 71, 80, 132 in the Constitution of the Russian Federation). Since the reputation reflects citizens' value attitude towards it, we can consider a triumvirate of the state and municipal power with the civil society [4] as reflecting an understanding of power as a genuine democracy (1). Such a perspective correlates with the social-cultural imperative significant for the understanding of the Russian national-state identity as associated with the specific image of the political power: generalized 'power' is not just a collective actor protecting national interests and representing Russia in the international arena, but also an expression of the social-cultural 'Russianness' ('a special path' of the country) in the global space [34. P. 15].

The study is based on the concept of space as a metaphor for describing the structure of a certain phenomenon [34. P. 64], in our case — power's reputation

as a series of power's images [15. P. 7–8]. The spatial paradigm provides the methodological foundations for the study of the communication space of power and society [11. P. 141]. The difference between the virtual (imaginary) social space and the physical space was defined by P. Bourdieu on the basis of various subspaces or fields, including a special political field that develops in the interaction of political actors [27. P. 69] such as the 'field of power' — the space of power relations between agents and institutions [2. P. 369]. The concept of political space has evolved towards the social one [26. P. 17], while power as a general social phenomenon is transforming into a political phenomenon forming a social space of political power and preserving social integrity and order [7. P. 7]. Bourdieu introduced the concept of 'symbolic power' as based on 'symbolic capital' distributed among agents of political relations) in accordance with their positions in the 'political field'. To hold their positions in the field of political activity, such agents need to have the trust of as many citizens as possible [18].

There is a variety of approaches to the study of the political space, in particular of the Russian power space [7; 13; 25; 27; 28; 32; 39]. Thus, the institutional approach defines the political field as a space of relations between political actors determined by the constantly (re)produced rules — we see interactions about significant issues within the existing and alternative projects, goals and strategic decisions. The common goals and values developed in the political field become the basis for societal integration and legitimization of the social order [21. P. 43]. In the reputation space of power, the relations of actors (subjects of power and citizens) are determined by the reputation of power (its content, features, sources, evaluation).

In the structure of the reputation space, we can distinguish the core — the reputation of the main subject of power, which is decisive for the reputation of other subjects of power — and the periphery — reputation of subjects that influence the reputation of the main subject to a greater (near periphery) or lesser extent. The core is the most stable structural part, which is expressed in the stability of society and social reality, in the immutable fundamental principles of its construction. The core of reputation is made up by the deep, irrational, subconscious mechanisms of critical opinion and trust [14. P. 65]. The identification of the core can be correlated with the status roles of subjects in the political field [6].

According to Bourdieu, the space of power distribution is represented in the circle, the center of which is located everywhere and nowhere; and M. Foucault's concept of power supports the idea of the dispersion of power throughout the field of political space [18. P. 189]. Therefore, as a coordinate system structuring the space of power [35. P. 64] for the reputation space of the Russian and regional power, we suggest levels (federal/regional/municipal) and branches (legislative/executive/judicial) of power; for the reputation space of the regional executive power, we add the power's specifics of such subjects as governor/supreme executive authority/executive authorities of the region.

The first survey of experts and population was conducted in 2021: experts explained the contribution of various levels and branches, of the highest bodies and officials to the general reputation of the Russian power. The respondents were asked to assess the contribution of each of the proposed factors (from 3 to 4 in each question) in such a way that the values in total would not exceed 100 %. 15 experts took part in the survey, they were selected by the ‘snowball’ sampling, their competence was confirmed by their qualifications, level of education and the wide practical experience in the studied fields. The high ($W = 0.76$ and 0.89) and average ($W = 0.66$, 0.55 and 0.61) degree of consistency of expert opinions (2) allowed to conduct the further research with the average estimates by ranking the initial data for the subsequent comparison with the average values of the respondents’ answers in the mass survey.

Residents of Central Russia participated in the second survey based on the questions similar to those presented for expert evaluation. The sample ($N=1500$) was multi-stage: first, the regions of Central Russia were selected (Belgorod, Bryansk, Kaluga, Lipetsk, Orel and Smolensk Regions) (3) as clusters [24. P. 51–77]; then the quota sample was used — by gender, age and place of residence (regional center/periphery). The sample size calculations were based on the official statistical data of January 1, 2021 [5; 20]. The volume and structure of the sample meet the requirements of representativeness, the sampling error does not exceed 2.53 % (high reliability).

Reputation space of the Russian power

The dependence of the reputation of the Russian power in general on the reputation of its levels in public opinion is presented in Table 1. The greatest contribution to the reputation of the Russian power is made by the reputation of the federal power (47 %); the reputation of the regional and municipal power is less significant and almost equivalent (35 % and 33 %). Experts also pointed to the dominance of the contribution of the reputation of the federal power to the reputation of the Russian power in general (55 %), while the reputation of the regional power takes the second place (32 %), and of the municipal power — the third (21 %).

Table 1

**Dependence of the reputation of the Russian power
on the reputation of its levels, %**

How much does the reputation of the Russian power in general depend on the reputation of the authorities at different levels — federal, regional, municipal?	Average expert assessments	Average value of respondents’ answers
Reputation of the federal power	55	47
Reputation of the regional power	32	35
Reputation of the municipal power	21	33

In the Russian public opinion, the importance of the reputation of different levels of power for the general reputation of the Russian power does not depend on gender, age, education, financial status, occupation or place of residence (regional center/periphery): the Pearson correlation coefficient is equal to or close to zero. The relationship between the respondents' answers and their region is rather weak positive or negative.

Table 2 shows that the assessment of the contribution of the reputation of the federal power to the reputation of the Russian power does not depend on the respondents' region of residence (Pearson correlation coefficient is 0.02), while there is a weak negative relationship in the assessment of the contribution of the reputation of regional and municipal power (–0.10 and –0.12). In general, the range of respondents' opinions in different regions varies from 30 % to 40 %. Ranking of the data showed that the highest contribution of the reputation of the regional power is claimed in the Belgorod Region (39 %); the Orel (34 %) and Smolensk (34 %) Regions took the second place in terms of the importance of the contribution of the reputation of the regional power in public opinion; then comes the Bryansk Region (33 %), the Kaluga (32 %) and Lipetsk (30 %) Regions. The contribution of the reputation of the municipal power to the reputation of the Russian power is estimated by respondents in the range from 29 % to 37 %, the range of opinions here is also relatively low. By ranking the average values, we obtained the following results: the first place is given to the contribution of the reputation of the municipal power in the Belgorod Region (37 %), the second place — in the Bryansk Region (35 %), the third — in the Lipetsk Region (30 %).

Table 2

Dependence of the reputation of the Russian power on the reputation of its levels, %

How much does the reputation of the Russian power in general depend on the reputation of the authorities at different levels — federal, regional, municipal?			
Region	Reputation of the federal power	Reputation of the regional power	Reputation of the municipal power
Belgorod Region	48	39	37
Bryansk Region	43	33	35
Kaluga Region	50	32	28
Lipetsk Region	43	30	30
Orel Region	53	34	29
Smolensk Region	46	34	29

The dependence of the reputation of the Russian power on the reputation of the legislative, executive and judicial branches varies significantly according to both public opinion and expert assessments (Table 3).

**Dependence of the reputation
of the Russian power
on the reputation of its branches, %**

How much does the reputation of the Russian power in general depend on the reputation of different branches of government — legislative, executive, judicial?	Average expert assessments	Average value of respondents' answers
Reputation of the legislative power	234	43
Reputation of the executive branch of power	68	39
Reputation of the judicial power	22	35

In particular, experts emphasize the primacy of the reputation of the executive branch (68 %), then with a large gap come the legislative and judicial powers (24 % and 22 %); the public puts the reputation of the legislative power in the first place (43 %), the differences between branches are much less: the contribution of the reputation of the executive and judicial powers is 39 % and 35 % respectively. The dependence of the reputation of the Russian power and the reputation of its branches on the place of residence is weakly negative (Pearson correlation coefficient is -0.1 for each branch). The range in assessing the contribution of the reputation of the legislative power to the reputation of the Russian power varies from 39 % to 45 %; its highest values are shown in the Belgorod and Bryansk Regions (the average value — 46 % and 44 %), then come the Lipetsk and Kaluga Regions (40 % and 39 %) followed by the Orel (43 %) and Smolensk (41 %) Regions. The contribution of the reputation of the executive power to the reputation of the Russian power in six regions in public opinion varies from 34 % to 43 %, which determines the following descending order: the Belgorod (43 %), Orel (40 %), Kaluga (38 %), Smolensk and Bryansk (36 %), Lipetsk (34 %) regions. The dependence of the reputation of the Russian power on the reputation of the judicial power by region is different: the first place, as with the reputation of the executive power, is occupied by the Belgorod Region (39 %), then come the Kaluga Region (34 %), three regions — Orel, Smolensk and Bryansk (34 %–33 %), and the Lipetsk Region (32 %).

Reputation space of the regional power

The reputation space of the regional power seems similar in the expert assessments and public opinion in the perspective of the various levels of power (Table 5). The reputation of the federal government makes the greatest contribution to the reputation of the regional power: experts — 51 %, public opinion — 42 %. The second place is taken by the contribution of the reputation of the regional power itself (43 % and 39 %), the third place — by the reputation of the municipal power (24 % and 35 %).

Table 4

Dependence of the reputation of the Russian power on the reputation of its branches, %

How much does the reputation of the Russian power in general depend on the reputation of different branches of government — legislative, executive, judicial?			
Region	Reputation of the legislative power	Reputation of the executive branch of power	Reputation of the judicial power
Belgorod Region	46	43	39
Bryansk Region	44	36	33
Kaluga Region	39	38	34
Lipetsk Region	40	34	32
Orel Region	43	40	34
Smolensk Region	41	36	33

Table 5

Dependence of the reputation of regional power on the reputation of federal, regional and municipal power, %

How much does the reputation of the regional power depend on its own reputation and the reputation of the federal and municipal power?	Average expert assessments	Average value of respondents' answers
Reputation of the federal power	51	42
Reputation of the regional power	43	39
Reputation of the municipal government	24	34

The relationship of the answers to the question of the dependence of the reputation of the regional power on the reputation of different levels of government with the respondents' place of residence is insignificant (Pearson coefficient -0.04) or weakly negative (-0.1).

Table 6

Dependence of the reputation of regional power on the reputation of levels of power, %

How much does the reputation of the regional power depend on its own reputation and the reputation of the federal and municipal power?			
Region	Reputation of the federal power	Reputation of the regional power	Reputation of the municipal power
Belgorod Region	44	42	39
Bryansk Region	40	37	34
Kaluga Region	40	41	31
Lipetsk Region	40	33	32
Orel Region	43	43	33
Smolensk Region	39	38	31

The ranking of the dependence of the reputation of the regional power on the reputation of the municipal power by region varies from 30 % to 39 %: the highest contribution of the municipal power is claimed in the Belgorod Region (39 %), then come the Bryansk (34 %) and Orel (33 %), Lipetsk (32 %), Smolensk and Kaluga Regions (31 %).

The dependence of the reputation of the regional power on the reputation of its various branches (Table 7) seems similar to the general picture of the contribution of these branches to the reputation of the Russian power in general. According to experts, the reputation of the executive power plays a decisive role in the reputation of the regional power (61 %); according to public opinion, the reputation of the regional power depends primarily on the reputation of the legislative power (41 %). The respondents consider the reputation of the executive branch (39 %) as the second most important, while the experts consider it (29 %) twice less significant compared to the dominant factor. However, both groups believe that the reputation of the regional power depends on the reputation of the judicial power to the least extent (27 % and 34 %). As in the previous questions, the difference in the importance of factors is less in public opinion, while the expert assessments are more differentiated, which can be explained by both the varying degree of importance of different levels and branches, and the respondents' representations.

Table 7

Dependence of the reputation of the regional power on the reputation of different branches of power, %

How much does the reputation of the regional power depend on the reputation of different branches of power — legislative, executive, judicial power of the subject of the Russian Federation?	Average expert assessments	Average value of respondents' answers
Reputation of the legislative power	29	41
Reputation of the executive branch of power	61	39
Reputation of the judicial power	27	34

The relationship between the reputations of the regional power and the branches of power by region is weakly negative (Pearson coefficient -0.1 for each position). In general, the majority of respondents put the contribution of the reputation of the regional legislative power in the first place, of the executive power — in the second, and of the judicial power — in the third place. The Kaluga Region makes an exception for the primary importance is given to the executive power, the legislative power takes the second position, and the reputation of the regional judicial power is less significant compared to the previous two.

The contribution of the reputation of the regional legislative power to the reputation of the regional power is estimated differently by region: it is rated the most highly in the Belgorod Region (44 %), then come the Bryansk (42 %), Orel and Lipetsk (41 %), and Smolensk Region (40 %). The population of the Kaluga Region

turned out to be the least optimistic in assessing the significance of the reputation of the regional legislative power (37%). The assessment of the contribution of the reputation of the executive power in descending order is as follows: the Orel and Belgorod (42%), Kaluga (40%), Smolensk (37%), Bryansk (36%) and Lipetsk (33%) Regions. The contribution of the reputation of the judicial power is mostly highly estimated in the Belgorod Region (38%) unlike the Lipetsk Region (31%).

Table 8

Dependence of the reputation of the regional power on the reputation of its branches, %

How much does the reputation of the regional power depend on its own reputation and the reputation of the federal and municipal power?			
Region	Reputation of the legislative power of the region	Reputation of the executive power of the region	Reputation of the judicial power of the region
Belgorod Region	43	42	38
Bryansk Region	42	36	34
Kaluga Region	37	40	33
Lipetsk Region	41	33	31
Orel Region	41	42	34
Smolensk Region	40	37	33

Personification of the power’s reputation

The influence of the personification factor in the reputation space of power was examined on the example of the top official of the state (President of the Russian Federation) and the region (governor). The experts were asked two different questions to assess the contribution of the reputation of the top official to the reputation of the authorities of different levels and branches (Table 9). The results of the expert survey showed that the reputation of the Russian power depends on the reputation of the President, and this contribution is more evident by levels (59%) than by branches (50%).

Table 9

Dependence of the power’s reputation on the reputation of the President (experts, %)

How much does the reputation of the Russian government depend on the reputation of the President of the Russian Federation?			
Levels of power		Branches of power	
Reputation of the President	59	Reputation of the President	50
Reputation of the federal power	31	Reputation of the legislative power	16
Reputation of the regional power	17	Reputation of the executive branch	30
Reputation of the municipal power	11	Reputation of the judicial power	21

The data of the expert and mass surveys showed that the Russian power is perceived by the population as more personified: when answering the question “To what extent does the reputation of the Russian power depend on the reputation of the President of the Russian Federation”, the majority of respondents (85 %) noted that the reputation of the top official entirely or largely determines the reputation of the Russian power. Moreover, every third respondent (34 %) believes that the reputation of the Russian power is completely determined by the reputation of the President, and every second respondent considers such a contribution significant. The relationship between the personification of the Russian power in general and the respondents’ region of residence is weakly positive (Pearson coefficient –0.10). However, the distribution of average values by region shows differences in the personification of power: the highest personification rates were recorded in the Orel Region (90 % claim that the reputation of the Russian power entirely or largely depends on the reputation of the President), then come the Belgorod and Lipetsk (89 % and 87 %), Kaluga (85 %), Smolensk (83 %) and Bryansk (82 %) Regions, the population of which believes that the reputation of the President makes the most important contribution to the reputation of the Russian power in general (Table 10).

Similar results were obtained on the personification of the regional power. The majority of respondents think that the reputation of the regional power primarily depends on the reputation of the governor (84 %), almost a third (29 %) believes that the reputation of the regional power depends entirely on the reputation of the region’s top official, and a half considers the top official’s reputation contribution as important (55 %).

Table 10

Dependence of the reputation of the Russian power on the reputation of the President of the Russian Federation (public opinion, %)

Region	How much does the reputation of the Russian government depend on the reputation of the President?			
	Totally depends	Depends to a large extent	Depends to some extent	Does not depend at all
Belgorod Region	41	48	10	1
Bryansk Region	34	48	16	3
Kaluga Region	21	64	12	4
Lipetsk Region	35	52	10	2
Orel Region	33	57	7	3
Smolensk Region	33	49	14	3

According to the experts and public opinion, the reputation of the regional executive power is mostly determined by the reputation of the region’s top official: the contribution of the governor’s reputation is estimated by the experts higher than by the population (the average value is 66 % and 46 %); the contribution of the reputation of the administration/government and the executive power of the region is estimated by both groups as comparable (26 % and 20 % of experts, 35 % and 34 % of population); the higher overall assessment of the reputation of the region’s executive power was given by population (Table 11).

Table 11

**Dependence of the reputation of the regional executive authority
on the reputation of the governor,
the highest executive authority and executive power, %**

To what extent does the reputation of the regional executive power depend on the reputation of the governor, administration/government, executive authorities of the region?	Average expert assessments	Average value of respondents' answers
The governor (top official)	66	46
Administration/government (the highest executive authority)	26	35
Executive authorities	20	34

The connection of the personification of the regional executive power with the executive authorities and the respondents’ region of residence is weakly negative (Pearson coefficient –0.1 for each factor). The contribution of the reputation of the region’s top official, the highest executive authority and executive power to the reputation of the regional executive power is similarly assessed by region (Table 12). However, the personification of the regional power as expressed in the average values of contribution to its reputation varies from 40 % to 49 %. The contributions of the highest and other executive authorities have almost identical values by region, i.e., are considered by the population as equal to the governor’s position. The ranking of the data proves the highest degree of power personification in the Belgorod and Orel (49 %) and Kaluga (47 %) Regions, then come the Bryansk (44 %), Lipetsk (43 %) and Smolensk (41 %) Regions.

Thus, the reputation space of both the Russian power in general and the regional power (including the executive level) is determined by the reputation of different subjects of power with a high degree of their mutual influence. The core of the reputation of the entire Russian power is made up by the federal level, while the periphery — by the regional and municipal levels with almost equal degree of influence according to experts and the population; the decisive role of the executive power allows to name it the core according to experts, while the public opinion perceives the reputation space of the Russian power, structured by branches,

as more balanced (with a slightly less influence of the judicial power) and without a core. The Russian public opinion is quite unified and does not differ significantly by region.

Table 12

Dependence of the reputation of the regional executive power on the reputation of the governor, the highest executive authority and executive authorities (public opinion, %)

To what extent does the reputation of the executive power depend on the reputation of the top official of the region, the highest executive authority and other executive authorities?			
Region	Reputation of the governor (top official)	Reputation of the administration/government	Reputation of the executive power
Belgorod Region	49	40	38
Bryansk Region	44	34	33
Kaluga Region	47	33	33
Lipetsk Region	43	32	32
Orel Region	49	36	35
Smolensk Region	41	35	32

In the reputation space of the regional power, we can distinguish external and internal spaces: in the external space, the leading role, according to experts, is played not by the reputation of the regional power itself, but by the reputation of the federal power; thus, to a certain extent we can talk about the dual-core nature of the external reputation space of the regional power, while the reputation of municipal authorities forms the periphery. According to the population, the influence of the reputation of different levels of power is quite similar (with a slightly smaller role of municipal authorities). In the internal reputation space of the region, structured by the reputation of the branches, the structure of the general reputation space of the Russian power persists, and the core is made up by the executive branch (experts), though there is no core as such, and the influence of the reputation of the branches is generally balanced with a slightly lower role of the judicial power (public opinion). In the internal reputation space of the region's executive branch, the decisive role belongs to the reputation of the governor (core), and the experts' opinion is much more clearly expressed; the influence of the reputation of the highest and other executive authorities (periphery) is generally balanced.

Our findings can be useful primarily for the authorities in order to develop a more targeted reputation policy which would make their social-political ideas and their actions get closer to the citizens' needs and value orientations [3. P. 42].

The better the peculiarities of the reputation formation and functioning in the political space are studied, the higher the potential for identifying the power and the population will be, following the thought of P. Sztompka: “‘We’ are those whom we give trust to, in respect of whom we act loyally and whose interests we worry about in accordance with the spirit of solidarity” [33. P. 44–45].

Funding

The research is supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the state assignment: Research Projects in the Field of Socio-Political Sciences. Project “The reputational core of the Russian power: Regional peculiarities and factors of formation”. The code (cipher): FEMF-2022-0002; Reg. No. 1022061600080-0-5.4.1;5.6.2. Agreement No. 075-03-2022-181/2.

Notes

- (1) The Constitutional Court of the Russian Federation adopted Opinion No. 1-Z of 16.03.2020 that the category “unified system of public power” is derived from the fundamental concepts of ‘statehood’ and ‘state’ meaning a political union (unification) of the multinational Russian people.
- (2) The non-randomness of the concordance coefficient is confirmed by the value of the Pearson criterion for each of these values.
- (3) Two groups of regions were selected; they are comparable geographically within the same federal district and according to the main parameters of development: the Smolensk, Bryansk and Orel Regions (an average level of development; low dynamics) and the Belgorod, Kaluga and Lipetsk region (a high level of development; high dynamics).

References

1. Afanasiev D.V. Obshchestvo i vlast: poisk putej formirovaniya vzaimnogo doveriya [Power and society: In search for mutual trust]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2014; 5. (In Russ.).
2. Bourdieu P. *Sotsialnoe prostranstvo: polya i praktiki* [Social Space: Fields and Practices]. Moscow–Saint Petersburg; 2005. (In Russ.).
3. Chernyshov A.G. Vlast kak tsennost [Power as a value]. *Power*. 2014; 9. (In Russ.).
4. Chertkov A.N. Publichnaya vlast: sostav, edinstvo i sushchnost vzaimodejstviya [Public government: Composition, unity and interaction]. *Constitutional and Municipal Law*. 2020; 10. (In Russ.).
5. Chislennost naseleniya Rossijskoj Federatsii po polu i vozrastu na 1 yanvarya 2021 goda. [Population of the Russian Federation by gender and age on January 1, 2021]. *Statistical Bulletin*. Moscow; 2021. (In Russ.).
6. Danilov A.N., Rotman D.G. Osobennosti politicheskogo polya ‘silnoj’ i ‘slaboj’ vlasti: dopustimye predely [Features of the political field of ‘strong’ and ‘weak’ power: Acceptable limits]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (3). (In Russ.).
7. Danilov S.A. Prostranstvo vlasti: institutsionalnye i tsennostnye osnovaniya [The space of power: Institutional and value foundations]. Saratov; 2005. (In Russ.).
8. Haugaard M. Rethinking the four dimensions of power: Domination and empowerment. *Journal of Political Power*. 2012; 5 (1).
9. Il'icheva L.E., Kondrashov A.O., Lapin A.V. Doverie kak most nad propastiyu neuverennosti mezhdru vlastiyu i obshchestvom [Trust as a bridge over the uncertainty gap between the government and society]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021; 2. (In Russ.).

10. Gaponenko L.B. Konstruirovaniye natsionalnoj identichnosti v kontekste politiki pamyati [Construction of national identity in the context of the politics of memory]. *Discourse-P*. 2020; 3. (In Russ.).
11. Gerasimova E.V. Formy vzaimodejstviya vlasti i obshchestva v prostranstve kommunikatsii [Forms of interaction between government and society in the communication space]. *Theory and Practice of Social Development*. 2010; 4. (In Russ.).
12. Gorshkov M.K. Realnosti poreformennoj Rossii: chetvert veka sotsialnyh transformatsij v sotsiologicheskom izmerenii [Realities of post-reform Russia: A quarter of a century of social transformations in the sociological dimension]. *Reforming Russia*. Moscow; 2018. Bool 6. (In Russ.).
13. Gurary E.M. Kontsept politicheskogo prostranstva: institutsionalnaya priroda i osobennosti konstruirovaniya [The concept of political space: Institutional nature and design features]. Moscow; 2016. (In Russ.).
14. Komolikova S.S. Ponyatie reputatsii v kulturologicheskom aspekte [Concept of reputation in the culturological perspective]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University*. 2013; 33. (In Russ.).
15. Korolev S.A. *Beskonechnoe prostranstvo: geo- i sotsiograficheskie obrazy vlasti v Rossii* [Infinite Space: Geo- and Sociographic Images of Power in Russia]. Moscow; 1997. (In Russ.).
16. Kozhevnikov V.V. Legalnost, legitimnost gosudarstvennoj vlasti i politicheskoe otchuzhdenie v sovremennoj Rossii [Legality, legitimacy of state power and political alienation in contemporary Russia]. *Agrarian and Land Law*. 2020; 7. (In Russ.).
17. Ledyayev V.G. Kontseptualnyy analiz vlasti: Problematika i sovremennyye tendentsii [Conceptual analysis of power: Basic issues and current trends]. *Political Science*. 2019; 3. (In Russ.).
18. Mamaev I.E. Analiz kontseptualnykh modelej vlasti i politiki v rabotah Michelya Foucault i Pierra Bourdieu [Analysis of the conceptual models of power and policy in the works of Michel Foucault and Pierre Bourdieu]. *Via in Tempore. History. Political Science*. 2013; 15. (In Russ.).
19. Morev M.V., Korolenko A.V. Sub`ektivnyy faktor obshchestvennogo razvitiya kak klyuchevoj resurs konsolidatsii rossijskogo obshchestva [Subjective factor of social development as a key resource for the consolidation of the Russian society]. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2014; 5. (In Russ.).
20. *Naselenie regionov Rossii 2021* [Population of Russia's Regions in 2021]. URL: http://www.statdata.ru/largest_regions_russia. (In Russ.).
21. Nedyak I.L., Pavlova T.V., Patrushev S.V., Philippova L.E. Politicheskoe pole i zona vlasti: versii idealnogo tipa i opyt empiricheskoy verifikatsii [Political field and zone of power: Ideal-type varieties and empirical verification]. *Sociological Studies*. 2020; 1. (In Russ.).
22. Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S. Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case. *Russian Peasant Studies*. 2018; 3 (1).
23. Nikulin A.M., Trotsuk I.V., Wegren S.K. The importance of strong regional leadership in Russia: The Belgorod Miracle in agriculture. *Eurasian Geography and Economics*. 2017; 58 (3).
24. *Operativnyye sotsiologicheskie issledovaniya* [Operational Sociological Research]. Ed. by D.G. Rotman, A.N. Danilov. Minsk; 2001. (In Russ.).
25. Patrushev S.V. et al. Institutsionalnyy analiz politicheskogo prostranstva v Rossii: predvaritelnye rezultaty [Institutional analysis of political space in Russia: Preliminary results]. *Reforming Russia*. Moscow; 2019. Book 17. (In Russ.).
26. Patrushev S.V., Philippova L.E. Institutsionalnye problemy konstituirovaniya politicheskogo polya i politiki v sovremennoj Rossii [Institutional issues in the constitution of the political field and politics in contemporary Russia]. *Political Science*. 2018; 2. (In Russ.).
27. Prokhorenko I.L. O metodologicheskikh problemakh analiza sovremennykh politicheskikh prostranstv [On the methodological issues in the analysis of contemporary political spaces]. *Political Studies*. 2012; 6. (In Russ.).

28. Pushkareva G.V. Politicheskoe prostranstvo: Problemy teoreticheskoy kontseptualizatsii [Political space: Issues of theoretical conceptualization]. *Political Studies*. 2012; 2. (In Russ.).
29. Pushkareva G.V. Doverie v publicnom prostranstve gosudarstvennogo upravleniya [Trust in the public space of government]. *Public Administration*. 2019; 76. (In Russ.).
30. Ruzhentsev S.E. Nравstvennoe soznanie rossijskogo obshchestva i demokratizatsiya politicheskoy sistemy [Moral consciousness of the Russian society and democratization of the political system]. *Society: Philosophy, History, Culture*. 2016; 12. (In Russ.).
31. Ruzhentsev S.E. Sotsialno-politicheskaya praktika i trebovaniya moralnykh idealov [Social-political practice and demands for moral ideals]. *Law and Practice*. 2016; 2. (In Russ.).
32. Solodkaya M.S. Tipologiya kontseptov politicheskogo prostranstva [Typology of political space concepts]. *Proceedings of the Orenburg Institute of the Moscow State Law Academy*. 2016; 28. (In Russ.).
33. Sztompka P. *Doverie — osnova obshchestva* [Trust: A Sociological Theory]. Moscow; 2012. (In Russ.).
34. Titov V.V. Rossijskaya natsionalno-gosudarstvennaya identichnost [Russian national-state identity]. *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019; 9 (3). (In Russ.).
35. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
36. Trotsuk I.V., Ivlev E.A. Few words on the high level of social distrust among the Russian youth: Civil servants’ social image. *RUDN Journal of Sociology*. 2016; 2.
37. Tsvetkova O.V. Politicheskoe prostranstvo: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Political space: Theoretical-methodological foundations]. *Social-Humanitarian Knowledge*. 2019; 5. (In Russ.).
38. Zamyatina N.Yu. Prostranstva vlasti: fizicheskoe, metaforicheskoe, mentalnoe [Spaces of power: Physical, metaphorical, mental]. *Space of Power: Historical Experience of Russia and Challenges of Modernity*. Ed. by B.V. Ananich, S.I. Barzilov. Moscow; 2001. (In Russ.).
39. Zelenko B.I. O preodolenii politicheskogo otchuzhdeniya vlasti i sotsiuma v RF (traditsionny i setevoy kontekst) [On overcoming the political alienation of power and society in the Russian Federation (traditional and network context)]. *P.O.I.S.K.* 2019; 2. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-844-859

Ядро репутационного пространства российской власти: экспертная оценка и мнение населения*

Н.Н. Розанова, Е.Е. Сухова

Смоленский государственный университет,
ул. Пржевальского, 4, Смоленск, 214000, Россия
(e-mail: rozznina@yandex.ru; elena-suchova@mail.ru)

Аннотация. В статье представлены результаты изучения репутационного пространства российской власти. Предметом исследования выступала российская власть в целом (официальная государственная и муниципальная) и региональная власть, в том числе го-

* © Розанова Н.Н., Сухова Е.Е., 2022

Статья поступила 26.08.2022 г. Статья принята к публикации 26.10. 2022 г.

сударственная исполнительная власть региона. В качестве системы координат, структурирующих пространство власти, были определены уровни (федеральный/региональный/муниципальный) и ветви (законодательная/исполнительная/судебная); для региональной исполнительной власти — также особенности полномочий субъектов. Цель исследования состояла в выявлении ядра и периферии репутационного пространства российской власти по результатам двухэтапного социологического исследования — экспертной оценки и массового опроса населения. Согласно полученным данным, репутационное пространство российской власти в целом и ее регионального уровня является многосоставным и формируется репутацией разных субъектов, среди которых наблюдается высокая степень взаимовлияния. Выявлена существенная разница в особенностях выделения ядра репутационного пространства населением и экспертами. Ядром репутационного пространства власти, структурированного ее уровнями, в экспертном и общественном мнении, выступает федеральная власть. Ядром репутационного пространства, структурированного ветвями власти, по оценкам экспертов оказалась исполнительная власть, в то время как для населения влияние репутации разных ветвей власти сбалансировано. Аналогичная ситуация прослеживается в репутационном пространстве региональной власти. Также определено значимое влияние фактора персонификации на репутационное пространство как власти в целом, так и ее регионального уровня, что приводит к «сдвигу» репутационного ядра и особенно ярко проявляется в оценке роли репутации президента, с которой каждый третий опрошенный отождествляет репутацию всей российской власти.

Ключевые слова: репутационное пространство власти; репутация российской власти; репутация региональной власти; ядро и периферия репутационного пространства; ценностное отношение к власти; экспертная оценка; общественное мнение

Информация о финансировании

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках государственного задания: исследовательские проекты в сфере социально-политических наук. Тема проекта «Репутационное ядро российской власти: региональные особенности и факторы формирования». Код (шифр) научной темы — FEMF-2022-0002, рег. номер 1022061600080-0-5.4.1;5.6.2. Соглашение № 075-03-2022-181/2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-860-871

Revolutionizing Pancasila as the ideology of Indonesians*

M.A. Muqsith¹, V.L. Muzykant², R.G. Tayibnapis¹, R.R. Pratomo¹

¹UPN Jakarta University,

Jl. RS Fatmawati Raya, Pd. Labu, District. Celinda, Depok City, West Java 12450, Indonesia

²RUDN University,

Mikluho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: munadhil@upnvj.ac.id; vmouzyka@mail.ru;

raditagora@upnvj.ac.id; rizkyridho0897@gmail.com)

Abstract. This article examines whether Pancasila as the sole principle and ideology and state philosophy is reflected in the Indonesian society. Understanding and appreciation of the values of Pancasila ideology are often considered only as a jargon, i.e., in the verbal perspective. Its implementation is neglected due to lack of insight and knowledge about Pancasila and not knowing its basic principles. Pancasila, which consists of five precepts, includes a series of attitudes and knowledge as well as hopes from the struggle of the Indonesian people to gain independence, and is regulated in the Pancasila state. The first precept is about God the Almighty (*Ketuhanan yang Maha Esa*); the second precept is about just and civilized humanity (*Kemanusiaan yang adil dan beradab*); the third precept claims the ‘unity of Indonesia’ (*Persatuan Indonesia*); the fourth precept claims democracy led by wisdom in the representative deliberation; the fifth precept claims social justice for all Indonesian people (*Keadilan sosial bagi seluruh rakyat Indonesia*). Pancasila is the source of all laws in the Constitution of the Republic of Indonesia, which constitutes it as a sovereign and prosperous country supporting the wealth of its people, the divinity in the One and Only, freedom of religion, respect for diversity and pluralism, and building a democratic state. Social problems that often occur in every society usually start from breaking the law, dangers of the extremism doctrine, and criminal acts of corruption that can damage the grassroots of Pancasila. Therefore, to defend the country and strengthen the basic precepts of Pancasila, it is necessary to understand and deepen the practice of Pancasila in the ideology of nationalism and democracy.

Keywords: Pancasila; Indonesia; revolution; source of law; statehood; democracy; nationalism; people

Becoming an independent country has long been the big dream of all Indonesian people. For three hundred and fifty years, the area known as Nusantara was repeatedly colonized by several foreign countries. The desire to become an independent nation in order to manage its natural and human resources without interference from other nations made the young leaders of the Indonesian movement continue to struggle.

*© M.A. Muqsith, V.L. Muzykant, R.G. Tayibnapis, R.R. Pratomo, 2022

The article was submitted on 17.06.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

Until one day, after the great Japan's defeat from the West, Indonesia got a chance to become independent. After the proclamation of independence on August 17, 1945, many countries recognized the *de facto* independence of Indonesia. That date became the forerunner of the Independence Day commemorated every year. However, Indonesia's independence is not the ultimate goal but a means to achieve the goals and aspirations of becoming a just and prosperous country [26].

Every country has an ideology. Before the proclamation of independence, national leaders — members of the Investigating Committee for Preparatory Work for Indonesian Independence (BPUPKI) — considered the importance of the state foundation as a guide for the nation and state. It was agreed that Pancasila was the ideology for establishing the unitary state of the Republic of Indonesia. Pancasila becomes an ideology, insight, a view of life, the philosophy of the nation and the state [2]: to ensure a just and prosperous society, all agreed to implement Pancasila in every aspect, including in daily public and community policies, economic conditions, politics, national security, and so on [29]. The national objective of the Republic of Indonesia is stated in the fourth paragraph of the Preamble to the 1945 Constitution: “to protect the entire Indonesian nation and the entire homeland of Indonesia and to promote public welfare, educate the nation's life and participate in carrying out world order based on independence, eternal peace, and social justice”.

Pancasila and the unity of the nation

According to the first President of Indonesia, Ir. Soekarno or Bung Karno, Pancasila is *Weltanschauung* and at the same time *Philosophische grondslag* [32]. *Weltanschauung* is congruent with the philosophy that is united in ideology, such as of Friedrich Engels. The term Pancasila was introduced in Bung Karno's speech on June 1, 1945 [14]. The history of the conceptualization of Pancasila passed through a long series of ‘nursery’, ‘formulation’ and ‘ratification’ phases. For instance, the ‘nursery’ phase started in the 1920s as pioneering ideas and movements along with the process of ‘discovering’ a shared national code (civil nationalism) in Indonesia [17]. Then Pancasila entered the ‘formulation’ phase marked by the trial of the BPUPKI. Its members began to work on May 28, 1945 and finished on June 1, 1945. On the last day of the BPUPKI session, Sukarno formulated five principles of Pancasila: nationality, consensus, humanity, social welfare, and divinity with culture, i.e., social-nationalism, social-democracy, and divinity [3]. Based on these principles, the agreement was reached in the Preamble to the Basic Law. The five precepts include: *Ketuhanan, dengan kewajiban menjalankan syariat Islam bagi pemeluk-pemeluknya* — God, to carry out Islam's religion (shari'a) for its adherents; *Kemanusiaan yang adil dan beradab* — just and civilized humanity; *Persatuan Indonesia* — the unity of Indonesia; *Kerakyatan yang dipimpin oleh hikmat kebijaksanaan dalam permusyawaratan perwakilan* — Democracy led by wisdom in deliberation or representation; *Keadilan sosial bagi seluruh rakyat Indonesia* — social justice for all Indonesian people. The small group of founding fathers later

formulated the Pancasila version of the Jakarta Charter (Piagam Jakarta) on June 22, 1945 [15].

However, this Pancasila was not final due to the sound of first precepts. The precepts of God with the obligation to carry out Islamic law for its adherents were originally proposed for the religious groups who wanted the Islamic Indonesian state. The basis for naming Shari'a is the law, norms and moral system that serve as a measure and underlie the relationship between the state and individuals, religion and believers [12]. This is different from the western secular legal system which recognizes the principle of separation between the state and community affairs, the state and religion, and the normative order of the Shari'a determines the whole life of the believer. As the totality of God's commands determine human actions, the Shari'a includes all conditions of life, religious cultic orders, and juridical and political rules. The use of the word *shari'a* which refers to the Islamic law is opposed by non-Muslim figures based on the idea that Indonesia is a multicultural and multireligious country, and it would be counter-productive to have Pancasila referring only to one religion [10]. In addition, according to them, the first precept implies an imposition on legal and political fundamentalism that discredits other religions. Therefore, one of the founding fathers and the first vice President of Indonesia, Mohammad Hatta, provided a solution for the debate between Islamic and national groups — to change the first principle to *Ketuhanan yang Maha Esa* — belief in one supreme God, since Indonesia is both sovereign and godly society. The 'ratification' started on August 18, 1945, in the session of the Preparatory Committee for Indonesian Independence (PPKI) — with the final legal formulation [17]]. Pancasila, as stated in the Preamble to the 1945 Constitution of the Republic of Indonesia, reads as follows: "Then from that to form an Indonesian State Government that protects the entire Indonesian nation and the entire homeland of Indonesia and to promote public welfare, educate the nation's life, and participate in carrying out world order based on independence, eternal peace, and social justice, National Independence was drawn up. Indonesia is in a Constitution of the State of Indonesia, which is formed in a structure of the Republic of Indonesia which is sovereign by the people based on the One Supreme Godhead, Just and Civilized Humanity, Indonesian Unity and Democracy led by wisdom in Deliberation/Representation, and by realizing social justice for all Indonesian people" [17].

The meaning of Pancasila as the basis of the state

Pancasila as the basis of the hierarchical-pyramidal state is a unified whole. The precepts of *Ketuhanan yang Maha Esa* / God Almighty are the foundation in the hierarchy from the second to the fifth precepts, which is clearly different from other state ideologies such as liberalism or communism: Pancasila recognizes and protects the rights of both individuals and communities both in the economic and political fields [3; 4]. Pancasila as the source of all sources of law, the source of basic national law, is above the 1945 Constitution as the Fundamental State Principles [9].

This is reinforced in Article 2 of Law No. 12 of 2011 on the Establishment of Legislation: “Pancasila is the source of all sources of state law”. The legal norm explicitly states that Pancasila is the basis of the state including the government and state regulations [7] (Fig. 1).

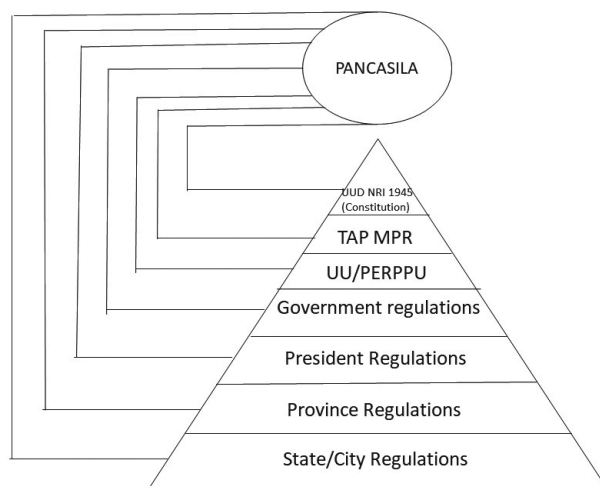

Chart 6. The Level of Implementation of Pancasila as the Ideology of the Indonesian Nation

Fig. 1. The pyramid of Pancasila as the source of all laws [24]

Historically, the five precepts of Pancasila are a synthesis of the diversity of beliefs, understandings and hopes of all elements of the Indonesian nation. The first precept is a synthetic formulation of all religions and beliefs. The second precept is a synthetic formulation of all transnational social-human understandings and ideals. The third precept is a synthetic formulation of ethnic diversity (aspiration-identity) in national unity. The fourth precept is a synthetic formulation of all notions of sovereignty. The fifth precept is a synthetic formulation of all notions of social-economic justice. Ideological trilogy underpins the five pillars of Pancasila: religious ideology, nationalism and socialist ideology. The three have points of difference but can find common ground in three basic principles — social-religious, social-nationalistic, and social-democratic. Social democracy is a religious principle that is generous, compassionate, and means the spirit of “cultured divinity, divinity of noble character, divinity of mutual respect” — the content of the first precept. Social-nationalism is the principle of the generous nationality, a compassionate national spirit that upholds inner and outer humanity, leads to unity and brotherhood — a combination of the second and third precepts. Social democracy is oriented towards social justice, which demands participation and emancipation in both political and economic fields (political and economic democracy) [11] — a combination of the fourth and fifth precepts.

Based on the previous explanation, all these precepts are also united by the principles of compassion, generosity, and brotherhood. President Soekarno named this spirit *gotong royong* — a more dynamic understanding than kinship, the feeling of trying to achieve common interests [24].

In addition, Pancasila is a guideline for the movement of the people, nation and state in the future. Soekarno named Pancasila *Leitstar* — the Guiding Star, as the basis of philosophy, worldview, basic principles, and ideology of the Indonesian state. Every country has a *Weltanschauung*: Hitler founded Germany on the *Nationalsozialistische Weltanschauung*, Lenin founded the Soviet Union on the *Marxistische, Historisch Materialistische Weltanschauung*, Nippon founded the state in *Tenno Koodo Seisin*, Ibn Saud founded the state of Saudi Arabia on the *Weltanschauung* based on Islam like Iran; Sun Yat-Sen founded an independent China on the *Weltanschauung* of San Min Chu I — *Mintsu, Minchuan, Minsheng* (nationalism, democracy, socialism) [17].

From ideals and reality

In 2021, we conducted a survey of 1200 Indonesians (a 95 % confidence level) to find out how they understand the concept of defending the country and the level of community satisfaction with the direction of the Indonesian struggle. Is the independence that was so fought for is in accordance with the 1945 Constitution or goes in the wrong direction? 81 % still think that in the right direction, 17 % — in the wrong direction (not in accordance with the 1945 Constitution). It is necessary to understand the indications of the ideology of liberalism or even Marxist–communism in order to predict the potential dangers that threaten the unitary state of the Republic of Indonesia [35]. In addition to the widening ideology of liberalism, incentives for fundamentalism can occur given the banned organization Hizbut Tahrir Indonesia (HTI), which wants Indonesia to become an Islamic state. The source of someone becoming a fundamentalist is rooted in the ignorance of the basic values of Pancasila and not understanding of national insight. As a result, the people chose not to be loyal to Pancasila as the basis of the state, wanted to make Shari'a the basis of the state and political law, and to change all political contracts formed over the years by eliminating Pancasila as the source of all laws.

The State Defense Survey measures whether the current state of national security is in accordance with the ideals of the 1945 Constitution and our Constitution to promote the independence and sovereignty of the country: 58.7 % assessed it moderately, 30.5 % — rather well, 7.4 % — very bad (Fig. 2). Satisfaction with this aspect of democracy needs to be targeted in order to increase the level of satisfaction with democracy and to achieve the ideals of a sovereign nation. We do not want Indonesia to fall into the abyss of liberalism and we admit the importance of government control for not letting the society turn towards Marxist–Communist. Therefore, it is important for the community to support the values of local wisdom in the development of the Indonesian national identity. Thus,

in February 2022, most people rejected the discourse of extending the president’s term of office to three terms: 89 % of respondents did not agree with this discourse [31]. The level of satisfaction with the current state of the national economy is shown on Figure 3: 57.9 % express moderate satisfaction, 23.7 % — feel rather good and 16.8 % — rather bad.

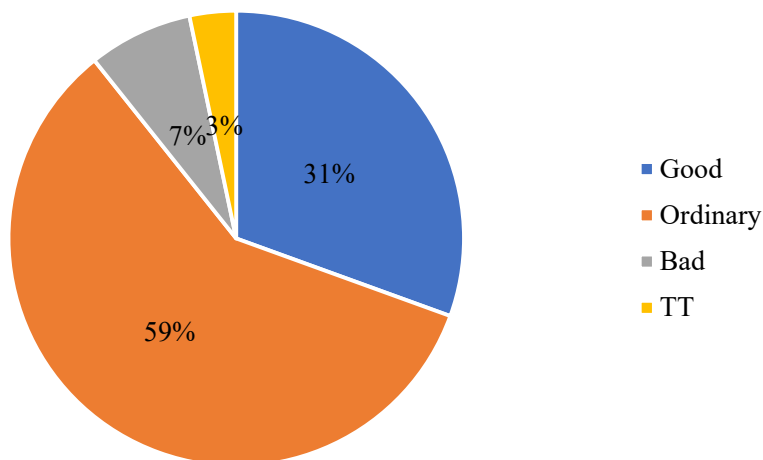

Fig. 2. The current state of national security

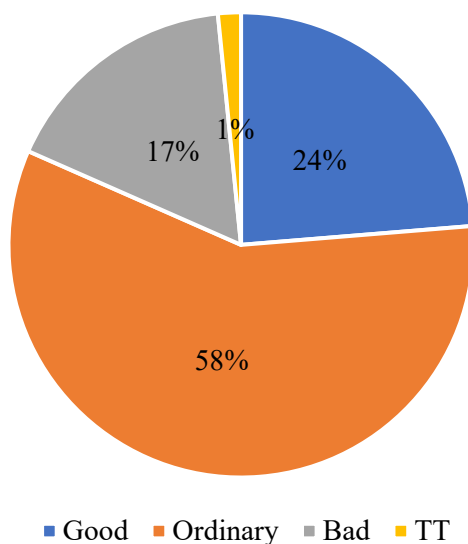

Fig. 3. National economic conditions

Today the problem that threatens the society the most is the covid-19 pandemic — 39.5 %. employment — 21.4 %, education — 4.3 %, corruption of political elites — 4.3 %, foreign influence on the national culture and local culture — 4 %, natural disasters (floods, landslides, earthquakes, volcanic

eruptions, etc.) — 2.9 %, potential for SARA conflicts due to poor tolerance between religious communities — 2.6 %; hate speech in the Internet — 2.5 %; rampant crime and drug distribution — 1.8 %; radicalism and terrorism in the name of religion — 1 %, and so on.

The biggest potential risk from the covid-19 pandemic is the narrowing job opportunities: many people lose their jobs, and massive layoffs occur because companies cannot survive with the temporarily suspended operational conditions due to following government instructions. Meanwhile, working from home (WFH) was introduced in the work system together with learning from home (LFH) by optimizing digital technology and remote interaction [23]. However, remote work systems cannot always be easily accepted especially by those with low and limited technological knowledge and expertise. This is a big obstacle for companies because they cannot coordinate directly and rely on technological devices. On the one hand, since people are widely using digital technology, new digital talents emerge and are more attached to foreign cultures (such as the youth's fondness of Korean films) than to their own local culture [22]. Westernization is a 'parasite' eroding the love to one's culture and contributing to the destruction of national culture in Indonesia [21].

The collapse of nationalism and love to homeland is no longer a figment, there is an emergence of radicalism and conflicts due to religious intolerance, because people have forgotten the diversity of the Indonesian culture, and the younger generation has begun to forget their traditional culture. Conflicts based on intolerance or radicalism are not new. The divine aspect is misused to trigger riots and prolonged conflicts under the pretext of certain interests including political ones. For instance, in the 2017 Pilkada, the 2014 and 2019 Presidential Election, there were many debates ignoring humanitarian aspects. Digitization not only changes cultural habits but also encourages high emotions rather than rationality of thinking. Low emotional control and ignorance of diversity make people unable to control their emotions in the content posted on social media.

In addition to radicalism, the potential risk of hoaxes grows concerning the state defence of the government. On the one hand, the actual state defence program aims at fostering a sense of love to homeland and nationalism together with containing hoaxes that can divide the nation. The circulation of hoaxes, especially in the current cyber era, is a crucial phenomenon in the Indonesian context considering that more than a half of Indonesians are active Internet users and a part of the virtual world population.

When asked how appropriate Pancasila is as the nation's ideology, 89 % of Indonesians consider it eligible and decent as the ideology of the state; less than 10 % of respondents doubt Pancasila, while the rest still considers it as a proper working ideology. Furthermore, 57.6 % consider the level of the implementation of Pancasila as good, 25 % — as very good (Fig. 4).

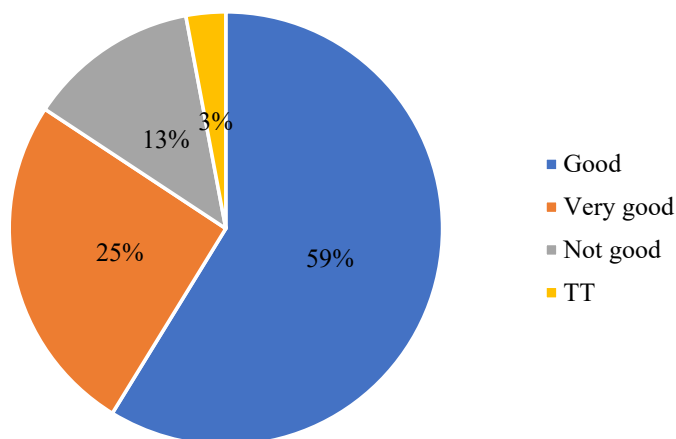

Fig. 4. Implementation of Pancasila as the ideology of the Indonesian nation

Revolutionizing Pancasila

Although the implementation of Pancasila has been going well, the reality has the potential to weaken it, which we face today. Economic problems can make people more pragmatic and no longer caring about ideological aspects. Not to mention the technology that removes barriers between cultures and makes it easier for other ideologies to infiltrate the minds of the Indonesian people, be it fundamentalism, liberalism, or communism.

Pancasila is the source of all laws including the state constitution. Law as a central control facility no longer acts as an effort to reconcile and re-adjust the bonds between citizens. Pancasila is the origin for every lawmaker in Indonesia to take or to draw the essential elements or to find provisions for future legal regulations — learning from the methods of the jurist from the time of the Roman Empire [36], when the national law was constructed and recorded to coincide with the decline of the authority of the church with its canonical law, as well as from the collapse of the power in the Roman empire. Long ago, the national political power sought a new legal authority with a reformative nature. In this perspective implementing the essence of Pancasila becomes even more important because Pancasila is a guide for attitudes and actions which are coded in laws, government regulations, presidential decrees, and so on. “No nation can achieve its greatness if that nation does not believe in something and if what it believes in does not have the moral dimensions to sustain a great civilization. This is the importance of Pancasila as the basis of ideology, namely ideas that lead to the discovery of knowledge or theory. In addition, by believing in and building trust in a nation, it also aims to increase the development goals’ potential [5]. In addition, Pancasila, as the basis of the state, has become a force based on social power, namely the struggle of the Indonesian people [6].

The spirit of the Pancasila revolution has to be reinvigorated because the application of Pancasila should be sustainable. The etymological meaning

of ‘revolution’ comes from the word ‘to revolve’ which means ‘back again’ — a constant in change, continuous repetition that makes the end and the beginning. Therefore, the values of Pancasila have to be applied at every opportunity [30]. In history, we passed through several revolutions — from cognitive and agricultural to industrial and technological. Revolution runs continuously and gives birth to new things that we enjoy today due to the accelerated change. So, the term ‘revolution’ essentially does not imply ‘newness’. According to Hanna Arendt, the term revolution relates to the course of history immediately starting something new; revolution implies a new story, a story that was never known before, or there was no previous story [1]. Yudi Latif believes in the importance of igniting the fire of revolution to navigate the dynamics, romance and logic of the revolution, which is in line with the philosophy and worldview of the Indonesian nation [15], i.e., we need a national revolution to ‘revolutionize Pancasila’. Pancasila is not a sufficient tool for unity but rather a catalyst for radical reforms materially, mentally, and politically, a catalyst for realizing social justice for all Indonesian people.

The Pancasila revolution was different from the French revolution based on the value of individualism, which later produced a capitalist republic and a modern democracy in the western world. In its development, the revolution only benefited the bourgeoisie and left the commoners behind. The nature of the Pancasila revolution was different from the Russian Bolshevik revolution of 1917 [34]. The revolution of the proletariat, who aspired to build a socialist society through class struggle, eliminated the bourgeois-capitalist class, which led to the dictatorship of the proletariat. The Pancasila revolution is different from the Arab Spring revolution which required the democratization of the monarchical system [38].

The Pancasila revolution does not emphasize the materialism aspect. The ideals of the fifth precept enable people to free themselves from the prison of materialism in the spirit of the humane divinity. In short, the Pancasila revolution is not a bourgeois or proletarian revolution, but a revolution of conscience and humanity. By relying on the transcendent and absolute, people can view immanent material as something relative, which can be shared altruistically. This reflects the nature of humanity, social beings, and at the same time of individuals who want social justice, collective independence (nation) and individual independence (citizens) [37].

Yudi Latif proposed the goal of the Pancasila revolution (state independence) in the second paragraph of the 1945 Constitution of the Republic of Indonesia — a national and civil life “which is independent, united, sovereign, just and prosperous” (material and spiritual), based on the Pancasila values [17]: national revolution aims to liberate the nation from all forms of imperialism and colonialism in order to create a truly independent and sovereign nation; political revolution aims at a fundamental overhaul of the feudalistic and colonialist political system into a people democracy guided by wisdom (Pancasila); economic revolution aims to create an independent, just, prosperous economic system; social revolution aims to overturn the discriminatory social structure of feudalistic and capitalistic society

into a Pancasilaist society that is egalitarian, with the spirit of national unity that transcends individual and group interests; cultural revolution aims to destroy the remaining forms of imperialistic and capitalistic culture and replace them with a new, more emancipatory and progressive culture in accordance with the noble personality of the Indonesian nation.

The Pancasila revolution requires revolutionary forces with wise souls as wide as the ocean and as high as the mountains to achieve all these goals [33]. This revolution should start from the example of the national leaders — president, vice president, ministers, governors, mayors, and regents. They must become role models for the community, a representation of a true Pancasilaist. If the leaders would not show their identity as Pancasilaists, we cannot expect such an identity from the people [19]. The responsibility of the nation's leaders is to improve aspects of development, especially national one, — to improve the community's quality and standard of living in all aspects of life [27]. The values of the national development imply raising up responsible and humane citizens and to foster equity in development and its results, which would create a sense of solidarity, community participation will arise to carry out development efforts in common interests, which would increase self-confidence. Furthermore, the nation's independence will grow supported by nationalism and patriotism [27].

Thus, independence, which is expected to be a golden bridge to life that is free, united, sovereign, just and prosperous, will soon become a nightmare if the nation is oppressed, divided, controlled by foreign nations, suffers from deep social inequality and poverty. The basic question of new generations is whether the government will manage to fulfil the obligations of the 1945 Constitution. Every principle/percept of Pancasila reflects the idea of teaching attitudes, knowledge and insight. It is referred to as a source of the state law that is sovereign, just and supports the ideology of nationalism and democracy (philosophy of the state, personality of the Indonesian nation, worldview, ideals and goals of the Indonesian nation, the state ideology, the source of all laws, and the soul of the Indonesian nation). Therefore, Pancasila became the basis for fighting various kinds of deviations such as radicalism, communism and corruption, and for realizing social justice that ensures human rights and movement towards a just and prosperous society.

Funding

The research was supported by the UPN Jakarta State Defence (PUSKA) Study Centre and by the Research and Service Institute (LPPM) in 2021.

References

1. Abraham H.J., Perry B.A. *Freedom and the Court: Civil Rights and Liberties in the United States*. University Press of Kansas; 1965.
2. Bombang S., Haling S., Husainy H., Halim P., Rahim A. Quo Vadis: Can Indonesia survive without Pancasila? *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2019; 8 (12).
3. Dewi S.F., Khoiri M., Tiara M., Bin Z., Rahman A., Ilham F.A. *Perbandingan Ideologi: Pancasila dan Ideologi-Ideologi di Dunia*; 2017. (In Indonesian).

4. Fitch R.M., Webb S.A. Cultural immersion in Indonesia through Pancasila: State ideology. *Journal of Educational Thought (JET)/Revue de la Pensée Éducative*. 1989; 23 (1).
5. Gardner J. *On Leadership*. Simon and Schuster; 1993.
6. Gora R. Perspektif Hukum Dalam Ruang Publik Masyarakat Demokrasi. *Jurnal Hukum Sasana*. 2021; 7 (1). (In Indonesian).
7. Gunawan B., Ratmono B.M. Threats to the ideology of Pancasila in the reform era: Praxis case of regional development policy. *Jurnal Studi Pemerintahan*. 2018; 9 (1).
8. Gunawan B., Ratmono M. Kebohongan di Dunia Maya. *Memahami Teori dan Praktik-praktiknya di Indonesia*. C. Gautama (Ed.). Kompas Gramedia; 2018. (In Indonesian).
9. Hardiman F.B. Demokrasi Deliberatif. *Menimbang “Negara Hukum” dan “Ruang Publik” dalam Teori Diskursus Jurgen Habermas*. F.B. Hardiman (Ed.). Pustaka Filsafat; 2009. (In Indonesian).
10. Hardiman F.B. Hak-Hak Asasi Manusia. *Polemik dengan Agama dan Kebudayaan*. Penerbit Kanisius; 2011. (In Indonesian).
11. Hardiman F.B. (Ed.). *Filsafat Untuk Para Profesional*. Pustaka Filsafat; 2016. (In Indonesian).
12. Hardiman F.B. *Ruang Publik. Melacak “Partisipasi Demokratis” dari Polis sampai Cyberspace*. Pustaka Filsafat; 2010. (In Indonesian).
13. Iskandar P. The Pancasila delusion. *Journal of Contemporary Asia*. 2016. 46; (4).
14. Latief A., Nadir M., Pangalila T., Lonto A.L., Suyanto T., Warsono M. Revitalizing the value of Pancasila in the development of the character of Indonesian citizens. *Ist International Conference on Social Sciences*. Atlantis Press; 2018.
15. Latif Y. *Revolusi Pancasila*. Mizan; 2015. (In Indonesian).
16. Latif Y. The religiosity, nationality, and sociality of Pancasila: Toward Pancasila through Soekarno’s way. *Studia Islamika*. 2018; 25 (2).
17. Latif Y. *Wawasan Pancasila: Bintang Penuntun Untuk Pembudayaan*. Mizan; 2018. (In Indonesian).
18. Morfit M. Pancasila: The Indonesian state ideology according to the new order government. *Asian Survey*. 1981; 21 (8).
19. Muqsith M.A. Pemuda, Globalisasi dan Perubahan Sosial. *ADALAH*. 2019; 3 (4). (In Indonesian).
20. Muqsith M.A. IPM dan Cita-Cita Pemerataan Pendidikan. *ADALAH*. 2020; 4 (4). (In Indonesian).
21. Muqsith M.A. Perkembangan Digital Media di Dunia. *ADALAH*. 2021; 5 (2). (In Indonesian).
22. Muqsith M.A. Teknologi Media Baru: Perubahan Analog Menuju Digital. *ADALAH*. 2021; 5 (2). (In Indonesian).
23. Muqsith M.A., Pratomo R.R. The development of fake news in the post-truth age. *SALAM: Jurnal Sosial dan Budaya Syar-i*. 2021; 8 (5).
24. Muqsith M.A., Pratomo R.R., Kuswanti A., Muzykant V.L. Social solidarity movement to prevent the spread of covid-19 pandemic in Indonesia. *Masyarakat, Kebudayaan dan Politik*. 2021; 34 (2).
25. Nasional D.K., Jenderal S. *Bela Negara Era 5.0*. (In Indonesian).
26. Pesurnay A. *Pancasila Ideology as a Field of Interpretation*. Gramedia Pustaka Utama; 2018. (In Indonesian).
27. Poespowardojo S. *Strategi Kebudayaan*. Gramedia Pustaka Utama; 1989. (In Indonesian).
28. Ramage D.E. *Politics in Indonesia: Democracy, Islam and the Ideology of Tolerance*. Routledge; 2002.
29. Setijo P. *Pendidikan Pancasila Perspektif Sejarah Perjuangan Bangsa Edisi 4*. Gramedia Widiasarana Indonesia; 2011. (In Indonesian).
30. Shofiana G.F. Philosophy, Pancasila and modern technology. *Yuridika*. 2014. 29 (2).
31. Sindonews. Survei: 89Persen Publik Tolak Presiden 3 Periode. URL: <https://nasional.sindonews.com/read/739909/12/survei-89-persen-publik-tolak-presiden-3-periode-1649660680/10>. (In Indonesian).
32. Soekarno. *DiBawah Bendera Revolusi*. Banana Books; 2016. (In Indonesian).
33. Supriyanto E.E. Revitalization of Pancasila as a solution to the problems faced by the Indonesian nation. *Jurnal Pendidikan Nusantara*. 2021; 1 (2). (In Indonesian).

34. Suseno F.M. *Pemikiran Karl Marx. Dari Sosialisme Utopis ke Perselisihan Revisionisme*. Gramedia Pustaka Utama; 2016. (In Indonesian).
35. Wignjosoebroto S. *Hukum. Paradigma, Metode dan Dinamika Masalahnya*. Penerbit ELSAM; 2002. (In Indonesian).
36. Wignjosoebroto S. *Hukum dalam Masyarakat*. Graha Ilmu; 2013. (In Indonesian).
37. Wignjosoebroto S. *Hukum Konsep dan Metode*. Setara Press; 2013. (In Indonesian).
38. Zubaidi A., Sutarmanto H. Indeks Ketahanan Ideologi Pancasila. *Jurnal Ketahanan Nasional*. 2019; 25 (2). (In Indonesian).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-860-871

Революция Панчасилы как идеологии индонезийцев*

М.А. Мукситх¹, В.Л. Музыкант², Р.Г. Тайибнапис¹, Р.Р. Прадомо¹

¹UPN Университет Джакарты,

район Селинда, город Депок, Западная Ява, 12450, Индонезия

²Российский университет дружбы народов,

ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

(e-mail: munadhil@upnvj.ac.id; vmouzyka@mail.ru;

raditagora@upnvj.ac.id; rizkyridho0897@gmail.com)

Аннотация. Авторы статьи пытаются ответить на вопрос, как сегодня воспринимается индонезийским обществом идеология Панчасилы — единый комплекс религиозных, идеологических и философских идей, на которых базируется индонезийская государственность. Нередко интерпретация и оценка ценностей Панчасилы сводится исключительно к ее вербальной составляющей — ее считают лишь неким дискурсивным комплексом, т.е. пренебрегают ее претворением в жизнь по причине непонимания ее сути и недостаточного знания основных принципов. Авторы последовательно объясняют те пять заповедей, которые составляют ядро идеологии Панчасилы, нацелены на формирование определенных социальных установок и знаний, поддержку борьбы индонезийского народа за независимость и создание государства Панчасилы. Первая заповедь гласит о Всемогущем Боге, вторая — о справедливом и цивилизованном человечестве; третья заповедь утверждает национальное единство Индонезии; четвертая заповедь провозглашает демократию, руководствуясь представлением об общественных договоренностях; пятая заповедь провозглашает принцип социальной справедливости для всех индонезийцев. Кроме того, Панчасила выступает основным источником всех законов страны, включая Конституцию Республики Индонезия, поскольку все национальное законодательство направлено на формирование суверенной и процветающей страны, обеспечивающей благосостояние народа, единобожие, свободу вероисповедания, уважение и признание разнообразия и плюрализма, построение демократического государства. Социальные проблемы, которые часто возникают в любом обществе, обычно начинаются с нарушения законов, распространения опасных идей экстремизма и преступных коррупционных действий, способных поколебать глубинные основания Панчасилы. Поэтому для защиты страны и укрепления основных заповедей Панчасилы необходимо понимать ее принципы и реализовывать их в идеологии национализма и строительстве демократического государства.

Ключевые слова: Панчасила; Индонезия; революция; источник права; государственность; демократия; национализм; народ

* © Мукситх М.А., Музыкант В.Л., Тайибнапис Р.Г., Прадомо Р.Р., 2022

Статья поступила 17.06.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-872-880

Development of Russian tourism in the contemporary social and ethnocultural conditions*

O.V. Chistyakova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: chistyakova-ov@rudn.ru)

Abstract. The author considers tourism as a relevant social-cultural phenomenon of contemporary Russia, which is important for economic development and establishing interethnic and interreligious balance in the cultural-axiological space of Russia. The author pays special attention to the migration processes in their connection with the situation in the tourism and hospitality industry and prospects for its development. Considering the global diversity of migration forms and types, the category of legal foreign labor migration is analyzed to clarify some substantial issues of external labor migration as having social and intercultural meanings. The author explains the efficiency of labor migrant flows in the renewing Russian touristic sphere; emphasizes the ethnocultural specificity of tourism and the ethnic character of migration; considers the regional situation through the host population's perception of labor migrants and the native population's assessment of the ambiguous role of foreign specialists in the formation of ethnic-cultural and civil identities in the multicultural Russian society. Tourism is defined as a significant economic and intercultural stabilizing factor contributing to the development of a tolerant environment and integrating external migrants into the host society. The article describes the relationship between the effective development of internal tourism and the progressive regulation of foreign labor migration. The analysis of the features of migration processes shows the changing nature of external labor migration due to objective social-economic factors, and the role of labor migrants in the formation of the all-Russian civil identity. The author insists on the correlation between the growing attractiveness of tourist sites and a stable and peaceful situation in the sphere of interethnic and interreligious relations, including between the autochthonous and allochthonous peoples of multinational Russia.

Keywords: social foundations of tourism; labor migration; internal tourism in Russia; autochthonous and allochthonous peoples; tourist recreational clusters; civil and ethnic identity

The state of tourism and hospitality in Russia directly correlates with social, migration, and ethnocultural factors both in the country and in its regions. Initially caused by the pandemic, difficult communications and a sharp decline in inbound foreign tourism have led to negative consequences in the tourist industry, which are complicated by the current geopolitical conditions. In connection with this situation, to improve the established forms of tourism and the formation of its new types acquiring popularity (religious and pilgrimage, medical, etc.), Russian

*© O.V. Chistyakova, 2022

The article was submitted on 23.02.2022. The article was accepted on 15.10.2022.

scientists are developing the actual model of domestic tourism with the possibility of its application in the regions. Ethnocultural and religious factors of international tourism, which two years ago played a significant role in the formation of new types of foreign travel and routes, today are purposefully reoriented to the domestic market of tourist products to support the general Russian tourism industry and hospitality.

The vital role in the development of domestic tourism is played by social-cultural, religious, educational, and communicational characteristics of certain territories. However, of no less importance are migration processes associated with internal and external movements of the labor force, and the perception of incoming people (often bearers of ethnicity other than the host population) by autochthonous ethnic groups and the emerging interaction between the arriving and the receiving population. Attractiveness of tourist destinations as social-cultural objects is directly related to the qualitatively stable, tolerant, and peaceful relations between migrant workers and the host population (especially in territories with an ethnic enclave settlement of migrants), and in the sphere of interethnic and interreligious relations.

The article aims at examining Russian tourism as closely connected with the ongoing social phenomena of a complex and dynamically changing world. Tourism is presented bilaterally: in social and ethnocultural contexts, manifesting both in institutionalized forms and in real inter-ethnic and inter-religious relations of people arising from external migration to Russia. In addition, in a more specific expression, emphasis is made on the ratio of external labor migration and the opportunities for the progressive formation of domestic tourism in Russia.

Social contexts of tourism

As a social global phenomenon, tourism essentially aims at preventing conflicts on the ethnic ground and overcoming threats to human existence. Tourism per se can be interpreted as people traveling to know another culture, religion, everyday life, etc. In this context, tourism partly eliminates contradictions between ethnical and religious groups that still emerge in different regions of the world because of ongoing economic, social, and international events.

The social understanding of tourism helps to find theoretical and practical grounds for eliminating the opposition of one ethnic group to another, the host population and the incoming flows of people as a result of global migrations. Arriving groups are often perceived not only as other but also as strangers, being in opposition to the sustainable and habitual lifestyle of the host people. A stereotype of foreignness and alienation associated with invasion sometimes prevails in the autochthonous people's consciousness and provokes conflicts on the ethnic ground, although different ethnicity per se does not cause conflict situations or alarmist mood in the host population. The ideology of solidarity is based on the impression of the commonality of origin, history, faith, and culture. Sometimes, a myth of shared originality and culture lies in the center of such sort of ideology, being produced by some political elites for their own goals.

“Imaginary ‘we’ is built as an ethnical community: common ancestors, history, faith, and language. Community consolidation is reached through opposition to other groups. People are offered a simple means to distinguish ‘us’ from ‘them’ by nationality. They are explained that different people have different interests. Russians bear their own and non-Russians have their ones” [8. P. 25]. Usually the myth “our–others, or strangers” spreads rapidly at the everyday culture’s level, becoming an obstacle for migrants, who aim at integration into a new society, and creating an unfavorable environment for successful economic activity, intercultural relations, and sustainable development of the tourism industry.

A solution to these problems can be partially found in a design of a proper tourist infrastructure where arriving people will be employed. Tourism, existing on cognition of different cultures, establishes peaceful and moral principles of working and communication of people with diverse civil and religious identifications. Eventually, such identifications are revealed in the formation of the various world models of ethnic groups.

Scholars consider tourism as a new form of migration, including such its types as medical, ecological, and even nostalgic. “Tourism as a form of migration has not yet received (unlike, for example, compelled or labor migration) an accurate conceptual framework and mechanism of legal regulation both in the international law and Russian legislation. There are only more or less recognized definitions, the main components of which are staying for up to one year in another country or another region for health, educational, entertainment and other purposes” [3. P. 51]. In this context, tourism as a form of migration assumes a long sojourn in another country or region, shifts the place of living for that period and changes cultural, social and religious circumstances which differ and sometimes contradict to habitual deep-rooted conditions of travelers. For instance, medical tourism can embrace not only months but years, accounting for the treatment and rehabilitation of a tourist-migrant. Therefore, it seems logical to define tourism as a specific form of migration.

Tourism is sensitive to social and economic changes occurring both in our country and in the global world. Thus, the sphere of tourism and hospitality mostly depends on labor migration flows and on bursts of unfavorable migration situations caused by the mass movement of people — often illegal — from one country to another to find employment or, at least, contemporary income. It is hardly possible to witness a prospect for tourism development in a country or region with enormous accumulations of illegally arriving people, refugee tent camps, rejection of migrants by the population, or other obstacles to integrating the arriving people into the host society. The flashes of negative migration situations repel travelers and aggravate the economic situation of the surrounding territories.

Migration processes of the late 20th — early 21st centuries cover the global space and expand quantitatively involving both increased human flows and severe problems, which evoke waves of legal and illegal migration. These processes are

well presented in the works of J. Urry on the so-called sociology of tourism and mobility [12]. The massive shifts of people aspiring to different countries and sometimes to uncertainty — are some kinds of a mirror of contemporary states with their internal social, economic, and international problems. “Migration of population is the complex social process rather than merely mechanical displacement of people, and this process affects many spheres of social, economic and cultural life of entire nations” [13. P. 100]. However, migration processes are always related not only to the economic sphere but also to the culture of the host society, where difficulties and problems arise.

Migration and tourism: Ethnocultural contexts and civil identity

At the beginning of the 21st century in Russia, the very nature of migration has changed, and it is determined by objective social-economic factors [11] rather than the forced movement of people, which was typical, for example, in the early 1990s. As a result, the ethnocultural character of Russian regions that receive large flows of external labor migrants has significantly transformed. In some multi-ethnic region, there is a mixture of autochthonous and arriving peoples. There is also a replacement of some ethnic communities: representatives of other groups arrive instead of diasporas leaving the region (this is especially characteristic of those subjects where ethnocultural diversity has been historically established — the Southern Federal District, the Volga Region, the Krasnodar Region, etc.). Many territories of Russia have become characterized by a diversity of professional and qualification levels of external migrants and their specific ethnic ‘attachment’ to a federal subject. “This is partly determined by the territorial proximity of particular countries to the region, partly by the specialization of industries and organizations that attract foreign labor (visa labor migration). The ownership structure also plays a significant role. Foreign owners of enterprises give preference to their compatriots” [7. P. 108].

Some Russian regions are characterized by a mono-ethnicity of the “visa foreign labor force”. For instance, visa migrants from China in the Republic of Tuva, Primorsky and Sverdlovsk Regions account for about 100 %, and in Ryazan, Pskov, and Vladimir Regions, Vietnamese citizens prevail [7. P. 108]. There is a number of territories with a more multi-ethnic component of labor migrants, mainly regions without a pronounced dominance of residents of a particular country and with a share of migrants making up less than half of the quota — Volgograd, Krasnodar, Penza Regions, Yamalo-Nenets Autonomous Region, etc. [7. P. 108].

Even in challenging contemporary conditions the share of external labor migrants has remained very high in Russia. However, the composition of the foreign labor force is changing significantly because of limited transport communications and new geopolitical realities. The dominant position of migrants from Central Asia, who were unable to leave Russia under the first wave of the pandemic,

is being consolidated. Based on the sociological study of the employment in the Russian labor market of highly-skilled migrants from Central Asia (Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan [10. P. 188]), the researchers note their great adaptation potential to radical changes in this market. Highly qualified specialists from this region did not leave Russia during the pandemic due to the closed borders and managed to occupy a privileged position in the labor market under its significant transformations [10. P. 187].

Even though hundreds of thousands of migrants from Central Asia could not come to Russia for objective reasons, Central Asian migration continues to prevail in 2022, represented mainly by migrants from Tajikistan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. At present, there is no clear prospect that the lost niches in the labor market will be filled by specialists from other countries. In such a situation, migration flows from Central Asia might be considered in the perspective of their high efficiency for the Russian market. However, the increasing number of Central Asian specialists (even highly qualified ones) may have a second side, related to ethnocultural reasons and identity foundations of the host society: “The potential of Central Asian migration in the short term is very high and can cause serious perturbations not only in the labor market — since significant flows of migrants not adapted to the Russian realities can arrive to Russia in a short time” [10. P. 187].

Thus, problems may arise that have to do not so much with the qualification of migrants and their adaptability to the demands of the Russian market as with their ability to adapt to equally important spheres of social and cultural life in the host society. The most important problem here is the prospects of at least the slightest integration of external labor migrants into the social-cultural sphere of the country’s autochthonous population. This would allow incoming labor specialists to avoid compact settlements in the form of ethnic enclaves. An enclave, as a form of residence (and often survival) of people of one ethnic identity inside a different (alien to them) social-economic and cultural system, today does not correspond not only to the civilization standard of living but also to the establishment of tolerant relations between the native inhabitants and the incoming flows of migrant workers. After all, migration flows are an increase of people with different life attitudes, ethnic and religious identities, social traditions, and daily living norms. Everyday life is brought into a new society and causes the need not only to adapt their social-cultural skills to the conditions of the host society, but also to adequately perceive the cultural values, religious customs, and social norms of the latter.

There are often problems of survival and adaptability of migrants to new social-cultural conditions due to the obstacles (sometimes subjective) for integrating newcomers into the host society [9]. We can distinguish two structure-forming types of external labor migrants — those who purposefully integrate into the new society and those who reject it, seeing in it only a temporary economic resource. Since there is such a significant disposition in the arriving labor migration flows, despite their increase, there will be opportunities for the emergence of such forms

of nationalism as extremism, xenophobia, and ethnic nationalism [1], alarmist moods of autochthonous citizens about the loss of their cultural identity and rejection of foreign ethnic migrants as foreigners. This is characteristic not only of Russian residents but also of many countries, including European ones. Contemporary migration processes in Europe have acquired the essence of dialogic interaction between the western and eastern areas of the world: “Problems with migrants demonstrate an acute phase of social-cultural rather than social-economic crisis. It is a clash of civilizations within a single state... within the European Union. If in the past there had been a one-sided export of the Western views, now it has become a two-sided exchange between the East and the West, between the South and the North” [6. P. 178].

Despite the complex geopolitical situation, it is very important to outline the trend towards the erasure of inter-ethnic boundaries between different peoples, to overcome the artificial opposition of ethnic groups on the principle of “ours” — “not ours”. Today, “there are ethnic communities that are cemented not by external threats, but by interdependence, erasing the line between the stranger and the local. But this requires a calm environment and a sense of common identity” [6. P. 179]. A common sense of identity is based on shared values, agreement on common norms of living together, and respect for the cultural and religious traditions of different ethnic groups (both the host and the arriving population).

In Russia, one of the consolidating values is the desire for a unified multinational state with the peaceful existence of peoples and their civil identification. The correlation between ethnic and civil (all-Russian) identifications has long been discussed in the Russian social thought, and we would like to emphasize the importance of a united nation in Russia grounded in the all-Russian culture, values, and all-citizen aspirations. All this is tightly connected with the civil identity of Russians and irrespective of the ethnic principle of statehood. At the same time, personal sense of belonging to an ethnocultural community should not diverge from the simultaneous sense of belonging to the all-civil union, called ‘nation’ [2. P. 11].

We argue that cultural and cognitive tourism to some extent contributes to the establishment and awareness of national and civil identities. After all, the formation of the civil nation and all-Russian identity affects and largely solves the problems of the influx of foreign ethnic labor migrants, who introduce new cultural ‘codes’, other traditions and norms of their everyday culture into the culture of the host country. Mutual cultural enrichment can occur between the native population and new migrants, including the proper organization of the use of migrant labor in building new tourist infrastructure. Migration processes and the reorientation of tourism to the domestic market are interdependent, and the flows of external labor migrants entering Russia must also be considered for the effective development of the tourism and hospitality industry. For example, labor migration is needed to create cultural tourist and recreational clusters as a new type of domestic tourism. Such clusters are already being created in some regions

and are classified according to certain criteria: skiing, resorts, ethnocultural, religious and pilgrimage, and medical. For instance, the Southern Federal and the North Caucasus Federal Districts boast diverse natural, climatic, historical, and cultural attractions, and several clusters are expected to be created here. Clusters are already being formed in Adygea, Ingushetia, Karachay-Cherkessia, Krasnodar, and Astrakhan Regions. “According to preliminary estimates, upon the project hitting full capacity, the tourist flow will reach 10 million people. The project will serve as a serious basis for the socio-economic development of the entire North Caucasus Region” [13. P. 107].

Tourist and recreational clusters can use large flows of labor migration and provide high employment for both arriving and local populations. The influx of tourists means the need to create new jobs, expand the labor market, and create a certain system of training for migrant workers. The increasing number of travelers and the extensiveness of the labor market contribute to the improvement of the clusters, development of infrastructure, improvement of services. This is one of the ways of effective interdependence of the tourism industry and migrant labor flows while creating a certain tolerant culture of inter-ethnic relations.

When using foreign labor force for creating a tourist infrastructure in Russia, it is crucial to involve representatives of ethnic migrant groups in forming a unified value space of culture, which can cover both indigenous peoples and arriving people. Consolidating ideas can be based on the awareness of the unity of combining ethnic and civil forms of the Russian identity. In any person’s worldview, the civil and the ethnic do not contradict and can peacefully coexist. Russian sociological and philosophical studies have long established discourse on the inconsistency of civil and ethnic identities in the worldviews of both Russian and non-Russian ethnic groups. In the Russian nation-state building, its civil component and general civil values have been increasingly asserted. However, the role of ethnicity, ethnic cultures and languages is not being abolished. On the contrary, it is increasingly being cultivate: “The notion that ethnicity decreases with the establishment of a pan-Russian civic identity is not confirmed. In a non-hyperbolized form, these identities coexist in the minds of people and can become a resource for social development” [4. P. 49].

Migration flows of legal labor specialists can also contribute to the formation of the general civil and cultural space of our country. The inclusion in this process of migrants — representatives of different ethnic groups — contributes to the prosperity of the economy, culture, education [5], and the flourishing of multiculturalism in Russian regions.

Thus, even in today’s difficult conditions, tourism and migration act as the most important social factors affecting the intercultural relations of the incoming ethnic communities and the local population. To some extent, they stabilize the economic decline of the Russian regions through the transition to the model of domestic tourism with the prospects for the development of appropriate infrastructure and

tourist-recreational clusters. Integration of external labor migrants into the Russian society and effective use of their labor force in the tourism and hospitality industry will give ensure new trends in tourism and will promote rapprochement and dialogue of ethnic cultures.

Funding

The reported study was funded by RFBR, project number 20-011-00045 A “The Influence of Ethnocultural, Religious, Communicative, Educational and Migration Factors on the Development of the Contemporary Tourism Industry: Socio-Philosophical Inquiry.”

References

1. Chistyakov D. Nationalism in the contemporary world: Theoretical approaches and empirical implementation. *Proceedings of the 2016 International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities (ICCESSH 2016)*. Atlantis Press; 2016; 74.
2. Chistyakova O.V. Problemy etnokulturnoj politiki v “natsionalizirujushhemsja” gosudarstve [Issues of ethnocultural policy in the “nationalizing state”]. *RUDN Journal of Philosophy*. 2010; 4. (In Russ.).
3. Dizer O.A. Novye vidy migratsionnyh protsessov kak formy realizatsii konstitutsionnogo prava lichnosti na svobodu peredvizhenija, vybor mesta prebyvanija i zhitelstva [New types of migration processes as forms of exercising the constitutional right to freedom of movement and choice of place for residence]. *Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*. 2021; 12. (In Russ.).
4. Drobizheva L., Ryzhova S. Obshherossijskaja identichnost v sotsiologicheskom izmerenii [All-Russian identity in the sociological dimension]. *Bulletin of the Russian Nation*. 2021; 1–2. (In Russ.).
5. Gerneshy V.V. Vozrastanie roli obrazovatel'nogo turizma v sisteme podgotovki kadrov mirovoj turindustrii: sotsialno-filosofsky analiz [The increasing role of educational tourism in the training system of the world tourist industry: A social-philosophical analysis]. *Logos et Praxis*. 2021; 20 (3). (In Russ.).
6. Kolesnikov A.S. Ot multikulturalizma k dialogu filosofskih kultur [From multiculturalism to the dialogue of philosophical cultures]. *Philosophical Crossroads of Civilizations' Interaction: Culture and Values*. Moscow; 2016. (In Russ.).
7. Komarovskiy V.V. Problemy regulirovanija trudovoj migratsii v sovremennoj Rossii [Issues of the labor migration regulation in contemporary Russia]. *World Economy and International Relations*. 2020; 64 (3). (In Russ.).
8. Malakhov V.S. *Ponaehkali tut... Ocherki o natsionalizme, rasizme i kulturnom plyuralizme* [They Are Overrunning Our Country... Essays on Nationalism, Racism and Cultural Pluralism]. Moscow; 2007. (In Russ.).
9. Mukomel V.I. Regionalnye osobennosti integratsii vnutrirossijskih inojetnichnyh migrantov [Regional specificity of the internal ethnic migrants' integration]. *Federalism*. 2018; 2. (In Russ.).
10. Mukomel V.I. Vysokokvalifitsirovannye migranty iz gosudarstv Srednej Azii na rossijskom rynke truda [Highly qualified migrants from Central Asia in the Russian labor market]. *Journal of Sociological Science and Social Practice*. 2021; 9 (4). (In Russ.).
11. Shchegolkova E.Yu. Mezhnatsionalnye otnoshenija i rossijskaja identichnost v slozhnyh uslovijah pandemii covid-19 [Interethnic relations and Russian identity in the difficult conditions of the covid-19 pandemic]. *Information and Analytical Bulletin*. 2021; 1. (In Russ.).
12. Urry J. *Global Complexity*. Cambridge; 2003.
13. Vasilieva I.A. Turistsko-rekreatsionny klaster kak reshenie migratsionnoj situatsii SKFO [Tourist-recreational cluster as a decision for the migration situation of the North Caucasus Federal District]. *Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2015; 3. (In Russ.).

Развитие российского туризма в социальных и этнокультурных условиях современности*

О.В. Чистякова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: chistyakova-ov@rudn.ru)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению туризма в качестве актуального социального и культурного феномена современной России, имеющего значимость для развития социально-экономической сферы и становления межэтнического и межрелигиозного равновесия в культурно-аксиологическом пространстве. Особое внимание уделяется миграционным процессам, анализируемым в соотношении с сегодняшней ситуацией в сфере индустрии туризма и гостеприимства и с перспективами ее развития. Учитывая глобальное разнообразие форм и типов миграций, акцент сделан на легальной иностранной трудовой миграции: выделены знаковые проблемы внешней трудовой миграции, прежде всего имеющие социальный и этнокультурный характер; обоснована эффективность использования потоков трудовых мигрантов в обновляющейся сфере российского туризма; подчеркивается этнокультурная специфика туризма и этнический характер миграций. Ситуация в отдельных российских регионах рассматривается сквозь призму восприятия населением трудовых мигрантов, а также в контексте оценки коренным населением неоднозначной роли зарубежных специалистов в формировании этнокультурной и гражданской идентичностей в поликультурном российском обществе. Туризм в этих условиях становится значимым экономическим и межкультурным стабилизирующим фактором, способствующим становлению толерантной обстановки и интеграции внешних мигрантов в принимающее общество. В статье предпринят анализ взаимосвязи развития внутреннего туризма в России и поступательного, регулируемого процесса зарубежной трудовой миграции. Рассмотрены особенности современной миграции, описан изменившийся характер внешней трудовой миграции, обусловленный объективными социально-экономическими факторами. Отмечена роль трудовых мигрантов в становлении общероссийской гражданской идентичности. Подчеркивается прямое соотношение роста привлекательности туристских объектов как культурных феноменов и мирной обстановки в сфере межэтнических отношений между автохтонными и аллохтонными народами многонациональной России.

Ключевые слова: социальные основания туризма; трудовая миграция; внутренний туризм в России; автохтонные и аллохтонные народы; туристские рекреационные кластеры; гражданская и этническая идентичности

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00045 «Влияние этнокультурных, религиозных, коммуникативных, образовательных и миграционных факторов на развитие современной индустрии туризма: опыт социально-философского анализа»

* © Чистякова О.В., 2022

Статья поступила в редакцию 23.02.2022 г. Статья принята к публикации 15.10.2022.

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

SOCIOLOGY OF EDUCATION

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894

Ресурсность научно-педагогического сообщества: административный и мобилизационный подходы к анализу*

Г.Е. Зборовский, П.А. Амбарова

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002, Россия
(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; borges75@mail.ru)

Аннотация. Исследование ресурсности научно-педагогического сообщества (далее — НПС) российских вузов с позиций социологии представляется актуальной задачей в новых условиях реализации стратегии развития отечественной высшей школы. Адекватная оценка и наиболее полное раскрытие потенциала НПС, в том числе мало используемых его ресурсов, приобретает особое значение для российских вузов, испытывающих серьезные дефициты. В статье предлагается новая «оптика», позволяющая оценить способность университетского управления к мобилизации традиционных и ранее не востребованных ресурсов НПС. Цель статьи состоит в обосновании административного и мобилизационного управленческого подходов к анализу ресурсности НПС. Проблема рассматривается на стыке социологии управления и социологии высшего образования. Эмпирической базой послужили результаты вторичного анализа данных исследований, проводимых авторами с 2016 года. Были рассмотрены документы стратегического планирования развития высшего образования и науки для выделения приоритетов академического развития НПС и требований к нему в новых условиях. Исследование базировалось на анализе массива статистических данных, отражающих основные показатели развития российского высшего образования в 2014–2021 годы. В качестве источников статистических данных использовались базы Мониторинга эффективности организаций высшего образования, сборники «Индикаторы образования», материалы Мониторинга экономики образования НИУ ВШЭ, иные открытые источники. В результате на материалах теоретического и эмпирического исследования практик высшей школы раскрывается понятие и структура ресурсности НПС; обосновывается необходимость управленческого подхода в вузах, направленного на мобилизацию невостребованных ресурсов НПС; показана ограниченность вузовских административных решений, касающихся оценки и использования ресурсов НПС. В заключении сделаны три основных вывода: о значении понятия

* © Зборовский Г.Е., Амбарова П.А., 2022

Статья поступила 31.07.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

и структуры ресурсности НПС как важных инструментов управленческого анализа; о необходимости разработки модели мобилизационного университетского управления; о последствиях доминирования административного подхода к оценке и использованию ресурсности НПС.

Ключевые слова: научно-педагогическое сообщество; ресурсность научно-педагогического сообщества; мобилизация ресурсов; университетское управление; российские вузовские практики; стратегическое планирование; управленческий анализ

Ситуация мирового политического, социального и экономического кризиса формирует вызовы российскому высшему образованию. Наблюдается ослабление международных научных и образовательных связей, усиливается интеллектуальная изоляция, увеличивается риск ресурсных ограничений высшей школы. В то же время национальная стратегия развития университетского образования и вузовской науки пока не подверглась кардинальному пересмотру. По-прежнему актуальны задачи достижения лидерства в глобальном образовательном пространстве, выраженные в стремлении к высоким рейтинговым позициям, сохранению масштабов академической мобильности и научных коллабораций, «производству» конкурентоспособного научного знания. В новых сложных условиях высшей школе предстоит сохранить накопленный потенциал и сформировать стратегию устойчивого функционирования, что актуализирует в научной дискуссии и повестке университетского управления традиционный «кадровый вопрос». Вопрос этот далеко не тривиален, поскольку человеческий фактор в ситуации высокой неопределенности выполняет функцию «случайной неслучайности», значимой в точке выбора дальнейшей траектории движения. Для рассмотрения этого вопроса требуется новая оптика, позволяющая оценить способность университетского управления к мобилизации традиционных и ранее не востребованных ресурсов.

НПС российских университетов, насчитывающее сегодня свыше 300 тысяч человек [11. С. 306], выступает носителем уникальной человеческой ресурсности, отличающей данную социально-профессиональную общность от других [9]. Благодаря этому НПС обладает возможностями позитивного влияния на преодоление кризиса внутри высшего образования и общества в целом. В то же время университетское управление чаще всего фокусируется только на тех ресурсах НПС, которыми может управлять с помощью простых административных инструментов, обеспечивающих легкую калькуляцию и прямое стимулирование. Обозначенная проблема обретает особое значение для вузов регионов — в них накопилось больше противоречий, чем в столичных вузах, имеется меньше возможностей их разрешения, со значительными трудностями осуществляется развитие кадрового потенциала академического и управленческого сообществ.

Цель статьи — обоснование мобилизационного управленческого подхода к оценке и использованию ресурсности НПС. Понятия «мобилизационное

управление» и «мобилизация ресурсов» не принадлежат к милитаристскому дискурсу, их разработка связана с двумя теоретическими традициями: первая отражает проблематику парадигмы социальной мобилизации [12; 29], теории ресурсной мобилизации [21; 24] и социологии общественных движений [10; 32]; вторая уходит корнями в теорию управления и модель антикризисного управления [2; 18; 31]. Перенос названных понятий в категориальный аппарат социологии предопределен активным поиском концептов, отражающих способы концентрации университетами ресурсов и усилий для достижения стратегически важных целей в ограниченной временной перспективе. Зарубежные исследователи связывают возможности реализации таких университетских стратегий с развитием «кадрового ядра» — профессорско-преподавательского состава (далее — ППС) и университетского менеджмента [20; 26]. Механизмы развития кадровых ресурсов рассматриваются в контексте глобального пространства высшего образования, в котором возможна академическая мобильность и свободная конкуренция за лучшие кадры. В связи с этим обращается внимание на преодоление академического инбридинга [23] и стратегию перфекционизма в управлении человеческими ресурсами [25; 30]. Изучение мобилизационной модели университетского управления представлено работами, отражающими локальные прикладные исследования и управленческие практики [22].

Возможности адаптации подходов, сформировавшихся в теории управления, к социологическому анализу мобилизационного менеджмента, а также устойчивый интерес к его практикам в современных университетах делают актуальной проблематику статьи. А богатый теоретико-методологический арсенал парадигмы социальной мобилизации и теории мобилизации ресурсов придают ее анализу концептуальный характер.

Эмпирической базой статьи послужили результаты вторичного анализа данных исследований российского высшего образования, проводимых авторами с 2016 года, в том числе в Уральском федеральном округе (далее — УрФО). В декабре 2021 года — январе 2022 года был осуществлен анализ документов стратегического планирования развития высшего образования и науки России для выделения приоритетов академического развития НПС и требований к нему в условиях реализации национальной стратегии повышения конкурентоспособности вузов (Проект «5-100» и «Приоритет-2030»). Исследование базировалось на анализе статистических данных, отражающих основные показатели развития российского высшего образования в 2014–2021 годы.

Понятие и структура ресурсности НПС

Содержание понятия «ресурсы» часто определяется контекстуально — в привязке к конкретному носителю (индивиду, группе, организации, обществу) и проблемам, которые он должен решить. В нашем проблемном

ключе уместно обратиться к подходу Э. Гидденса: он рассматривал ресурсы как «средства и способы, посредством которых в процессе производства и воспроизводства социальных практик включаются отношения преобразования» [4. С. 60]. Предлагаем определить ресурсность НПС как совокупность возможностей, в которые данное вузовское сообщество конвертирует средства и способы своей профессиональной деятельности, а также сопряженные с ней свойства, присущие НПС как социально-профессиональной общности. Целью такой конвертации становится преобразование социальной реальности, в которую вовлечено НПС, — университетской среды, высшего образования, местного сообщества, социума.

Ресурсы НПС — не только его неотъемлемый актив, но и предмет оценки и деятельности университетского управления. Однако их многообразие, сложность измерения и использования мало учитываются в управленческих инструментах, что серьезно обедняет ресурсное обеспечение стратегий развития российских вузов. Применение ресурсного подхода позволяет выделить следующие виды ресурсов НПС: социально-демографические (численность, гендерная и возрастная структуры); исследовательские (активность, готовность участия в грантовых и инициативных проектах, хоздоговорных работах, способность получать значимые научные результаты); публикационные (публикационная активность, ее качество, степень вовлеченности в нее разных групп НПС); ресурсы научно-педагогической квалификации (ее реальный уровень, активность в области академического развития); символические («продуктивность» званий, научных степеней, наград, экспертных статусов); морально-идеологические (доверие, солидарность, уровень знания, понимания, принятия целей стратегии развития университетов, готовность к участию в ее реализации); ресурсы научных коллективов (наличие научных коллективов, школ, их традиции, социальный капитал); коммуникативные (качество и плотность научных коммуникаций); темпоральные (социальное время); ресурсы наставничества (мотивация и компетенции наставничества, необходимые для воспроизводства научно-педагогических кадров); образовательно-педагогические (ресурсы, необходимые для формирования кадров новой экономики, включая профессиональную и академическую мобильность, современное знание отрасли).

Названные ресурсы взаимосвязаны, и эта связанность имеет динамичный характер, определяемый меняющейся структурой профессиональной деятельности НПС. Одни и те же ресурсы могут использоваться и в образовательной, и в научной деятельности, перераспределяясь между ними в соответствии с приоритетами университетского управления или научно-педагогического сотрудника. В российских университетах, особенно рядовых региональных, вопрос о соотношении образовательной и научной деятельности, по-видимому, до сих пор не имеет определенного решения [16], а ограниченность человеческих ресурсов не позволяет обеспечить ресурсами НПС

в равной степени и образовательное, и научно-исследовательское направления. Для значительной части российских педагогов занятие наукой в сравнении с преподаванием является делом вторичным, чем во многом объясняется малая отдача от вузовской науки.

Рассматривая ресурсность НПС как предмет университетского управления, необходимо принять во внимание особенности его моделей, которые в зависимости от состояния внешней среды могут быть определены как административная и мобилизационная. Административный подход — это система четко регламентированных и регулярно воспроизводимых функций, для реализации которых необходимо (и достаточно) набора формализованных и стандартизированных показателей, ресурсов, методов. Такой подход складывается и в целом может быть эффективно использован в стабильной, хорошо структурированной среде, внешней по отношению к университетам. Управленческий анализ ресурсности НПС, базирующийся на методологии административного управления, включает в себя количественную оценку социально-демографического, публикационного, исследовательского ресурсов, а также ресурса научно-образовательной квалификации. Формы внутренней и внешней отчетности университетов, методика расчета их эффективности включают показатели именно этих ресурсов НПС, составляющих примерно треть всей его ресурсности. При этом учитывается только часть показателей и только их количественное измерение, а остальная ресурсность НПС остается незамеченной, не оцененной, а значит, и невостребованной.

В ситуации, описываемой в терминах высокой неопределенности, возникают предпосылки мобилизационной модели университетского менеджмента. В отличие от административной модели мобилизационная строится на принципах гибкости, внимания не только к сильным и видимым элементам университетской системы (и общества), но и к слабым связям, непроявленным состояниям, процессам и ресурсам. Методология мобилизационного управления задействует максимально весь арсенал ресурсов НПС и методов их развития, фокусируясь на важнейших задачах университета, которые необходимо решить в краткосрочной перспективе. Цель мобилизационного подхода — приведение в активное, деятельное состояние предельно широкого спектра ресурсов НПС, которые обеспечивают гибкость и многообразие способов достижения стратегических задач. Преимущество подхода состоит в том, что благодаря концентрации ресурсов обеспечивается готовность университета к неожиданным вызовам и непроявленным рискам.

Рассмотрение конкретных практик оценки ресурсности НПС позволяет выявить как инструментальные ограничения университетского управления, так и ресурсные дефициты программ развития российских вузов, которые реализуются в соответствии с национальной стратегией трансформации высшего образования.

Ресурсность НПС и управленческие решения в университетах России

Число представителей НПС — неоднозначный показатель его ресурсности. С начала XXI века дважды менялся тренд: за период с 2000/2001 по 2010/2011 учебные годы численность ППС увеличилась с 358 до 464 тысяч человек, а затем к 2019/2020 — снизилась до 287 тысяч [рассчитано по: 11. С. 139]. Управленческий курс на снижение числа ППС был обусловлен выбором стратегии оптимизации и интенсификации академического труда. Однако специфичность ресурсности НПС заключается в подвижности точки, в которой исчезают положительные эффекты от интенсификации научно-педагогического труда, снижается его продуктивность и возникают проблемы кадрового воспроизводства. При принятии управленческих решений, отразившихся в дорожных картах университетов, эта точка не была определена, в результате чего количественные сокращения привели к асимметрии интенсификации академического труда, снижению его качества и продуктивности. Наибольшей интенсификации подверглась образовательная деятельность, чуть меньшей — научно-исследовательская. При этом временные, интеллектуальные и психофизиологические ресурсы НПС в большинстве российских вузов были перенаправлены в сферу педагогического труда в ущерб научно-исследовательскому. Таким образом, университетское управление лишило вузы важного элемента ресурсного обеспечения достижения приоритетных целей, связанных с научным лидерством. Еще одним, косвенным доказательством непродуманности управленческой стратегии было одновременное увеличение численности административного аппарата университетов, что привело к перераспределению общего фонда оплаты труда вузов и усилению непродуктивной бюрократической нагрузки на ППС.

Гендерная и возрастная структура НПС также отражается на его ресурсности. В среднем соотношение мужчин и женщин в университетах составляет 40 % к 60 %. Гендерная асимметрия сохраняется несмотря на то, что за последние три учебных года число женщин в вузах сократилось на 6 % (на 8,5 тысяч человек) [11. С. 316]. Административный корпус вузов имеет преимущественно «мужское» лицо (мужчины составляют от 60 % до 85 % в зависимости от должности и уровня управления) в отличие от феминизированных образовательных подразделений. Если же обратиться к гендерной структуре занятых научной работой, то она «переворачивается»: 60 % составляют мужчины и 40 % — женщины. По данным статистики, в 2019 году в сферу исследований и разработок в России было вовлечено 136,1 тысяч женщин, что на 11,6 % меньше по сравнению с 2010 годом (численность мужчин сократилась на 1,4 %), т.е. у российской науки (вузовской и академической) «мужское» лицо, а феминизация характеризует образование [14]. Преобладание женщин в составе ППС не может не сказаться на вузовской науке.

Так, исследователи проекта НИУ ВШЭ «Женщины в российской науке» отмечают, что среди вузовских сотрудников-мужчин 14 % докторов и 51 % кандидатов наук, а среди женщин — 6 % и 45 % соответственно. Мужчины намного активнее, чем женщины, в публикационном плане, их работы чаще цитируются; женщины публикуются чаще в отечественных журналах, нежели зарубежных [3]. Женщины-ученые оценивают свой уровень владения английским языком ниже, чем мужчины: только 9,3 % полагают, что знают его в совершенстве (против 14,4 % мужчин). У женщин ниже склонность к академической мобильности и меньше возможностей включаться в нее в силу сохранения традиционного гендерного контракта. В целом женщины более лояльны одному месту работы (63,2 % против 53,4 %) [8]. Можно резюмировать, что гендерное неравенство и асимметрия в университетах сохраняются и по-прежнему влияют на масштаб и результативность вузовской науки. В то же время документы стратегического планирования развития российских вузов в части описания проблемной ситуации и постановки тактических целей не учитывают обозначенное ресурсное ограничение.

Еще один аспект демографической ресурсности НПС определяется сохраняющейся тенденцией его старения [11. С. 323]: каждый пятый преподаватель старше 65 лет; группа ППС моложе 35 лет составляет менее 15 %, до 30 лет — около 5 % [17. С. 2]; среднее поколение (40–59 лет) продолжает сокращаться, за последние десять лет — почти на 9 % [11. С. 50]. Сравнительный анализ возрастной структуры российских и зарубежных университетов показывает серьезные отличия [13. С. 400] и причины кадрового курса на омоложение ППС в России: стремление предотвратить коллапс кадрового воспроизводства в вузах; поиски источников повышения продуктивности ППС за счет молодого ресурса — в расчете на его большую креативность, инициативность, сформированность цифровых и языковых компетенций. Однако реализация такой кадровой стратегии также должна базироваться на понимании «точки баланса», нахождение которой практически никогда не было задачей университетских стратегов. «Молодежный» крен трудно признать адекватным управленческим решением, если не обозначены функции молодого, среднего и старшего поколений ППС и не просчитаны в соответствии с этим доли их представителей. Заметим также, что мало озвучивается проблема «истощения» среднего поколения, выполняющего роль связующего звена, и практически ничего не предпринимается для его удержания в российских вузах.

Одним словом, научное обоснование оптимальной возрастной структуры вуза не представлено в документах стратегического планирования университетов, хотя они должны базироваться на точном оценивании и продуктивном использовании ресурсности каждой возрастной группы НПС. Нужно принять в расчет, что старение ППС — отражение общей демографической тенденции в стране и мире. Попробовать ее изменить в отдельно взятой сфере общественной жизни — очень амбициозный проект. Кроме того, в сфе-

ре интеллектуального производства не существует прямой зависимости продуктивности от возраста, но наблюдается дифференциация ресурсного потенциала.

По данным нашего исследования, преподаватели старшего возраста остаются важнейшим активом высшего образования. Они обладают способностью решать сложные проблемы вузовского образования, формируют ядро академического лидерства, выполняют функцию наставничества. Интенсивность научно-исследовательской деятельности (гранты, публикация статей, в том числе в изданиях Scopus и WoS) с возрастом не ослабевает (в нее включено 60,3 % «возрастных» ППС), а участие в научно-практических конференциях даже несколько увеличивается. Преподаватели «серебряного» возраста чаще, чем молодежь, предпочитают научно-исследовательскую деятельность образовательной (43,1 %, среднее значение по массиву — 31,2 %), активно реализуют исследовательские проекты на формальной основе и инициативно (48,3 % и 39,2 % соответственно), демонстрируют самый высокий уровень самооценки конкурентоспособности (индекс 0,22; в группе до 30 лет — 0,14; в группе 31–40 лет — 0,06; 41–55 лет — 0,15; в среднем по массиву — 0,12 [19. С. 157]). По-видимому, такие ресурсы «серебряных» профессионалов, как опыт, фундаментальные знания, достижения и мотивация, обеспечивают им субъективную готовность к вызовам динамично меняющейся академической профессии.

Исследования зарубежных ученых показали связь между высокой продуктивностью сотрудника вуза на первом и последующих этапах академической карьеры [27; 28]. Иными словами, ожидания высокой продуктивности от молодых сотрудников должны строиться на обеспечении условий ее достижения в период вхождения в академическую среду. Сочетание молодого возраста, ученой степени и высокой научной активности воспринимается как вызов сотрудникам российских университетов [1. С. 100]. Более того, молодые преподаватели, больше всего вовлеченные в научно-исследовательскую работу, составляют группу риска: они чаще не удовлетворены условиями труда, чувствуют себя невостребованными, не уверены в будущем, среди них выше установки на уход из университетов в другие сферы деятельности [1. С. 106].

Ресурс научно-педагогической квалификации (далее — НПК) отражается в таких формализованных индикаторах, как доля ППС, имеющих научные степени и ученые звания, количество защит (доля сотрудников, защитивших диссертации в отчетном году), численность ППС, прошедших курсы повышения квалификации. Первый и второй показатели стали «ахиллесовой пятой» российских вузов. Во-первых, за последние три учебных года число докторов наук, в целом небольшое для национальной системы высшего образования, сократилось более чем на 2 тысячи (до 30 тысяч), число кандидатов наук — на 9 тысяч (133 тысячи); сократилось число профессоров (на 2 тысячи) и доцентов (на 2,5 тысячи). Сегодня удельный вес докторов наук

в вузах составляет 15,8 %, кандидатов наук — 58,1 %, профессоров — 10,4 %, доцентов — 38,2 % [11. С. 308]. Во-вторых, проблематично обстоит дело с наращиванием абсолютных и относительных показателей защит кандидатских и докторских диссертаций.

НПК не как валовой показатель, а как ресурс имеет иное измерение — это, прежде всего, возраст получения ученой степени, который конвертирует ее в основание ранней академической карьеры и увеличивает ее продолжительность в высокопродуктивном режиме. Это также уровень «постзащитной» исследовательской и публикационной активности. К сожалению, эти показатели не изучаются ни во всероссийском, ни в локальном масштабах. Фрагментарные данные, которые удалось вычленивать из некоторых исследований, таковы: в 2018 году средний возраст соискателя кандидатской степени составлял 32 года, докторской — 47 лет [15. С. 17]; активны в научном плане в постзащитный период около 51 % докторов наук; примерно треть (33 %–38 %) реализует пассивную публикационную стратегию [5; 6]. Но и эти скудные сведения не вполне информативны, поскольку указание на средний возраст не дает представления о типичном возрасте соискателя кандидатской или докторской степени.

Тенденция снижения диссертационной активности и числа успешных защит в последнее десятилетие обусловлена трансформацией институционального контроля ВАК [7], девальвацией ценности «длинной» академической карьеры, непривлекательностью соотношения инвестиций в «диссертационный проект» и выгод от его реализации. Управленческим решением проблемы стало создание собственных диссертационных советов в ведущих университетах. Однако специфика этого типа советов и небольшой пока период их институционализации негативно влияют на доверие к ним и общественное признание новых форм сертификации научно-квалификационного ресурса НПС. Иные управленческие подходы к стимулированию диссертационной активности ППС (программы целевой аспирантуры и докторантуры, включение ученой степени в систему приоритетных критериев конкурсного отбора) имеют локальный характер и реализуются в вузах, которые имеют серьезную финансовую поддержку государства.

Еще один важнейший ресурс НПС, традиционно задействованный и подвергшийся сверхэксплуатации в стратегиях продвижения университетов, — публикационный. В 2018 году в массовом сегменте государственных вузов на 100 НПС приходилось 15 статей в изданиях WoS и 20 публикаций в журналах Scopus, в опорных университетах — 24 и 33 соответственно, в федеральных — 39 и 51, в ведущих — 81 и 109, в вузах группы «5-100» — 111 и 140 [13. С. 428]. Многократная разница показателей в университетах разных групп (и даже в вузах одной группы) очевидна. Поскольку ее причины хорошо изучены [16], мы сфокусируем внимание на «невидимой» стороне публикационного актива.

Количественное измерение публикационной активности остается основным методом управленческой оценки НПС, хотя валовые показатели в последние годы были дополнены такими критериями, как число публикаций в журналах Q1 и Q2, а также число цитирований в международных базах. В то же время для адекватного понимания публикационной ситуации важно видеть не сколько публикаций приходится на 100 ППС, а в какой мере каждый сотрудник вовлечен в эту активность. Такой подход покажет, имеется ли немобилизованный запас публикационного ресурса в вузе или он исчерпан, если группа продуктивных ППС подходит к пределу своих интеллектуальных, физических и этических возможностей в этой сфере. Можно позитивно оценивать использование такого показателя, как наличие публикаций типа «article» и «conference paper», поскольку и научный вес таких публикаций, и трудозатраты на их подготовку различны. Однако валовые показатели опять не дают возможности сделать однозначные выводы для понимания эффективности ППС. Каждый тип публикаций «работает» на определенную цель: статьи в «квартильных» журналах влияют на общеуниверситетский и институтский рейтинг; публикации в сборниках конференций WoS, важные для индивидуального продвижения, обеспечивают распространение научных результатов и развитие научных контактов. Этическое измерение публикационной ресурсности НПС практически «выпало» из линейки инструментов университетского управления, оставшись уделом общественных ассоциаций и неформальным механизмом академической репутации, хотя этот показатель позволил бы объективно охарактеризовать качество публикационного ресурса университетов и их НПС.

Таким образом, разработка понятия и структуры ресурсности НПС обретает актуальность в связи с поиском российскими университетами дополнительных интеллектуальных активов и способов их мобилизации для решения стратегических задач и сохранения динамики развития. Отсюда следует вывод о необходимости развития концепта и модели мобилизационного университетского управления, их применения в интересах рационального и бережного использования ресурсов НПС. Процесс мобилизации человеческих ресурсов в вузах должен быть четко определен и приведен в действие. Третий вывод — констатация неразвитости практик мобилизационного университетского управления и факта доминирования административного подхода к оценке и использованию ресурсности НПС. Существующая методология оценки удобна для демонстрации эффективности вуза, но такой упрощенный подход не охватывает весь ресурсный потенциал НПС, а значит, не может его использовать в новых сложных условиях.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 19-29-07016.

Библиографический список

1. Балезина Е.А. Положение молодого преподавателя вуза в условиях модернизации высшего образования: риски и их восприятие // Вестник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2018. № 4.
2. Василенок В.Л., Бразевич Д.С. Формы и социальные технологии мобилизующего менеджмента в предпринимательской системе // Научный журнал НИУ ИТМО. Экономика и экологический менеджмент. 2015. № 4.
3. Гендерное неравенство в науке сохраняется // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4283709>.
4. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. М., 2005.
5. Гуреев В.Н., Мазов Н.А., Ильичев А.А. Карьерный рост ученых и публикационная этика // Вестник РАН. 2019. Т. 89. № 3.
6. Гуртов В.А., Щеголева Л.В. Соискатель ученой степени доктора наук: публикационная активность // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 2.
7. Губа К., Соколов М., Соколова Н. Реформа диссертационной индустрии в России. СПб., 2019.
8. Женщины в российской науке // URL: <https://issek.hse.ru/news/448782899.html>.
9. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Научно-педагогические работники как социальная общность в меняющихся условиях академического развития // Образование и наука. 2022. Т. 24. № 5.
10. Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб., 199.
11. Индикаторы образования: 2021. М., 2021.
12. Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории понятия // Человек. Общество. Управление. 2004. № 1.
13. Кузьминов Я.И., Юдкевич М.М. Университеты в России: как это работает. М., 2021.
14. Наука «мужает», а преподавание в вузах становится более «женственным» // URL: <https://issek.hse.ru/news/249814986.html>.
15. Панова А., Юдкевич М., Алипова О., Литвинова Л. Российская академическая профессия в обществе знания. 2019 // URL: <https://cinst.hse.ru/en/apiks>.
16. Прахов И.А. Основные практики научной деятельности и публикационной активности преподавателей вузов. М., 2021.
17. Рудаков В.Н. Различия в положении профессорско-преподавательского состава вузов по возрастным группам // Мониторинг экономики образования. 2020. № 13.
18. Шпак Л.Л., Токмашева Ю.В. Мобилизационно-управленческий механизм взаимодействия муниципальной власти с местными сообществами // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399.
19. Шуклина Е.А., Певная М.В., Широкова Е.А. Адаптационный потенциал преподавателей «серебряного возраста» в условиях трансформации высшего образования // Образование и наука. 2020. Т. 22. № 1.
20. Agasisti T., Johnes G. Heterogeneity and the evaluation of efficiency: The case of Italian universities // *Applied Economics*. 2010. Vol. 42. No. 11.
21. Bob E. Resource mobilization theory // *The Blackwell Encyclopedia of Sociology* / Ed. by G. Ritzer. Wiley, 2007.
22. Geneux N., Taylor S., O'Neill M. Resource mobilization for research: What we've learned. 2016 // URL: <https://idl-bnc-idrc.dspacedirect.org/handle/10625/59079>.
23. Horta H., Yudkevich M. The role of academic inbreeding in developing higher education systems: Challenges and possible solutions // *Technological Forecasting and Social Change*. 2016. Vol. 113.
24. Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements // *Annual Review of Sociology*. 2003. Vol. 9. No. 1.

25. Kallio K.M., Kallio T.J., Tienari J., Hyvönen T. Ethos at stake: Performance management and academic work in universities // *Human Relations*. 2016. Vol. 3. No. 9.
26. Lynch R., Baines P. Strategy development in UK higher education: Towards resource-based competitive advantages // *Journal of Higher Education Policy & Management*. 2004. Vol. 26. No. 2.
27. Prpić K. Characteristics and determinants of eminent scientists' productivity // *Scientometrics*. 1996. Vol. 36. No. 2.
28. Ramsden P. Describing and explaining research productivity // *Higher Education*. 1994. Vol. 28. No. 2.
29. Rogers T., Goldstein N.J., Fox C.R. Social mobilization // *Annual Review of Psychology*. 2018. Vol. 69.
30. Salau O. *et al* Data regarding talent management practices and innovation performance of academic staff in a technology-driven private university // *Data in Brief*. 2018. Vol. 19.
31. Seltzer J.B. What is resource mobilization and why is it so important? // *Management Sciences for Health*. 2014 // URL: <https://clck.ru/hcMEi>.
32. Staniland P. Cities on fire: Social mobilization, state policy, and urban insurgency // *Comparative Political Studies*. 2010. Vol. 43. No. 12.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-881-894

Resources of the research-pedagogical community: Administrative and mobilization approaches*

G.E. Zborovsky, P.A. Ambarova

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Mira St., 19, Yekaterinburg, 620002, Russia
(e-mail: garoldzborovsky@gmail.com; borges75@mail.ru)

Abstract. The study of the research-pedagogical community's (RPC) resources of Russian universities in the sociological perspective is determined by the new conditions for the implementation of the development strategy of the Russian higher education. An adequate assessment and the full use of the RPC' potential, including its unused resources, are of particular importance for Russian universities experiencing serious deficits today. The article proposes a new 'optics' for assessing the ability of the university management to mobilize traditional and unused resources of the RPC. The article aims at describing the administrative and mobilization management approaches to the analysis of the RPC' resources in Russian universities. The authors consider the problem at the intersection of sociology of management and sociology of higher education. The article is based on the secondary analysis of the research data collected by the authors since 2016. The authors also consider documents of strategic planning for the development of higher education and science in order to identify the priorities of the RPC's academic development and the requirements for them in new conditions. The research is based on the analysis of the statistical data on the main indicators for the development of the Russian higher education in 2014–2021, such as databases of the Monitoring of the effectiveness of higher education organizations, statistical yearbooks

*© Zborovsky G.E., Ambarova P.A., 2022

The article was submitted on 30.05.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

‘Indicators of Education’, data of the Monitoring of the Economics of Education of the Higher School of Economics, and other open sources. Thus, based on the theoretical and empirical research of the higher education practices, the authors define the concept and structure of the RPC’s resources; explain the need for a managerial approach in universities as aimed at mobilizing the unused RPC’s resources; reveal the limitations of the university administrative decisions in assessing and use of the RPC’s resources. The authors make three main conclusions: first, about the meaning of the concept and structure of the RPC’s resources as an important means of managerial analysis; second, about the need for a model of the mobilization university management; third, about the consequences of the dominance of the administrative approach in assessing and use of the RPC’s resources.

Keywords: research-pedagogical community; resources of the research-pedagogical community; resource mobilization; university management, Russian university practices; strategic planning; managerial analysis

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 19-29-07016.

References

1. Balezina E. Polozhenie mladogo prepodavatelya vuza v usloviyah modernizatsii vysshego obrazovaniya: riski i ih vospriyatie [The status of the young university teacher under the modernization of the higher education: Risks and their perception]. *Bulletin of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Social Sciences*. 2018; 4. (In Russ.).
2. Vasilenok V., Brazevich D. Formy i sotsialnye tekhnologii mobilizuyushchego menedzhmenta v predprinimatelskoj sisteme [Forms and social technologies of the mobilizing management in the entrepreneurship system]. *Scientific Journal NRU ITMO. Economics and Environmental Management*. 2015; 4. (In Russ.).
3. Gendernoe neravenstvo v nauke sokhranyaetsya [Gender inequality in science persists]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4283709>. (In Russ.).
4. Giddens A. *Ustroenie obshchestva: ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2005. (In Russ.).
5. Gureev V., Mazov N., Il'ichev A. Karierny rost uchenykh i publikatsionnaya etika [Career path of researchers and publication ethics]. *Bulletin of the RAS*. 2019; 89. (In Russ.).
6. Gurtov V., Shchegoleva L. Soiskatel uchenoj stepeni doktora nauk: publikatsionnaya aktivnost [DSc degree applicants: Publication activities]. *University Management: Practice and Analysis*. 2015; 2. (In Russ.).
7. Guba K., Sokolov M., Sokolova N. *Reforma dissertatsionnoj industrii v Rossii* [Reform of the Dissertation Industry in Russia]. Saint Petersburg; 2019. (In Russ.).
8. Zhenshchiny v rossijskoj nauke [Women in Russian science]. URL: <https://issek.hse.ru/news/448782899.html>. (In Russ.).
9. Zborovsky G., Ambarova P. Nauchno-pedagogicheskie rabotniki kak sotsialnaya obshchnost v menyayushchihsya usloviyah akademicheskogo razvitiya [Research-pedagogical staff as a social community under the changing conditions of academic development]. *Education and Science Journal*. 2022; 24 (5). (In Russ.).
10. Zdravomyslova E. *Paradigmy zapadnoj sotsiologii obshchestvennykh dvizhenij* [Paradigms of the Western Sociology of Social Movements]. Saint Petersburg; 1993. (In Russ.).
11. Indikatory obrazovaniya: 2021 [Indicators of Education 2021]. Moscow; 2021. (In Russ.).
12. Klimov I. Sotsialnaya mobilizatsiya: k istorii ponyatiya [Social mobilization: On the history of the concept]. *Man. Society. Management*. 2004; 1. (In Russ.).
13. Kuzminov Ya., Yudkevich M. *Universitety v Rossii: kak eto rabotaet* [Russian Universities: How the System Works]. Moscow; 2021. (In Russ.).
14. Nauka “muzhaet”, a prepodavanie v vuzah stanovitsya bolee “zhenstvennym” [Science is becoming more “masculine”, while teaching in universities — more “feminine”]. URL: <https://issek.hse.ru/news/249814986.html>. (In Russ.).

15. Panova A., Yudkevich M., Alipova O., Litvinova L. Rossijskaya akademicheskaya professiya v obshchestve znaniya [Russian academic profession in the society of knowledge]. 2019. URL: <https://cinst.hse.ru/en/apiks>. (In Russ.).
16. Prakhov I. Osnovnye praktiki nauchnoj deyatel'nosti i publikatsionnoj aktivnosti prepodavatelej vuzov [Main research and publication activities of university teachers]. Moscow; 2021. (In Russ.).
17. Rudakov V. Razlichiya v polozhenii professorsko-prepodavatelskogo sostava vuzov po vozrastnym gruppam [Differences in the position of the universities' academic staff by age groups]. *Monitoring of the Economics of Education*. 2020; 13. (In Russ.).
18. Shpak L., Tokmasheva Yu. Mobilizatsionno-upravlenchesky mekhanizm vzaimodejstviya munitsipalnoj vlasti s mestnymi soobshchestvami [The mobilization-management mechanism of the municipal authorities' interaction with local communities]. *Tomsk State University Journal*. 2015; 399. (In Russ.).
19. Shuklina E., Pevnaya M., Shirokova E. Adaptatsionny potentsial prepodavatelej "serebryanogo vozrasta" v usloviyah transformatsii vysshego obrazovaniya [Adaptation potential of the third age teachers under the higher education transformation]. *Education and Science Journal*. 2020; 22 (1). (In Russ.).
20. Agasisti T., Johnes G. Heterogeneity and the evaluation of efficiency: The case of Italian universities. *Applied Economics*. 2010; 42 (11).
21. Bob E. Resource mobilization theory. *The Blackwell Encyclopedia of Sociology*. Ed. by G. Ritzer. Wiley; 2007.
22. Genereux N., Taylor S., O'Neill M. Resource mobilization for research: What we've learned. 2016. URL: <https://idl-bnc-idrc.dspace.org/handle/10625/59079>.
23. Horta H., Yudkevich M. The role of academic inbreeding in developing higher education systems: Challenges and possible solutions. *Technological Forecasting and Social Change*. 2016; 113.
24. Jenkins C. Resource mobilization theory and the study of social movements. *Annual Review of Sociology*. 2003; 9 (1).
25. Kallio K.M., Kallio T.J., Tienari J., Hyvönen T. Ethos at stake: Performance management and academic work in universities. *Human Relations*. 2016; 3 (9).
26. Lynch R., Baines P. Strategy development in UK higher education: Towards resource-based competitive advantages. *Journal of Higher Education Policy & Management*. 2004; 26 (2).
27. Prpić K. Characteristics and determinants of eminent scientists' productivity. *Scientometrics*. 1996; 36 (2).
28. Ramsden P. Describing and explaining research productivity. *Higher Education*. 1994; 28 (2).
29. Rogers T., Goldstein N.J., Fox C.R. Social mobilization. *Annual Review of Psychology*. 2018; 69.
30. Salau O. et al Data regarding talent management practices and innovation performance of academic staff in a technology-driven private university. *Data in Brief*. 2018; 19.
31. Seltzer J.B. What is resource mobilization and why is it so important? *Management Sciences for Health*. 2014. URL: <https://clck.ru/hcMEi>.
32. Staniland P. Cities on fire: Social mobilization, state policy, and urban insurgency. *Comparative Political Studies*. 2010; 43 (12).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908

Вузовская бюрократия в России — terra incognita социологии образования*

В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

ул. Победы, 85, Белгород, 308015, Россия

(e-mail: babintsev@bsu.edu.ru; g_gaidukova@bsu.edu.ru; shapoval@bsu.edu.ru)

Аннотация. Авторы полагают, что в российских вузах бюрократия превратилась в наиболее влиятельную корпорацию, и подчеркивают необходимость социологического анализа ее статуса, позитивных и негативных следствий формирования и эволюции. Несмотря на далеко не единичные отечественные и зарубежные исследования данного феномена, вузовская бюрократия во многом остается *terra incognita* — не прояснены многие фундаментальные вопросы: почему в меритократической и изначально гуманитарной среде вуза в массовом порядке утвердились практики, замкнутые на формальную рациональность с ориентацией на нормативные акты и служебные инструкции, т.е. на рациональность ради нее самой; чем объяснить, что даже очевидная противоречивость многих бюрократических практик не ведет к дискредитации бюрократической системы, а, напротив, способствует их расширенному воспроизводству; почему многим специалистам представляются сомнительными результаты оптимизации управления вузами на основе бюрократического подхода? В большинстве социологических работ, затрагивающих проблему бюрократизации вузовской среды, ответы на эти вопросы сводятся, как правило, к констатации сложившегося положения, но отсутствует причинно-следственный анализ формирования и эволюции вузовской бюрократии. В статье рассмотрены возможные причины сложившейся ситуации: отсутствие системного подхода к изучению бюрократизации вуза, исследование ее преимущественно в контексте реформирования высшего образования; некритическое воспроизведение положений классических теорий бюрократии, требующих уточнения в современных реалиях; отсутствие работ, в которых статус вузовской бюрократии представлен в контексте цифровой трансформации; барьер институционализированного лицемерия; сервильные отношения социологов и вузовских менеджеров. Выделенные проблемы требуют эмпирической верификации и обсуждения в профессиональном социологическом сообществе.

Ключевые слова: бюрократия; вуз; вузовская бюрократия; рациональность; менеджмент; цифровизация; институционализированное лицемерие; бюрократическая корпорация; корпоративная культура

Авторы исследований, посвященных проблемам высшего образования в России, более или менее последовательно рассматривают сложившуюся в вузах административную, бюрократическую по сути систему управления [1–2; 10; 13; 16–18; 22–23; 26; 28; 31–34]: «академический менеджериализм

* © Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А., 2022

Статья поступила 16.02.2022 г. Статья принята к публикации 10.06.2022 г.

и бюрократизация высшей школы послужили предпосылками превращения управленцев в ключевую вузовскую общность, зачастую противостоящую двум... основным — студентам и педагогам» [10. С. 5235]. Акцент в исследованиях чаще всего делается на издержках бюрократического управления. Превалирование негативного восприятия вузовской бюрократии (хотя обычно не отрицаются отмеченные еще М. Вебером ее преимущества [6. С. 92]) объясняется тем, что исследователи зачастую работники вузов, и ощутили на себе последствия деструктивных бюрократических практик, или бюропатологий [22; 23], характерных не только для России [36–37; 39–43]. «Бюрократическое иго» [24. С. 5737] — глобальная проблема, и ее «привязка» к сфере образования обусловлена скорее не особой (по сравнению с другими сферами) остротой, а осознанием того, что пронизанная духом формализма бюрократическая система принципиально несовместима с ориентированным на содержательные компоненты человеческой деятельности научно-образовательным процессом.

Несмотря на отечественные и зарубежные исследования, вузовская бюрократия во многом остается для социологии образования *terra incognita*: «Для отечественной науки бюропатология образования как проблема является новой... Она заслуживает проработки по всем институциональным функциям образования и элементам образования как социальной системы... Предстоит вскрыть социально-идейные, профессионально-этические, нормативно-правовые, организационно-структурные, инструментальные, экономические, информационные проявления бюропатологии в образовании, чтобы составить цельное представление о влиянии бюрократии на эту сферу общества» [22. С. 4209]. Мы имеем некоторое представление о «жителях» этой «непознанной земли», поскольку можем использовать концептуальные разработки классиков социологической науки о природе бюрократии, ее статусе и общественных функциях. Предпринимаются попытки (относительно немногочисленные) подтвердить или уточнить характерные признаки бюрократической системы в вузах на основе эмпирических исследований [16].

Однако остаются не проясненными многие фундаментальные вопросы: как могло случиться, что в меритократической гуманитарной среде вуза, ориентированной на поиск истинных смыслов человеческой деятельности, в массовом порядке утвердились практики, замкнутые на формальную рациональность — жесткую калькуляцию результатов действий с опорой на нормативные акты и служебные инструкции? Чем объяснить, что даже очевидная противоречивость многих бюрократических практик не ведет к дискредитации бюрократической системы? Так, несмотря на абсурдность применяемой системы наукометрии (индекс Хирша, импакт-фактор и т.д.), чьи показатели «стали утрачивать объективность, обретая превращенные формы» [32. С. 91], они продолжают служить критериями оценки преподавателей высшей школы. Наконец, если бюрократия вузов оптимизирует про-

цесс управления, то почему результаты оптимизации столь сомнительны [4; 18; 26; 28; 34]? «Вызовы в образовании наслаиваются один на другой... Достигнута критическая масса нерешенных задач, которая подталкивает федеральные власти к запуску очередного этапа реформирования образования и науки» [17. С. 66]. Но «реальный эффект внедрения механизмов нового государственного менеджмента в управление высшим образованием оказался далеким от проектируемых результатов — повышения качества образования» [18. С. 80]. Аргументированная критика не позволяет считать это проявлением субъективной позиции отдельных «оппортунистов». При этом важно ответить и на вторую часть вопроса: почему бюрократической системе вуза для оптимизации самой себя не удастся использовать потенциал специалистов в области менеджмента, который имеется на кафедрах многих образовательных учреждений и нередко востребованным и — главное — успешен во внешней среде.

Ловушка адхократического подхода

Повышение интереса представителей общественных наук к феномену вузовской бюрократии было связано с масштабным реформированием системы высшего образования: «Российская политизированная бюрократия (включая на низшем уровне и администрацию вузов) вместо создания организационно-экономических условий для повышения эффективности системы высшего образования и повышения его качества включилась в гонку по производству “сигналов” об их наличии, по достижению бюджетной оптимизации, позволяющей укреплять позиции отдельных чиновников в бюрократической вертикали. Это обусловлено особенностями сложившегося в российской экономике политико-бюрократического рынка» [18. С. 80–81]. Исследователи связывали формирование вузовской бюрократии и со стремлением вузов защититься от административных посягательств федеральных органов исполнительной власти: «На вузы обрушивается вал аттестаций, аккредитаций, проверок, сверок, лицензирования и просто репрессий. Чтобы как-то защититься от министерской агрессии, при этом сохранить возможность преподавать, создается “внутренняя бюрократия”. Это такие специальные люди при вузе, главная задача которых — отвечать на запросы из министерства. Как правило, это бывшие плохие преподаватели, превратившиеся в эдаких спасителей родного вуза» [1].

Можно рассматривать попытки проведения исследований по данной проблематике как типичный случай адхократического (*ad hoc* — по случаю) подхода. Сам по себе, несмотря на ограниченность, он не вызывает отторжения (время от времени многие вынуждены откликаться на актуальные вызовы, нарушая свои планы и откладывая долгосрочные проекты). Однако в нашем случае адхократический подход разрабатывался специалистами, которые были включены в реформируемую систему и испытали на себе издержки

этого процесса. Многим из них трудно было рассчитывать на объективную методологическую рефлексию бюрократизации учреждений высшего образования, что в известной мере объясняет истоки однозначных (как приговор) заключений, «что образование в России заходит в бюрократический тупик» [32. С. 88].

Стало едва ли не аксиомой утверждение, что в процессе любого исследования его субъект оказывает влияние на объект и — соответственно — на результаты. В социологии это влияние особенно заметно, поскольку специфика формирования методик и инструментария здесь предполагает элемент навязчивости, что искажает реальную картину. Поэтому «социологический образ бюрократии» часто не обладает целостностью и является проекцией опасений и фобий авторов. Представляя собой их своеобразную сублимацию, он обычно почти с восторгом принимается близкими по статусу и мироощущению контрагентами, но, по сути, является ловушкой, поскольку имманентно предполагает отказ от объективного анализа и крайне уязвим для критики. Избежать ловушки адхократического подхода можно лишь путем разработки и реализации долгосрочных исследовательских программ, ориентированных на системное исследование бюрократии в современном мире как дисперсной корпорации, подструктуры («субкорпорации») которой распределены по сферам жизни и уровням управления, но объединены общими формализованными и не формализованными ценностями, правилами и нормами. Одной из таких «субкорпораций» и является вузовская бюрократия.

Магия авторитета

Рассуждая о современной бюрократии (в том числе вузовской), исследователи, как правило, обращаются к работам классиков социологии (М. Вебер, Р. Мертон, Р. Михельс и др.), анализируя проблему в рамках предложенных ими парадигм. Однозначная ориентация на классиков содержит в себе риск не найти адекватного объяснения современных явлений и тенденций в конструкциях прошлого, в частности, возникает немало вопросов при рассмотрении современной вузовской бюрократии в контексте веберовской концепции рациональности: как отметил Дж. Ритцер, бюрократизацию М. Вебер «рассматривал как классический пример рационализации» [25. С. 46]. Но проблема рациональности решается далеко не однозначно, особенно применительно к современному обществу, в котором утверждается специфическая «рациональность рынка и бюрократической организации» [9. С. 9]. Согласно Ритцеру, ее главные показатели — «эффективность, предсказуемость, упор скорее на количестве, чем на качестве, и осуществление контроля посредством замены человеческих технологий унификацией операций», т.е. принципы, более уместные в «ресторане быстрого питания» [25. С. 497].

Если применить веберовский подход к оценке нынешнего вузовского менеджмента, его рациональность окажется весьма сомнительной даже в чисто

формальном плане. Так, для российских вузов характерна скорее имитация эффективности [30. С. 104], чем ее реальное достижение. А. Этциони [38] указывал на различия между рациональностью эффективности и рациональностью выживания: то, что Ритцер называет эффективностью, является выживанием — с некоторых пор приоритетом вузовской бюрократии и — в значительной степени вынужденно — всего вузовского сообщества.

Означает ли это, что современной вузовской бюрократии «недостает рациональности»? Возможно, да, но, возможно, мнимая нерациональность бюрократии в вузах — это вполне обоснованная и отрефлексированная позиция: «рационально то, что позволяет выжить» [29. С. 319]. Но в таком случае нуждаются в пересмотре ставшие классическими представления о вузовской бюрократии. В качестве рационально фундированного основания ее *modus vivendi*, вероятно, придется рассматривать установку на выживание всей корпорации и каждого ее представителя, оценивая иные версии либо как искренние заблуждения, либо как попытку сознательного обмана. При таком подходе вузовская бюрократия оказывается весьма рациональной, так как обеспечивает воспроизводство высшей школы в нестабильной социальной среде и вопреки рассуждениям об апокалипсисе системы образования, и нерациональными выглядят попытки борьбы с административной системой.

Проблема заключается в том, что установка на выживание ограничивает возможности развития и противоречит декларациям руководителей вузов и системы образования об установках на обновление и инновационные решения. Попытки игнорировать это противоречие как вузовскими менеджерами, так и исследующими их деятельность социологами препятствуют осмыслению реальных, а не симулятивных, тенденций развития высшего образования. Не меньше трудностей связано с сохранением стереотипа, в соответствии с которым преимущество бюрократии — знание, прежде всего, технологий управления. Довольно типичны для исследователей такие заявления: «Правление бюрократии — это господство посредством знания, и в этом заключается его специфически рациональный характер» [14. С. 100]. Но как соотносить это утверждение с вузовской реальностью, в которой «эффективные менеджеры» часто проявляют паразитические образцы профессионально-технологической некомпетентности и безграмотности?

Скорее всего, в сложившихся условиях тезис об успешном освоении и даже монополизации бюрократией технологических знаний нуждается в корректировке, которая должна быть связана с разграничением знания и информации. Тогда в качестве вероятного преимущества вузовской бюрократии перед другими акторами образовательного пространства можно будет рассматривать не обладание знанием (что сомнительно с учетом уровня интеллектуального развития ее конкурентов) или знанием технологий управления, а приоритетный доступ к информации двух видов — служебной, относящейся к процессу подготовки и принятия решений, и внеслужебной, характери-

зующей неформальные отношения. Разумеется, данное положение должно быть эмпирически подтверждено, что является одной из нерешенных задач социологии: «В социологии к концу первого десятилетия XXI века на первый план выходит необходимость переосмыслить методологию социологического знания в связи с более широким социальным контекстом» [8. С. 13]. Для анализа бюрократии в высшей школе это особенно актуально, поскольку здесь в ходе интенсивной информационно-технологической, прежде всего цифровой, трансформации формируется новая гибридная среда, успешно осваиваемая чиновниками всех уровней.

Вызов дигитализации: пока без ответа

В изучении статуса и эволюции вузовской бюрократии приобретает особое значение фактор дигитализации, опирающийся на процесс цифровизации общественного пространства, в том числе образовательного: «Возникнув как инструмент, облегчающий социальные процессы, дигитализация постепенно превратилась в способ их существования» [35. С. 8] и стала одним из наиболее серьезных вызовов гуманитарным наукам. Элементом этого вызова является бюрократическая система вуза, образовательное пространство которого трансформируется под интенсивным воздействием цифровых технологий. Эта трансформация проявляется не только в качественных изменениях технического, технологического и методического характера, но и в модификации социокультурной среды: «Кардинальная смена практик социализации, идентификации, коммуникации позволяет говорить о существенных социокультурных изменениях, а развитие и внедрение новых технологий оказывают непосредственное влияние на общество и на культуру в целом» [20. С. 217]. Однако понять, как эти перемены влияют на диспозиции вузовских полуменеджеров/получиновников сложно, поскольку у исследователей пока отсутствует ясность в отношении многих фундаментальных аспектов цифровизации/дигитализации высшей школы: «практически нет исследований, которые были бы посвящены трансформации данного института под воздействием цифровизации и связанных с этим социальных рисков — вероятности позитивного или негативного исхода событий для общества и самого института образования» [21. С. 85].

Однако без решения общих вопросов трудно отвечать на частные, поэтому приходится встречать неопределенные оценки перспектив воздействия цифровизации на отдельные параметры бюрократической системы, которые скорее носят умозрительный характер, нежели отражают результаты рациональной интерпретации данных: «“Цифра”, надеемся, поможет привести в действие, с одной стороны, “регулятивную гильотину” (разумную кодификацию права) и дать новое оружие в руки бюрократии — с другой. “Цифра” может быть и лукавой, ограждая чиновника от непосредственного общения с заявителем» [17. С. 65]. В результате неясно, какова же роль «цифры» в арсе-

нале бюрократических технологий. Можно лишь предполагать, что вузовская бюрократия в процессе развития цифрового неравенства окажется в «верхней части» новой социальной структуры. Контроль над ресурсами скорее всего обеспечит ее относительно успешное включение в «виртуальный класс» [19. С. 149], но это только предположение. Разумеется, с течением времени исследователи дадут ответы на вопросы, связанные с модификацией бюрократической корпорации вуза под влиянием дигитализации, но он может быть получен слишком поздно для минимизации возникающих в ее ходе рисков.

Фактор институционализированного лицемерия

П. Бурдье, рассматривая отношение чиновников к коррупции, ссылался на П.-Э. Вилля, отмечая, что характерная для них «ситуация институциональной коррупции» ставит чиновников в двусмысленное положение — «постоянной шизофрении» или «институционализированного лицемерия»: «бюрократия — это предмет, двоящийся в собственном образе... она видится одновременно как нечто рациональное, прозрачное и как нечто коррумпированное... у чиновников двойной образ самих себя» [5. С. 526–527]. В какой мере этот вид лицемерия присущ вузовской бюрократии

Было бы ошибочно механически переносить характеристики, данные Бурдье государственным чиновникам, на их вузовских коллег. Во-первых, вузовскую бюрократию, особенно ее высшие должности, отмечает стремление к депроблематизации образовательной реальности в публичном дискурсе. Так, анализируя мотивацию сотрудников к работе в университете под влиянием Проекта 5–100, исследователи выделяют следующие отличия мотивации у административных работников: возможность научного творчества, принадлежности к научной школе; доступ к необходимым для исследований ресурсам (оборудованию, лабораторной базе); командный дух научного коллектива, дружественная атмосфера, обмен опытом с коллегами, интенсивная научная коммуникация; работа со студентами; мотив свободы; престижа; практической пользы; привычки [7. С. 18]. При этом нет попытки обозначить проблемные зоны, которые существуют. Аналогичного «позитива» администрации вузов ожидают от социологов, тем более что последние обычно находятся от них в формальной зависимости, а неформально нередко сами предрасположены к сервильности. Установка на «позитив» вполне объяснима организационно (ситуация в вузах находится под постоянным внешним контролем) и психологически (чиновник нуждается в высокой самооценке, а проблемы ошибочно рассматривает как показатель своих недоработок), но искажает реальность.

Во-вторых, вызывают сомнения возможности получения репрезентативной социологической информации о состоянии бюрократической корпорации, особенно о внутригрупповых отношениях и корпоративной культуре. Чиновники не готовы раскрывать специфику внутрикorporативных

отношений и связей, руководствуясь трактовкой принципа солидарности как «неразглашения» информации, потенциально способной нанести ущерб авторитету руководства, который обычно приравнивается к авторитету вуза. Преподаватели и научные сотрудники, практически полностью зависимые от администрации вузов, особенно в регионах с ограниченным рынком труда, предпочитают не провоцировать негативную реакцию вузовского руководства изложением собственной позиции, тем более критической, а студенты слишком мало информированы о функционировании бюрократической системы. Эти обстоятельства невозможно компенсировать применением различных исследовательских методик.

В-третьих, имеет место целенаправленное административное сокращение возможностей эмпирических исследований в вузах. Вузовские чиновники обычно крайне негативно воспринимают попытки провести их сторонними социологами и стараются контролировать те, что осуществляют «свои» специалисты. В результате институционализированное лицемерие обретает своего рода легитимность, поскольку опирается на систему конвенциональных норм и практик.

Сервильность как барьер для социального познания

Итак, вузовская бюрократия, формально не являясь табуированным объектом научных разработок, пока не привлекает внимания исследователей. Главная причина сложившейся ситуации — устойчивая модель взаимодействия социологов и вузовской бюрократической субкорпорации, которую можно определить как сервильность: «Только сожаления достойны факты, когда социологи в сложившейся системе взаимодействия с властными структурами исполняют специфические обслуживающие функции... Если социолог приносит во властные структуры социологические оценки или суждения, не соответствующие оценкам этих структур, то он вынужден будет выслушать упреки в бессмысленности такой социологии. Задача сводится не к построению моделей для понимания социальной реальности, а к предугадыванию ожидания властной структуры» [15. С. 13]. Сервильность исключает возможность установления причинно-следственных связей, формирующихся во взаимоотношениях субъектов. Исследования, организуемые на основе этой модели, воспроизводят в виде квазинаучных схем имитационные бюрократические практики. Сервильность — это недоговоренность и половинчатость выводов, подмена реальной оценки бюрократических систем заявлениями типа «государственное управление предполагает в некоторой степени бюрократизацию всех процессов» [27. С. 283].

Формирование отношений социологов и вузовских менеджеров по модели сервильности обусловлено рядом причин. Во-первых, это обстоятельства институционального характера — бюрократическая система стремится выстраивать с контрагентами неравновесные отношения, в которых обладает

монополией на ресурсы и на истину, а ее партнеры выступают исполнителями сформулированных в ее «коридорах» поручений. Безусловно, в последнее время эта «неравносность» если не стала менее выраженной, то хотя бы на уровне публичной политики признается не адекватной современной реальности. Однако в отношении социологии мало что изменилось, особенно на государственном уровне: «Научная организация гражданской службы определяется взаимодействием социологов с чиновниками. В этом взаимодействии пока доминирует “сервильная” модель отношений. Руководители государственных органов власти опираются в основном на свою интуицию, но не науку. Поэтому в лучшем случае они выделяют средства на прикладные разработки конъюнктурным квазинаучным структурам» [11. С. 74]. Поскольку «материнская» государственная бюрократическая корпорация задает образцы поведения субкорпорациям, то ее отношение к социологам, хотя и с учетом некоторой специфики, воспроизводится на уровне административных субкорпораций в вузах. В последнее время трансляция этих образцов становится интенсивнее, чем когда-либо в постсоветской России, вследствие увеличения притока в состав руководящих органов вузов бывших государственных и муниципальных чиновников.

Во-вторых, сервильность отношений администраторов и социологов «запрограммирована» тем, что в большинстве случаев (особенно в регионах) последние являются работниками вузов. Следовательно, перспективы их профессиональной деятельности зависят от позиции руководства, которое определяет пределы дозволенного.

В-третьих, можно говорить о своего рода «методологической сервильности», выражающейся в зависимости от авторитетов прошлого, чьи аналитические модели не работают в новой (дополненной) реальности. Однако отсутствие новых концептуальных разработок заставляет социологов подстраивать исследования под «проверенные схемы» — сохраняется иллюзия верности классикам, но утрачивается перспектива достижения объективности в отношении настоящего и возможности прогнозирования будущего.

Список проблем и причин, их порождающих и ограничивающих возможности социологических исследований вузовской бюрократии, может быть продолжен, и «снять» их не представляется возможным только за счет совершенствования методологии и методики исследований. Бюрократия не просто прекрасно вписалась в сформированную в России систему высшего образования, но и успешно адаптирует современный вуз к модели университета, приходящего на смену гумбольдтовскому и не вполне точно названного предпринимательским. Вузовская бюрократия вполне успешно справляется с проблемами, многие из которых созданы ею самой (вузы проходят аккредитацию, регулярно обновляют учебные планы и рабочие программы в соответствии с постоянно меняющимися стандартами, сочиняют все новые стратегии, программы и дорожные карты). Однако, оставив вузовскую бюро-

кратию в «теневом секторе» профессионального социологического дискурса, мы в очередной раз проигнорируем риски, возникающие в результате ее деятельности, а в относительно недалеком будущем число этих рисков может настолько вырасти, что не позволит устранить их негативные последствия силами всего государства. Установки на стыдливые замалчивание, вольное или невольное искажение действительности не снимают реальных проблем высшего образования и социологии.

Информация о финансировании

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда. Проект № 21-18-00150.

Библиографический список

1. *Абрамов Р., Груздев И., Терентьев Е.* Тревога и энтузиазм в дискурсах об академическом мире: международный и российский контексты // *НЛО*. 2016. № 2.
2. *Афанасьева В.* Катастрофа российского образования. URL: <https://philologist.livejournal.com/9815654.html>.
3. *Бабура Л.А.* Кросс-медиапродукт // *Вектор экономики*. 2017. № 6.
4. *Будаев В.Д.* Размышления о состоянии высшего образования в современной России // *Высшее образование сегодня*. 2018. № 7.
5. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). М., 2016.
6. *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.
7. *Другова Е.А., Плешкевич И.Б., Климова Т.В.* Трансформация кадровой политики российских университетов-участников Проекта 5–100: кейс НИЯУ МИФИ // *Высшее образование в России*. 2021. Т. 30. № 6.
8. *Дудина В.И.* Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // *Социологические исследования*. 2015. № 6.
9. *Зарубина Н.Н.* Теория рационализации Макса Вебера как методология понимания современных социокультурных процессов // *Социологические исследования*. 2020. № 6.
10. *Зборовский А.Г.* Доверие в университете и университетский капитал // *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов* / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М., 2020.
11. *Зинченко Г.П.* Государственная служба в предметном поле социологии // *Социологические исследования*. 2016. № 2.
12. *Иглтон Т.* Медленная смерть университета // *Alma mater*. 2016. № 2.
13. *Капогузов Е.А.* Институциональная структура производства государственных услуг: от веберовской бюрократии — к современным реформам государственного управления. Омск, 2012.
14. *Кнелъц И.А., Думинская М.В.* Феномен гражданского общества в концептуальных представлениях западной философии // *Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов* / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М., 2020.
15. *Константиновский Д.Л., Овсянников А.А., Покровский Н.Е.* Совершенствование социологического образования. Аналитический доклад. М., 2005.
16. *Красинская Л.Ф.* Модернизация, оптимизация, бюрократизация. Что ожидает высшую школу завтра? // *Высшее образование в России*. 2016. № 3.
17. *Краснова Г.Н., Пефтиев В.И.* Высшее образование в России: проблемы и решения // *Социально-политические исследования*. 2019. № 3.
18. *Курбатова М.В.* Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия // *Мир России*. 2016. № 4.

19. Лебедева Л.Г. Межпоколенческие разрывы и риски в виртуальном пространстве // Вестник СГСЭУ. 2018. № 1.
20. Лисенкова А.А. Вызовы и возможности цифровой эпохи: социокультурный аспект // Российский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. № 3.
21. Минина В.Н. Цифровизация высшего образования и ее социальные результаты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Социология. 2020. Т. 13. № 1.
22. Осипов А.М. Бюропатологии в современном российском образовании // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М., 2020.
23. Осипов А.М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2020. Т. 20. № 4.
24. Передерий В.А. Социально-экономические проблемы сельского прекариата (результаты социологического исследования в Краснодарском крае) // Социология и общество: традиции и инновации в социальном развитии регионов / Отв. ред. В.А. Мансуров; ред. Е.Ю. Иванова. М., 2020.
25. Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002.
26. Розов Н.С. Преодолевать стагнацию университетского образования: от бюрократического контроля — к конкуренции качества // Alma mater. 2017. № 9.
27. Сибирев В.В. Влияние цифровых технологий на модель государственного управления // Цифровое общество — новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития / Отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб., 2020.
28. Слива А.В., Березовский В.А., Фокина В.Н., Басов В.А. Финансовые и интеллектуальные потери вуза вследствие излишней бюрократизации в системе образования // Экономика образования. 2015. № 5.
29. Талёб Н.Н. Рискую собственной шкурой: Скрытая асимметрия повседневной жизни. М., 2018.
30. Тамбовцев В., Рождественская И. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // Вопросы экономики. 2014. № 5.
31. Тузиков А.Р. Высшее образование: идеологемы реформ и практика имитаций // Управление устойчивым развитием. 2020. № 1.
32. Тхагапсоев Х.Б., Сапунов М.Б. Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // Высшее образование в России. 2016. № 6.
33. Шаброва Н.В. Доверие и бюрократизация в вузах // Вестник СурГПУ. 2019. № 5.
34. Швецов Ю.Г. Сложившаяся система управления образованием — тяжкая обуза для учебных заведений // Высшее образование сегодня. 2017. № 9.
35. Яницкий О.Н. К проблеме модернизации гуманитарного знания // Социологическая наука и социальная практика. 2018. Т. 6. № 1.
36. Bennett J.T., Johnson M.H. Paperwork and bureaucracy // *Economic Inquiry*. 1979. Vol. 17. No. 3.
37. Etzioni A. The Semi-Professions and Their Organization: Teachers, Nurses, Social Workers. N.Y., 1969.
38. Etzioni A. Modern Organizations. New Jersey, 1964.
39. Fitzgerald T. The tyranny of bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2009. Vol. 37. No. 1.
40. Humes W. The 'iron cage' of educational bureaucracy // *British Journal of Educational Studies*. 2021. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
41. Lumby J. Distributed leadership and bureaucracy // *Educational Management Administration & Leadership*. 2017. Vol. 47. No. 10.
42. Saks M.M., Adams T.L. Neo-Weberianism, professional formation and the state: Inside the black box // *Professions and Professionalism*. 2019. Vol. 9. No. 2.
43. Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility // *Curriculum Inquiry*. 2018. Vol. 48. No. 5.

Russian university bureaucracy — *terra incognita* for sociology of education*

V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval

Belgorod State National Research University

Pobedy St., 85, Belgorod, 308015, Russia

(e-mail: babintsev@bsu.edu.ru; g_gaidukova@bsu.edu.ru; shapoval@bsu.edu.ru)

Abstract. The authors argue that in contemporary Russian universities, the bureaucracy has turned into the most influential corporation, and insist on the sociological analysis of its status, positive and negative consequences of formation and evolution. Despite many studies of this phenomenon, the university bureaucracy remains *terra incognita* for sociology of education — many fundamental issues remain unclear: why in the meritocratic and initially humanitarian university, practices of formal rationality with the focus on normative acts and instructions (rationality for its own sake) prevail; how to explain that even the obvious inconsistency of many bureaucratic practices does not lead to discrediting the bureaucratic system, but, on the contrary, contributes to its extended reproduction; why many specialists find the results of the university management optimization based on a bureaucratic approach doubtful. The majority of sociological works on the university bureaucratization provide answers to these questions in the form of admitting the current situation, but there is no causal analysis of the university bureaucracy development and evolution. The article considers possible causes of the current situation: the lack of a systematic approach to the university bureaucratization, its study mainly in the context of the higher education reforms; uncritical reproduction of the classical theories of bureaucracy, which need changes according to the contemporary realities; the lack of works on the status of the university bureaucracy under the digital transformation of society; the barrier of institutionalized hypocrisy; servility relationships between sociologists and university managers. The identified problems require empirical verification and discussion in the professional sociological community.

Key words: bureaucracy; university; university bureaucracy; rationality; management; digitalization; institutionalized hypocrisy; bureaucratic corporation; corporate culture

Funding

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation. Project No. 21-18-00150.

References

1. Abramov R., Gruzdev I., Terentiev E. Trevoga i entuziazm v diskursah ob akademi-cheskom mire: mezhdunarodny i rossiysky konteksty [Anxiety and enthusiasm in discourses on the academic world: International and Russian contexts]. *NLO*. 2016; 2. (In Russ.).
2. Afanasieva V. Katastrofa rossiyskogo obrazovaniya [The catastrophe of the Russian education]. URL: <https://philologist.livejournal.com/9815654.html>. (In Russ.).
3. Babura L.A. Kross-mediaprodukt [Cross-media-product]. *Vektor Ekonomiki*. 2017; 6. (In Russ.).
4. Budaev V.D. Razmyshleniya o sostoyanii vysshego obrazovaniya v sovremennoy Rossii [Reflections on the state of the higher education in contemporary Russia]. *Vyshee Obrazovanie Segodnya*. 2018; 7. (In Russ.).
5. Bourdieu P. *O gosudarstve: kurs lektsiy v Kollezhe de Frans (1989–1992)* [On the State: Lectures at the College de France. 1989–1992]. Moscow, 2012. (In Russ.).

*© V.P. Babintsev, G.N. Gaidukova, Zh.A. Shapoval, 2022

The article was submitted on 16.02.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

6. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Moscow; 1990. (In Russ.).
7. Drugova E.A., Pleshkevich I.B., Klimova T.V. Transformatsiya kadrovoy politiki rossiyskikh universitetov-uchastnikov Proekta 5–100: keys NIYaUMIFI [Transformation of the personnel policy of Russian universities participating in the Project 5–100: The case of the NRNU MEPhI]. *Vyssshee Obrazovanie v Rossii*. 2021; 30 (6). (In Russ.).
8. Dudina V.I. Sotsiologicheskoe znanie v kontekste razvitiya informatsionnykh tekhnologiy [Sociological knowledge under the development of information technologies]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2015; 6. (In Russ.).
9. Zarubina N.N. Teoriya ratsionalizatsii Maksa Webera kak metodologiya ponimaniya sovremennykh sotsiokulturnykh protsessov [Max Weber's theory of rationalization as a methodology for understanding modern social-cultural processes]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2020; 6. (In Russ.).
10. Zborovskiy A.G. Doverie v universitete i universitetskiy kapital [Trust in the university and university capital]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsialnom razvitiy regionov*. Moscow; 2020. (In Russ.).
11. Zinchenko G.P. Gosudarstvennaya sluzhba v predmetnom pole sotsiologii [Public service in the disciplinary field of sociology]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2016; 2. (In Russ.).
12. Eagleton T. Medlennaya smert universiteta [The slow death of the university]. *Alma Mater*. 2016; 2. (In Russ.).
13. Kapoguzov E.A. *Institutsionalnaya struktura proizvodstva gosudarstvennykh uslug: ot weberianskoj byurokratii — k sovremennym reformam gosudarstvennogo upravleniya* [The Institutional Structure of Public Services: From the Weberian Bureaucracy to Contemporary Reforms of Public Administration]. Omsk; 2012. (In Russ.).
14. Knelts I.A., Duminskaya M.V. Fenomen grazhdanskogo obshchestva v kontseptualnykh predstavleniyakh zapadnoy filosofii [The phenomenon of civil society in the conceptual representations of the Western philosophy]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsialnom razvitiy regionov*. Moscow; 2020. (In Russ.).
15. Konstantinovskiy D.L., Ovsyannikov A.A., Pokrovskiy N.E. *Sovershenstvovanie sotsiologicheskogo obrazovaniya. Analiticheskiy doklad* [Improving the Sociological Education. Analytical Report]. Moscow; 2005. (In Russ.).
16. Krasinskaya L.F. Modernizatsiya, optimizatsiya, byurokratizatsiya. Chto ozhidaet vysshuyu shkolu zavtra? [Modernization, optimization, bureaucratization. What awaits the higher school tomorrow?]. *Vyssshee Obrazovanie v Rossii*. 2016; 3. (In Russ.).
17. Krasnova G.N., Peftiev V.I. Vysshee obrazovanie v Rossii: problemy i resheniya [Higher education in Russia: Problems and solutions]. *Sotsialno-Politicheskie Issledovaniia*. 2019; 3 (4). (In Russ.).
18. Kurbatova M.V. Reforma vysshego obrazovaniya kak institutsionalny proekt rossiyskoy byurokratii: soderzhanie i posledstviya [The higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy: Content and consequences]. *Mir Rossii*. 2016; 4. (In Russ.).
19. Lebedeva L.G. Mezhpokolencheskiy razryv v virtual'nom prostranstve [Intergenerational gaps and risks in the virtual space]. *Vestnik SGSEU*. 2018; 1(70). (In Russ.).
20. Lisenkova A.A. Vyzovy i vozmozhnosti tsifrovoy epokhi: sotsiokulturny aspekt [Challenges and opportunities of the digital era: A social-cultural aspect]. *Rossiyskiy Gumanitarny Zhurnal*. 2018; 7 (3). (In Russ.).
21. Minina V.N. Tsifrovizatsiya vysshego obrazovaniya i ee sotsialnye rezultaty [Digitalization of the higher education and its social results]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya: Sotsiologiya*. 2020; 13 (1). (In Russ.).
22. Osipov A.M. Byuropatologii v sovremennom rossiyskom obrazovanii [Bureaupathology in the contemporary Russian education]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsialnom razvitiy regionov*. Moscow; 2020. (In Russ.).
23. Osipov A.M. Byuropatologiya i bumazhny pressing v rossiyskom obrazovanii [Bureaupathology and paper pressing in the Russian education]. *RUDN Journal of Sociology*. 2020; 20 (4). (In Russ.).

24. Perederiy V.A. Sotsialno-ekonomicheskie problemy selskogo prekariata (rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya v Krasnodarskom krae) [Social-economic problems of the rural precariat (results of the sociological study in the Krasnodar Region)]. *Sotsiologiya i obshchestvo: traditsii i innovatsii v sotsialnom razvitii regionov*. Moscow; 2020. (In Russ.).
25. Ritzer G. *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern Sociological Theory]. Saint Petersburg; 2002. (In Russ.).
26. Rozov N.S. Preodolet stagnatsiyu universitetskogo obrazovaniya: ot byurokraticheskogo kontrolya — k konkurentsii kachestva [To overcome the stagnation of the university education: From bureaucratic control to quality competition]. *Alma Mater*. 2017; 9. (In Russ.).
27. Sibirev V.V. Vliyanie tsifrovyykh tekhnologiy na model gosudarstvennogo upravleniya [The influence of digital technologies on the model of public administration]. *Tsifrovoe obshchestvo — novyy format sotsialnoy realnosti: struktury, protsessy i tendentsii razvitiya*. N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov (Eds.). Saint Petersburg; 2020. (In Russ.).
28. Sliva A.V., Berezovsky V.A., Fokina V.N., Basov V.A. Finansovye i intellektualnye poteri vuza vsledstvie izlishney byurokratizatsii v sisteme obrazovaniya [Financial and intellectual losses of the university due to excessive bureaucratization of the education system]. *Ekonomika Obrazovaniya*. 2015; 5. (In Russ.).
29. Taleb N.N. *Riskuya sobstvennoy shkuroy: Skrytaya asimmetriya povsednevnoy zhizni* [Skin in the Game: Hidden Asymmetries in Daily Life]. Moscow; 2018. (In Russ.).
30. Tambovtsev V., Rozhdestvenskaya I. Reforma vysshego obrazovaniya v Rossii: mezhdunarodny opyt i ekonomicheskaya teoriya [The reform of higher education in Russia: International experience and economic theory]. *Voprosy Ekonomiki*. 2014; 5. (In Russ.).
31. Tuzikov A.R. Vysshee obrazovanie: ideologemy reform i praktika imitatsiy [Higher education: Ideologies of reforms and practice of imitations]. *Upravlenie Ustojchivym Razvitiem*. 2020; 1. (In Russ.).
32. Tkhagapsoev Kh.B., Sapunov M.B. Rossiyskaya obrazovatel'naya realnost i ee prevrashchennyye formy [Russian educational reality and its transformed forms]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2016; 6. (In Russ.).
33. Shabrova N.V. Doverie i byurokratizatsiya v vuzah [Trust and bureaucratization in universities]. *Vestnik SurGPU*. 2019; 5. (In Russ.).
34. Shvetsov Yu.G. Slozhivshayasya sistema upravleniya obrazovaniyem — tyazhkaya obuzha dlya uchebnykh zavedeniy [The existing education management system is a heavy burden for educational institutions]. *Vysshee Obrazovanie Segodnya*. 2017; 9. (In Russ.).
35. Yanitsky O.N. K probleme modernizatsii gumanitarnogo znaniya [On the modernization of humanitarian knowledge]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2018; 6 (1). (In Russ.).
36. Bennett J.T., Johnson M.H. Paperwork and bureaucracy. *Economic Inquiry*. 1979; 17 (3).
37. Entzoni A. *The Semi-Professions and Their Organization: Teachers, Nurses, Social Workers*. New York; 1969.
38. Etzioni A. *Modern Organizations*. New Jersey; 1964.
39. Fitzgerald T. The tyranny of bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*. 2009; 37 (1).
40. Humes W. The 'iron cage' of educational bureaucracy. *British Journal of Educational Studies*. 2021. DOI: 10.1080/00071005.2021.1899129.
41. Lumby J. Distributed leadership and bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*. 2017; 47 (10).
42. Saks M.M., Adams T.L. Neo-Weberianism, professional formation and the state: Inside the black box. *Professions and Professionalism*. 2019; 9 (2).
43. Spector H. Bureaucratization, education and the meanings of responsibility. *Curriculum Inquiry*. 2018; 48 (5).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-909-918

Позиции российских вузов в мировых рейтингах в 2022 году*

Ю.Н. Эбзеева, Ю.Б. Смирнова

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: ebzeeva_yun@pfur.ru; yuryeva-yub@rudn.ru)

Аннотация. На протяжении длительного времени многие государства стремятся обеспечить вхождение своих университетов в глобальные рейтинги, которые отражают не только значимость университетов, но и «международный престиж страны» [11]. Причиной популяризации глобальных рейтингов в нашей стране стала глобализация российской системы высшего образования. Рейтинги дают представление о вузах не только абитуриентам, студентам и академическому сообществу, но и потенциальным работодателям — о качестве подготовки кадров, научно-исследовательской деятельности и т.д. Значимым параметром глобальных рейтингов выступает и «информационная открытость» университетов [11]. Кроме того, университеты борются не только за абитуриентов, но и за дополнительное финансирование, поскольку образование и наука стали элементом экономического обмена [5]. Статья посвящена позициям учреждений высшего образования Российской Федерации в мировых рейтингах в 2022 году. Актуальность исследования обусловлена тенденциями реализации научных исследований в вузах и политической ситуацией. Система рейтингования основана на объективной оценке экспертами из разных стран значимых достижений вузов. Поскольку в настоящее время реализация научных исследований в отечественных вузах все чаще сталкивается с трудностями, можно утверждать, что глобальные рейтинги стали противоречивым инструментом оценки конкурентоспособности российских вузов. Авторы описывают динамику позиций российских университетов в мировых рейтингах в 2022 году, состояние национальных рейтингов и трудности реализации научных исследований на основе статистического и сопоставительного подходов. Результаты работы вносят определенный вклад в теорию управления и могут способствовать успешному продвижению российских научных достижений и университетов в мировом сообществе.

Ключевые слова: высшее образование; глобальные рейтинги; национальные рейтинги; научные исследования; российские университеты; глобализация системы высшего образования

Относительно недолгая история мировых рейтингов университетов показывает, что они играют значимую роль в образовательной политике. Однако в последнее время влияние рейтингов в сфере высшего образова-

* © Эбзеева Ю.Н., Смирнова Ю.Б., 2022

Статья поступила 30.05.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

ния вызывает споры, преимущественно по вопросам методологии рейтингов. Исследователи выделяют несколько основных направлений дискуссий: «выбор показателей, включаемых в рейтинговую систему; проблемы, связанные с использованием основных для мировых рейтингов университетов видов показателей: библиометрических и peer review; проблемы агрегирования индикаторов в единый индекс» [6]. Безусловно, если речь идет о рейтинговании университетов разных государств, то оценивание еще больше усложняется.

Сегодня реализация научных исследований в отечественных вузах все чаще сталкивается и с другими трудностями: «относительная изолированность от мирового научного сообщества; недостаточная мотивированность преподавателей университетов к увеличению объемов научной деятельности; необходимость в представлении результатов научных исследований на английском языке» [10]. Кроме того, в последнее время увеличилось количество случаев, когда российским авторам приходят отказы от редакторов авторитетных изданий, входящих в международные базы данных, в публикации научных работ. Сказать однозначно, что российская система высшего образования была к этому не готова, нельзя. В российских СМИ все чаще появляется информация, что правительство страны рассматривает возможность отменить обязательные требования наличия публикаций в журналах, входящих в международные базы данных WoS/Scopus, в рамках выполнения федеральных проектов, программ и государственных заданий.

Рейтинги представляют собой оценку совокупности параметров университетской среды с их дальнейшим суммированием и использованием определенных весовых коэффициентов, которые разнятся в зависимости от рейтинга. Все это в той или иной степени свидетельствует о некоей субъективности и специализации рейтингов. Более того, рейтинги не подвергались специальной проверке на чувствительность к небольшим изменениям весовых коэффициентов, хотя именно этот параметр «должен стать главным тестом их работоспособности» [1]. Однако это не отменяет того факта, что рейтинги прочно вплетены в университетскую жизнь и образовательную политику подавляющего большинства стран и стали значимым параметром системы образования.

Научные исследования выступают одним из ключевых параметров при составлении рейтингов университетов — как глобальных, так и национальных. Состояние научных исследований в России может быть охарактеризовано по следующим составляющим: вхождение университета в рейтинги; программа научного развития университета [8]; участие в программе государственной поддержки [2]. Реализация программ научного развития университетов началась с 2012 года: «Каждый университет России публикует программу научного развития, которая в своей содержа-

тельной части содержит информацию о проделанной в этом направлении работе, а также о перспективах научных мероприятий» [10]. Второй параметр — участие в программе государственной поддержки. С 2021 года началась реализация программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030», целью которой является формирование в России более ста прогрессивных университетов — центров научно-технического и социально-экономического развития страны [17]. Было обозначено четыре главные задачи: увеличение доли российской науки на глобальном рынке; обеспечение привлекательности работы в России для ведущих и молодых ученых; кадровое обеспечение приоритетных направлений развития науки, технологий, отраслей экономики, социальной сферы; использование научно-образовательных и инновационных возможностей университетов, чтобы уменьшить сроки внедрения новых продуктов в экономику страны. Программа «Приоритет-2030» нацелена на формирование группы университетов-лидеров, которые будут примером развития научных исследований, повысят научно-исследовательский потенциал страны и качество образовательных, научно-технических и социальных услуг университетов, что не может не найти отражение в рейтингах — как национальных, так и глобальных.

Динамика позиций российских вузов в мировых рейтингах в 2022 году

Еще десять лет назад мировые рейтинги были «плотно вплетены в жизнь университетов и в национальную политику многих стран, став заметным фактором рынка образовательных услуг» [1]. Уже в то время исследователи и руководители в сфере высшего образования отмечали важность и долгосрочность рейтингов [22]. Система рейтингования ведущих университетов рассматривалась как модель объективной оценки экспертами разных стран значимых достижений вузов. Эта система позволяет представить необходимую информацию по определенным критериям для ее последующего ранжирования и сравнения, что позволяет отследить конкурентность данных в сравнении с другими организациями. Конечно, рейтинги не всегда дают объективную оценку в силу разных подходов к методике измерения. Более того, подавляющее большинство рейтингов имеют ограничения в методической и информационной открытости, и используемая методика оказывает огромное влияние на конечный результат. Соответственно, наблюдаются различия рейтингов по следующим параметрам: «архив рейтинга (по годам); сам рейтинг (по вузам); описание методики» [1]. Тот факт, что результаты рейтингов могут быть доступны лишь по ограниченному числу университетов, а большая часть информации не доступна к просмотру и анализу, позволяет утверждать, что не всегда позиция в рейтинге отражает состояние

образования. Разные методологические подходы влияют на позицию в рейтинге, и, пример, «улучшение показателей университетов России в мировых рейтингах в основном определено ростом показателей научного признания» [10] (мнение академических экспертов и наукометрические данные).

Реализация научных исследований оценивается тремя ключевыми глобальными рейтингами: QS World University Rankings, THE World University Rankings и ARWU Academic Rankings of World Universities. В 2022 году был опубликован ежегодный рейтинг университетов QS World University Rankings 2023, составляемый британским агентством Quacquarelli Symonds [13]. Поскольку в феврале 2022 года авторы рейтинга заявили о прекращении привлечения к рейтингованию новых российских университетов, в рейтинге представлены те же 48 университетов нашей страны, что и в прошлом году: 17 смогли улучшить свои позиции, 16 — сохранить прошлогодние результаты. Рейтинг QS публикуется ежегодно и включает шесть параметров: академическая репутация, соотношение численности студентов и НПП (научно-педагогических работников), количество цитирования на одного НПП, репутационная составляющая среди работодателей, доля иностранных студентов и НПП.

8 июня 2022 года вышел ежегодный рейтинг QS, который охватил 1422 университета (в предыдущем выпуске было 1300). Список российских университетов возглавили поднявшийся на три строки МГУ им. М.В. Ломоносова — 75-я позиция, поднявшийся на 51 строку МГТУ им. Н.Э. Баумана — 230-я позиция — и опустившийся на 14 строк НГУ. Рейтинг возглавили Массачусетский технологический институт, Кембриджский и Стэнфордский университеты. В топ-10 представлено 5 американских университетов, 4 английских и 1 швейцарский.

В 2021 году наблюдалась положительная динамика вхождения российских вузов в мировые рейтинги. В World University Rankings THE в 2021 году вошло рекордное число российских вузов: лидером стал МГУ им. М.В. Ломоносова, заняв 174 место [14]; в рейтинге также появились МФТИ (201–250), Санкт-Петербургский политехнический университет, ВШЭ (301–350), МИФИ, Санкт-Петербургский горный университет (401–500). В 2022 году в рейтинг THE новые российские вузы не добавились, и только один университет продемонстрировал положительную динамику [15]: МГУ им. М.В. Ломоносова улучшил свои позиции, оказавшись на 158 месте (+16 позиций), а остальные вузы не изменили свои позиции.

Расчеты проводятся на основе самостоятельно сформированной репутационной базы данных Academic Reputation Survey и статистических данных из наукометрической базы данных Elsevier's Scopus. Вузы оцениваются по следующим группам показателей: преподавание (30 %); исследования (30 %); цитирования (30 %); международная деятельность (7,5 %); связь с

промышленностью (2,5 %). По отдельно взятым критериям, в частности, по критерию «среда обучения», у российских вузов высокие результаты: МГУ им. М.В. Ломоносова и МФТИ входят в сто лучших вузов по критерию «качество учебной среды», и МГУ еще входит в сто лучших вузов по критерию «исследования». К сожалению, в настоящее время профили российских вузов в списке рейтинга заблокированы — недоступны к просмотру, как и на сайте рейтинга QS.

Впервые глобальный рейтинг Academic Rankings of World Universities (ARWU) был опубликован в 2003 году. Его основной задачей было определение различий между мировыми университетами и университетами Китая. В Шанхайском рейтинге 2021 года можно наблюдать ухудшение позиций российских университетов, причем в 2021 году в него вошло только 9 российских университетов (в 2020 — 11). В отличие от других ключевых рейтингов в ARWU ключевым показателем выступают высокие научные достижения, но не учитывается трудоустройство выпускников, соотношение студентов и профессорско-преподавательского состава, количество зарубежных со-трудников. В критерии оценки входят качество образования, качество преподавательского состава, высокоцитируемые сотрудники, исследовательская продуктивность, количество научных статей и результативность на одного сотрудника. Рейтинг основан именно на исследовательской работе университетов, и по данному параметру занимает радикальную позицию [9]. Однако не следует забывать, что разные подразделения университета могут обеспечивать разное качество исследовательских работ, т.е. очевидна проблема усредненности [24]. Кроме того, учет только достижений в науке при составлении рейтинга не всегда объективно отражает качество университета в целом (не менее важны результаты учебы студентов) [23].

Единственным российским вузом, входящим в топ-100 ARWU, является МГУ им. М.В. Ломоносова, который делит 97 место с Carnegie Mellon University и University of Florida (США). В топ-300 входит только один вуз из России — Санкт-Петербургский государственный университет (301–400). В топ-500 представлен один российский вуз — Московский физико-технический институт (501–600) [12].

Таким образом, основу главных глобальных рейтингов университетов составляют показатели научной деятельности. Причем повышение их количественной составляющей считается более значимым, чем продвижение результатов научной деятельности [4].

Национальные рейтинги Российской Федерации

Существует интересная взаимосвязь между международными и национальными рейтингами: большая часть университетов, входящих в топ-100 международных рейтингов (QS, THE, ARWU), находится в странах, где ве-

дется активная работа по составлению национальных рейтингов, т.е. правильная система сбора и предоставления данных помогает университетам продвигаться в международных рейтингах [1].

В России было принято решение о создании национального рейтинга, который составляет Министерство образования с 2005 года (2005–2007). В 2009 году появился первый отечественный рейтинг университетов, формируемый независимым агентством в сфере образования «РейтОР». С 2009 года публикуется Национальный рейтинг университетов (НРУ) «Интерфакса», но его авторы не рассматривали университеты творческого профиля и силовых структур, образовательные учреждения с преимущественно заочной формой обучения и малым количеством направлений, а также исследовательские организации с образовательными программами не ниже аспирантуры. В тройке лидеров представлены МГУ им. М.В. Ломоносова (1), Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ» (2) и МФТИ (3).

По результатам проекта «Лучшие образовательные программы инновационной России» был разработан рейтинг «Первая миссия». В нем участвуют все вузы вместе с филиалами, они оцениваются по следующим параметрам: оценка экспертов, личные достижения студентов, результаты образовательных программ. Данные для анализа аккумулируются из опросников и информации из открытых источников, что делает рейтинг более объективным [18]. В первую лигу рейтинга вошли три университета: КФУ (Республика Татарстан), ТюмГУ (Томская область) и РУДН (Москва).

Национальный рейтинг RAEX, как и предыдущий, показал существенные региональные диспропорции в сфере высшего образования. Как и в рейтинге НРУ, здесь не рассматриваются вузы творческой и спортивной направленностей и силовых ведомств. Рейтинговый показатель складывается из трех параметров: «условия для получения качественного образования, уровень востребованности выпускников работодателями, уровень научно-исследовательской деятельности» [16].

Ключевой показатель рейтинга «Самые востребованные вузы России — МИА “Россия сегодня”» — уровень подготовки выпускников к рынку труда. Основные критерии оценки — «доля выпускников по очной форме обучения, получивших направление на трудоустройство, доля доходов от НИР, индекс цитирования научных трудов» [21].

В основе рейтинга «Международное признание» лежат показатели открытого доступа: «продвижения в глобальных рейтингах; результаты международной аккредитации, исходя из реестра DEQAR; результаты международных олимпиад и конкурсов; количество иностранных студентов» [19].

Рейтинг «Forbes» оценивает четыре параметра: востребованность у работодателей, исходя из опроса ста лучших работодателей России; нетворкинг (средний балл ЕГЭ и др.); качество образования (соотношение студентов и

преподавателей, зарплата профессорско-преподавательского состава, доля молодых сотрудников и т.д.); международное признание (вхождение в глобальные рейтинги — QS, THE, ARWU).

Существуют и другие национальные рейтинги: рейтинг по индексу Хирша, где учитывается индекс Хирша образовательной организации, рассчитанный по данным наукометрической базы eLibrary.ru; рейтинг по данным Мониторинга эффективности, который был введен Министерством образования и науки в 2012 году; рейтинг «Оценка качества обучения», где сопоставляются данные на входе в процесс обучения, в процессе и выходе; рейтинг по результатам профессионально-общественной аккредитации — учитывает открытые данные из документа об организациях, которые проводят аккредитацию образовательных программ Министерства образования и науки; рейтинг исследовательского центра «Superjob» оценивает средний уровень дохода выпускников университетов; рейтинг «Национальное признание» компании «Univer. EXPERT Академический критик» учитывает такие показатели, как «значимость основных дисциплин университета, уровень преподаваемых наук, работа преподавательского состава» [20].

Если международные рейтинги в целом ориентируются на научно-исследовательскую деятельность и международную репутацию университетов, то в основе национальных рейтингов лежит качество образовательных услуг и конкурентоспособность выпускников на рынке труда (умения и навыки применять свои знания на практике). Вхождение университета в мировой рейтинг вносит вклад в имидж сферы высшего образования страны и увеличивает долю образовательных услуг в структуре ее экспорта. Однако присутствие университетов в ключевых мировых рейтингах имеет не только положительный эффект: если позиция университета в рейтинге невысока или снижается, это может привести к уменьшению потока абитуриентов и иностранных сотрудников и, как следствие, к сокращению государственной поддержки (уменьшению финансирования) и слиянию университетов. Иными словами, необходимо разумно использовать рейтинги в качестве системы оценивания университета. А поскольку любая рейтинговая система, в том числе глобальные рейтинги, в той или иной степени подчинена предпочтениям ее авторов, российской системе образования следует создавать и развивать собственные рейтинги.

Библиографический список

1. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Международные рейтинги университетов: практика составления и использования // Экономика образования. 2012. № 2.
2. Балашов А.И., Хусаинова В.М. Проект «5–100»: погоня за глобальной конкурентоспособностью или инструмент перезагрузки национальной системы высшего образования? // Экономика и управление. 2016. № 10.

3. *Болотов В.А., Мотова Г.Н., Наводнов В. Г.* Глобальный агрегированный рейтинг вузов: российский след // *Высшее образование в России*. 2021. № 3.
4. *Гальнский В.М., Жук А.В.* Рейтинг учреждений Scimago для оценки национальной системы образования и отдельного университета // *Высшее образование в России*. 2021. № 6.
5. *Ирхин Ю.В.* Мировые рейтинги университетов как управленческий фактор систем высшего образования // *Ars Administrandi*. 2013. № 1.
6. *Кинчаров А.В.* Методология мировых рейтингов университетов: анализ и критика // *Управление репутацией вуза*. 2014. № 2.
7. *Назарова И.Б.* Вызовы для российских университетов и преподавателей // *Высшее образование в России*. 2015. № 8–9.
8. *Просвирина Н.В., Тихонов А.И.* Анализ особенностей реализации инновационных моделей развития в вузах // *Московский экономический журнал*. 2018. № 4.
9. *Эбзеева Ю.Н., Гишкаева Л.Н.* Перспективы продвижения российских вузов в международном академическом рейтинге ARWU // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2022. Т. 22. № 2.
10. *Эбзеева Ю.Н., Дугалич Н.М.* Реализация научных исследований в российских университетах: вызовы и ответы современности // *Вестник МГОУ. Серия: Педагогика*. 2021. № 4.
11. *Юдина А.С., Павлова И.А.* Международные рейтинги и конкурентоспособность университетов. // *Вестник науки Сибири*. 2017. № 1.
12. Официальный сайт ARWU: Rankings // URL: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2022>.
13. Официальный сайт QS University Rankings // URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022>.
14. Официальный сайт THE World University Rankings // URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking>.
15. Официальный сайт THE World University Rankings // URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2022/world-ranking>.
16. Официальный сайт Социцентра: Методология рейтинга лучших вузов России RAEX-100 // URL: <https://www.5top100.ru/upload/iblock/fce/2021-Metodologiya-reytinga-luchshikh-vuzov-Rossii-RAEX.pdf?ysclid=lac5pdauxb554098621>.
17. Официальный сайт Минобрнауки России: Программа «Приоритет-2030» // URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030>.
18. Официальный сайт Агрегатора независимой оценки высшего образования: Рейтинг «Первая миссия» // URL: <https://best-edu.ru/ratings/national/rejting-pervaya-missiya?ysclid=lac50edmoo423183885>.
19. Официальный сайт Агрегатора независимой оценки высшего образования: Рейтинг «Международное признание» // URL: <https://best-edu.ru/ratings/national/rejting-mezhdunarodnoe-priznanie?ysclid=lac518i16i630803510>.
20. Официальный сайт Агрегатора независимой оценки высшего образования: Рейтинг «Национальное признание» // URL: https://best-edu.ru/ratings/national/national_recognition?ysclid=lac52fnyw341883322.
21. Официальный сайт Агрегатора независимой оценки высшего образования: Самые востребованные вузы России — МИА «Россия сегодня» // URL: <https://best-edu.ru/ratings/national/samye-vostrebovannye-vuzy-rossii?ysclid=lac53mx7oq51124485>.
22. *Altbach P.G.* The globalization of college and university rankings // *Change*. 2012. Vol. 44. No. 1.
23. *Van Raan A.F.J.* Fatal attraction: Conceptual and methodological problems in the ranking of universities by bibliometric methods // *Scientometrics*. 2005. Vol. 62. No. 1.
24. *Liu N.C., Cheng Y.* Academic ranking of world universities // *Higher Education in Europe*. 2005. Vol. 30. No. 2.

Positions of the Russian universities in the world university rankings in 2022*

Yu.N. Ebzeeva, Yu.B. Smirnova

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: ebzeeva_yun@pfur.ru; yuryeva-yub@rudn.ru)

Abstract. Many states have been striving to ensure their universities' presence in the global rankings which reflect not only the significance of universities but also the 'international prestige of the country' [11]. The reason for the popularization of global rankings in Russia was the globalization of the Russian system of higher education. Rankings present universities not only to applicants, students and the academic community, but also to potential employers — by informing about the quality of education, research activities, etc. Another significant parameter of global rankings is the 'information openness' of universities [11]. In addition, universities are fighting not only for applicants but also for additional funding, since education and science have become an element of the economic exchange [5]. The article considers the positions of the Russian higher education institutions in the world rankings in 2022. The relevance of the study is determined by the current trends in the university scientific research and by the political situation. The ranking system is based on the objective assessment by experts from different countries of the significant achievements of universities. Since the scientific research in Russian universities faces difficulties, the authors argue that global rankings have become a controversial means for assessing the competitiveness of Russian universities. The authors describe the dynamics of the positions of Russian universities in world rankings in 2022, the state of national rankings and the difficulties of scientific research based on the statistical and comparative approaches. The results of the study make a certain contribution to the theory of management and can contribute to the successful promotion of Russian scientific achievements and universities in the world community.

Key words: higher education; global rankings; national rankings; scientific research; Russian universities; globalization of the higher education system

References

1. Balatskt E.V., Ekimova N.A. Mezhdunarodnye rejtingi universitetov: praktika sostavleniya i ispolzovaniya [Global university rankings: Making and usage]. *Ekonomika Obrazovaniya*. 2012; 2. (In Russ.).
2. Balashov A.I., Khusainova V.M. Proekt "5–100": pogonya za globalnoj konkurentosposobnostiyu ili instrument perezagruzki natsionalnoj sistemy vysshego obrazovaniya? [Project "5-100": A quest for global competitiveness or a means for rebooting the national system of higher education]. *Ekonomika i Upravlenie*. 2016; 10. (In Russ.).
3. Bolotov V.A., Motova G.N., Navodnov V.G. Globalny agregirovanny rejting vuzov: rossijsky sled [A global aggregated ranking of universities: A Russian footprint]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2021; 3. (In Russ.).
4. Galynsky V.M., Zhuk A.V. Rejting uchrezhdenij Scimago dlya otsenki natsionalnoj sistemy obrazovaniya i otdelnogo universiteta [Scimago Institutions Rankings for the assessment of the national education system and individual universities]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2021; 6. (In Russ.).

*© Yu.N. Ebzeeva, Yu.B. Smirnova, 2022, 2022

The article was submitted on 24.07.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

5. Irkhin Yu.V. Mirovye rejtingi universitetov kak upravlenchesky factor sistem vysshego obrazovaniya [University rankings as a management factor in the higher education system]. *Ars Administrandi*. 2013; 1. (In Russ.).
6. Kincharov A.V. Metodologiya mirovyyh rejtingov universitetov: analiz i kritika [Methodology of global university rankings: Analysis and critique]. *Upravlenie Reputatsiej Vuza*. 2014; 2. (In Russ.).
7. Nazarova I. B. Vyzovy dlya rossijskikh universitetov i prepodavatelej [Challenges for Russian university and scholars]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii*. 2015; 8–9. (In Russ.).
8. Prosvirina N.V., Tikhonov A.I. Analiz osobennostej realizatsii innovatsionnyh modelej razvitiya v vuzax [Analysis of the features of the innovative development models in universities]. *Moskovsky Ekonomicheskyy Zhurnal*. 2018; 4. (In Russ.).
9. Ebzeeva Yu.N., Gishkaeva L.N. Perspektivy prodvizheniya rossijskikh vuzov v mezhdunarodnom akademicheskom rejtinge ARWU [Prospects for the promotion of Russian universities in the international academic ranking ARWU]. *RUDN Journal of Sociology*. 2022; 22 (2). (In Russ.).
10. Ebzeeva Yu.N., Dugalich N.M. Realizatsiya nauchnyh issledovanij v rossijskikh universitetah: vyzovy i otvety sovremennosti [Scientific research in Russian universities: Challenges and responses of the contemporary world]. *Vestnik MGOU. Seriya: Pedagogika*. 2021; 4. (In Russ.).
11. Yudina A.S., Pavlova I.A. Mezhdunarodnye rejtingi i konkurentosposobnost universitetov [Global university rankings and university competitiveness]. *Vestnik Nauki Sibiri*. 2017; 1. (In Russ.).
12. ARWU Rankings. URL: <https://www.shanghai ranking.com/rankings/arwu/2022>.
13. QS University Rankings. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2022>.
14. THE World University Rankings 2021. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2021/world-ranking>.
15. THE World University Rankings 2022. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/2022/world-ranking>.
16. Sotsiocenter: Methodology of the best universities rankings in Russia RAEX-100. URL: <https://www.5top100.ru/upload/iblock/fce/2021-Metodologiya-reytinga-luchshikh-vuzov-Rossii-RAEX.pdf?ysclid=lac5pdauxb554098621>. (In Russ.).
17. Russian Ministry of Education and Science: Program “Priority 2030”. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/priority2030>. (In Russ.).
18. Aggregator for the Independent Evaluation of Higher Education: First Mission Ranking. URL: <https://best-edu.ru/ratings/national/rejting-pervaya-missiya?ysclid=lac50edmoo423183885>. (In Russ.).
19. Aggregator for the Independent Evaluation of Higher Education: International Recognition. URL: <https://best-edu.ru/ratings/national/rejting-mezhdunarodnoe-priznanie?ysclid=lac518i16i630803510>. (In Russ.).
20. Aggregator for the Independent Evaluation of Higher Education: National Recognition. URL: https://best-edu.ru/ratings/national/national_recognition?ysclid=lac52fnyw341883322. (In Russ.).
21. Aggregator for the Independent Evaluation of Higher Education: The most demanded universities of Russia — MIA “Russia Today”. URL: <https://best-edu.ru/ratings/national/samye-vostrebovannye-vuzy-rossii?ysclid=lac53mx7oq51124485>. (In Russ.).
22. Altbach P.G. The globalization of college and university rankings. *Change*. 2012; 44 (1).
23. Van Raan A.F.J. Fatal attraction: Conceptual and methodological problems in the ranking of universities by bibliometric methods. *Scientometrics*. 2005; 62 (1).
24. Liu N.C., Cheng Y. Academic ranking of world universities. *Higher Education in Europe*. 2005; 30 (2).

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

SOCIOLOGICAL LECTURES

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-919-936

Концентрация имущества и «имущественный средний класс» в современной европейско-американской цивилизации*

Э. Чижо¹, В. Меньшиков¹, А. Кокаревича²,
Н. Селиванова-Федорова³

¹Даугавпилсский университет,
ул. Виенибас, 13, Даугавпилс, LV-5401, Латвия

²Рижский университет им. Страдыня,
ул. Дzirziема, 16, Рига, LV-1007, Латвия

³Высшая школа бизнеса, искусства и технологий «RISEBA»,
ул. Мэжа, 3, Рига, LV-1048, Латвия

(e-mail: edmunds@chemi-pharm.com; vladimirs.mensikovs@du.lv;
anita.kokarevica@rsu.lv; nse115@inbox.lv)

Аннотация. Цель исследования — сравнительный анализ тенденций концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» в странах современной европейско-американской цивилизации (далее — ЕАЦ). Т. Пикетти выдвинул гипотезу, что концентрация имущества вновь стала возрастать (как в XVIII–XIX веках), а формирование «имущественного среднего класса» является самым значительным структурным изменением в распределении богатства в долгосрочной перспективе. В качестве объекта исследования авторы выбрали пять территорий ЕАЦ: США, Западная Европа, Латвия, Украина, Россия. Инструментами измерения и сравнения имущественного неравенства стали статистические децили: верхние 10 % (включая верхний 1 %), срединные 40 % и нижние 50 %. 1995 и 2021 годы выбраны в качестве крайних временных точек для диахронного анализа. Источником эмпирической информации послужила Всемирная база данных по неравенству. Результаты исследования показали, что процессы концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» в разных частях современной ЕАЦ проходят в разном темпе, а иногда и разнонаправленно: от стремительной концентрации до деконцентрации. Концентрация имущества в руках 1 % самых богатых американцев выросла за последние 26 лет с 28 % до 35 %, россиян — с 21 % до 48 %. По мнению Пикетти, такая ситуация является предвестником социальной революции. Латвия и Украина с точки зрения уровня концен-

* © Чижо Э., Меньшиков В., Кокаревича А., Селиванова-Федорова Н., 2022

Статья поступила 04.05.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

трации имущества представляют некий промежуточный вариант между Западной Европой и США/Россией. При этом США, Западная Европа и Россия различаются в культурно-ценностном аспекте. Авторы ставят под сомнение существование в XXI веке единой ЕАЦ и считают ее расколотой на «исходное ядро» (европейскую цивилизацию) и два постоянно конфликтующих «периферийных крыла» (американскую и русскую цивилизации).

Ключевые слова: концентрация имущества; «имущественный средний класс»; статистические децили; диахронный анализ; культурные измерения по Хофстеде; европейско-американская цивилизация (ЕАЦ)

Актуальность системного и диахронного изучения процессов концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» определяется, по Т. Пикетти, необходимостью в исследованиях неравенства разграничивать два ее вида: неравенство по трудовым доходам (*income inequality*) и неравенство по доходам от капитала (*wealth inequality*). Во все времена и во всех обществах второй вид экономического неравенства — имущественный — был сильнее первого. Пикетти полагает, что концентрация имущества вновь стала возрастать (как было в XVIII–XIX веках) [34]: изучив изменения в соотношении имущества и доходов (*wealth-to-income ratio*) в долгосрочной перспективе (1700–2010) в восьми ведущих странах с развитой экономикой, Пикетти пришел к выводу, что «капитал возвращается» [35].

Цель нашего исследования — сравнительный анализ тенденций концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» (*patrimonial middle class* [34]) в странах современной европейско-американской цивилизации (ЕАЦ) (или западной цивилизации [3; 5]). В качестве объекта выступили пять территорий ЕАЦ с запада на восток: США, Западная Европа, Латвия, Украина, Россия (причисляется к ЕАЦ лишь на макроцивилизационном уровне). Мы полагаем, что процессы концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» не однородны и однонаправленны по всей ЕАЦ, и «капитал возвращается» далеко не во всех ее частях. Разнородность процессов концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» скорее всего свидетельствует о существенных экономических различиях (помимо политических, культурных и др. [15; 19; 20; 36]) внутри современной ЕАЦ, делимой на Запад (США и большая часть Европейского Союза) и Восток (славянская/православная цивилизация [19; 20] или «восточный фланг Европы» [5]).

Инструментами измерения и сравнения имущественного неравенства стали статистические децили: верхние 10 % (включая верхний 1 %), средние 40 % и нижние 50 %; 1995 и 2021 годы были выбраны в качестве крайних временных точек для диахронного анализа; источником эмпирической информации послужила Всемирная база данных по неравенству (World Inequality Database — WID) [32]. Мы изучаем имущественное неравенство в динамике за последние 26 лет: под влиянием сил концентрации и рассеивания [13; 14; 25] в разных частях ЕАЦ происходит концентрация/деконцен-

трация имущества в зависимости от того, какие именно силы — концентрации или рассеивания — доминируют [37]. Согласно Пикетти, «концентрация собственности на капитал, судя по всему, вновь стала увеличиваться в начале XXI века» [34], но при этом появился «имущественный средний класс», формирование которого Пикетти считает «самым значительным структурным изменением в распределении богатства в долгосрочной перспективе» [34]. Эмпирическая проверка этих предположений на примере пяти частей ЕАЦ и составляет задачу нашего исследования.

В современном мире экономическое неравенство — как по доходам, так и имущественное — в различных его проявлениях (включая концентрацию имущества) является одной из ключевых исследовательских тем как в академическом [6; 12; 18; 25; 34; 35 и др.], так и в медиапространстве. В качестве примера можно привести реализуемый с 2011 года проект Института исследований политики (США) «Inequality», в рамках которого отслеживаются новости и мнения, связанные с экономическим неравенством. Проект направлен на предоставление информации и распространение идей среди широкой аудитории — от преподавателей и журналистов до общественных активистов и политиков [23].

В качестве основного источника эмпирической информации для глобальных и региональных исследований экономического неравенства используется Всемирная база данных по неравенству (WID) — открытого доступа, результат международного сотрудничества более ста исследователей с пяти континентов [32]. На основе этой базы, созданной Лабораторией всемирного неравенства Парижской школы экономики, публикуется ежегодный Доклад о всемирном неравенстве, в котором представлены оценки всемирного неравенства по доходам и имуществу [41]. В целом изучение экономического неравенства достаточно хорошо институционализировано: работают исследовательские организации, специализирующиеся на этой теме, проводятся международные конференции (первая была организована в 2017 году), публикуются базы данных по экономическому неравенству (существует узконаправленная Всемирная база данных неравенства по доходам — World Income Inequality Database, WIID) [40]), научные журналы и серии книг.

Экономическое неравенство — как по доходам, так и имущественное — увеличивалось во всем мире в течение нескольких последних десятилетий [12]. В ряде стран сократилось число людей, живущих в условиях крайней нищеты, но социально-экономический разрыв продолжает расти — самые обеспеченные жители планеты концентрируют в своих руках беспрецедентно высокую долю материального богатства [4, 41]. Несмотря на единое понимание общемировых тенденций роста экономического неравенства, в международном научном сообществе существуют и концептуальные разногласия, в частности, по поводу того, что в современной ЕАЦ более значимо

и перспективно: обладание наследственным капиталом или стремление к высоким трудовым доходам.

Пикетти полагает, что «у различных поколений XX века по-разному складывались отношения со сбережениями и капиталом. Представителям поколения бэби-бума пришлось всего достигать самим, равно как и тем, кто родился в начале века и в межвоенный период и пережил две войны; те, кто родился в последней трети XX века, сталкиваются с ростом значимости наследства и в этом отношении близки поколениям XIX и XXI веков» [34]. В противоположность этому утверждению, в научной литературе часто встречается тезис, что развитие новой информационно-креативной экономики стимулирует талантливых людей многократно повышать продуктивность своего труда [7; 27], тем самым обеспечивая свое социальное восхождение, независимо от того, являются ли их родители частью элиты и унаследовали ли они имущество и капитал родителей [24]. В начале XXI века креативность и талант, в отличие от материальных активов, рассматриваются как наиболее производительная форма капитала (*talent capital*) [38] и как возможность перехода от «старой» экономики к «новой» [9]. Несмотря на то, что критики «экономики таланта» (*talent economy*) утверждают, что за последние два десятилетия стало очевидно, что большинство талантливых людей занимается торговлей стоимостью, а не ее созданием [30], они признают, что самая быстрорастущая группа в списке Форбс — менеджеры хедж-фондов [30], а не их инвесторы. Пикетти считает, что идея таланта «часто используется для оправдания крайнего неравенства и для защиты тех, кто преуспел, но она не принимает во внимание проигравших и не пытается определить, действительно ли эта очень удобная идея объясняет наблюдаемое неравенство» [34].

Если посмотреть на изменения имущественного неравенства в рамках ЕАЦ в исторической перспективе, то, по мнению Пикетти, концентрация капитала во всех европейских странах в начале XX века была намного выше, чем сегодня [34]. На протяжении XX века ключевым феноменом экономического неравенства в ЕАЦ было сжатие неравенства (прежде всего «крах рантье» [34]) в результате двух мировых войн (1914–1945) и относительная стабильность после этого, приведшая к восстановлению позиций рантье в социальной стратификации и повышению значимости наследственного имущества: «капитал возвращается» [35].

Пикетти полагает, что сегодня существуют «два мира»: гиперимущественные общества («общества рантье») с выраженной концентрацией имущества и гипермеритократические («общества топ-менеджеров») с выраженной концентрацией доходов. В реальности оба процесса могут происходить параллельно в одном и том же обществе, определяя его «социальный пейзаж» [34], т.е. в XXI веке они могут дополнять, а не вытеснять друг друга, что может привести к формированию нового общества, в котором неравенство

окажется еще больше, чем в первых двух [34]. По Пикетти, «естественная» структура неравенства приводит к преобладанию рантье над менеджерами: «Когда темпы роста невелики и доходность капитала заметно их превышает, концентрация имущества — по крайней мере, в наиболее достоверных динамических моделях — практически неизбежно будет стремиться к такому уровню, при котором высокие доходы с наследственного капитала значительно преобладают над высокими трудовыми доходами» [34].

С 1970-х годов экономическое неравенство в богатых странах заметно выросло, особенно в США, где в 2000–2010-е годы концентрация доходов и имущества вернулась к рекордным показателям 1910–1920-х годов и даже немного превысила их [34]. Согласно отчету Института исследований политики трое самых богатых людей в США — Б. Гейтс, Д. Безос и У. Баффет владеют большим состоянием, чем все нижние 50 % американского населения вместе (160 млн человек или 63 млн домохозяйств) [22]. Интересно, что в России, которую вряд ли можно назвать богатой страной (по крайней мере, в 2021 году средний уровень национального имущества на взрослого был почти в 4 раза ниже, чем в США [32]), ситуация с концентрацией богатства описывается примерно так же, как в США [2; 29; 31]. «Россия является одним из мировых лидеров по показателям концентрации как текущих доходов, так и накопленного богатства в руках верхушки населения, особенно 1 % или даже меньших подгрупп в его составе» [28].

По мнению исследователей, рост «сильного неравенства в пользу верхушки» (*top-heavy inequality*) — концентрации имущества и доходов в руках немногочисленной прослойки элиты — ставит под сомнение наше понимание распределительных эффектов «либерального международного порядка». Гораздо больше людей теряют от глобализации и гораздо меньше выигрывают, чем предполагают традиционные экономические модели [12]. С 1980-х годов глобализация уменьшила экономическое неравенство между странами, но увеличила неравенство внутри них, что породило новые геополитические конфликты [18]. В значительной степени сокращение неравенства в течение минувшего столетия носило хаотический характер, будучи следствием войн и вызванных ими экономических и политических потрясений, а не постепенной, согласованной и плавной эволюции: «в XX столетии прошлое уничтожали войны, а не логика мирного демократического и экономического развития» [34]. Потрясения, пережитые капиталом, особенно частным, с 1914 по 1945 годы, привели к сокращению доли верхней децили (и центили) и сжатию экономического неравенства — «краху рантье в 1914–1945 годы» [34].

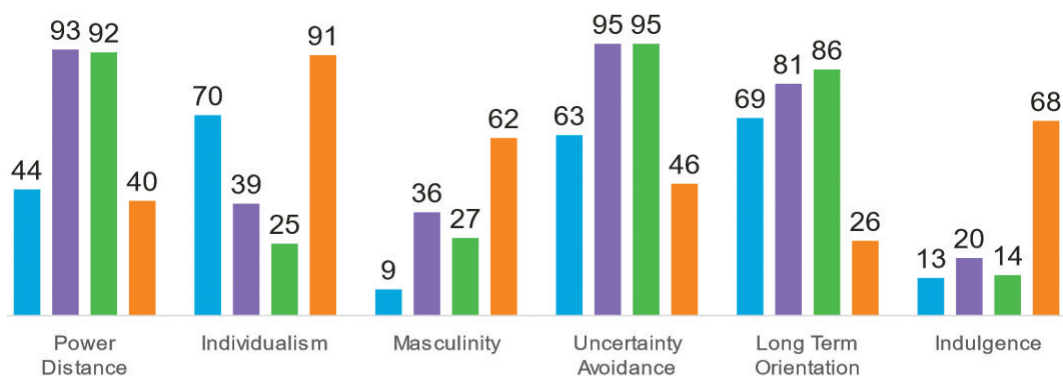
На основе проанализированных публикаций о крайне высокой концентрации имущества в США и России можно предположить, что эти два ядра ЕАЦ имеют экономическое и стратификационное сходство, но концептуально различаются в культурно-ценностном аспекте [36]: сейчас как ни-

когда очевидно, что в своих внутренних побуждениях и индивидуальных целях неэкономической природы люди гораздо более различны, нежели в тех экономических стимулах и стремлениях, которые объединяли их раньше [21]. Несмотря на общепринятое в научной литературе противопоставление России Западу (Европе) [8; 10; 36; 39], она все-таки принадлежит ЕАЦ хотя бы «от противного», т.е. ни к какой другой из современных цивилизаций (китайской, арабо-мусульманской, индийской [3]) Россию причислить нельзя. Если же не относить Россию к ЕАЦ, то остается только причислить ее к славянской/православной цивилизации [19; 20], составляющей «восточный фланг Европы» [5], или выделить в отдельную русскую цивилизацию [10; 19; 20; 36]. Эмпирический анализ тенденций концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» на примере пяти территорий, представляющих ЕАЦ, уточнит понимание не только современных траекторий развития экономического неравенства, но и структуры самой ЕАЦ в начале XXI века.

Концептуально мы опираемся на парадигму «двух миров» — в экономике и в культуре [19; 20]: «мир рантье» и «мир топ-менеджеров» присутствуют в анализе экономического неравенства Пикетти [34], «два мира» (Запад и Восток) постоянно упоминаются в работах, касающихся цивилизационной проблематики [3; 19; 20; 21; 33]. В рамках парадигмы «двух миров» единственно приемлемой методологией представляется сравнительный анализ статистических или социологических данных. Инструментами измерения и сравнения имущественного неравенства стали статистические децили: верхние 10 % (включая верхний 1 %), срединные 40 % и нижние 50 % населения изучаемых территорий. Задача исследования — сравнить состояние и динамику концентрации имущества и «имущественного среднего класса» в обществах, далеко отстоящих друг от друга в географическом пространстве и различающихся культурными ценностями [1; 16; 17; 36], но принадлежащих к одной европейско-американской макро-цивилизации (Рис. 1).

Западная Европа целиком не входит в базу данных Хофстеде, только отдельные ее страны.

В каждом обществе, даже самом эгалитарном, верхняя дециль — это отдельный социальный мир [34]. Он состоит как из людей, чей доход в 2–3 раза выше среднего, так и из тех, чьи ресурсы превышают средний уровень в несколько десятков раз, «поэтому полезно разложить верхнюю дециль на две подгруппы: с одной стороны, верхнюю центиль («доминирующий класс»), а с другой — следующие девять центилей («состоятельный класс») [34]. Доля имущества (или доходов), которыми располагает верхняя дециль/центиль населения страны, является показателем, позволяющим адекватно оценить неравенство внутри страны и сравнить страны, поскольку он учитывает не только наличие очень большого имущества (или доходов), но и долю населения, ими обладающую.

Культурные измерения	Латвия (столбец 1)	Россия (столбец 2)	Украина (столбец 3)	США (столбец 4)
Дистанцированность от власти (Power Distance)	44	93	92	40
Индивидуализм (Individualism)	70	39	23	91
Маскулинность (Masculinity)	9	36	25	62
Избегание неопределенности (Uncertainty Avoidance)	63	95	95	46
Долговременная ориентированность (Long Term Orientation)	69	81	86	26
Потворство желаниям (Indulgence)	13	20	14	68

Рис. 1. Культурные измерения по Хофстеде в странах ЕАЦ (0–100 баллов) [17]

Методологическое разделение на статистические группы принято нами вслед за Пикетти потому, что «между миром народа и миром элиты никогда не бывает резкого разрыва» [34]. Тем не менее, это не означает, что, к примеру, нижние 50 % населения в США так же бедны, как и нижние 50 % населения в России, а верхние 10 % в США так же богаты, как и верхние 10 % в России. Ключевое слово здесь «самые» — 50 % самого бедного и 10 % самого богатого населения (в любой стране). Мы также учитывали средний уровень национального имущества на одного взрослого. Такое статистическое разделение населения на процентные группы самых богатых, средних и самых бедных — наиболее корректный способ сравнения концентрации имущества и «имущественного среднего класса» во времени и в пространстве. В качестве временного отрезка был выбран почти тридцатилетний период, т.е. «масштаб одного поколения, который мы воспринимаем как наиболее значимый временной интервал для оценки изменений, происходящих в том или ином обществе» [34]. Мы исхо-

дим из того, что в процессе имущественного расслоения под влиянием сил концентрации и рассеивания [13; 14; 25] в разных частях ЕАЦ происходит концентрация/деконцентрация имущества, в зависимости от того, какие силы — концентрации или рассеивания — доминируют [37].

Важным методологическим моментом в нашей схеме является концентрация/деконцентрация имущества — как этап процесса имущественного расслоения, в результате которого достигается определенный уровень имущественного неравенства в том или ином обществе (Рис. 2). Определение и сравнение уровня имущественного неравенства в определенные моменты времени позволяет наблюдать и изучать продвижение общества в процессе имущественного расслоения. Последний — методический — вопрос, который необходимо рассмотреть, — как измерять концентрацию/деконцентрацию имущества и уровень имущественного неравенства в стране. Следует отметить, что данный показатель имеет динамический характер, в то время как достигнутый в стране уровень имущественного неравенства — статический. Общая формула для определения, какой процесс — концентрация или децентрация имущества — и с какой степенью изменений происходит в той или иной части ЕАЦ, выглядит так:

$$CH_{Lwi} = \frac{\text{wealth of 10\%(1\%) in year 1}}{\text{wealth of 50\% in year 1}} - \frac{\text{wealth of 10\%(1\%) in year 0}}{\text{wealth of 50\% in year 0}},$$

где CH_{Lwi} — изменения в уровне имущественного неравенства между верхними 10 % (или 1 %) и нижними 50 % («+» — концентрация, «-» — децентрация);

$$\frac{\text{wealth of 10\%(1\%) in year } i}{\text{wealth of 50\% in year } i}$$

достигнутый в стране уровень имущественного неравенства между верхними 10 % (или 1 %) и нижними 50 % населения в i -том году.

Пикетти предлагает следующую шкалу уровня имущественного неравенства в стране (Табл. 1), отмечая, что слабое неравенство — характеристика идеального общества, никогда не встречавшегося в истории человечества, а сильное неравенство — предвестник социальной революции [34].

Пикетти полагает, что «концентрация собственности на капитал, судя по всему, вновь стала увеличиваться в начале XXI века», но при этом появился так называемый «имущественный средний класс» [34]. Чтобы эмпирически проверить эти предположения на примере пяти территорий ЕАЦ, мы проанализировали изменения с 1995 по 2021 год в следующих показателях: уровень имущественного неравенства между верхними 10 % (или 1 %) и нижними

50 % населения; доля «имущественного среднего класса» в общей структуре населения [32]. Начнем с визуального представления глобальной траектории имущественного расслоения между верхними 1 % и 9 % (верхняя дециль), срединными 40 % и нижними 50 % населения.

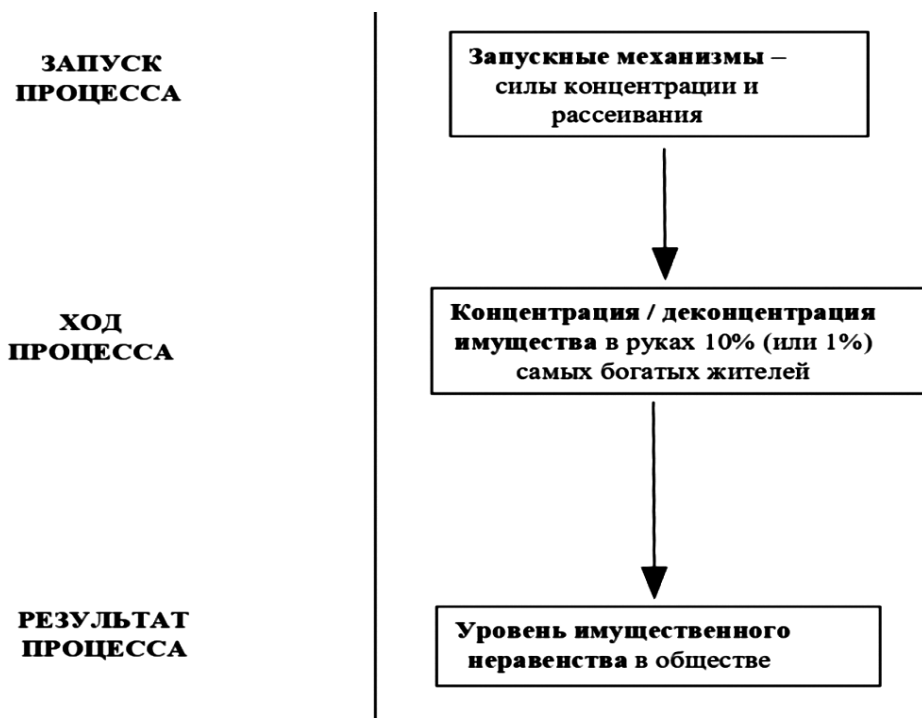

Рис. 2. Этапы развития процесса имущественного расслоения

Таблица 1

Эмпирическая интерпретация уровней имущественного неравенства

Доля групп в общем объеме имущества	Слабое неравенство	Умеренное	Умеренно-сильное	Сильное	Очень сильное
10 % самых богатых («высший класс»)	30 %	50 %	60 %	70 %	90 %
1 % самых богатых («доминирующий класс»)	10 %	20 %	25 %	35 %	50 %
следующие 9 % («состоятельный класс»)	20 %	30 %	35 %	35 %	40 %
промежуточные 40 % («средний класс»)	45 %	40 %	35 %	25 %	5 %
50 % самых бедных («низший класс»)	25 %	10 %	5 %	5 %	5 %

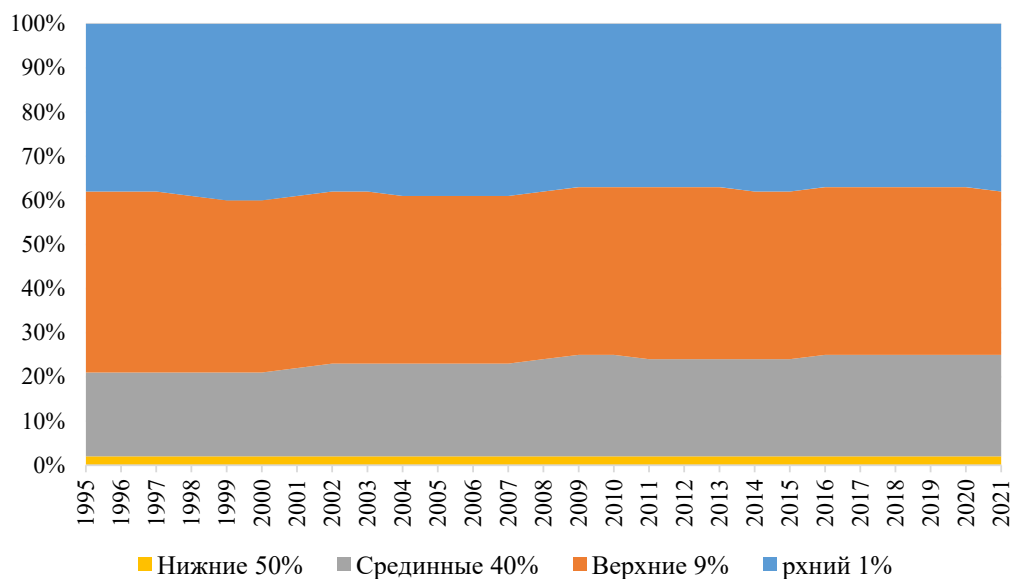

Рис. 3. Глобальный тренд имущественного расслоения, %-ая доля имущества взрослых

Согласно Рисунку 3, в течение последних 26 лет распределение имущества между группами населения было стабильным, что противоречит результатам ряда исследований о росте «неравенства в пользу верхушки» [12] в мире, но подтверждает то, что «верхний 1 % получил больше всех» [12]. 1 % самых обеспеченных жителей планеты стабильно владеет 38 % всего мирового имущества, а верхняя дециль — 75–79 % всего мирового имущества [34]. Половина наименее обеспеченного населения стабильно владеет 2 % мирового имущества [32]. Согласно Пикетти, такое имущественное неравенство эмпирически интерпретируется как сильное (Табл. 1), приближающееся к очень сильному.

В Таблице 2 мы обобщили показатели, по которым можно понять, как на этом фоне выглядят пять частей ЕАЦ, выбранные для анализа: процессы имущественного расслоения здесь не однородны и однонаправлены. Наиболее шокирующе на фоне остальных частей ЕАЦ и мира в целом выглядит Россия, в которой за последних 26 лет доля национального имущества, находящегося в руках 1 % самого богатого населения страны, увеличилась более чем вдвое — с 21 % до 48 % [32]. В целом концентрация имущества в России в руках как верхней децили, так и верхней центили самого обеспеченного капиталом населения страны возросла на 18,2 % и 13,4 % соответственно, что беспрецедентно на фоне общемировых показателей и остальных анализируемых частей ЕАЦ.

**Тренды имущественного расслоения
между процентными группами населения**

Территория	Год	Верхние 10 %	Верхний 1 %	Срединные 40 %	Нижние 50 %
Мир в целом	1995	79 %	38 %	19 %	2 %
	2021	75 %	38 %	23 %	2 %
	Изменения за 2021/1995 годы:				
		10 % / 50 %	1 % / 50 %	10 % / 50 %	1 % / 50 %
Уровень неравенства	1995	79/2=39,5	38/2=19,0	-2,0	0
	2021	75/2=37,5	38/2=19,0	деконцентрация	стагнация
	Изменения за 2021/1995 годы:				
США	1995	66 %	28 %	32 %	2 %
	2021	71 %	35 %	27 %	2 %
	Изменения за 2021/1995 годы:				
		10 % / 50 %	1 % / 50 %	10 % / 50 %	1 % / 50 %
Уровень неравенства	1995	66/2=33,0	28/2=14,0	+2,5	+3,5
	2021	71/2=35,5	35/2=17,5	концентрация	концентрация
	Изменения за 2021/1995 годы:				
Западная Европа	1995	51 %	20 %	42 %	7 %
	2021	56 %	24 %	38 %	6 %
	Изменения за 2021/1995 годы:				
		10 % / 50 %	1 % / 50 %	10 % / 50 %	1 % / 50 %
Уровень неравенства	1995	51/7=7,3	20/7=2,9	+2,0	+1,1
	2021	56/6=9,3	24/6=4,0	концентрация	концентрация
	Изменения за 2021/1995 годы:				
Латвия	1995	65 %	26 %	32 %	3 %
	2021	60 %	29 %	34 %	6 %
	Изменения за 2021/1995 годы:				
		10 % / 50 %	1 % / 50 %	10 % / 50 %	1 % / 50 %
Уровень неравенства	1995	65/3=21,7	26/3=8,7	-11,7	-3,9
	2021	60/6=10,0	29/6=4,8	деконцентрация	деконцентрация
	Изменения за 2021/1995 годы:				
Украина	1995	55 %	22 %	39 %	6 %
	2021	59 %	28 %	35 %	6 %
	Изменения за 2021/1995 годы:				
		10 % / 50 %	1 % / 50 %	10 % / 50 %	1 % / 50 %
Уровень неравенства	1995	55/6=9,2	22/6=3,7	+0,6	+1,0
	2021	59/6=9,8	28/6=4,7	концентрация	концентрация
	Изменения за 2021/1995 годы:				
Россия	1995	52 %	21 %	40 %	8 %
	2021	74 %	48 %	23 %	3 %
	Изменения за 2021/1995 годы:				
		10 % / 50 %	1 % / 50 %	10 % / 50 %	1 % / 50 %
Уровень неравенства	1995	52/8=6,5	21/8=2,6	+18,2	+13,4
	2021	74/3=24,7	48/3=16,0	концентрация	концентрация
	Изменения за 2021/1995 годы:				

Согласно результатам сравнения имущественного неравенства (Рис. 4), США и Россия схожи в степени концентрации имущества, а Западная Европа отличается его наименьшей концентрацией в ЕАЦ. Латвия и Украина представляют некий промежуточный вариант между США/Россией, с одной стороны, и Западной Европой, с другой. В Западной Европе, Латвии и Украине процесс концентрации имущества был слабым или даже наблюдалась деконцентрация, как в мире в целом (Табл. 2).

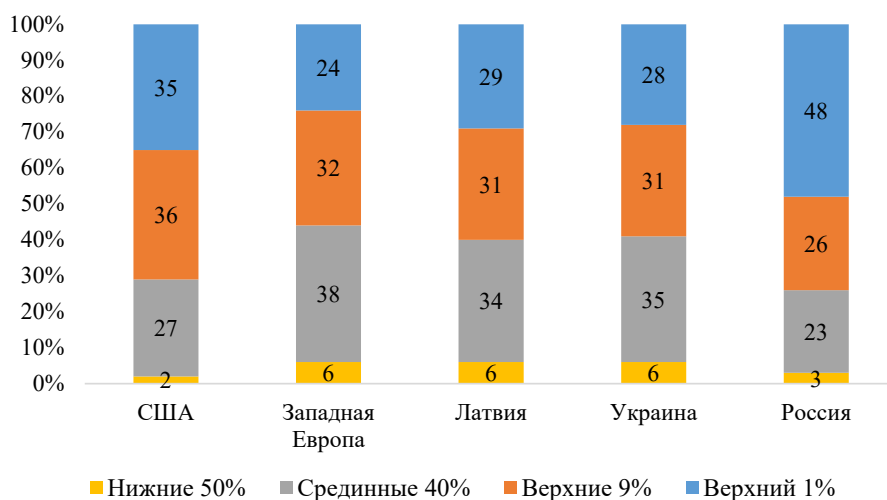

Рис. 4. Имущественное расслоение в ЕАЦ, доля имущества взрослых, %, 2021 год

На Рисунке 5 представлена динамика доли национального имущества в руках 1% самых обеспеченных жителей в пяти частях ЕАЦ на фоне мира в целом.

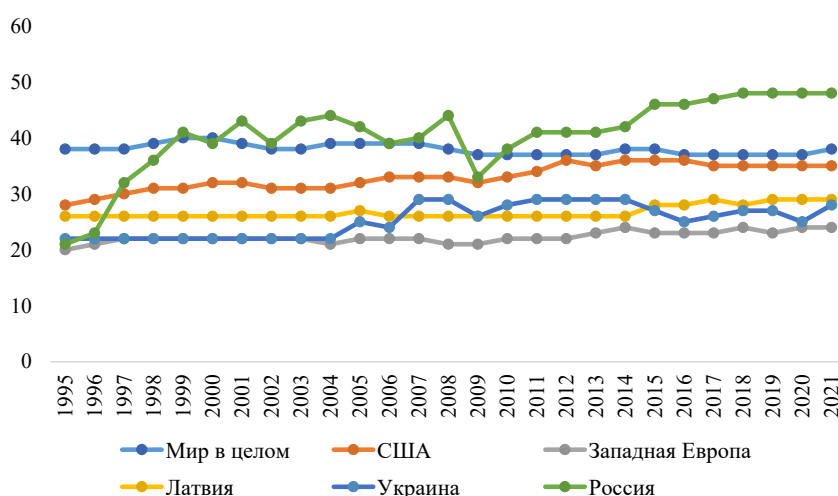

Рис. 5. Динамика доли имущества в руках 1% самых обеспеченных жителей

«Верхушка» (с точки зрения имущественного неравенства) в России сконцентрировала в своих руках практически половину национального имущества, что, по Пикетти, является предвестником социальной революции [34]. Причем удвоение (и даже больше, чем удвоение) доли имущества в руках 1 % самых богатых россиян произошло в течение последних 26 лет. Тем не менее, этот факт гораздо менее отражен в международном научном дискурсе, чем сильное имущественное неравенство в США. За последние 26 лет в руках 1 % самых богатых жителей планеты оказалось сконцентрировано чуть более трети (38 %) всего ее имущества. В России этот показатель поднялся с 21 % в 1995 году до 48 % в 2021 году, превысив среднемировой показатель на 10 %. В остальных анализируемых частях ЕАЦ наблюдается меньшая и достаточно стабильная концентрация имущества в руках 1 % самого богатого населения: от 20–24 % в Западной Европе до 28–29 % в Латвии и Украине (Рис. 4). США не превышает среднемировой уровень концентрации имущества в руках 1 % «верхушки», но показывает тенденцию приближения к нему. Таким образом, по концентрации имущества и «имущественному среднему классу» США более близки к России, чем к странам Западной Европы (Табл. 2 и Рис. 4–5).

За последние десятилетия США и Россия с точки зрения концентрации имущества стали очень похожи и вместе отличаются от Западной Европы, и если «Пикетти говорит, что США подают плохой пример для всего мира в отношении неравенства» [11], то на основании приведенных данных можно утверждать, что Россия подает еще худший пример.

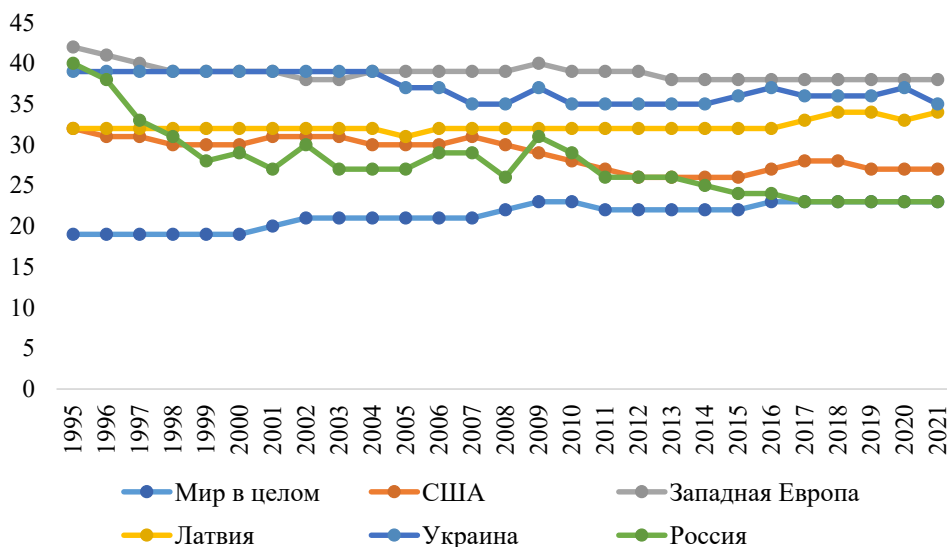

Рис. 6. Динамика «имущественного среднего класса», доля имущества срединных 40 %

Как показывают данные на Рисунке 6, в мире в целом вряд ли можно говорить о существовании «имущественного среднего класса», поскольку в течение последних 26 лет 40 % среднеобеспеченных жителей планеты стабильно владеют лишь пятой частью (от 19 % в 1995 году до 23 % в 2021 году) имущества. В ЕАЦ наиболее устойчивый «имущественный средний класс» сформировался в Западной Европе, где 40 % среднеобеспеченных жителей стабильно владеют 38–42 % национального имущества. Из четырех остальных стран ЕАЦ ближе всего к Западной Европе по «имущественному среднему классу» находились в 1995 году не США, а Украина и Россия, но к 2021 году доля национального имущества в руках 40 % среднеобеспеченных украинцев снизилась до 35 %, а россиян — до 23 %. Таким образом, на данный момент «имущественный средний класс» в России владеет такой же долей национального имущества, как и в среднем в мире. Но главное — не в статическом показателе 2021 года, а в резком падении доли национального имущества в руках российского «имущественного среднего класса»: с 40 % в 1995 году (почти как в Западной Европе) до 23 % в 2021 году (как в мире в целом) [32].

Эти цифры объясняют положение среднего класса в России, фиксируемое социологическими исследованиями: «Хотя средний класс отличается особенностями слоевой идентичности и самооценками своего положения в обществе, его представители оценивают себя как представителей “середины”, а отнюдь не благополучных слоев общества. Это объясняет и консенсусное с другими россиянами мнение среднего класса о том, что неравенства в обществе слишком высоки. Говоря о них, подразумевают не разрыв между своим положением и положением низшего класса, а отрыв немногочисленной верхушки от всех остальных слоев населения, к которым относятся и они сами. Это отражается и в специфике восприятия социальных конфликтов: ключевым россияне считают конфликт бедных и богатых» [28]. Объективная основа для таких представлений и самооценок из пяти частей ЕАЦ имеется только в России — в остальных регионах (особенно в Западной Европе) позиция «имущественного среднего класса» гораздо прочнее, чем в мире в целом.

В Латвии, несмотря на достаточно стабильный «имущественный средний класс», владеющий третью национального имущества (Рис. 6), результаты социологического исследования социальных классов «свидетельствуют о крайней размытости социальной структуры общества, в котором можно встретить огромное разнообразие социальных типов — от малообеспеченных, но при этом высокообразованных групп до относительно обеспеченных, но малограмотных групп, со всем возможным спектром самоидентификации» [26]. В такой ситуации экономическая концепция «имущественного среднего класса» могла бы помочь социологам в стратификационных исследованиях, поскольку имущественный капитал является отдельным и достаточно информативным показателем, характеризующим положение среднего класса.

Главное, что мы увидели по результатам анализа тенденций концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» в различных частях ЕАЦ, — США и Россия схожи элитами, сконцентрировавшими в своих руках огромную долю национального имущества (Рис. 5) и сравнительно слабой позицией «имущественного среднего класса» (Рис. 6) (в России и то, и другое выражено сильнее). Более высокий уровень концентрации имущества в России вполне компенсирует ее почти четырехразовое отставание от США по среднему уровню национального имущества на взрослого [32], т.е. имущественная элита в России скорее всего так же богата, как и имущественная элита в США, но беднейшие россияне в разы беднее беднейших американцев. США и Западная Европа близки лишь по среднему уровню национального имущества на одного взрослого [34], но различаются и по концентрации имущества, и по доле «имущественного среднего класса» (Табл. 2 и Рис. 4–6). В Западной Европе, в отличие от остальных частей ЕАЦ, наиболее силен и устойчив «имущественный средний класс». Вероятно, Пикетти, говоря о нем как самом значительном структурном изменении в распределении богатства в долгосрочной перспективе [36], имел в виду прежде всего Западную Европу.

В целом можно согласиться с Пикетти в том, что «в XXI веке США превращается в “общество рантье” в том смысле, что высокие трудовые доходы могут позволить их обладателям попасть в топ 10 % самого обеспеченного населения страны, но для того, чтобы попасть в верхнюю центиль, мало быть талантливым и успешным в работе, необходимо быть еще и обладателем капитала» [34]. Мы бы добавили сюда Россию, где тенденция превращения в «общество рантье» выражена еще сильнее — тем самым она похожа на США в смысле концентрации значительной доли национального имущества (48 % в России и 35 % в США в 2021 году) в руках 1 % самых богатых жителей страны, а также в руках 10 % самых богатых жителей (74 % в России и 71 % в США). Принимая во внимание разнородность процессов концентрации имущества и формирования «имущественного среднего класса» в анализируемых частях ЕАЦ, а также их культурно-ценностные различия, мы ставим под сомнение существование в XXI веке единой ЕАЦ и видим в ней «исходное ядро» (европейскую цивилизацию) и два «периферийных крыла» (американскую и русскую цивилизации), схожих с точки зрения экономической стратификации, но различных в культурно-ценностном аспекте.

Библиографический список/References

1. Akaliyski P. United in diversity? The convergence of cultural values among EU member states and candidates. *European Journal of Political Research*. 2018; 2.
2. Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Sae E., Zucman G. World Inequality Report 2018. URL: <https://wir2018.wid.world/executive-summary.html>
3. Ankerl G. *Global Communication without Universal Civilization. INU Societal Research*. Vol. 1: Coexisting contemporary civilizations: Arabo-Muslim, Bharati, Chinese, and Western. Geneva; 2000.

4. Bakvis P. The World Bank's fuzzy math on inequality and the future of work. 2018. URL: <https://inequality.org/research/world-banks-fuzzy-math-on-inequality-and-future-of-work>
5. Bova R. *Russia and Western Civilization*. Cultural and Historical Encounters. Routledge; 2003.
6. Bourguignon F. *The Globalization of Inequality*. Princeton University Press; 2015.
7. Business School for the World: *The Global Talent Competitiveness Index 2019: Entrepreneurial Talent and Global Competitiveness*. Lanvin B., Monteiro F. (Eds.). Paris; 2019.
8. Danilevsky N.Y. *Rossiia i Evropa* [Russia and Europe]. 1869/2004. URL: <http://vehi.net/danilevsky/rossiya/index.html>. (In Russ.).
9. Dubina I.N., Carayannis E.G., Campbell D.F.J. The coevolution of labor and creativity: A way from the “old” to the “new” economy. Bast G., Carayannis E., Campbell D. (Eds.) *The Future of Education and Labor. Arts, Research, Innovation and Society*. Cham; 2019.
10. Dugin A. *Osnovy geopolitiki. Geopoliticheskoe budushchee Rossii* [Foundations of Geopolitics. Geopolitical Future of Russia]. Moscow; 1997. (In Russ.).
11. Eshe N. Thomas Piketty says the US is setting a bad example on inequality for the world. 2017. URL: <https://qz.com/1155448/thomas-piketty-says-the-us-is-setting-a-bad-example-on-inequality-for-the-world>.
12. Flaherty T.M., Rogowski R. Rising inequality as a threat to the liberal international order. *International Organization*, 2021; 2.
13. Fujita M., Thisse J. *The Economics of Agglomeration*. Cambridge University Press; 2002.
14. Galle S., Rodriguez-Clare A., Yi M. Slicing the pie: Quantifying the aggregate and distributional effects of trade. 2017. URL: <https://www.nber.org/papers/w23737.pdf>.
15. Haynes J. *A Quarter Century of the “Clash of Civilizations”*. Routledge; 2021.
16. Hofstede G. *Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations across Countries*. Thousand Oaks; 2001.
17. Hofstede G. *Country comparison*. 2022. URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/latvia,russia,the-usa>.
18. Hung H.-F. Recent trends in global economic inequality. *Annual Review of Sociology*. 2021; 1.
19. Huntington S.P. The clash of civilizations? *Foreign Affairs*, 1993; 3.
20. Huntington S.P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World*. New York; 1996.
21. Inozemtsev V.L. *One World Divided. Existing Causes and Possible Results of the Coming Post-Economic Revolution*. London; 2001.
22. Institute for Policy Studies. Billionaire Bonanza: The Forbes 400 and the Rest of Us. 2017. URL: <https://ips-dc.org/wp-content/uploads/2017/11/BILLIONAIRE-BONANZA-2017-FinalV.pdf>.
23. Institute for Policy Studies. Inequality. 2022. URL: <https://inequality.org/about>.
24. Kerimoglu E., Karahasan B. Geography of talent for understanding regional disparities in Spain. *Journal of Urban and Regional Analysis*. 2012; 2.
25. Kim S. Spatial inequality and economic development: Theories, facts and policies. Working Paper No. 16. Washington; 2008.
26. Komarova V., Mietule I., Arbidane I., Tumalavičius V., Kokarevica A. Resources and capital of different social classes in modern Latvia. *Journal of Eastern European and Central Asian Research*. 2022; 3.
27. Leikuma-Rimicane L., Komarova V., Lonska J., Selivanova-Fyodorova N., Ostrovska I. The role of talent in the economic development of countries in the modern world. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*. 2021; 2.
28. Mareeva S.V. Predstavleniya srednego klassa o neravenstvah na fone drugik rossiyan: consensus ili raskol? [Middle-class perceptions of inequality compared to other Russians: Consensus or disagreement?] *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2021; 1. (In Russ.).
29. Mareeva S.V., Slobodenyuk E.D. Neravenstvo v Rossii v mezhdunarodnom kontekste: dokhody, bogatstvo, vozmozhnosti [Inequality in Russia in the international context: Income, wealth, opportunities]. *Vestnik Obshchestvennogo Mneniia. Dannie, Analiz, Diskussii*. 2018; 1–2. (In Russ.).

30. Martin R. The rise (and likely fall) of the talent economy. 2014. URL: <https://hbr.org/2014/10/the-rise-and-likely-fall-of-the-talent-economy>.
31. Novokmet F., Piketty T., Zucman G. *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016*. Cambridge; 2017.
32. Paris School of Economics: World Inequality Database. 2022. URL: <https://wid.world>.
33. Pew Research Center: Eastern and Western Europeans Differ on Importance of Religion, Views of Minorities, and Key Social Issues. 2018. URL: <https://www.pewresearch.org/religion/2018/10/29/eastern-and-western-europeans-differ-on-importance-of-religion-views-of-minorities-and-key-social-issues>.
34. Piketty T. *Capital in the Twenty-First Century*. Harvard University Press; 2014.
35. Piketty T., Zucman G. Capital is back: Wealth-income ratios in rich countries 1700–2010. *Quarterly Journal of Economics*. 2014; 3.
36. Reeskens T. Are Ukrainian values closer to Russia or to Europe? 2022. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/europpblog/2022/03/04/are-ukrainian-values-closer-to-russia-or-to-europe>.
37. Selivanova-Fjodorova N. *Latvijas reģionu ekonomiska diferentsiācija 21* [Economic Differentiation of Latvia's Regions at the Beginning of the 21st Century]. Doctoral Thesis. Daugavpils University; 2020. (In Latv.).
38. Tao Zh., Zhang X., Malone K. Talent capital on economic growth: A tale of a Chinese megalopolis. *International Journal of Applied Economics*. 2017; 2.
39. Tsygankov A.P. *Russia's Foreign Policy. Change and Continuity in National Identity*. Lanham; 2006.
40. World Income Inequality Database. 2022. URL: <https://www.wider.unu.edu/project/world-income-inequality-database-wiid>.
41. World Inequality Report 2022. URL: https://wir2022.wid.world/www-site/uploads/2022/03/0098-21_WIL_RIM_RAPPORT_A4.pdf.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-919-936

Wealth concentration and the 'patrimonial middle class' in the contemporary European-American civilization *

E. Čižo¹, V. Menshikov¹, A. Kokarevica², N. Selivanova-Fyodorova³

¹Daugavpils University,
Vienības St., 13, Daugavpils, LV-5401, Latvia

²Rīga Stradiņš University,
Dzirčiema St., 16, Rīga, LV-1007, Latvia

³RISEBA University of Applied Sciences,
Meza St., 3, Rīga, LV-1048, Latvia

(e-mail: edmunds@chemi-pharm.com; vladimirs.mensikovs@du.lv;
anita.kokarevica@rsu.lv; nse115@inbox.lv)

Abstract. The study aims at the comparative analysis of the trends in wealth concentration and formation of the 'patrimonial middle class' (the term by Piketty) in the countries of the contemporary European-American civilization (EAC). T. Piketty suggests that wealth concentration is increasing

* © E. Čižo, V. Menshikov, A. Kokarevica, N. Selivanova-Fyodorova, 2022

The article was submitted on 04.05.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

again (as in the 18th — 19th centuries), and the formation of the ‘patrimonial middle class’ is the most significant structural change in the long-term wealth distribution. The authors chose five parts of the EAC from West to East: USA, Western Europe, Latvia, Ukraine, and Russia. To measure and compare wealth inequality, the authors used statistical deciles: the top 10 % (including the top 1 %), the middle 40 % and the bottom 50 % of the population. 1995 and 2021 were chosen as time points for the diachronic analysis of the data from the World Inequality Database. The study results show that in different parts of the contemporary EAC, wealth concentration and the formation of the ‘patrimonial middle class’ differ in pace and sometimes in direction: from rapid concentration to deconcentration. Wealth concentration in the hands of the top 1 % of Americans has increased over the past 26 years from 28 % to 35 %, of Russians — from 21 % to 48 %. According to Piketty, such a situation (especially as in Russia) is a harbinger of social revolution. In terms of the wealth concentration level, Latvia and Ukraine represent an intermediate case between Western Europe and the USA/Russia. At the same time, the USA, Western Europe and Russia differ greatly in the cultural-value perspective. The authors question the united EAC in the 21st century and define it as split into an ‘initial core’ (European civilization) and two constantly conflicting ‘peripheries’ (American and Russian civilizations).

Keywords: wealth concentration; ‘patrimonial middle class’; statistical deciles; diachronic analysis; cultural dimensions by Hofstede; European-American civilization (EAC)

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-937-948

Динамика капитализма и возвращение классов*

Р.И. Анисимов

Российский государственный гуманитарный университет,
Миусская пл., 6, Москва, Россия, 125993
(e-mail: ranisimov@list.ru)

Аннотация. Растущее социальное неравенство и сворачивание модели социального государства актуализирует вопрос о возвращении классов на историческую арену. Автор полагает, что современное общество можно охарактеризовать как капиталистическое, сохранившее свой основной структурный элемент — нацеленность на прибыль, но в то же время сменившее вектор извлечения прибыли с внешней экспансии (поиск новых рынков сбыта и центров производства) на внутреннюю интенсивность (автоматизация, усиление эксплуатации, тотальная коммодификация, снятие институциональных барьеров на извлечение прибыли). В настоящий момент капитализм, исчерпав возможности внешней экспансии, переориентировался на перестройку социальной структуры и людей. Это сопровождается сворачиванием модели социального государства и ростом нестабильности трудовых отношений, вследствие чего начинает исчезать средний класс и растет социальное неравенство. Все это актуализирует концепцию классов, разработанную К. Марксом, поскольку многие концепции середины XX века уже не отвечают современным реалиям. В статье осуществлена ревизия марксистской классовой модели, в частности, утверждается, что форма собственности сегодня уже не является значимым дифференцирующим признаком, как не актуально и выделение капиталистов и пролетариев как основных классов современного общества — более релевантны сложившейся реальности классы работодателей и прекариата. Векторы устремлений этих классов принципиально различаются: прекариат стремится сохранить социальные гарантии и трудовые права; работодатели, наоборот, стремясь максимизировать прибыль, инициируя сокращение социальных гарантий и трудовых прав.

Ключевые слова: капитализм; К. Маркс; внешняя экспансия; внутренняя экспансия; демонтаж социального государства; бедность; неравенство; пролетариат; прекариат

Технологические инновации, глобализация, неолиберальная экономическая политика, геополитическое противостояние стран порождают и увеличивают социальную турбулентность. Эти процессы нашли отражение в концепциях, где отличительной характеристикой современного общества выступает нестабильность настоящего и неопределенность будущего — «общество риска» (У. Бек), «текущая современность» (З. Бауман), «обще-

* © Анисимов Р.И., 2022

Статья поступила 03.04.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

ство травмы» (Ж. Тощенко). Главным стержнем этих концепций является констатация коррозии социальной системы, сложившейся к 1960 — 1970-м годам, а также перманентной неустойчивости складывающейся новой системы. Однако ситуация неустойчивости не означает невозможности выявления в ней тенденций, позволяющих конструировать новые концепции, объясняющие логику перемен и адекватно описывающие сущностную трансформацию системы. Мы предполагаем, что история развивается циклично, аналогичные, но не тождественные процессы проходили раньше, что актуализирует концепции, созданные ранее. Они возвращаются к жизни не потому, что так хочется их приверженцам, а потому что реальность становится похожей на ту, в которой они были созданы. Складывающаяся сегодня реальность похожа на предыдущие периоды истории, но не является их точной копией, а имеет свою неповторимость и отличия, поэтому для адекватного понимания происходящих процессов необходимо провести ревизию концепций, созданных ранее, для учета этих новаций. Теория должна соответствовать реальности — необходимо осуществлять ее ремонт, оставляя то, что «работает», и убирая не соответствующие действительности положения.

Цель статьи — ревизия марксистской классовой модели: она вновь актуализируется, но на историческую сцену, наряду со старыми, выходят новые общественные классы, имеющие свои отличительные характеристики. Для достижения этой цели необходимо, во-первых, обосновать, что, несмотря на существенные различия с момента возникновения классовой теории, современная система остается капитализмом; во-вторых, обрисовать динамику развития капитализма; в-третьих, обозначить оставшиеся актуальными положения марксистской классовой концепции с учетом трансформации капиталистической системы и исключить устаревшие положения данной теории.

Капитализм — современная система

Современная система — это капитализм согласно определению И. Валлерстайна, поскольку она «ставит во главу угла бесконечное накопление капитала... Люди или фирмы накапливают капитал для того, чтобы накопить еще больше, а это процесс непрерывный и бесконечный» [3. С. 100]. В этом определении можно выделить три ключевых аспекта: 1) рентабельность (прибыльность) предприятия или организации является необходимым условием его деятельности; 2) прибыль не тратится на личное или общественное потребление, а возвращается в цепочку производства и/или товарообмена, чтобы увеличить прибыль (мобильность — основное свойство капитала, если ресурсы лежат «мертвым грузом», не пускаются в обращение, то не являются капиталом); 3) непрерывный экспансионизм системы заключается в том, что капитал, подобно царю Мидасу, вследствие своей мобильности распространяется повсеместно и трансформирует объ-

екты своей экспансии (люди, вещи, идеи) в товар, т.е. они обретают товарную стоимость и выходят на рынок. Экспансия осуществляется капиталистической системой для увеличения прибыльности, что является основным условием капитализма. Прибыль необходимо получать систематически, иначе система прекратит свое существование. Метафорически эту систему можно представить в виде человека, едущего на велосипеде: пока он крутит педали, велосипед движется и сохраняется равновесие, но стоит остановиться, и велосипед теряет устойчивость и падает. Работоспособность капиталистической системы обуславливается режимом социальных санкций к тем, кто нарушает ее ключевые требования: «Структура выстроена так, что люди с иной мотивировкой будут каким-то образом наказаны и удалены с социальной арены, а те, кто движется согласно системному курсу, будут вознаграждены» [3. С. 100].

Экспансионизм бывает внешним и внутренним. Внешний экспансионизм заключается в распространении капиталистических отношений «вширь» — все больше стран и обществ включаются в глобальную капиталистическую экономику, открываются все новые рынки сбыта и производства. Внутренний экспансионизм состоит в увеличении прибыльности путем усиления эксплуатации имеющихся ресурсов, внедрения инноваций, оптимизации рабочей силы, что позволяет снижать себестоимость производимых товаров и услуг, не снижая, а, возможно, даже увеличивая норму прибыли. Внешний и внутренний экспансионизм могут быть синхронными (развитие капитализма в XIX веке) или асинхронными (внешняя экспансия середины XX века не сопровождалась внутренней и даже способствовала «смягчению» капитализма в странах ядра системы).

Предложенное определение современной системы, во-первых, эвристично, т.е. позволяет полно и без внутренних противоречий описать окружающую нас действительность; во-вторых, преодолевает устаревшее определение капитализма как системы, основанной на частной собственности; в-третьих, отменяет многочисленные споры о «правильном» и «неправильном» капитализме, которые в основном сводятся к вопросу об источниках ресурсов деятельности предприятий. По большому счету не имеет значения, как и где берутся эти ресурсы — получают их в ходе рыночной конкуренции и/или нерыночной дистрибуции государством материальных и нематериальных благ. Главное для капитализма — систематически получать прибыль для превращения ее в капитал, а способы получения не имеют значения. Не существует «плохого» и «хорошего» капитализма, он везде один, а оценки способов получения капитала в разных странах скорее отражают положение страны в современном миропорядке, чем дают содержательные характеристики системы.

Таким образом, если современная система остается капиталистической, то следующим вопросом является актуальность марксистской концепции ка-

питализма — анализа социальной структуры общества в капиталистической формации. Применима ли классовая теория, созданная на основе анализа капитализма XIX века, к анализу общества XXI века, если сущность системы осталась прежней?

Классовая теория К. Маркса и динамика капитализма XX в.

История распространения и забвения классовой концепции Маркса тесно связана с общей динамикой капитализма. Концепция классов Маркса оформилась в период огромного социального неравенства: поляризация доходов порождала разный образ и стиль жизни населения, и различий между классами было больше, чем сходств. В целом проблема социально-экономического неравенства была основной темой марксистской теории классов. Конечно, социальное неравенство — суть любых стратификационных концепций, но только марксистская теория устанавливает конкретную связь между общественными классами. «Утверждение, что интересы капитала и интересы рабочих одни и те же, на деле означает лишь следующее: капитал и наемный труд — это две стороны одного и того же отношения. Одна сторона обуславливает другую, как взаимно обуславливают друг друга ростовщик и мот» [6. С. 66–67].

Богатство одних является причиной бедности других. Эта связь служит источником межклассового конфликта, порождает различие между классами, и ликвидация этой связи, по Марксу, возможна только посредством ликвидации эксплуататорского класса — буржуазии, т.е. общемировой пролетарской революции. Это предположение не оправдалось, так как капиталистическая система смогла путем перераспределения доходов сгладить классовое неравенство. Также Маркс предполагал, что буржуазия для удешевления стоимости продукции будет внедрять технологические инновации, позволяющие сокращать количество рабочей силы, занятой на производстве. Это приведет к росту безработицы, она удешевит стоимость рабочей силы (на нее будет давить увеличение предложения на рынке труда), что спровоцирует падение спроса на товары, а это, в свою очередь, обусловит кризис перепроизводства и коллапс всей системы. Этот сценарий тоже не сбылся, потому что безработные нашли работу в третичном секторе экономики — сфере услуг [4. С. 63]. Перераспределение занятости большинства населения в сферу услуг при одновременном внедрении технологических инноваций создало в середине XX века в развитых странах уникальную ситуацию — рост производительности труда не сопровождался ростом безработицы, а государство, расширяя свое присутствие в экономике, сглаживало возникающие проблемы.

Капиталистическая система в странах ядра институционально ограничивалась трудовым и социальным законодательством. Эти ограничения не подрывали основы системы, так как происходила внешняя экспансия ка-

питализма. Общество с разрушенным после двух мировых войн хозяйством активно отстраивалось, рынки насыщались товарами массового спроса, поднимались стандарты жизни, открывались новые производства и рынки сбыта. Экономический рост покрывал издержки на социальные расходы, что мирно капитал с ограничениями. Наступил «золотой век наемного труда». Так, в 1970-е годы социальные расходы стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) достигли почти 25 % ВВП. Между 1940 и 1975 годами доля социальных услуг в ВВП удвоилась в Германии (ФРГ), утроилась в Великобритании, выросла в 4 раза в Нидерландах и в 5 раз в Дании (с 4,8 % до 24 % [5. С. 444–447]).

Расширение социальных гарантий со стороны государства вело к увеличению числа государственных служащих: «В Западной Европе за период с 1950 по 1980 годы их доля в общей численности занятых выросла с 11 % до 23 %, а в США за тот же период — с 9,7 % до 15,2 %. В 1982 году наиболее высоким этот показатель был в таких западных странах, как Швеция и Норвегия (по 32 %), за ними следовала Великобритания (22 %), в то время как Франция и США с их 17 % находились в конце списка» [5. С. 443]. Вероятно, впервые в мировой истории в развитых капиталистических странах пирамидальная структура социальной стратификации сменилась на ромбовидную, где большинство населения уже не относилось к бедным. В это время в социальных науках распространяются концепции массового общества, «общества двух третей», государства всеобщего благосостояния, общества потребления и т.д., констатирующие стирание объективных классовых границ, распространение унифицированных условий жизни и практик потребления. Интерес социологов сместился с анализа объективных различий к субъективным идентификациям как основе различий — получают распространение разные инварианты понимающей социологии (социальная феноменология, этнометодология и др.) с их интересом к проблемам идентичности и повседневности. Распространение этих концепций было достаточно логичным: если большинство живет в одинаковых и относительно неплохих жизненных условиях, то различия необходимо искать в их сознании.

Соответственно, начинается «забвение» классовой теории: даже ученые, придерживающиеся марксистской парадигмы (например, представители Франкфуртской школы), сосредоточились на проблемах культуры, буржуазного сознания, инструментального разума, «заново открывая раннего Маркса», оперирующего в экономико-философских рукописях 1844 года понятием отчуждения, которое тесно связано с его критикой индивидуалистического сознания.

Казалось бы, нет ни классов, ни классового сознания, в обществе достигнут консенсус, удалось сгладить противоречия между трудом и капиталом, но эта ситуация длилась лишь двадцать с небольшим лет, а затем маятник истории качнулся назад, поскольку система по своей

сути оставалась капиталистической, и требование систематически извлекаемой прибыли как ее основного принципа осталось, однако внешняя экспансия капитализма завершилась и начался переход к внутренней экспансии, связанной прежде всего со снятием институциональных ограничений, накладываемых государством и общественными организациями на систематически извлекаемую прибыль. Это снятие выразилось в сворачивании с 1970-х годов модели социального государства, созданной в середине XX века: «Для сокращения государственных пособий и услуг применялось множество самых разнообразных методов. Например, практиковалось установление произвольного потолка расходов, что приводило к снижению качества услуг и заставляло их искать в другом месте. С целью сокращения числа получателей государственных расходов были введены предварительные проверки наличия средств к существованию людей, претендующих на их получение, Прямые трансфертные выплаты заменялись налоговыми льготами, от чего зачастую выигрывал средний класс за счет малоимущих семей. Была расширена налоговая база, так что социальные выплаты стали считаться доходом. Сокращались программы предоставления бесплатного жилья, образования и медицинского обслуживания. Вносились различные изменения в правила допуска к получению пособий (например, такие как повышение возраста выхода на пенсию или ужесточение критериев, дающих право на получение медицинской помощи). Услуги, прежде предоставляющиеся бесплатно, становились платными. Наконец, субсидии на все, от услуг сферы культуры (высшее образование, музеи, библиотеки, театр, архитектура, музыка) до жилья, общественного транспорта и хлеба, там, где они были, либо отменялись, либо сокращались... Менялось и качество остававшихся бесплатными услуг. Для этого использовались такие методы, как постоянная инфляция; удлинение очереди ожидания “бесплатных операций”, преднамеренное или невольное запугивание бюрократическими проволочками» [5. С. 448–449].

Сворачивание модели социального государства ожидаемо привело к росту бедности и неравенства: «Почти во всех странах мира быстрыми темпами возрастает неравенство, а это означает, что богатые, и в первую очередь очень богатые, становятся еще богаче, в то время как бедные, и в первую очередь очень бедные, становятся еще беднее» [2. С. 19]. Причем бедность и неравенство растет в богатейших странах мира: «В Канаде, имеющей одну из самых богатых и разветвленных систем социального обеспечения, уровень бедности, постоянно снижающийся с середины 1960-х годов, вновь начал расти, так что к 1985 году каждый пятый ребенок жил в бедности. В Великобритании число бедных... выросло с 5 млн. человек в 1979 году до 12 млн в 1993 году, а доля ВВП, потребляемая 10 % населения с наименьшими доходами, сократилась с 4 % до 2,1 %. В период с 1977 по 1990 годы в США доля беднейших

20 % населения в национальном доходе сократилась на 5 %, а наиболее богатые 20 % населения стали на 9 % богаче» [5. С. 448–449].

Внутренняя экспансия капитализма связана с трансформацией сложившихся социальных структур и самого человека и проходит по следующим направлениям: первое — усиление эксплуатации имеющихся трудовых ресурсов, коррозия стандартных трудовых отношений; второе — замена новыми технологиями человеческого труда, в основном под эту замену попадают, в отличие от ситуации XIX века, «белые воротнички» — представители среднего класса, т.е. большинство населения развитых стран [4. С. 63]. На основе этих тенденций возникают концепции о будущем без труда (post-work) [11] и рентном обществе [10], распространяются идеи о безусловном базовом доходе [14]. Третье направление — дальнейшая коммодификация человеческих отношений: все получает товарную стоимость — досуг, труд по уходу за детьми и своим телом, образование, семейные обязанности, эмоции. Все то, что раньше ничего не стоило, обретает цену, выходит на рынок и встраивается в цепочку рыночных обменов. Человек сам к себе начинает относиться как к капиталовложению и инвестирует в себя, в чем ему помогают коммерческие организации спорта, образования и досуга.

Внутренняя экспансия капитализма свидетельствует о том, что он возвращается к институционально неограниченной эксплуатации трудовых ресурсов, и общая картина мира приближается к обществу, литературно описанному Ч. Диккенсом, а научно — К. Марксом и Ф. Энгельсом. Капитализм возвращается к тому, с чего начал: сворачивание социального государства и связанный с этим рост социального неравенства свидетельствует о возврате от эгалитарного общества к классовому, так как первым начинает исчезать средний класс — он поляризуется на тех, кто адаптировался к новым условиям, и всех остальных. Вследствие исчезновения среднего класса вновь становится актуальной классовая теория Маркса, но она требует ревизии в связи с новыми общественными условиями — наша современность аналогична, но не тождественна XIX веку.

Ревизия классовой теории

На данном этапе развития капитализма не имеет значение форма собственности — капиталистическими могут быть и государственные предприятия, и ключевым фактором классовой дифференциации выступает место человека в трудовых отношениях, которое подразделяет людей на рынке труда на тех, кто нанимает (работодатели), и тех, кого нанимают (наемные работники). В настоящее время к классическим «капиталистам» — владельцам частных предприятий — присоединился наемный топ-менеджмент и руководители государственных организаций. Все они составляют категорию «работодатель» и действуют сугубо в капиталистической логике. Внутренняя экспансия капитализма стремится так перестроить социальные

институты, чтобы они были похожи на коммерческую фирму, и государство не исключение — как другие частные собственники, оно стремится к рентабельности (эффективности) своих социальных институтов, поэтому госслужащие выступают такими же «капиталистами» для своих работников, как и частники.

Изменились и пролетарии, единственным источником материальных ресурсов которых выступает заработная плата: сегодня это не рабочие заводов и фабрик. Маркс, создавая свою концепцию, конечно, дифференцировал общество по социально-экономическому параметру наличия/отсутствия частной собственности, но в XIX веке этот параметр фактически совпадал с социально-профессиональной дифференциацией. Большинство наемных работников были рабочими, а большинство капиталистов — владельцами заводов и фабрик. «Под буржуазией понимается класс современных капиталистов, собственников средств производства, применяющих наемный труд. Под пролетариатом понимается класс современных наемных рабочих, которые, будучи лишены своих собственных средств производства, вынуждены для того, чтобы жить, продавать свою рабочую силу» [6. С. 8–9]. «Пролетариат — класс современных рабочих, которые только тогда и могут существовать, когда находят работу» [6. С. 15]. Развитие обществ в XX веке показало, что понятия «пролетариат» и «рабочие» не тождественны: большинство наемных работников развитых стран занято в третичном секторе, не являются рабочими фабрик и заводов. В современном мире поменялись основные субъекты капиталистических отношений — это не «капиталист — рабочий», а «работодатель — наемный работник».

Кроме того, в современных трудовых отношениях мы наблюдаем не становление трудового законодательства, ограничивающего произвол работодателя, а его разрушение. Пролетарий — это тот, кто не имел прав, он их завоевывал, а современный наемный работник права имеет, но теряет, поэтому правильнее говорить не о пролетариате, а о прекариате — классе наемных работников с неустойчивыми, нестабильными трудовыми отношениями [9. С. 19]. Если пролетарий был в начале пути борьбы за свои права, то прекарий — в начале пути утраты своих прав.

Конечно, не все неустойчиво занятые наемные работники относятся к прекариату, например, некоторым высокообразованным профессионалам (фрилансерам) неустойчивая занятость приносит относительные выгоды [7]. Прекариат — это «формирующийся класс, который, с одной стороны, олицетворяет социальные слои, обладающие профессиональными знаниями, квалификацией, опытом и стремящиеся построить рациональные взаимосвязи с обществом и государством, а с другой — это быстро растущий слой работников нестабильного социального положения с неопределенной, флексибильной (гибкой) степенью занятости, с неустойчивыми формами распределения

прибавочного продукта и произвольной оплатой труда. Они полностью или частично лишены доступа к социально-правовым гарантиям и к средствам социальной защиты и, как следствие, не видят удовлетворяющей их перспективы своей гражданской (публичной) и личной (приватной) жизни» [8. С. 60]. Ключевым моментом здесь является не просто неустойчивая занятость, но и ущемленное социально-правовое положение, которое и отличает прекариат от пролетариата.

Большинство исследований, посвященных сравнению прекариата и пролетариата, отмечают, что оба класса являются эксплуатируемыми, причем ряд исследователей полагает, что принципиальных отличий между классами не существует, и прекариат — это сильнее эксплуатируемый пролетариат [12; 13; 15]. Этот подход представляется неверным, потому что нестабильность трудовых отношений, точнее наличие/отсутствие контроля над трудовыми отношениями, — новый принцип классовобразования, не вписывающийся в те отношения эксплуатации, с помощью которых анализируется положение пролетариата. Прекариат не только сильнее эксплуатируется, но и подвергается социальной эксклюзии и ограничению тех трудовых прав, которые имеются у пролетариата. Прекариат существует наряду с пролетариатом, и складывающаяся классовая структура современного общества более сложна, чем дихотомическое деление на классы буржуазии и пролетариата [1].

Таким образом, тенденции, наблюдаемые сегодня в мире, актуализируют классовую теорию Маркса, но, в отличие от XIX века, нынешняя дифференциация общества наряду с традиционными классовыми критериями (эксплуатация, уровень власти) проходит на основе наличия/отсутствия контроля над трудовыми отношениями, что, в свою очередь, определяет степень стабильности/нестабильности социальных классов. На общественную сцену выходят два новых класса — работодатели и прекарии (наемные работники с неустойчивыми трудовыми отношениями, влекущими ограничения их социально-трудовых прав и гарантий, что усугубляет нестабильность положения человека не только в труде, но и во всей жизни).

Работодатели и прекарии выступают как классы, а не как социально-экономические группы, потому что между различными социально-профессиональными группами больше общего, чем различного. Например, на первый взгляд между профессором и продавцом нет ничего общего, но они оба не уверены в своем будущем, осознают ухудшение своего положения, администрация без особых усилий нарушает их трудовые права, оба вынуждены проявлять лояльность руководству из-за страха потерять работу, у обоих практически отсутствует подушка безопасности. Их отличает только характер труда. Условия жизни и труда у профессора лучше, чем у продавца, но это различие не радикально — они объективно находятся в одной и той же ситуации роста нестабильности в труде и жизни, и их со-

циально-профессиональные, гражданские, культурные и этнические различия второстепенны.

То же самое можно сказать и о классе работодателей: разница в стиле, языке, уровне дохода между директорами частных компаний и руководителями государственных организаций минимальны. Их трудовая деятельность и образ жизни, за редким исключением, практически идентичны, как и цели деятельности: у менеджеров частных компаний это рентабельность, у госслужащих — эффективность, и то, и другое измеряются в количественных показателях.

Пока у класса прекариев не оформились осознание своего положения и общая идентичность, т.е. пока это «класс-в-себе». Но так было и с пролетариатом: немецкий рабочий не ощущал солидарности не только с французским рабочим, но и с представителем другой профессии. Каменщик не полагал, что является таким же рабочим, как плотник, но это не означает, что объективно не существовало рабочего класса. Таким же образом дело обстоит и с прекариатом. Если тенденции внутренней экспансии капитализма не будут переломлены, то можно предположить рост классового сознания и усиление классовой борьбы, а какие конкретные формы примет эта борьба и во что в итоге трансформируется складывающаяся реальность, покажет время.

Информация о финансировании

Статья выполнена при поддержке РФФ. Проект № 18-18-00024.

Библиографический список

1. *Анисимов Р.И.* Прекариат как новый социальный класс в контексте марксистской теории // Социологический журнал. 2021. Т. 27. № 1.
2. *Бауман З.* Идет ли богатство немногих на пользу всех прочих? М., 2015.
3. *Валлерстайн И.* Миросистемный анализ: Введение. М., 2018.
4. *Коллинз Р.* Средний класс без работы: выходы закрываются // Есть ли будущее у капитализма? М., 2015.
5. *Кревельд М. ван.* Расцвет и упадок государства. М., 2006.
6. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения. В 2 тт. Т. 1. М., 1955.
7. *Попов А.В., Соловьева Т.С.* Прекаризация занятости: анализ научного дискурса о сущности и векторах измерения // Социологические исследования. 2020. № 9.
8. Прекариат: становление нового класса / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2020.
9. *Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М., 2014.
10. *Фишман Л.Г., Мартыянов В.С., Давыдов Д.А.* Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии. М., 2019.
11. *Hines A.* Getting ready for a postwork future // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, No. 1.
12. *Jørgensen M.* Precariat — what it is and is not — towards an understanding of what it does // Critical Sociology. 2016. Vol. 42. No. 7–8.
13. *Neilson B., Rossiter N.* Precarity as a political concept or Fordism as exception // Theory, Culture & Society. 2008. Vol. 25. No. 7–8.
14. *Standing G.* Basic Income, and How We Can Make It Happen. L., 2017.
15. *Wright E.O.* Is the precariat a class? // Global Labour Journal. 2016. Vol. 7. No. 2.

The dynamics of capitalism and the return of classes*

R.I. Anisimov

Russian State University for Humanities,
Miuskaya Sq., 6, Moscow, 125993, Russia
(e-mail: ranisimov@list.ru)

Abstract. The growing social inequality and the abandonment of the welfare-state model raise the question of the return of classes to the historical arena. The author argues that the contemporary society can be characterized as capitalist due to its main structural element — a pattern of striving for profit; at the same time, the contemporary capitalist society has changed the vector of making profit from external expansion (search for new markets and centers of production) to internal intensity (automatization, increased exploitation, total commodification, removal of institutional barriers to profit). Today, capitalism has exhausted the possibilities of external expansion and is changing its strategy to the restructuring of social systems and its actors, which is accompanied by the abandonment of the welfare-state model and by the growing instability in labor relations. This leads to the situation in which middle classes disappear and social inequality grows. The concept of classes developed by K. Marx has regained its importance, since the theories created in the middle of the 20th century no longer correspond to the contemporary realities. The article revises the Marxist class model, in particular the author argues that the type of ownership is no longer a key differentiating criterion, and capitalists and proletarians are no longer the main classes of the contemporary society. The classes of employers and precariat are more relevant for describing the contemporary society. The ideas of these two classes also differ: the precariat strives to preserve social guarantees and labor rights; while employers, on the contrary, strive to maximize profits by reducing social guarantees and violating labor rights.

Keywords: capitalism; K. Marx; external expansion; internal expansion of capitalism; abandonment of welfare state; poverty; inequality; proletariat; precariat

Funding

The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 18-18-00024.

References

1. Anisimov R.I. Precariat kak novy sotsialny klass v kontekste marksistskoj teorii [Precariat as a new social class in the context of the Marxist theory]. *Sotsiologichesky Zhurnal*. 2021; 27 (1). (In Russ.).
2. Bauman Z. *Idet li bogatstvo nemnogih na polzu vseh prochih?* [Does the Richness of the Few Benefit Us All?]. Moscow; 2015. (In Russ.).
3. Wallerstein I. *Mirosistemny analiz: Vvedenie* [World-System Analysis: An Introduction]. Moscow; 2017. (In Russ.).
4. Collins R. *Sredny klass bez raboty: vykhody zakryvayutsya* [Middle class without work: Exits close]. *Est li budushchee u kapitalizma?* Moscow; 2015. (In Russ.).
5. Creveld M. van. *Rastsvet i upadok gosudarstva* [The Rise and Decline of the State]. Moscow; 2006. (In Russ.).

* © R.I. Anisimov, 2022

The article was submitted on 03.04.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

6. Marx K., Engels F. *Izbrannye proizvedeniya. V 2 tt. T.1* [Selected Works in 2 vols. Vol. 2]. Moscow; 1955. (In Russ.).
7. Popov A., Solovieva T. Precarizatsiya zanyatosti: analiz nauchnogo diskursa o sushchnosti i vektorah izmereniya [Precarization of employment: Analysis of the academic discourse on the essence and ways of its measurement]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia*. 2020; 9. (In Russ.).
8. Toshchenko Zh. (Ed.). *Precariat: stanovlenie novogo klassa* [Precariat: Emergence of a New Class]. Moscow; 2020. (In Russ.).
9. Standing G. *Precariat: novy opasny klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow; 2014. (In Russ.).
10. Fishman L.G., Martiyanov V.S., Davydov D.A. *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Labor, Capital and Democracy]. Moscow; 2019. (In Russ.).
11. Hines A. Getting ready for a postwork future. *Foresight and STI Governance*. 2019; 13 (1).
12. Jørgensen M. Precariat — what it is and is not — towards an understanding of what it does. *Critical Sociology*. 2016; 42 (7–8).
13. Neilson B., Rossiter N. Precarity as a political concept or Fordism as exception. *Theory, Culture & Society*. 2008; 25 (7–8).
14. Standing G. *Basic Income, and How We Can Make It Happen*. London; 2017.
15. Wright E.O. Is the precariat a class? *Global Labor Journal*. 2016; 7 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-949-962

Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения*

В.А. Карташкин

Институт государства и права РАН,
ул. Знаменка, 10, Москва, Россия, 119019
(e-mail: v.kartashkin@mail.ru; eg.bykov@inbox.ru)

Аннотация. Статья посвящена цифровым правам человека, представляющим собой относительно новый социально-правовой феномен, который все чаще фигурирует в научном дискурсе как объект острых дискуссий. Среди ученых, занимающихся этой проблематикой, существует точка зрения, что цифровые права обладают специфическими детерминантами, придающими им характер *sui generis* (единственных в своем роде), что позволяет отнести их к новому — четвертому — поколению прав человека. Рассматривая цифровые права в контексте международно-правового и социального измерений, автор уточняет их сущность и природу, рассматривая ряд дефиниций в публикациях российских и зарубежных исследователей. Учитывая, что среди представителей научного и экспертного сообществ отсутствует единая и консолидированная точка зрения на данную проблему, автор приходит к выводу, что более корректно называть такие права информационно-цифровыми, поскольку они неразрывно связаны с информацией, являющейся конструктом реальности (в том числе виртуальной реальности) и выступающей в качестве одной из социальных ценностей. Социальное измерение цифровых прав наглядно проявляется в том беспрецедентном воздействии, которое оказывает цифровизация социальных отношений, проникающая во все сферы жизнедеятельности современного социума, порождающая различные этические и правовые проблемы и являющаяся объектом некоторых философских концепций, например, трансгуманизма. В частности, трансгуманизм, базовые постулаты которого взяли на вооружение некоторые лидеры развитых стран, несет в себе угрозы и вызовы для традиционных прав человека, поскольку нацелен на трансформацию человеческой природы. Международно-правовое измерение цифровых прав находит выражение в той символической связи, которая существует между «традиционными» и цифровыми правами. При трактовке рассматриваемых прав как информационно-цифровых не существует никаких различий между указанными ранее видами прав, поскольку они представляют собой органическое целое. Цифровые права — это новая разновидность «традиционных» информационных прав, обеспечение и защита которых в достаточной степени регламентированы (урегулированы) положениями и нормами соответствующих статей так называемого Билля о правах, включающего в себя Всеобщую декларацию прав человека (1948) и Международные пакты о правах человека (1966). Безусловно, когда будут появляться новые виды цифровых прав, то целесообразно предусмотреть разработку и принятие дополнительных протоколов к международным пактам. Однако уже сейчас надо серьезно думать о механизме контроля реализации цифровых прав, в частности в структуре ООН должны быть созданы профильные комитеты (из юристов и специалистов в области

* © Карташкин В.А., 2022

Статья поступила 05.06.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

цифровых технологий). Автор предлагает разработать в рамках ООН Международный информационно-цифровой кодекс прав, призванный обеспечить всестороннее и комплексное регулирование цифровых прав и свобод человека.

Ключевые слова: социальное измерение; международно-правовое измерение; информатизация; информационные права; цифровизация социальных отношений; трансгуманизм; цифровые права

Цифровизация, являясь закономерным продуктом цифровой революции, стремительно распространяется в современном мире и объективно оказывает колоссальное воздействие практически на все сферы жизнедеятельности человека, общества и государства, в той или иной степени трансформируя всю совокупность социальных отношений, по сути, «погружая» последние в виртуальную реальность. Современный социум развивается, объективно подчиняясь новой цифровой парадигме. Наблюдается тотальная цифровизация общества [7] и общественных отношений [31]. В научный дискурс прочно вошли термины, непосредственно связанные с «цифрой»: «цифровая реальность» [29]; «цифровая среда» [22]; «цифровая социология» [43], «цифровой ученый» [44] и др. Индивидов, появившихся на свет после цифровой революции и получающих информацию главным образом при помощи цифровых каналов, стали именовать «цифровыми людьми». Важно констатировать как объективную данность, что индивид и общество сейчас живут в условиях «цифровой трансформации» [20], в эпоху «цифровых технологий» [11], в «цифровом веке» [34] и «цифровой эпохе» [35; 40; 48; 49].

Под сильнейшим воздействием цифровизации происходят фундаментальные изменения в жизни практически каждого индивида и общества в целом. Цифровизация трансформировалась в серьезный фактор, определяющий, каким образом люди работают, развлекаются, проводят свой досуг и участвуют в политической жизни. Цифровые платформы стали так же важны, как и традиционные институты, в том, как люди организуют свою профессиональную и социальную жизнь. Более того, цифровые платформы (при помощи мобильных приложений) внесли радикальные новшества, которые значительно изменили, например, традиционные способы участия в публичных дебатах, а также в мобилизации политических действий в развитых индустриальных обществах и развивающихся странах [51. С. 5].

Не обошла стороной цифровизация и такой важнейший социально-правовой институт, как права человека. В научной среде сложилась точка зрения, согласно которой инновационные технологии в области информатизации и цифровизации настоятельно диктуют императив реинтерпретации традиционных прав человека и обуславливают появление их новых категорий, так называемых «цифровых прав» [48. Р. 226; 49]. Цифровые права человека в последнее десятилетие привлекают внимание российских и зарубеж-

ных ученых и экспертов, которые подвергают анализу различные проблемы, порождаемые процессом цифровизации [7; 31; 41; 52; 55 и др.] и оказывающие существенное влияние на обеспечение прав человека в цифровой среде [3–6; 11; 17; 20; 22; 26; 29; 32; 33; 40; 42; 44–55 и др.].

В то же время проблемы возникают даже с названием новых прав: в российской литературе их, как правило, называют «информационными», «цифровыми», «виртуальными», в англоязычной пишут о цифровых правах (digital rights), интернет-правах (Internet rights), праве на коммуникацию (right to communicate), свободе соединения с любым лицом в любое время, в любом месте и для любых целей (freedom to connect — to anyone, anytime, anywhere, for anything). Порою данные термины применяются в качестве синонимов, в ряде случаев делается акцент на определенных особенностях обозначаемых ими прав [6. С. 12]. В российской научной литературе юридического характера нередко наблюдается «разноголосица» даже в названии цифровых прав. Так, например, М.С. Бурьянов применяет термин «глобальные цифровые права» [3–5], стремясь подчеркнуть естественный характер и планетарную масштабность нового вида прав.

Учитывая, что среди представителей научного и экспертного сообществ отсутствует единая и консолидированная точка зрения на проблему, более корректно называть новые права информационно-цифровыми, поскольку они априори неразрывно связаны с информацией, являющейся, в свою очередь, конструктом реальности и одной из социальных ценностей (например, тот же цифровой код представляет собой информацию), т.е. цифровое общество выступает в качестве «особой стадии информационного общества» [15. С. 120].

В научной литературе существуют разные точки зрения на сущность и природу цифровых прав. Часть исследователей отождествляет их с «традиционными» («обычными») правами, перенесенными в цифровую сферу. Так, цифровые права представляют собой не что иное, как обычные и общие гражданские права, но они выражены и переведены в плоскость цифровой сферы: «гражданские права являются универсальными и поэтому должны быть действительны в Интернете» [33. С. 47]; «на сегодняшний день цифровые права — это права человека и юридические права, которые позволяют отдельным лицам получать доступ, использовать, создавать и публиковать цифровые носители или получать доступ и использовать компьютеры, другие электронные устройства и телекоммуникационные сети» [33. С. 49].

В зарубежной научной литературе доминирует утверждение, что цифровые права обладают специфическими детерминантами, придающими им характер *sui generis*, что позволяет отнести их к новому — четвертому — поколению прав человека [48. С. 226]. Вопрос о том, можно ли причислять цифровые права к новому поколению прав человека, вызывает интерес как российских, так и зарубежных авторов [6; 11; 40; 48; 49 и др.].

В научно-экспертном сообществе выдвигаются радикальные и далеко не бесспорные идеи о том, что в условиях шестого экономического уклада под воздействием искусственного интеллекта (далее — ИИ) и робототехники происходит кардинальная смена всего устоявшегося миропорядка: меняется экономика, политика, право, идеология, общественные отношения, ценности и даже сама личность человека [21. С. 135]. Безусловно, под сильным воздействием цифровизации вполне может поменяться личность, но не сущность человека. И данное обстоятельство выступает серьезным аргументом в пользу тезиса, что цифровые права (в нынешнем своем виде) не могут претендовать на права нового поколения: «С одной стороны, процесс цифровизации политики, экономики, культуры не формирует целого каталога принципиально новых прав человека. С другой стороны, рассуждая о поколениях прав человека, следует отметить, что цифровые права требуют принципиально новых способов их признания и регулирования, соблюдения, обеспечения и защиты» [11. С. 26].

В современном международном праве принято различать три поколения прав человека, поскольку принципы и нормы, относящиеся к правам человека, складывались как во внутригосударственном, так и в международном праве на протяжении длительного времени. В зависимости от хронологии провозглашения различных прав и свобод человека многие ученые делят их на три поколения. К первому поколению относят гражданские и политические права, которые называют «негативными» — для их имплементации государство не должно предпринимать каких-либо конкретных действий, а должно лишь не вмешиваться в их осуществление отдельными индивидами. Ко второму поколению относят социально-экономические права, которые называют «позитивными» — для их имплементации требуются конкретные акции государства. К третьему поколению многие ученые причисляют «коллективные», или «солидарные», права — основанные на солидарности людей: К. Васак предлагал закрепить их в третьем пакте (в дополнение к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 года [28] и Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 года [27]). Очевидно, что следует признать научно корректной и эффективно «работающей» концепцию поколений прав человека, выдвинутую в свое время Васакком.

В последнее время стали говорить о четвертом поколении прав, к которому часть исследователей относит цифровые права. Это поколение принципиально отличается от первых трех: каждое из трех поколений имело в виду один комплекс прав, а четвертое поколение включает в себя весь предыдущий комплекс прав, развивающихся в условиях научно-технического прогресса и внедрения инноваций. В частности, к ним относятся базовые цифровые права: на доступ к телекоммуникационной сети Интернет; на поиск, получение и передачу информации; на использование, создание и публикацию циф-

ровых произведений; на анонимность; на свободу слова (в телекоммуникационной сети Интернет); на забвение [25]. Некоторые из них включают в себя как гражданские, так и политические (например, избирательные), социальные и прочие права, т.е. когда мы говорим о нарушениях прав четвертого поколения, то такие нарушения характеризуются нарушением комплекса прав не одного человека, а значительной части индивидов.

Основополагающим международно-правовым документом в сфере прав человека является Всеобщая декларация прав человека (1948; далее — ВДПЧ), статьи которой часто рассматриваются специалистами в области прав человека как наиболее подверженные воздействию (в том числе деструктивному) Интернета (статьи 18, 19 и 20 — права на свободу совести, выражения мнений и ассоциаций) [10].

Положительным моментом является то, что сейчас стало легче обмениваться информацией и получать к ней доступ, имея больше и более легкие каналы для распространения фактов и мнений. В данной связи следует сделать акцент на том обстоятельстве, что в условиях нарастающей (а практически уже тотальной) цифровизации социальных отношений наблюдается четко выраженная тенденция к атомизации общества, получившая импульс для эскалации в процессе вынужденной самоизоляции миллиардов индивидов по всему миру в «ковидное» время. Однако надо признать, что та же цифровизация предоставила феноменальные (с технологической точки зрения) возможности для осуществления взаимного общения в онлайн-режиме огромнейшего числа лиц. Таким образом, право на ассоциацию теперь также может быть цифровым (виртуальным), и обмен происходит через границы, с использованием цифровых платформ и средств, начиная от текстовых сообщений и заканчивая телеконференциями. Так, например, в относительно недавнем миграционном кризисе сирийские и средиземноморские беженцы используют форумы и онлайн-платформы, чтобы понять, где безопасно пересекать границы и куда идти, а европейские граждане — для самоорганизации и реагирования.

Растущая зависимость от цифровых каналов рискует усугубить маргинализацию тех, у кого нет цифровой или технической грамотности для участия или грамотности для навигации по базовому текстовому интерфейсу. Например, перевод в онлайн формат перечней рабочих вакансий и систем голосования либо доступа к государственным услугам (здравоохранение, пенсии) оказывает воздействие на тех, кто не имеет реальной возможности (или не желает) использовать такие цифровые платформы.

Социальное измерение цифровых прав наглядно проявляется в том беспрецедентном воздействии, которое они оказывают, буквально вторгаясь (проникая) во все сферы жизнедеятельности современного социума, порождая различные этические и правовые проблемы. Даже руководствуясь законами формальной логики, можно прийти к непротиворечивому умозаключению

чению, что цифровые права относятся к правам индивида так называемого «цифрового общества», которое в последнее время находится в фокусе пристального внимания российского и зарубежного научных сообществ [1; 2; 8; 9; 12–16; 18; 19; 23; 24; 30; 36; 38; 39; 43 и др.].

Целесообразно выразить солидарность с позицией тех ученых, кто в своих исследованиях, посвященных разным аспектам цифрового общества, пишут о том, что нельзя игнорировать глобальные процессы, происходящие в эпоху постмодерна. Человечество перешло в эпоху цифрового общества, и без глубокого понимания его философских концепций мы становимся беззащитны, поскольку цифровизированное общество требует увеличения потоков информации при естественном сокращении схем их интерпретации. Следует признать поразительную метаморфозу: человек становится не потребителем информации, а ее объектом. Более того, индивид превращается в объект экспериментов, проводимых в области инновационных биотехнологий, применение которых не ограничивается существующими этическими нормами [16. С. 103] и которые, по сути, направлены на реализацию идей, лежащих в основе трансгуманизма.

К сожалению, объем статьи не позволяет детальным образом рассмотреть эту концепцию, согласно основному теоретическому посылу которой человеческая природа несовершенна и необходимо преодолеть это несовершенство. В литературе представлена точка зрения на трансгуманизм как последнюю ступень гуманизма, утверждающего, что индивид наделен правом изменить собственную природу, даже преодолеть ее и создать некое сверхсущество, после чего человек обретет бессмертие и станет асексуален. Предполагается создать сверхразумное, сверхчеловеческое существо, которое, согласно идеям трансгуманистов, будет править миром. Считается возможным создать цифровую личность живого человека, считав информацию из его мозга и сделав виртуального двойника: когда тело индивида умрет, он сможет продолжить существование и развиваться на основе своего характера, пополняя память впечатлениями от общения [16. С. 101]. Трансгуманизм, базовые постулаты которого взяли на вооружение некоторые современные лидеры развитых стран, в определенной степени несет в себе угрозы и вызовы для традиционных прав человека (в том числе информационно-цифровых), поскольку нацелен на трансформацию человеческой природы.

В настоящее время перед мировым сообществом возникает целый ряд серьезных вопросов, сопряженных с цифровизацией социальных отношений, в том числе с цифровыми правами человека. Представители российского и зарубежного научно-экспертных сообществ предпринимают соответствующие усилия для оценки использования гражданами цифровых платформ и связанных с ними цифровых прав и обязанностей в страновом, региональном и международном контекстах, стараясь выявить главные тренды и проблемы, которые имеют прямое отношение к праву голоса, участию в выборах, прово-

димых в электронном формате, а также к изоляции и маргинализации так называемого «цифрового меньшинства». В рамках соответствующих структур ООН предпринимаются попытки выработать основу для установления прав, которыми заинтересованные стороны той или иной цифровой платформы (прежде всего обычные пользователи), должны пользоваться, а также обязанности, которые они могут нести [34; 35; 37].

Одна из главных проблем в сфере цифровизации социальных отношений состоит в том, чтобы определить наилучшие модели механизмов управления цифровыми платформами и использования этих сред в качестве ресурсов в политических, социальных и культурных трансформациях. Цифровые права — хотя они предоставили огромные возможности для оптимизации и совершенствования реализации прав человека — одновременно обусловили больше возможностей для ограничения этих прав (например, фальсификации информации и т.п.). Специфика цифровых прав диктует и особенность международного механизма, который должен быть разработан для их защиты.

В настоящее время речь может идти исключительно о разработке международно-правовых документов рекомендательного характера, относящихся к так называемому «мягкому праву» (soft law), т.е., о декларации, которую оптимально разрабатывать в рамках Третьего комитета ООН. В целях повышения эффективности такой разработки и придания ей высокопрофессионального характера целесообразно создать соответствующие рабочие группы (по отдельным направлениям). И лишь после согласования интересов государств-членов ООН можно будет приступить к разработке итогового документа. Предлагаемая некоторыми авторами конвенции ООН по цифровым правам представляет собой несколько упрощенный подход. В случае с таким весьма неординарным социально-правовым феноменом, как цифровые права, требуется иной подход и другой базовый международно-правовой акт, главной целью которого будет обеспечение не только всестороннего и комплексного регулирования, но и защиты цифровых прав и свобод.

Более того, механизм защиты цифровых прав должен быть иным, чем в пактах: должны быть исключены индивидуальные жалобы. Что касается контрольного механизма реализации положений и норм будущего международно-правового акта, то возможен механизм, аналогичный действующему Универсальному периодическому обзору (УПО). В обязательном порядке должны быть предусмотрены две части такого контрольного механизма: 1) государства-члены направляют информацию о том, как соблюдают цифровые права; 2) и в то же время имеют право посылать жалобы. Дело в том, что цифровые права могут нарушать не только государства, но и индивиды (физические лица или группы), мошенники, нарушающие права на собственность или распространяющие ложную информацию. Специфика междуна-

родного регулирования цифровых прав заключается в том, что многие из них следует подвергать реальным и серьезным ограничениям во избежание злоупотреблений.

Поскольку будут появляться новые виды цифровых прав, целесообразно предусмотреть разработку и принятия дополнительных протоколов к международным пактам и подумать о механизме контроля реализации цифровых прав — должны быть созданы комитеты экспертов (из юристов и специалистов в области цифровых технологий). Следует разработать в рамках ООН и принять соответствующей резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН Международный цифровой кодекс прав человека — новый международно-правовой документ, призванный обеспечить всестороннее и комплексное регулирование цифровых прав и свобод человека.

Таким образом, цифровизация, стремительно распространяемая в мире, объективно приведет к более эффективной международной защите прав и основных свобод человека и совершенствованию контрольного конвенционного механизма в данной сфере; появятся новые международно-правовые принципы и нормы, конкретизирующие права и свободы человека, в том числе те, что закреплены во Всеобщей декларации прав человека и международных пактах. Все это будет содействовать укреплению прав человека, развитию межгосударственного сотрудничества и усилению международной безопасности, особенно в сфере свободы информации, свободы выражения мнения, свободы слова и т.п. Появятся новые права человека, в частности право свободного выражения слова и мысли в сети Интернет, т.е. в виртуальной реальности.

Библиографический список

1. *Абдрахманов Д.В.* Информационное общество, цифровое общество, цифровая конституция // *Право цифровой среды* / Под ред. Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. М., 2022.
2. *Бакланов И.С., Пелевин С.И.* Технологии и технологическое сознание в эпоху постиндустриализма: от информационного общества к обществу знаний и цифровому обществу // *Вестник МГОУ. Серия: Философские науки*. 2022. № 1.
3. *Бурьянов М.С.* Врата в глобальное право: глобальные цифровые права человека // *Научные труды Московского гуманитарного университета*. 2020. № 2.
4. *Бурьянов М.С.* Глобальные цифровые права человека в контексте рисков цифровизации // *Век глобализации*. 2020. № 3.
5. *Бурьянов М.С.* Цифровые права человека в условиях глобальных процессов: теория и практика реализации. М., 2022.
6. *Варламова Н.В.* Цифровые права — новое поколение прав человека? // *Труды ИГП РАН*. 2019. № 4.
7. *Васильева Л.Н., Григорьев А.В.* Цифровизация общества и перспективы конституционного развития // *Журнал российского права*. 2020. № 10.
8. *Веселов Ю.В.* Доверие в цифровом обществе // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. Т. 13. № 2.
9. *Воробьева И.А., Костерев Р.А.* Цифровая коммуникация в структуре цифрового общества // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 6–4.

10. Всеобщая декларация прав человека // URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.
11. Глушкова С.И., Летунов Е.Д. Развитие нового поколения прав человека в эпоху цифровых технологий // Вестник Гуманитарного университета. 2020. № 4.
12. Горбунов А.С. Личность и цифровые технологии в информационном массовом обществе // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2018. № 4.
13. Добринская Д.Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2.
14. Евтушенко С.Н., Епихина С.Б. Цифровой гражданин и цифровое общество: влияние индивида и общества на достижение национальных стратегических целей // Экономические стратегии. 2021. Т. 23. № 2.
15. Жукова М.В., Крюков Д.В. Современный тренд развития экономики и общества: цифровое общество как особая стадия информационного общества // Society and Security Insights. 2022. Т. 5. № 2.
16. Замуруев Д.В. Концепция трансгуманизма в контексте цифровой трансформации общества // Современное гуманитарное знание о проблемах социального развития / Отв. ред. С.Е. Шиянов, А.П. Федоровский. Ставрополь, 2021.
17. Зырянов И.А. Цифровые права человека как проблема социально-юридического механизма обеспечения естественных прав и свобод // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 4.
18. Игнатов М.А. Безумие как спасение сознания человека цифрового общества // Наука. Искусство. Культура. 2021. № 2.
19. Ильичева М.В. Трансформация взаимодействия государства и гражданского общества в цифровой реальности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2020. № 4.
20. Карцхия А.А. Цифровая трансформация и права человека // Русская политология. 2018. № 4.
21. Кашкин С.Ю. Правовое регулирование применения технологий искусственного интеллекта и робототехники как формирующаяся новая комплексная отрасль права в наиболее репрезентативных государствах и международных интеграционных объединениях: постановка проблемы // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2019. № 3.
22. Клементьева В.С. К вопросу о проблемах реализации прав и свобод в цифровой среде // Международный журнал конституционного и государственного права. 2019. № 2.
23. Коротич Р.А. Особенности развития прав и свобод человека в условиях цифрового общества // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2020. № 17.
24. Котова И.Н. Концепция датаизма в контексте формирования цифрового общества // Цифровое общество — новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития / Отв. ред. Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб., 2020.
25. Кравчук Н.В. Право на забвение: Интернет и проблемы прав человека // Россия и современный мир. 2016. № 2.
26. Марков Б.В. Человек в сетевом обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2021. Т. 37. № 2.
27. Международный пакт о гражданских и политических правах // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
28. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml.
29. Минникес И.А. Конституционные права граждан и цифровая реальность (возможные угрозы) // Труды ИГП РАН. 2021. Т. 16. № 6.
30. Пацула А.В., Косинская Н.Б., Зырянова О.В. Цифровое общество или общество цифры // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Экономика и управление. 2022. № 19.

31. *Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р.* Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6.
32. *Положихина М.А.* Информационно-цифровое неравенство как новый вид социально-экономической дифференциации общества // Экономические и социальные проблемы России. 2017. № 2.
33. *Пономарев Ф.В.* Цифровые права: настоящее и будущее // Аграрное и земельное право. 2020. № 6.
34. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век // URL: https://www.un.org/ru/ga/third/68/third_res.shtml.
35. Право на неприкосновенность личной жизни в цифровую эпоху // URL: https://www.un.org/ru/ga/third/69/third_res.shtml.
36. *Разуваев Н.В.* Право цифрового общества: актуальные проблемы и пути развития // Российский журнал правовых исследований. 2021. Т. 8. № 3.
37. Резолюция Совета ООН по правам человека «Мандат Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение» // URL: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_36.pdf.
38. *Рюмина М.Т.* Цифровое общество и проблема человека // Научно-исследовательские исследования. 2020. № 2.
39. *Суслов А.В.* Цифровое общество в этико-аксиологическом контексте: от постмодерна к обществу высоких технологий // Философия и культура. 2020. № 10.
40. *Таланина Э.В.* Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды ИПП РАН. 2019. Т. 14. № 3.
41. *Тимченко А.В., Тимошенко А.* Цифровизация в понимании философии, права, политологии и экономики: междисциплинарный подход // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 2
42. *Туликов А.В.* Информационная безопасность и права человека в условиях постиндустриального развития: теоретико-правовой анализ: Дисс. к.ю.н. М., 2017.
43. *Чернавин Ю.А.* Коммуникативный статус личности в цифровом обществе // Цифровая социология. 2022. Т. 5. № 2.
44. *Чеснокова Л.В.* Информационная приватность: защита свободы и автономии личности // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2021. Т. 4. № 2.
45. *Bellovin St.M., Dutta K., Reitinger N.* Privacy and synthetic datasets // Stanford Technology Law Review. 2019. Vol. 22. No. 2.
46. *Bohm A.S. George E.J., Cyphers B., Lu S.* Privacy and liberty in an always-on, always-listening world // Columbia Science and Technology Law. 2017. Vol. 19. No. 1.
47. *Boshe P.* Data privacy law: An international perspective // Information and Communications Technology Law. 2015. Vol. 24. No. 1.
48. *Coccoli J.* The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An analysis of some critical issues in the digital era // Peace Human Rights Governance. 2017. Vol. 1. No. 2.
49. *Custers B.* The new digital rights: Seeing additional fundamental rights for the digital era // Computer Law & Security Review. 2022. Vol. 44.
50. *Galindo F., Marco J.G.* Freedom and the Internet: Empowering citizens and addressing the transparency gap in search engines // European Journal of Law and Technology. 2017. Vol. 8. No. 2.
51. *Goggin G., Vromen A., Weatherall K.G., Martin F., Webb A., Sunman L., Bailo F.* Digital Rights in Australia. Sydney, 2017.
52. *Mantelero A.* AI and Big Data: A blueprint for human-rights: Social and ethical impact assessment // Computer Law & Security Review. 2018. Vol. 34.
53. *Marcus G.* Human rights and the new(ish) digital paradigm // Contemporary Challenges in Securing Human Rights / Ed. by C. Lennox. L., 2015.

54. Penney J.W. Internet access rights: A brief history and intellectual origins // William Mitchell Law Review. 2011. Vol. 38. No. 1.
55. Scott J.D. Social media and government surveillance: The case for better privacy protections for our newest public space // Journal of Business & Technology Law. 2017. Vol. 12. No. 2.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-949-962

Digital human rights: International-legal and social dimensions*

V.A. Kartashkin

Institute of State and Law of RAS,
Znamenska St., 10, Moscow, Russia, 119019
(e-mail: v.kartashkin@mail.ru; eg.bykov@inbox.ru)

Abstract. The article considers digital human rights as a relatively new social-legal phenomenon which has recently become the focus of scientific discussions. Some scientists believe that digital rights have specific determinants which explain their character of *sui generis*, i.e., digital rights represent a new — fourth — generation of human rights. The author considers digital rights in their international-legal and social dimensions in order to clarify their nature and definitions, and argues that the scientific-expert community lacks a single understanding of digital rights; therefore, such rights should be named information-digital, which would reflect their information nature as a construct of reality (including virtual reality). The social dimension of digital rights is manifested in the unprecedented impact of the digitalization of social relations, which penetrates all spheres of contemporary society, determines various ethical and legal problems and becomes an issue of such philosophical concepts as transhumanism. In particular, transhumanism, supported by some leaders of the developed countries, implies negative consequences and challenges for traditional human rights since it insists on the transformation of human nature. The international-legal dimension of digital law is expressed in the symbolic connection between ‘traditional’ and digital rights. When interpreting digital rights as information-digital, there are no differences between the above-mentioned types of rights, since they form an organic whole. Digital rights are a new type of the ‘traditional’ information rights, the provision and protection of which are sufficiently regulated (set) by the norms of the so-called Bill of Rights that includes the Universal Declaration of Human Rights (1948) and the International Covenants on Human Rights (1966). Certainly, for new types of digital rights, it is necessary to develop additional protocols for the International Treaties. However, already now we need to seriously consider the implementation mechanism for digital rights, for instance, such as specialized groups of experts (lawyers and specialists in digital technologies) in the UN. The author proposes to develop an International Information-Digital Code of Rights in order to ensure a comprehensive regulation of digital human rights and freedoms.

Keywords: social dimension; international-legal dimension; informatization; information rights; digitalization of social relations; transhumanism; digital rights

Reference

1. Abdrakhmanov D.V. Informatsionnoe obshchestvo, tsifrovое obshchestvo, tsifrovaya konstitutsiya [Information society, digital society, digital constitution]. *Pravo tsifrovoy sredy*. Pod red. T.P. Podshivalova, E.V. Titovoj, E.A. Gromovoj. Moscow; 2022. (In Russ.).

* © V.A. Kartashkin, 2022

Статья поступила 05.06.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

2. Baklanov I.S., Pelevin S.I. Tekhnologii i tekhnologicheskoe soznanie v evolyutsiyu postindustrializma: ot informatsionnogo obshchestva k obshchestvu znanij i tsifrovomu obshchestvu [Technologies and technological consciousness in the evolution of post-industrialism: From information society to knowledge society and digital society]. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie Nauki*. 2022; 1. (In Russ.).
3. Buryanov M.S. Vrata v globalnoe pravo: globalnye tsifrovye prava cheloveka [Gateway to the global law: Global digital human rights]. *Nauchnye Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2020; 2. (In Russ.).
4. Buryanov M.S. Globalnye tsifrovye prava cheloveka v kontekste riskov tsifrovizatsii [Global digital human rights in the context of digitalization risks]. *Vek Globalizatsii*. 2020; 3. (In Russ.).
5. Buryanov M.S. *Tsifrovye prava cheloveka v usloviyah globalnykh protsessov: teoriya i praktika realizatsii* [Digital Human Rights under Global Processes: Theory and Practice]. Moscow; 2022. (In Russ.).
6. Varlamova N.V. Tsifrovye prava — novoe pokolenie prav cheloveka? [Digital rights — the next generation of human rights?]. *Trudy IGP RAN*. 2019; 4. (In Russ.).
7. Vasilieva L.N., Grigoriev A.V. Tsifrovizatsiya obshchestva i perspektivy konstitutsionnogo razvitiya [Digitalization of society and prospects for constitutional development]. *Zhurnal Rossijskogo Prava*. 2020; 10. (In Russ.).
8. Veselov Yu.V. Doverie v tsifrovom obshchestve [Trust on digital society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Sotsiologiya*. 2020; 13 (2). (In Russ.).
9. Vorobieva I.A., Kosterev R.A. Tsifrovaya kommunikatsiya v strukture tsifrovogo obshchestva [Digital communication in the structure of digital society]. *Mezhdunarodny Nauchno-Issledovatel'skiy Zhurnal*. 2022; 6–4. (In Russ.).
10. Vseobshchaya deklaratsiya prav cheloveka [Universal Declaration of Human Rights]. URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr. (In Russ.).
11. Glushkova S.I., Letunov E.D. Razvitie novogo pokoleniya prav cheloveka v epokhu tsifrovoy tekhnologii [Development of a new generation of human rights in the digital age]. *Vestnik Gumanitarnogo Universiteta*. 2020; 4. (In Russ.).
12. Gorbunov A.S. Lichnost i tsifrovye tekhnologii v informatsionnom massovom obshchestve [Personality and digital technologies in the information mass society]. *Vestnik MGOU. Seriya: Filosofskie Nauki*. 2018; 4. (In Russ.).
13. Dobrinskaya D.E. Chto takoe tsifrovoe obshchestvo? [What is digital society?]. *Sotsiologiya Nauki i Tekhnologii*. 2021; 12 (2). (In Russ.).
14. Evtushenko S.N., Epikhina S.B. Tsifrovoy grazhdanin i tsifrovoe obshchestvo: vliyanie individa i obshchestva na dostizhenie natsionalnykh strategicheskikh tselej [Digital citizen and digital society: The influence of the individual and society on the achievement of national strategic goals]. *Ekonomicheskie Strategii*. 2021; 23 (2). (In Russ.).
15. Zhukova M.V., Kryukov D.V. Sovremenny trend razvitiya ekonomiki i obshchestva: tsifrovoe obshchestvo kak osobaya stadiya informatsionnogo obshchestva [The contemporary trend in the development of the economy and society: Digital society as a special stage of the information society]. *Society and Security Insights*. 2022; 5 (2). (In Russ.).
16. Zamuruev D.V. Kontseptsiya transgumanizma v kontekste tsifrovoy transformatsii obshchestva [The concept of transhumanism under the digital transformation of society]. *Sovremennoe gumanitarnoe znanie o problemakh sotsialnogo razvitiya*. Otv. red. S.E. Shiyarov, A.P. Fedorovsky. Stavropol; 2021. (In Russ.).
17. Zyryanov I.A. Tsifrovye prava cheloveka kak problema sotsialno-yuridicheskogo mekhanizma obespecheniya estestvennykh prav i svobod [Digital human rights as a problem of the social-legal mechanism for ensuring natural rights and freedoms]. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn*. 2019; 4. (In Russ.).
18. Ignatov M.A. Bezumie kak spasenie soznaniya cheloveka tsifrovogo obshchestva [Madness as the salvation of human consciousness in the digital society]. *Nauka. Iskustvo. Kultura*. 2021; 2. (In Russ.).

19. Il'icheva M.V. Transformatsiya vzaimodejstviya gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva v tsifrovoj realnosti [Transformation of interaction between the state and civil society in digital reality]. *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2020; 4. (In Russ.).
20. Karekhiya A.A. Tsifrovaya transformatsiya i prava cheloveka [Digital transformation and human rights]. *Russkaya Politologiya*. 2018; 4. (In Russ.).
21. Kashkin S.Yu. Pravovoe regulirovanie primeneniya tekhnologij iskusstvennogo intellekta i robototekhniki kak formiruyushchayasya novaya kompleksnaya otrasl prava v naibolee reprezentativnyh gosudarstvah i mezhdunarodnyh integratsionnyh ob'edineniyah: postanovka problemy [Legal regulation of the artificial intelligence technologies and robotics as an emerging new complex branch of law in the most representative states and international integration: Formulation of the problem]. *Vestnik Rossijskogo Novogo Universiteta. Seriya: Chelovek i Obshchestvo*. 2019; 3. (In Russ.).
22. Klementieva V.S. K voprosu o problemah realizatsii prav i svobod v tsifrovoj srede [On the realization of rights and freedoms in the digital environment]. *Mezhdunarodny Zhurnal Konstitutsionnogo i Gosudarstvennogo Prava*. 2019; 2. (In Russ.).
23. Korotich R.A. Osobennosti razvitiya prav i svobod cheloveka v usloviyah tsifrovogo obshchestva [Features of the development of human rights and freedoms in the digital society]. *Uchenye Zapiski Tambovskogo Otdeleniya RoSMU*. 2020; 17. (In Russ.).
24. Kotova I.N. Kontseptsiya dataizma v kontekste formirovaniya tsifrovogo obshchestva [The concept of dataism under the formation of the digital society]. *Tsifrovoe obshchestvo — novy format sotsialnoj realnosti: struktury, protsessy i tendentsii razvitiya*. Otv. red. N.G. Skvortsov, Yu.V. Asochakov. Saint Petersburg; 2020. (In Russ.).
25. Kravchuk N.V. Pravo na zabvenie: Internet i problemy prav cheloveka [Right to oblivion: Internet and human rights]. *Rossiya i Sovremenny Mir*. 2016; 2. (In Russ.).
26. Markov B.V. Chelovek v setevom obshchestve [Man in the network society]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Filosofiya i Konfliktologiya*. 2021; 37 (2). (In Russ.).
27. Mezhdunarodny pakt o grazhdanskih i politicheskikh pravah [International Covenant on Civil and Political Rights]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. (In Russ.).
28. Mezhdunarodny pakt ob ekonomicheskikh, sotsialnyh i kulturnyh pravah [International Covenant on Economic, Social and Cultural Rights]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml. (In Russ.).
29. Minnikes I.A. Konstitutsionnye prava grazhdan i tsifrovaya realnost (vozmozhnye ugrozy) [Constitutional rights of citizens and digital reality (possible threats)]. *Trudy IGP RAN*. 2021; 16 (6). (In Russ.).
30. Pacula A.V., Kosinskaya N.B., Zyryanova O.V. Tsifrovoe obshchestvo ili obshchestvo tsifry [Digital society or society of digits]. *Vestnik Obrazovatel'nogo Konsortsiума Srednerusskij Universitet. Seriya: Ekonomika i Upravlenie*. 2022; 19. (In Russ.).
31. Pashentsev D.A., Alimova D.R. Novatsii pravotvorchestva v usloviyah tsifrovizatsii obshchestvennyh otnoshenij [Law-making innovations under the digitalization of social relations]. *Gosudarstvo i Pravo*. 2019; 6. (In Russ.).
32. Polozhikhina M.A. Informatsionno-tsifrovoe neravenstvo kak novy vid sotsialno-ekonomicheskoy differentsiatsii obshchestva [Information-digital inequality as a new type of the social-economic differentiation]. *Ekonomicheskie i Sotsialnye Problemy Rossii*. 2017; 2. (In Russ.).
33. Ponomarev F.V. Tsifrovyje prava: nastoyashchee i budushchee [Digital rights: Present and Future]. *Agrarnoe i Zemel'noe Pravo*. 2020; 6. (In Russ.).
34. Pravo na neprikosnovennost lichnoj zhizni v tsifrovoj vek [The Right to Privacy in the Digital Age]. URL: https://www.un.org/ru/ga/third/68/third_res.shtml. (In Russ.).
35. Pravo na neprikosnovennost lichnoj zhizni v tsifrovuyu epokhu [The Right to Privacy in the Digital Age]. URL: https://www.un.org/ru/ga/third/69/third_res.shtml. (In Russ.).

36. Razuvaev N.V. Pravo tsifrovogo obshchestva: aktualnye problemy i puti razvitiya [The law of the digital society: Current problems and ways of development]. *Rossiyskiy Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2021; 8 (3). (In Russ.).
37. Rezolyutsiya Soveta OON po pravam cheloveka “Mandat Spetsialnogo dokladchika po voprosu o pooshchrenii i zashchite prava na svobodu mnenij i ih svobodnoe vyrazhenie” [UN Human Rights Council Resolution “Special Document Mandate for the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression”]. URL: https://ap.ohchr.org/documents/R/HRC/resolutions/A_HRC_RES_7_36.pdf. (In Russ.).
38. Ryumina M.T. Tsifrovoe obshchestvo i problema cheloveka [Digital society and the problem of being human]. *Naukovedcheskie Issledovaniya*. 2020; 20. (In Russ.).
39. Suslov A.V. Tsifrovoe obshchestvo v etiko-aksiologicheskom kontekste: ot postmoderna k obshchestvu vysokih tekhnologiy [Digital society in the ethical-axiological context: From postmodernity to a high-tech society]. *Filosofiya i Kultura*. 2020; 10. (In Russ.).
40. Talapina E.V. Evolyutsiya prav cheloveka v tsifrovuyu epokhu [Evolution of human rights in the digital age]. *Trudy IGP RAN*. 2019; 14 (3). (In Russ.).
41. Timchenko A.V., Timoshenko A. Tsifrovizatsiya v ponimanii filosofii, prava, politologii i ekonomiki: mezhdisciplinarny podkhod [Digitalization in the interpretation of philosophy, law, political science and economics: An interdisciplinary approach]. *Rossiyskiy Zhurnal Pravovykh Issledovaniy*. 2020; 7 (2). (In Russ.).
42. Tulikov A.V. Informatsionnaya bezopasnost i prava cheloveka v usloviyah postindustrialnogo razvitiya: teoretiko-pravovoj analiz [Information Security and Human Rights under the Post-Industrial Development: A Theoretical-Legal Analysis]. Diss. k.yu.n. Moscow; 2017. (In Russ.).
43. Chernavin Yu.A. Kommunikativny status lichnosti v tsifrovom obshchestve [Personal communicative status in the digital society]. *Tsifrovaya Sotsiologiya*. 2022; 5 (2).
44. Chesnokova L.V. Informaydionnaya privatnost: zashchita svobody i avtonomii lichnosti [Information privacy: Protection of individual freedom and autonomy]. *Tsifrovoy Ucheny: Laboratoriya Filosofo*. 2021; 4 (2).
45. Bellovin St.M., Dutta K., Reitinger N. Privacy and synthetic datasets. *Stanford Technology Law Review*. 2019; 22 (2).
46. Bohm A.S. George E.J., Cyphers B., Lu S. Privacy and liberty in an always-on, always-listening world. *Columbia Science and Technology Law*. 2017; 19 (1).
47. Boshe P. Data privacy law: An international perspective. *Information and Communications Technology Law*. 2015; 24 (1).
48. Coccoli J. The challenges of new technologies in the implementation of human rights: An Analysis of some critical issues in the digital era. *Peace Human Rights Governance*. 2017; 1 (2).
49. Custers B. The new digital rights: Seeing additional fundamental rights for the digital era. *Computer Law & Security Review*. 2022; 44.
50. Galindo F., Marco J.G. Freedom and the Internet: Empowering citizens and addressing the transparency gap in search engines. *European Journal of Law and Technology*. 2017; 8 (2).
51. Goggin G., Vromen A., Weatherall K.G., Martin F., Webb A., Sunman L., Bailo F. *Digital rights in Australia*. Sydney; 2017.
52. Mantelero A. AI and Big Data: A blueprint for human-rights: Social and ethical impact assessment. *Computer Law & Security Review*. 2018; 34.
53. Marcus G. Human rights and the new(ish) digital paradigm. *Contemporary Challenges in Securing Human Rights*. Ed. by C. Lennox. London; 2015.
54. Penney J.W. Internet access rights: A brief history and intellectual origins. *William Mitchell Law Review*. 2011; 38 (1).
55. Scott J.D. Social media and government surveillance: The case for better privacy protections for our newest public space. *Journal of Business & Technology Law*. 2017; 12 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-963-971

Моральная эксклюзия в контексте социальной желательности*

Ж.В. Пузанова, А.Г. Тертышникова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Аннотация. Статья посвящена анализу таких терминов, как социальная и моральная эксклюзия, в контексте эмпирического изучения коллективных представлений. Рассмотрены истоки обоих терминов, а также те социальные группы, которые исторически подвергались исключению в тех или иных социальных сферах. Моральная эксклюзия рассмотрена с точки зрения применимости моральных принципов к тем или иным группам в обществе с точки зрения культурных норм, которые в нем существуют. Мораль операционализирует наше чувство справедливости, определяя, что и кому мы должны, чьи потребности, взгляды и благополучие учитываются, а чьи нет. Наши нормы морали распространяется на людей, которых мы ценим, и определяют, кто находится в пределах нашей сферы справедливости (или «морального сообщества», например, члены семьи и друзья), а кто за его пределами. Исключенные группы рассматриваются как аут-группы, а причиняемые им неудобства и лишения кажутся нормальными, поскольку справедливость по отношению к ним считается неуместной, а нормы морали — неприменимыми. Многие социальные вопросы сводятся к моральным спорам о том заслуживает ли, например, ВИЧ-инфицированный или наркоман той или иной помощи, в том числе государственной. Основной целью исследования стало определение наличия или отсутствия, а также степени моральной эксклюзии определенных социальных групп. Статья базируется на результатах опроса студентов московских вузов, проведенного в 2021 году. Отдельным блоком опроса стала адаптированная версия шкалы социальной желательности Марлоу–Крауна. Был проведен факторный анализ, который позволил определить наиболее влиятельные факторы для студентов в вопросах морального исключения тех или иных групп. Ответы студентов были проанализированы и с точки зрения готовности давать социально желательные ответы на сензитивные вопросы. Группы, которые предлагались для оценки респондентам, были определены в ходе фокус-групп и не являются в полной мере делинквентными или стигматизированными, т.е. важен сам факт исключения студентами представителей определенных групп из членов своего личного нравственного сообщества.

Ключевые слова: социальная эксклюзия; моральная эксклюзия; анкетный опрос; студенческая молодежь; сензитивные вопросы; ЛГБТ; ВИЧ-инфицированные

Проблематика социальной эксклюзии (исключения) берет свое начало с 1974 года, когда это понятие было впервые употреблено французским государственным секретарем по вопросам социальной политики Р. Ленуаром.

* © Пузанова Ж.В., Тертышникова А.Г., 2022

Статья поступила 15.07.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

В число «исключенных» вошла десятая часть населения: умственно и физически неполноценные, склонные к суицидальному поведению, престарелые инвалиды, дети, подвергшиеся насилию, наркоманы, правонарушители, родители-одиночки (особенно матери), маргиналы, асоциальные личности, которые считались уязвимыми, но оставались за рамками системы социального страхования, поскольку правительство включало в нее только тех, кто имел оплачиваемую работу или состоял в барке с человеком, имеющим таковую. В результате увеличивался круг людей, которые оставались на попечении церкви и благотворительности и подвергались социальному исключению [8. С. 532]. Зачастую в теориях понятие эксклюзии переплетается с понятием бедности, но эксклюзия — это процесс, а бедность — скорее результат. Исключение происходит не столько по принципу бедности, сколько с точки зрения возраста, инвалидности, сексуальной ориентации и целого ряда других факторов и в абсолютно разных сферах — социальной, экономической, политической.

Более узким понятием является моральная эксклюзия. Концепция морального включения/исключения имеет более чем двадцатилетнюю историю, однако исследователям до сих пор не хватает точных инструментов ее измерения. В основе исследований моральной эксклюзии и способов ее сдерживания лежат такие понятия, как «моральные ценности», «моральное общество», «справедливость/несправедливость», «моральные границы», «социальное включение/исключение».

Люди чувствуют себя обязанными вести себя в соответствии с важнейшими нравственными принципами и правилами справедливости только с теми, кого считают членами своего личного нравственного сообщества, т.е. это сообщество окружено моральными границами [1; 10]. Право на справедливое обращение и право на поддержку и помощь признаются и уважаются членами морального сообщества в пределах личной сферы справедливости. Если лицо или группа исключены из личной сферы правосудия, аморальные или несправедливые действия по отношению к ним становятся приемлемыми или даже желательными, поэтому моральная эксклюзия может быть предпосылкой тяжелых форм дискриминации и насилия [2; 3]. Геноцид, рабство, смертная казнь, аборт — в каждом случае стоит вопрос о том, кто исключается и какими принципами руководствуется индивид или группа, подвергая моральной эксклюзии ту или иную социальную группу, поскольку в каждой культуре критерии исключения основываются на определенных ценностях.

Наличие или отсутствие моральной эксклюзии по отношению к ряду групп стало предметом нашего исследования. Были выбраны следующие группы: педофилы, наркоманы, представители ЛГБТ, ВИЧ-инфицированные, люди с расстройством пищевого поведения (РПП) (к симптомам пищевых расстройств относится, например, опасно малое или, наоборот, чрезмерное употребление пищи, искусственное вызывание рвоты или навязчивая физическая активность), люди, занимающиеся сэлфхармом (нанесение себе порезов,

ожогов, ударов, намеренный отказ от пищи или воды, навязчивое стремление выдергивать волосы на голове и теле — трихотилломания), расцарапывание кожи — дерматилломания), контакт с горячими предметами) и феминистки. Этому предшествовали проведенные ранее исследования по вопросам социальной эксклюзии и серия фокус-групп, в рамках которых участникам было предложено назвать те группы, которые с их точки зрения подвергаются моральной эксклюзии. Несмотря на то, что перечисленные группы кажутся неоднозначными и выделенными не по одному основанию, речь шла именно о моральной эксклюзии, а не о традиционно выделяемых девиантных, делинквентных или стигматизированных группах.

Опрос был проведен с июля по октябрь 2021 года среди студентов трех университетов: МГУ, НИУ ВШЭ и РУДН. В опросе приняли участие 1500 респондентов — по 500 человек из каждого университета. На первой ступени построения выборки был использован критерий распределения генеральной совокупности по направлениям подготовки — естественного-научного, технического и гуманитарного профиля, а также по численности обучающихся на факультетах. На второй ступени проводился вероятностный отбор респондентов с первого курса бакалавриата до второго курса магистратуры.

Важным моментом являются факторы, которые потенциально могли оказать влияние на наличие/отсутствие моральной эксклюзии в отношении исследуемых групп. Фактор «пол» стал одним из самых влияющих на склонность к моральной эксклюзии. Наиболее выражено его влияние на такие группы, как наркоманы, феминистки и люди, занимающиеся сэлфхармом, небольшая зависимость наблюдается в отношении людей с РПП и ВИЧ-инфицированных. Общая закономерность заключается в том, что женщины проявляют наибольшую терпимость. По фактору «ВУЗ» наиболее лояльними по отношению к исследуемым группам стали студенты РУДН. Чаще всего склонность к эксклюзии проявляют студенты МГУ, а учащиеся ВШЭ в большей степени эксклюзируют только ВИЧ-инфицированных. Воздействие фактора «Направление обучения» на склонность к моральной эксклюзии обнаруживается только в отношении феминисток; обучающиеся на технических специальностях проявляют наименьшую терпимость к представителям данной группы. Фактор «Курс обучения» оказывает влияние на степень проявления моральной эксклюзии к представителям ЛГБТ-сообщества и наркоманам, и наблюдаемые зависимости ровно противоположные: по отношению к ЛГБТ-сообществу наименьшую терпимость проявляют студенты специалитета пятого курса и магистратуры, а по отношению к наркоманам — обучающиеся на первых двух курсах.

Фактор «Федеральный округ, в котором вырос студент» оказывает воздействие на уровень моральной эксклюзии по отношению к людям с РПП и наркоманам; люди, выросшие в Центральном федеральном округе более лояльны, чем те, кто воспитывался в других округах. Влияние фактора

«Доверие СМИ» можно наблюдать при рассмотрении моральной эксклюзии лишь к представителям ЛГБТ-сообщества: с ростом доверия к СМИ уменьшается лояльность к ним. Зависимость уровня моральной эксклюзии от фактора «Религиозность» присутствует в отношении феминисток и людей, занимающихся сэлфхармом: менее лояльны придерживающиеся какой-либо религии.

В результате анализа данных можно говорить о зависимости степени моральной эксклюзии феминисток и педофилов от фактора «Кинематография»: люди, предпочитающие работы российского кинематографа, склонны выражать меньшую лояльность, что можно объяснить моральными ценностями, продвигаемыми в данных картинах. Такая закономерность наиболее сильно прослеживается по отношению к феминисткам.

Фактор «Политическая активность» оказал значительное влияние только на отношение к педофилам и представителям ЛГБТ-сообщества — наибольшую склонность к эксклюзии проявляют политически активные люди, в частности, реальные и потенциальные участники митингов и демонстраций. Фактор «Политические взгляды» является одним из наиболее воздействующих на склонность к моральной эксклюзии по отношению ко всем исследуемым группам, кроме людей с РПП и педофилам. Среди остальных групп присутствует следующая закономерность: люди, придерживающиеся консервативных политических взглядов, в большей степени подвергают моральной эксклюзии их представителей; наиболее лояльны в большинстве случаев люди либеральных взглядов.

Таким образом, факторами, оказывающими наибольшее влияние, стали «Пол» и «Политические взгляды», а факторы «Воспитание», «Предпочтения СМИ» и «Частота обращения к СМИ» не оказали влияния на степень моральной эксклюзии. Была построена схема, которая наглядно демонстрирует наиболее весомые факторы (Рис. 1).

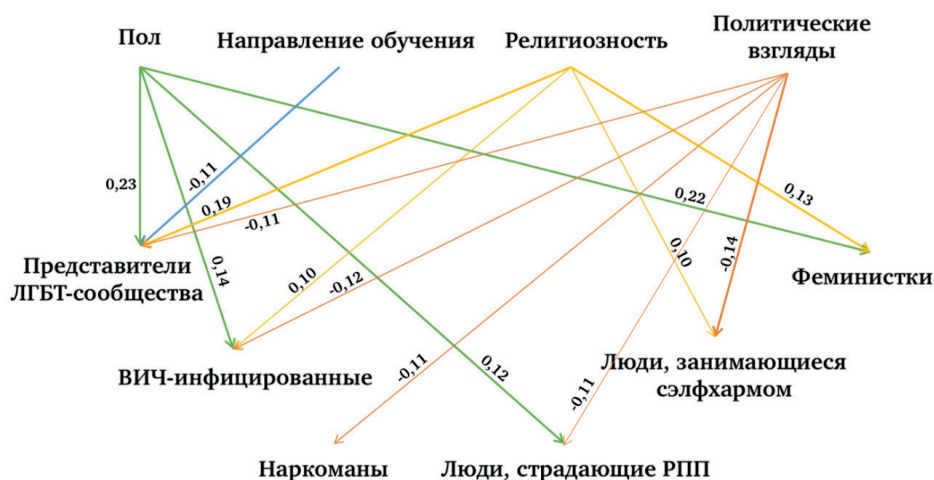

Рис. 1. Влияние социальных факторов на склонность к моральной эксклюзии

По каждой из исследуемых групп был задан ряд вопросов, ответы на которые в дальнейшем были перевзвешены. На основе полученных данных было проведено ранжирование групп по степени моральной эксклюзии. Шкала, используемая в рамках каждого вопроса (100 % в абсолютном выражении), была разделена на пять равных промежутков, в соответствии с которыми группам назначалось от 0 до 4 баллов. На основе полученных баллов рассчитывался процент степени морального отчуждения (количество полученных баллов от количества возможных для данной группы). В каждом вопросе в зависимости от процента наличия моральной эксклюзии группе назначалось от 0 до 4 баллов: 0 баллов, если процент наличия эксклюзии находится в промежутке от 0 до 19; 1 балл — в промежутке от 20 до 39; 2 балла — от 40 до 59; 3 балла — от 60 до 79; 4 балла — в промежутке 80 до 100. Затем для каждой группы рассчитывался процент степени эксклюзии (количество полученных баллов от количества возможных для группы). В сводной Таблице 1 приведены данные по каждой из групп.

Таблица 1

Баллы и процент степени эксклюзии исследуемых групп

Группа	Баллы	Процент
Наркоманы	6/16	37,5
Представители ЛГБТ	2/12	16,7
Педофилы	9/12	75
Феминистки	2/12	16,7
Люди с ВИЧ	1/16	6,25
Люди с РПП	2/16	12,5
Сэлфхарм	3/12	25

В результате ранжирования групп были выведены три степени моральной эксклюзии: низкая — в эту категорию вошли ВИЧ-инфицированные с самым низким процентом степени эксклюзии (6,25 %) и люди с РПП (12,5 %); средняя — в эту категорию вошли феминистки и представители ЛГБТ-сообщества с одинаковым процентом степени эксклюзированнойности (16,7 %), а также люди, занимающиеся сэлфхармом (25 %); высокая — самыми эксклюзированнойными группами оказались педофилы (75 %) и наркоманы (37,5 %). Ранжирование показывает, что наивысшая степень эксклюзии наблюдается относительно педофилов, а наименее подвергнуты моральному исключению носители ВИЧ-инфекции. Рассмотрим подробнее две группы, которые в большей степени подвержены моральной эксклюзии.

В рамках исследования проективный вопрос, который был задан об отношении к педофилам, звучал следующим образом: «Представьте, что 16-летняя девушка заявляет, что подверглась насилию со стороны ее совершеннолетнего парня, но доказательств она не может предоставить. Считаете ли Вы справедливым привлечение молодого человека к ответственности?». В формулировке вопроса намеренно был указан возраст 16 лет — так называемый возраст сексуального согласия. Тем не менее 60 % опрошенных студентов считают справедливым привлечение молодого человека к ответственности (42 % мужчин и 74 % женщин). Далее следовал вопрос «Поддержите ли Вы оправдательный приговор молодому человеку, речь о котором шла в предыдущем вопросе, в виду отсутствия доказательств?». Тут мы получили две диаметрально противоположные позиции: 50,1 % респондентов поддержат оправдательный приговор, 49,9 % будут продолжать настаивать на незаконном поведении педофила в данной ситуации; 62,9 % респондентов мужского пола и 40,1 % женского пола поддержат оправдательный приговор. Если посмотреть распределение по университетам, то наименее лояльно к педофилам относятся студенты, обучающиеся в РУДН, а студенты ВШЭ и МГУ в меньшей степени склонны эксклюзивировать данную группу. При этом курс обучения роли не играет — распределение абсолютно равномерное, и нет разницы в том, фильмы какого производства предпочитают смотреть респонденты. Высокий уровень эксклюзии педофилов может быть связан с восприятием поведения представителей этой группы как априори аморального.

Аналогичная ситуация наблюдается при рассмотрении группы наркозависимых: ее высокая степень эксклюзии обусловлена тем, что аддиктивное поведение наркозависимых воспринимается как общественно-опасное и поэтому требующее морального исключения. Респондентам была задан вопрос «Представьте себе ситуацию, в рамках которой человек крадет лекарства из аптеки для своего больного родственника. Какое отношение Вы бы проявили в данной ситуации, если бы знали, что данный человек наркоман?». Отношение к наркоманам замерялось через призму помощи больному родственнику (в противовес украденному лекарству для собственного употребления). 51,9 % опрошенных высказали отрицательное и скорее отрицательное отношение, чуть более трети (32,8 %) отнеслись к ситуации нейтрально; распределение по полу идентично (52 % мужчин и женщин в большей степени склоны проявлять отрицательное отношение).

Далее следовал вопрос «Как Вы отнесетесь к тому, что у наркомана, у которого была всего одна доза, привлекли к уголовной ответственности, что противоречит УК РФ?». Среди мужчин наиболее популярным стало проявление отрицательного отношения (45,5 %). Так же ответили и женщины, среди которых не будут поддерживать данный приговор 42,6 %. Каждый четвертый мужчина и каждая пятая женщина согласились бы с тем, чтобы наркоман был привлечен к уголовной ответственности. Заключительным вопросом

этого блока стал: «Допустим, Вы узнали, что Ваш знакомый страдает наркотической зависимостью, но он проходит реабилитацию от нее. Продолжили ли Вы общение с ним?». Прохождение реабилитации должно было стать смягчающим моментом в проявлении эксклюзии. Как среди женщин (48,6%), так и среди мужчин (40,3%), респонденты чаще будут продолжать общение с наркоманом, проходящим реабилитацию; 28,6% мужчин и 18% женщин прервут и скорее прервут отношения с ним.

Чтобы оценить, насколько респонденты обеспокоены социальным одобрением своего поведения, использовалась шкала социальной желательности. Опросник состоит из 33 утверждений, с которыми респонденты должны выразить согласие или несогласие. Большое количество социально желательных ответов демонстрирует, что опрошенный сильно озабочен соответствием общественным традициям, особенно одобряемых обществом, в то время как низкое количество социально желательных выборов говорит о наибольшей правдивости и непредвзятости ответов. Исследования, в которых использовалась данная шкала, показывают большое влияние социальной желательности в ответах на сензитивные вопросы, в первую очередь касающиеся наркотиков, алкоголя, психиатрических проблем и негативной оценки поведения тех или иных социальных групп.

Шкала социальной желательности (или шкала потребности в одобрении) Марлоу-Крауна помогает отследить эффект социальной желательности — этот эффект описывает предвзятость респондентов и тенденцию преувеличивать собственные положительные качества, которые, по мнению респондента, будут позитивно оценены окружающими. В исследовании такой феномен может создавать сильные искажения в получаемых данных. Таким образом, можно говорить о связи социальной желательности с ценностным отношением респондента к миру, проявляющимся в общественно одобряемых тенденциях межличностных отношений (дружелюбие, альтруизм, активность).

В России шкала Марлоу-Крауна была сокращена с 33 утверждений до 20 и стандартизирована с последующей проверкой надежностей Ю.Л. Ханиным. В нашем исследовании шкала социальной желательности была сведена к двум показателям: высокая и низкая социальная желательность, и вопросы, которые были заданы респондентам, пересекались со степенью социальной желательности. Ключевой вопрос, в рамках которого производился замер в отношении всех исследуемых групп, звучал следующим образом: «Считаете Вы или не считаете представителя данной группы недостойным членом общества?». На Рисунке 2 приведены ответы респондентов в зависимости от степени социальной их желательности. Так, мы видим, что разница в процентном соотношении крайне мала. Возможно, это вызвано тем, что современное российское общество поощряет моральную эксклюзию данных групп. Соответственно, выдвинутая гипотеза о влиянии социальной желательности на получаемый результат не подтвердилась.

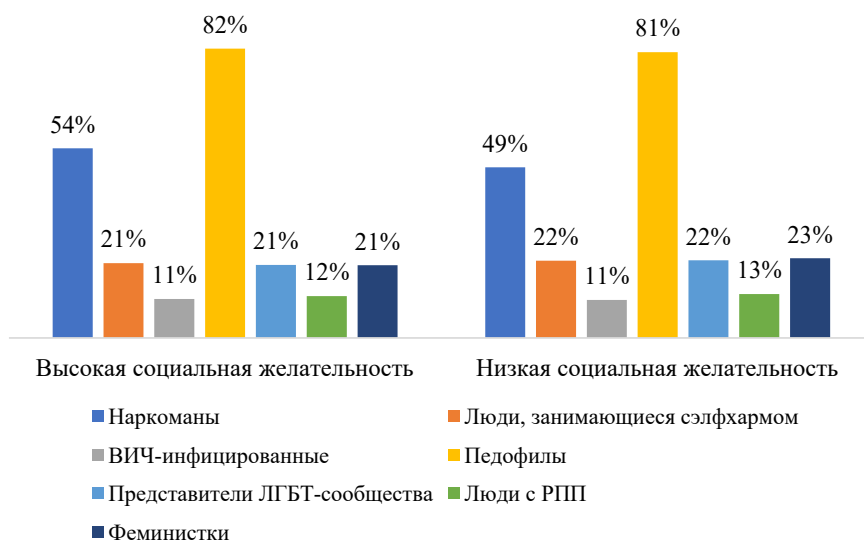

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Считаете Вы или не считаете представителя данной группы недостойным членом общества?» («считаю» + «скорее считаю»)

В заключение следует отметить, что проблема моральной эксклюзии не теряет актуальности. Представляя собой динамичный социальный процесс, моральное исключение обществом индивидов и социальных групп требует постоянного изучения, поскольку с течением времени может меняться не только отношение к тем или иным группам, но и эксклюзируемые группы могут как появляться, так и сходить на нет.

Информация о финансировании

Статья подготовлена в рамках государственного задания № 075-00167-20-03 «Социогуманитарные основы противодействия экстремизму»

Библиографический список/References

1. Deutsch M. Psychological roots of moral exclusion. *Journal of Social Issues*. 1990; 46 (1).
2. Narbut N.P., Puzanova Zh V., Larina T.I., Tertyshnikova A.G. Exclusion measurement of different social groups: Methodological preliminary work and empirical results. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*. 2019; 8 (5).
3. Opatow S. Moral exclusion and injustice: An introduction. *Journal of Social Issues*. 1990; 46 (1).
4. Opatow S., Weiss L. Denial and the process of moral exclusion in environmental conflict. *Journal of Social Issues*. 2000; 56.
5. Passini S., Villano P. Justice and immigration: The effect of moral exclusion. *International Journal of Psychological Research*. 2018; 11 (1).
6. Peace R. Social exclusion: A concept in need of definition? *Social Policy Journal of New Zealand*. 2001; 16.
7. Selman B. Children and social exclusion: Morality, prejudice, and group identity. *Journal of Moral Education*. 2013; 42 (2).
8. Silver H. Social exclusion and social solidarity: Three paradigms. *International Labor Review*. 1994; 133.
9. Silver H. The Process of Social Exclusion: The Dynamics of an Evolving Concept. Working Paper 95. Manchester; 2007.

10. Singer P. *The Expanding Circle: Ethics and Sociobiology*. Oxford University Press; 1981.
11. Staub E. Moral exclusion, personal goal theory, and extreme destructiveness. *Journal of Social Issues*. 1990; 46 (1).
12. Thambisetty S. Understanding morality as a ground for exclusion from patentability under European law. *Eubios: Journal of Asian and International Bioethics*. 2002; 12 (2).
13. Tileaga C. Ideologies of moral exclusion: A critical discourse reframing of depersonalization, delegitimization and dehumanization. *British Journal of Social Psychology*. 2007; 46.
14. Tileaga C. *The Nature of Prejudice: Society, Discrimination and Moral Exclusion*. Routledge; 2015.
15. Trotsuk I. “To trust or not to trust” is not the question; “How to study trust” Is much more challenging task. *Russian Sociological Review*. 2016; 15 (4).
16. Zhong L. Exclusion in morality. *Grazer Philosophische Studien*. 2016; 93 (2).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-963-971

Moral exclusion in the context of social desirability*

Zh.V. Puzanova, A.G. Tertyshnikova

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
(e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru; tertyshnikova-ag@rudn.ru)

Abstract. The article considers such terms as social and moral exclusion in the context of the empirical study of collective representations. The authors define the origins of both terms and name those social groups that have historically been subject to exclusion in certain social areas. Moral exclusion is considered in terms of the applicability of moral norms to certain groups provided the cultural norms that exist in the society. Morality operationalizes our sense of justice by defining what and to whom we owe, whose needs, views and well-being are considered and whose are not. Our moral standards are applied to the people we value, and define those within our sphere of justice (or ‘moral community’, such as family members and friends) and those outside it. The excluded groups are considered as out-groups, and their inconveniences and deprivations seem normal, since in relation to them, justice seems inappropriate and moral norms inapplicable. Many social issues cause moral disputes about whether, for instance, an HIV-infected or drug addict deserves help especially from the state. The study aimed at identifying the presence or absence and the degree of moral exclusion of certain social groups. The article is based on the results of the survey of Moscow students conducted in 2021. A special block of the questionnaire consisted of the adapted version of the Marlow-Crown social desirability scale. The factor analysis allowed to identify the most influential factors of moral exclusion of certain groups for students, and the answers were analyzed in terms of readiness to give socially desirable answers to sensitive questions. The considered groups were chosen during focus groups and are not fully delinquent or stigmatized, i.e., the most important fact is whom the students exclude from the members of their personal moral community.

Keywords: social exclusion; moral exclusion; questionnaire survey; student youth; sensitive questions; LGBT, HIV-infected

Funding

The article was prepared within the framework of the state task No. 075-00167-20-03 “Social-humanitarian foundations for countering extremism”.

* © Zh.V. Puzanova, V.M. Filippov, T.I. Larina, M.A. Simonova, 2022

The article was submitted on 15.07.2022 г. The article was accepted on 03.10.2022 г.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-972-982

Sociological analysis of the distributed team leadership*

A.V. Zabolotskikh, T.V. Dugina, T.A. Ignatova

RUDN University,

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, Russia, 117198

(e-mail: zabolotskikh_av@pfur.ru; dugina_tv@pfur.ru; eignatova0304@mail.ru)

Abstract. The importance of leadership in social and scientific spheres has been studied from different perspectives; the paradigms, approaches and methods have been constantly changing. The pattern of the authoritarian leader in the society has receded in favour of distributed leadership, and today researchers consider interpersonal relationships as the main factor of the leader's effectiveness if he is capable of fostering leadership in others. Thus, in the team, the potential of leadership is distributed between those members who are capable and not afraid of taking responsibilities. Leaders who help to create the next generation of leaders are more valuable for the society than those who are concentrated on their personal ambitions. The authors consider the features of distributed leadership within one group in the course of time. The authors applied different methods to analyse distributed leadership — a survey and a participant observation — to study manifestations of distributed leadership in time and space, the relationship between distributed leadership in the group and context, the nature of the interaction of group agents in legitimisation and dominance, and the participation of group members in social interaction. The article examines the features of distributed leadership based on the study conducted at the RUDN University in 2017–2020 within one group. The results show that distributed leadership is effectively regarded in time and space: the leader takes a flagship role and relies on the acquired experience when interacting with other members of the group; it is possible for several leaders to co-exist under certain social conditions and in distributed areas.

Keywords: distributed leadership; leadership paradigm; influence theory; theories of relationships; dominance; legitimization; participant observation

The future of the nation is a strong, competitive and talented youth. The leaders of the new generation act as agents of global transformation, who seek to change the world for the better [14]. The leader is someone who has already developed systemic thinking which helps him to effectively direct the potential to the rest of the group and redistribute it to two or more agents. Leaders support the idea of humanism and prioritise human rights and freedom; they constantly develop new qualities in themselves and try to keep up with progress. A true leader is not only an object of admiration — he also motivates for continuous development. However, the leadership paradigm has changed and is no longer perceived as something integral and flawless: the leader is seen as a person who has strengths and weaknesses, who

*© A.V. Zabolotskikh, T.V. Dugina, T.A. Ignatova, 2022

The article was submitted on 14.06.2022. The article was accepted on 03.10.2022.

is able to ‘make up for his missing skills by relying on others’ [1]. This change requires moving to the next level: instead of a true leader, a large number of leaders are required to make extraordinary efforts in an effective team [6]. Five important markers prove the team efficiency: it is a real team rather than a nominal one; it has a compelling direction for work; it has an enabling hierarchy that stimulates teamwork rather than hinders it; it functions within a supportive organisational context; it has an available expert supervising teamwork; and the major responsibility of leaders is to ensure all the above in order to increase the work effectiveness of the team [8].

Since the 1920s, scientists have considered the idea of leadership from different perspectives, and the following theories have emerged: theories of personality traits, behavioural theories, situational theories, theories of influence and theories of relationships. Scientists have been studying the theory of relationships since the late 1970s. It includes the relationship, the interaction of the leader with the group, and their influence on each other. Interpersonal relationships are regarded as the main factor of the leader’s effectiveness. One of the theories of this group describes distributed leadership in connection with the social context. One form of distributed leadership leads to a simple model with the contribution of each person involved. The second form recognises the social context and collective engagement in the group, creating interactive spaces between its members [11]. The social context is understood as the natural environment, the human factor, and the use of implicit knowledge [15]. The context or situation forms individual cognition which reflects the relationship between a person and the social environment [7].

Later these ideas were extended by researches who confirmed them in practice. Darling-Hammond in the case studies conducted in Delaware, Georgia and North Carolina analyses distributed leadership in middle and high school, and how the social context influences it [2. P. 138]. Donaldson sees strong leadership at schools as the combined effort of many people, and each acts as a leader in their own sphere; administrators, formal and informal teacher leaders contribute to the leadership mix [9]. Nevertheless, distributed leadership is not exclusive of the administrative leaders responsible for the team collaboration [5]. MacBeath also considers distributed leadership in the education system but in terms of its application to students, demonstration of initiatives, and different contexts and hierarchies. His conceptual framework includes six models of distribution: starting from the formal definition of roles and job in the first distribution model to intuitive leadership embedded in culture [12]. Spillane provides an insight into the core of the distributed leadership structure as an aspect of ‘leadership practice’ which results from the interaction between the leader and followers. The key element of ‘leadership practice’ is the leadership process generated by the interaction of members within the social system [16. P. 4]. Distributed ‘leadership practice’ is described by leadership functions and tasks, in particular, social and situational distribution of tasks. With or without a formal leader, the distributed leadership perspective seeks to understand the complexity of human interaction within a single social group [17. P. 8]. Human

interaction is seen as a viable element of distributed leadership which “emphasises leadership as an emerging property of a group or system of interacting individuals” [19. P. 441]. The perspective of distributed leadership is viewed as the ability to yield across different group members, and this flexibility makes a distinction between traditional and distributed leadership.

DeFlaminis compares traditional leadership with distributed leadership and develops a six-level classification structure [3]. The first level is characterised by positioning a leader above and separate from the team: the leader has the sole authority for making decisions and guides members by influencing the core work. A centralised leader is described at the second level where he is put at the centre of the group, but distinction still exists between what the leader does and what the work team does. At the third level, the leader remains central to the team but starts implementing decision-making authority, and encourages independence in selected areas. A more advanced collaboration is observed at the fourth level, where the main scope of responsibility extends to a larger number of team members. The fifth level represents a shift in the position of the leader from a sole doer to a supporter and facilitator in distributed areas: team members acquire the distribution of responsibilities previously held by the leader. The top level which can be achieved is highly distributed leadership, in which the team is self-directed while the leader adopts the role of a counsellor when needed [3].

From 2017 to 2020, we conducted a study at the Departments of Foreign Languages and Sociology of the Faculty of Humanities and Social Sciences of the RUDN University. Undergraduate students studied Sociology, Political Science, Philosophy, History, Art, and International Relations. In the first year (2017–2018), the study group consisted of 15 students; in the second year (2018–2019), their number increased up to 19; in the third year (2019–2020), the composition of the group decreased to its original number of 15 students. The group consisted of the students representing Russia, Azerbaijan, Greece, and Mongolia. The RUDN University is a special educational platform where a foreign language helps representatives of different nationalities to acquire social-cultural experience, form successful communication with other nationalities, taking into account various behavioural norms [20].

The choice of the group can be accounted for by the long-term interaction; another factor was that the researchers had known the group for a long time. The authors aimed at studying distributed leadership over time within one group, with no control and experimental groups but with participant observation (or ‘included observation’ as a direct participation of the researcher in the life of the group [18]). The authors conducted an in-depth study of one case of distributed leadership in a limited system by collecting the detailed data from several sources (included observation and survey) — in order to test the hypothesis that distributed leadership is a changeable structure, and changes over time and in space.

In order to identify leadership in the group, quantitative data were collected. However, when analysed, they were insufficient to capture the dynamics of leadership and its subjective nature in the context. The unidirectional research focused only on one leader, while the contextual paradigm offers an alternative view with many socially structured realities. Consequently, the context and atmosphere in the group is the key in describing individual situations. Therefore, the study of the natural atmosphere, the analysis of the human factor, and the use of implicit knowledge complemented the study and created a complete picture of the leadership.

The existing theories consider leadership to be inextricably linked with dominance and legitimation. The term ‘dominance’ refers to the dominant position of some members of the group in relation to others. The term ‘legitimation’ means recognition and approval by the members of the group of the existing order [10]. These terms are interrelated.

The included observation was conducted from 2017 to 2020, and the group was analysed according to the following criteria: manifestations of distributed leadership in time and space; relationship between distributed group leadership and the context; nature of interaction of group agents in legitimation and dominance; participation of group members in social interaction. Each criterion reflected different areas of leadership (Table 1).

Table 1

Data collection in the included observation

Evaluation indicators	Questions
How does distributed leadership manifest itself in time and space?	How is the interaction initiated What is the frequency of interaction before taking a decision/taking an action Are decisions/actions taken equally by all members of the group What is the position of the members of the group in relation to each other Does the position change every class?
What is the relationship between distributed group leadership and the context?	What tools are used for maintaining leadership How is information/solutions shared within the group Does the group receive feedback and, if so, how and from whom?
What is the nature of the interaction of the group's agents in legitimisation and domination?	Is the contribution of all participants into generating ideas and decision-making equal Are there any roles assigned? If so, what are these roles How are the roles of group members distributed Are there unofficial command norms How do the members of the group interact with each other — formally or informally Do the group members take turns while speaking?
How do the members of the group participate in social interaction?	Do any members of the group work together, do they form any subgroups Are these relationships stable or do they change with time?

Observation during classes, informal communication during breaks and extracurricular hours were the main types of observation. Group members communicated with each other in the VKontakte social network, where important information was most often exchanged. During the interaction, the dynamics of the relations between students was analysed. The English classes lasted three hours, so the researchers were given a great opportunity to be involved in the decision-making process of choosing a monitor — the leader — and at the same time to be an outside onlooker. The interaction was assessed from different perspectives — how communication took place during classes and breaks, how decisions were made, how goals were achieved — between all members of the group, between the main team of leaders, and the monitor.

The gender ratio in the group in the first year of study was: males — 20 %, females — 80 %; males, unlike females, were inactive and happy not to participate in decision making.

Manifestation of distributed leadership in time and space. In the first year, three students demonstrated leadership qualities during the first month: Sofia B., Arina E., Arina V. Both Arinas showed intellectual abilities, and Sofia — organisational abilities. All three participated actively during lessons and interacted with all members of the group. When making group decisions, for example, topics distributions, three leaders had deep involvement. Most of the group often changed their location in space depending on the subject and type of class (seminar/lecture/assessment), while Sofia B., Arina E., Arina V. were always sitting in the front rows, which indicated their greater interest in the subject. Based on the observations, it was obvious that they wanted to be noticed, singled out and paid attention to.

Relation between distributed group leadership and context. Being the monitor during the first year, Sophia B. administered the distribution of information within the group. She communicated directly with the teaching staff and conveyed all the necessary information to the rest of the group. The team of leaders always openly expressed their opinions, shared their thoughts with other members of the group. The rest of the students often refrained from expressing their position, as they did not react positively to multiple offers to participate in the group life. Their main aim was to get good grades in the subject.

The nature of the group agents' interaction in legitimation and dominance. The main members of the group treated each other informally and gradually established friendly relationships. The team of leaders and the monitor were also treated informally by the rest of the group and interacted on equal terms. Sophia B. took the initiative and volunteered for the role of the monitor. At the same time, important decisions were often made by the leaders due to their authority among the students. The assistance in the group was provided by more active students, which reflected the dominance of leaders over other students. When answering the professors' questions, the following features were observed: group members

sometimes interrupted each other, they could often speak simultaneously, elaborating the thoughts of other students.

Participation of group members in social interaction. In social interaction, the composition of the group was as follows: the monitor as the head of the group, two main leaders, and four subgroups. There was a tendency that students of one direction of training were in regular contact with each other rather than with others. In the second year, due to the organisational changes, Tatiana I. who was a member of a subgroup had the opportunity to change her role of the participant-observer to the leader. She managed to gain trust in the group by establishing mutual understanding between all members and equal relations in the group of leaders. The numerical composition of the group increased as new students joined in. The authors got the opportunity to analyse a different perspective of students' interaction because the share of males had increased (32 %).

Manifestation of distributed leadership in time and space. In the second year, Sofia B. handed over the post of the monitor to Tatiana I., but remained in the main group of leaders. At the same time, Arina V. left the university, and Arina E. retained her position in the main group of leaders, where two people were added. She relocated to the back rows in the classroom, showing less interest in studying. Tatiana I. together with the group of leaders did not change her location. The male students, who had previously shown no interest in leadership, became more active due to the friendly atmosphere after electing the new monitor. They changed their location from the back to the front rows and even tried the role of activists. Most of the important decisions were made by the monitor together with the leadership team.

Relations between distributed group leadership and context. To maintain leadership the new monitor used communication skills with professors. Tatiana I. encouraged all members of the group to openly express their opinions when making decisions.

The nature of the group agents' interaction in legitimation and dominance. The information in the group was distributed by the monitor and Arina E., who was among the leaders. Representatives of different countries interacted similarly to the representatives of the same country. The members of the group communicated informally. During the previous year, the relationship between students of different directions of training became more harmonised.

Participation of group members in social interaction. In 2018, four new students from directions Philosophy and International Relations joined the group. Peter K. commenced to demonstrate leadership qualities. He actively participated in the classroom, often helped his classmates, while always sitting in the back rows. In the third year, the composition of the group changed again. There was a rotation of students in accordance with their academic achievements, and the numerical composition of the group changed. New students came with fresh ideas and a desire to actively participate in the life of the group. The authors had the

opportunity to analyse how this fact influenced the process of forming leadership in the group of leaders.

Manifestation of distributed leadership in time and space. In the third year, Tatiana I. remained in the role of the monitor and retained her leadership position. Arina E. decreased her activity in the classroom, often came unprepared, preferred to sit in the back rows. Four students from Political Science and History directions left the group. Instead, two students from Art direction came to the group — Henrietta V. and Nadezhda B. From the first days, Henrietta V. began to show leadership qualities, actively respond to classes and take part in the life of the group. Teymur M. also showed a robust life position, while his leadership qualities were realised in extracurricular activities. Other newly arrived members were less active, often consulted with the monitor. The location of the students in the space also changed. Now Sofya R. occupied the back rows next to Tatiana I., and Henrietta V. — front rows, closer to the professor. Despite the distant position of the monitor, Tatiana I. used her authority and skilfully relied on the reorganised group of leaders.

Relations between distributed group leadership and context. Teymur M. started showing his intellectual abilities, always expressing his opinion and personal position. Other members of the group of leaders continued to actively participate in the discussions, while the rest of the group refrained from expressing their opinions publicly and spoke out only when motivated by the professor.

The nature of the group agents' interaction in legitimation and dominance. The decision-making process was still dependent on the monitor, since all members relied on her organisational skills to interact with professors. For a two-year term, Tatiana I. not only retained the role of the monitor, but also grew into an intellectual leader. Relationships in the group remained informal, which was manifested by friendship and mutual assistance.

Participation of group members in social interaction. During this period a redistribution of subgroups was observed. The direction-of-training-bound relations were not as strong as they used to be at the beginning. There was a dominant tendency among the newly arrived students to communicate mostly with their peers.

At the beginning of each academic year, students were asked to fill in a questionnaire to identify potential leadership. The survey aimed at identifying several indicators: the desire of students to become group activists, the desire to work individually, and the desire to take a leading position. During the first year, 73 % of respondents indicated that they would like to participate in the group of leaders (Fig. 1), 20 % would like to but were afraid, while 7 % were negative. In the second and third years, 58 % and 60 %, respectively, would like to be active in the group. Consequently, over time, the desire of students to become group activists decreased.

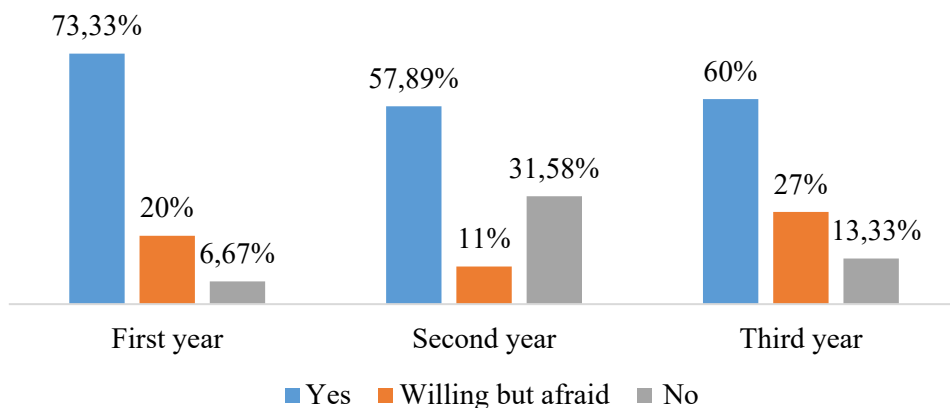

Fig. 1. The desire of students to become group activists

The second most striking indicator was the students' answers to the question about the desire to work individually (Fig. 2). In the first year, 93 % of the respondents noted that they liked to work independently, which indicated the difficulty of getting used to each other in a new group. In the second year, this indicator decreased to 79 %, and in the third — to 60 %. The desire to work in the group increased among students every year, which reflected favourable atmosphere in the team.

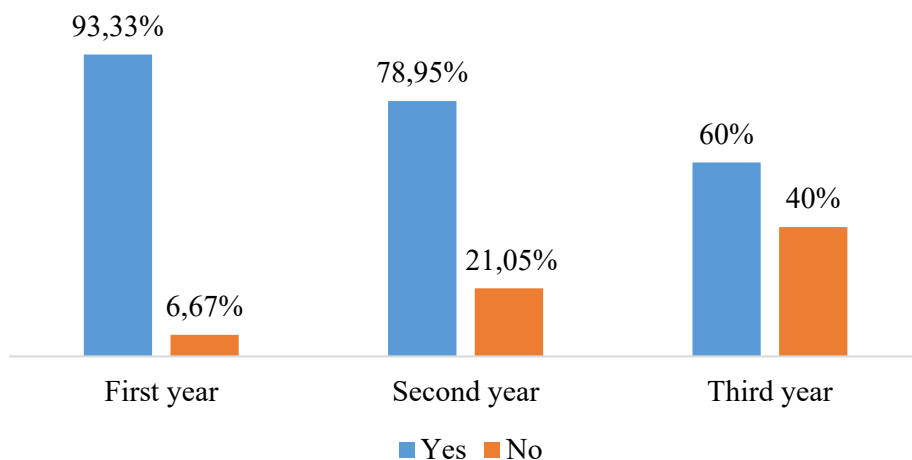

Fig. 2. The desire of students to work individually

In the first year, 60 % of respondents noted that they would like to become leaders (Fig. 3). In the second year, this parameter decreased by only two percent, which indicated a desire to take the role of a leader. In the third year, less than a third would like to take a dominant position. At this stage of the learning process, the students did not need to compete for the leading position of the monitor, since there was a redistribution of roles and it became possible for all members to express themselves depending on their preferences.

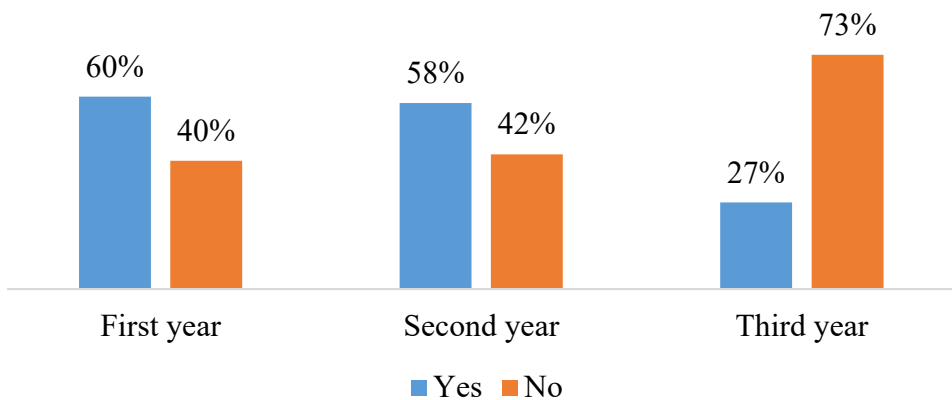

Fig. 3. The desire of students to take a leading position.

Leadership in a group is associated with the regulation of interpersonal relationships which are both official and unofficial. Being the core of the group, the leader contributes to the productive achievement of results and goals in interpersonal relationships by the shortest path. The leader who obtains intellectual abilities, strong character traits, tact and diplomacy can influence group members and take responsibility and risk for decision-making. The emergence of a leader is impossible without an appropriate environment that nurtures new leaders who are ready to conform to the spirit of the times [13]. The concept of ‘leader personality’ is an important aspect of sociological analysis: the leader of the group who has the flexibility of character, initiative and ability to find contact easily wins the support of the main leadership team. He sees the potential and opportunity of the members of the core leadership team, and helps another individual to take a leading position if the latter has certain leadership qualities. In certain social conditions and with the formation of a psychological portrait of a leader, it becomes possible to transform and differentiate the role of a leader. Thus, in the presence of certain qualities, any person can become a leader based on the behavioural patterns of other leaders. On the example of the group under study, the authors showed a possibility of nurturing a new leader and distributing leading positions without negative consequences of changing the leader within the group.

References

1. Ancona D., Malone T.W., Orlikowski W.J., Senge P.M. In praise of the incomplete leader. *Harvard Business Review*. 2007; February.
2. Darling-Hammond L., LaPointe M., Meyerson D., Orr. M.T., Cohen C. *Preparing School Leaders for a Changing World: Lessons from Exemplary Leadership Development Programs*. Stanford; 2007.
3. DeFlaminis J., Abdul-Jabbar M., Yoak E. *Distributed Leadership in Schools*. Taylor and Francis; 2016.
4. Edwards G. Concepts of community: A framework for contextualizing distributed leadership. *International Journal of Management Relations*. 2011; 13.

5. Elmore R.F. *Building a New Structure for School Leadership*. Washington; 2000.
6. Fullan M. *Leadership & Sustainability: System Thinkers in Action*. Corwin Press; 2005.
7. Grusky D.B., Takata A.A. Social stratification. *The Encyclopaedia of Sociology*. Macmillan Publishing Company; 1992.
8. Hackman R. *Leading Teams*. Harvard Business Review Press; 2002.
9. Johnson S., Donaldson M. Overcoming the obstacles to leadership. *Educational Leadership*. 2007; 65.
10. Legitimatziya [Legitimation]. *Kratky politichesky slovar*. Moscow; 1980. (In Russ.).
11. Lichtenstein B., Uhl-Bien M., Marion R., Seers A., Orton J.D., Schreiber C. Complexity leadership theory: An interactive process on leading in complex adaptive systems. *Emergence: Complexity and Organization*. 2006; 8 (4).
12. MacBeath J. Leadership as distributed: A matter of practice. *School Leadership and Management*. 2005; 25 (4).
13. Men M. Liderstvo kak organizatsionny fenomen: vzaimosvyaz sotsialnyh i lichnostnyh aspektov [Leadership as an organisational phenomenon: The relationship between social and personal aspects]: Avtoref. diss. k.f.n. Moscow; 2013. (In Russ.).
14. Peters T. *Essentials. Leadership*. DK; 2005.
15. *Sotsialny kontekst ekonomicheskogo razvitiya v XXI veke* [Social Context of the Economic Development in the 21st Century]. Moscow; 2016. (In Russ.).
16. Spillane J.P. *Distributed Leadership*. San Francisco; 2006.
17. Spillane J.P., Halverson R., Diamond J.B. Towards a theory of leadership practice: A distributed perspective. *Journal Curriculum Studies*. 2004; 36 (1).
18. Wirth L. *Ghetto*. Chicago; 1928.
19. Woods P.A., Bennett N., Harvey J., Wise C. Variabilities and dualities in distributed leadership: Findings from a systematic literature review. *Educational Management, Administration & Leadership*. 2044; 32.
20. Zabolotskikh A. Problema mezhkulturnoj kommunikatsii i ee nivelirovanie v smeshannyh gruppah [The problem of intercultural communication and the ways of bridging it in international groups]. *Language and Cultures: Prospects for Development in the 21st Century*. Moscow; 2019. (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-972-982

Социологический анализ распределенного лидерства в команде*

А.В. Заболотских, Т.В. Дугина, Т.А. Игнатова

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: zabolotskikh_av@pfur.ru; dugina_tv@pfur.ru; eignatova0304@mail.ru)

Аннотация. Значение лидерства в социальной и научной сферах изучалось с разных точек зрения, парадигмы, подходы и методы постоянно менялись. Модель авторитарного лидера в обществе уступила место распределенному лидерству, и сегодня исследователи рассматривают межличностные отношения как основной фактор эффективности лидера, способного

* © Заболотских А.В., Дугина Т.В., Игнатова Т.А., 2022

Статья поступила 14.06.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

взрачивать лидерство в других: в команде потенциал лидерства распределяется между теми членами, кто не боится брать на себя ответственность. Лидеры, которые помогают создавать новое поколение лидеров, более ценны для общества, чем те, кто сосредоточен только на личных амбициях. Цель статьи — рассмотреть особенности распределенного лидерства в рамках одной группы с течением времени. Авторы применили анкетирование и метод включенного наблюдения за участниками группового взаимодействия для изучения проявлений распределенного лидерства во времени и пространстве, взаимосвязей распределенного лидерства в группе и контекста, характера взаимодействия групповых агентов в легитимации и доминировании, а также участия членов группы в социальном взаимодействии. В статье рассматриваются особенности распределенного лидерства по результатам исследования, проведенного в Российском университете дружбы народов в 2017–2020 годы в рамках одной группы. Его результаты и выводы продемонстрировали, что распределенное лидерство меняется во времени и пространстве с точки зрения своих проявлений и эффективности. Лидер занимает роль флагмана и опирается на приобретенный опыт взаимодействия с другими членами группы. В ней могут сосуществовать нескольких лидеров — при определенных социальных условиях и в распределенных областях,

Ключевые слова: распределенное лидерство; парадигма изучения лидерства; теория влияния; теории взаимоотношений; доминирование; легитимация; включенное наблюдение

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

SCIENTIFIC LIFE

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-4-983-989

Справедливость и законотворчество: социально-философские аспекты*

А.М. Орехов

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия
(e-mail: orekhov-am@rudn.ru)

Аннотация. В статье представлен обзор мероприятия, организованного «Высшей школой экономики» (НИУ ВШЭ) 1 декабря 2021 года, — круглый стол на тему «Справедливость и законотворчество» в рамках подпроекта «Этика и право: механизмы взаимовлияния» проекта «Прикладная этика» с участием представителей вузов России. Приводятся основные идеи выступлений участников разных специальностей — юристов, политологов, философов и международных экспертов. В докладах анализируются различные аспекты проблемы и широкий круг вопросов: постановка диагноза социальной справедливости в России, обоснование необходимости деонтологии справедливости и ее рисков, рассмотрение справедливости как «институциональной ловушки» на примере советских и российских общественно-правовых институтов, изложение идей дистрибутизма как теории общественного благосостояния, историко-философский анализ представлений и политических аргументов о сущности и эффективности элитаризма и парламентаризма, философский анализ понятия «социальная справедливость» в рамках философии языка, формальной семантики, формальной прагматики и др. На мероприятии обсуждались и результаты ряда прикладных исследований, связанных с проблематикой круглого стола, например, проект, связанный с автоматизированными способами оценки этичности, работа над которым ведется под эгидой НИУ ВШЭ. В качестве итога констатируется, что социальная справедливость является тем социально-политическим идеалом, к которому должен быть устремлен вектор развития современной России.

Ключевые слова: социальная справедливость; законотворчество; этика; право; закон; дистрибутизм; деонтология; институциональная «ловушка»

Круглый стол, организованный НИУ ВШЭ, проходил в формате видеоконференции из здания Государственной Думы Российской Федерации. Его модерировали советник аппарата Государственной Думы Д.С. Моисеев и заместитель декана по научной работе факультета права НИУ ВШЭ А.А. Ларичев.

* © Орехов А.М., 2022

Статья поступила 17.06.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г..

В ходе заседания продолжительностью более четырех часов участники — юристы, политологи, философы, международники — выступили с докладами, в которых затрагивались разные теоретические и практические аспекты реформирования российского общества и законодательства в направлении внедрения в них принципов политической и правовой справедливости.

В докладе «Диагноз социальной справедливости в России. Пациент скорее мертв, чем жив» профессор Б.Н. Кашников (НИУ ВШЭ) предпринял попытку постановки диагноза социальной справедливости в России. Он отметил, что, по мнению Аристотеля, государство, как и нация, сохраняется лишь до тех пор, пока имеется объединяющая социальную общность вера в справедливость как одну из детерминант внутреннего единства. Если такой веры нет, то классовая и территориальная вражда рано или поздно разрушает страну. Классовая вражда проистекает из неравенства классов, а территориальная — из неравенства регионов, когда один паразитирует на богатстве других. Чтобы избежать этого, необходимо формировать в обществе убежденность в осмысленности и значимости совместных действий общества и власти, в ориентированности законодательства на формальную справедливость, т.е. равенство закона для всех. Не менее важна и справедливость распределения основных благ, в чем российское общество не является образцом. Условие веры в наличие распределительной справедливости — соответствие распределения некоему универсальному моральному принципу, например, свободы. Однако главным источником веры в справедливость выступает поддержание общей справедливости — разделяемой всеми членами общества уверенности в рациональности и значимости цели совместных действий. Даже в сложных внутривластных условиях, вызванных разными причинами, возможно достижение социально значимых целей, таких как снижение бедности, обеспечение достойного уровня здравоохранения, оптимальное решение демографических проблем. Однако заметных результатов в достижении таких целей в России пока мало, зато есть растущая коррупция. При этом снижение того катастрофического неравенства, которое мы видим в России, совершенно необходимо прежде всего в интересах самой власти.

Профессор А.Б. Дидикин (НИУ ВШЭ) в докладе «Дистрибутизм как теория общественного благосостояния» отметил, что в теории дистрибутизма важна ценность самореализации людей в труде и ценность собственности. Каждый гражданин принадлежит к разным социальным группам, но должен видеть рост уровня жизни благодаря тому, что он или становится собственником, или участвует в создании общественного богатства. Гражданин должен видеть, что налогообложение справедливо, потому что то, что выплачивается государству в виде налогов, всегда имеет «обратную связь» в виде оказываемых государством услуг. Человек должен нести гражданскую ответственность за тот коллектив, в котором работает или состоит. В той модели общества, где больше собственников, появляется и больше ответственных

граждан. При этом идея справедливости все-таки рассматривается через распределение — подразумевается, что мы не можем говорить о справедливости вообще. Моральная ответственность поступков людей оценивается не только с точки зрения того, каков их личный интерес, но и какой интерес отстаивает коллектив, которому они принадлежат. В этом смысле рассматривать человека как автономного индивида не всегда правомерно.

Профессор М.А. Гласер и Н.Н. Новик (НИУ ВШЭ) в совместном докладе «Деонтология социальной справедливости и ее риски» показали, что деонтология оказывает значительное влияние на социум. Деонтологи полагают, что истина как исходная посылка должна относиться ко всем областям человеческих отношений и деятельности, в том числе к политике и справедливости. Например: если я врач и лечу общество, имею ли я право лгать больному, если это общество больно? Нет, не имею — в любом случае я должен говорить правду. Мы, конечно, не уверены, какой эффект возымеют наши слова: они могут привести к кризису, и дальше мы можем только рассуждать, о каком кризисе идет речь и можно ли вылечить общество. Очевидно, что очень сложно понять, какая ложь кому полезна и в каких обстоятельствах. Выход из положения можно найти, обеспечив координацию внутренних намерений граждан и общественного блага, и политический механизм для этого — заключение соглашения, достигнутого в процессе коммуникации. В истории России несколько раз заключались общественные контракты в целях справедливости, например, пандемийный — когда государство обещало в обмен на терпение граждан решить проблему экономических издержек в результате локдаунов и ограничений, а также сохранить здоровье населения. Однако быстро возникла негативная тенденция — россияне оценивали свою прошлую материальную обеспеченность выше, чем ее перспективы на ближайший год. Поэтому деонтология справедливости весьма дискуссионна — ее роль в социуме может быть очень большой, но для этого нужно доверие как инструмент политики и один из важнейших источников справедливости. Есть ли сегодня доверие между российским обществом и властью — вопрос сложный, поэтому риски деонтологии справедливости гораздо выше, чем ее позитивные моменты, и, скорее всего, у государства нет иного выхода, кроме как пойти по пути контекстуализма и, заключая договор с обществом, отходить от деонтологии в интересах государственного строительства.

А.В. Слинченко (Общероссийская общественная организация «Деловая Россия») в докладе «Справедливый бизнес и законодательное регулирование. Новая этика бизнеса в условиях тренда на инклюзивность и равноправное распределение» рассмотрел понятие справедливости применительно к текущим бизнес-процессам и случаи практического воздействия принципов «новой этики». Он отметил, что абсолютное большинство компаний относится к инклюзивности как к необходимой части выполнения общего договора, как к своеобразной галочке, которую необходимо поставить, чтобы не

привлекать к себе внимание. Иными словами, принципы разнообразия становятся самоцелью, а их реализация — простой формальностью. На самом деле задача бизнеса, а также и государства, представляющего собой, по сути, большую корпорацию, заключается в создании понятных и прозрачных условий для получения гражданами благ и возможностей. Термин «разнообразие» нужно применять, в первую очередь, в отношении разнообразия новых смыслов и качественно нового содержания, которые люди могут привнести в корпоративную культуру. Предоставление равных возможностей самореализации и отсутствие боязни внешнего несоответствия традиционным стандартам способны выявить наиболее достойных сотрудников на принципах меритократии.

Профессора М.Л. Ивлева и А.М. Орехов с доцентом А.З. Черняком (РУДН) в выступлении «Справедливость как институциональная “ловушка”: уроки для России» раскрыли тему на примере советских и российских общественно-правовых институтов. Попытка использовать экономический термин в контексте социально-политической проблематики может привести к интересным результатам: например, можно определять институциональную ловушку как некую комбинацию социальных институтов, которые при попытке реализации своей деятельности получают результаты, кардинально отличающиеся от планируемых при конструировании таких институтов. Социальный институт может выступать в качестве ловушки, которая, с одной стороны, обладает определенными функциями социальной полезности, но, с другой стороны, может породить негативные эффекты, т.е. несправедливость. Причем эти негативные эффекты — следствие действий не отдельных людей, а института.

Можно определять институциональные ловушки и как созданную в государстве систему институтов, рассчитанную на обеспечение определенного вида справедливости, если таковой действует в ущерб общественным ценностям, в том числе тем, что связаны с реализацией других типов справедливости. Предположим, реализуя один тип справедливости, мы ликвидируем несправедливость в одной социальной сфере, но одновременно в другой возникает новая несправедливость, которая проявляет себя во все большей степени. Можно считать институциональной ловушкой случаи, когда институт, полезный в каком-то отношении систематически, в немаловажных случаях порождает серьезную с точки зрения общества несправедливость, а государство, которое этот институт учредило, не может ее отменить.

В современной России можно выделить три группы социальных институтов разного происхождения. Одна группа, куда входит бесплатное образование, медицина, пенсии и льготы, унаследована от СССР, эти институты создавались для обеспечения всеобщего равенства возможностей и справедливого в социалистическом смысле распределения благ, — они перестали быть ловушками для справедливости. Другая группа — постсоветские институты,

которые создавались в российское время не для обеспечения справедливости, а ради укрепления системы властных и экономических отношений, и потому порождают институциональные ловушки. Третья группа — институты новой России, созданные на обломках СССР как инструменты обеспечения определенных видов справедливости, характерных для западной демократии, но, как правило, в ущерб другим типам справедливости. Например, институт частной собственности был призван обеспечить право законного владения законно приобретенным имуществом, но усугубил неравенство и расслоение общества.

Основное решение проблемы институциональных ловушек — не создавать их, а если они уже возникли (что часто трудно предотвратить или предвидеть), то стараться из них выбраться, создавая новые институты, реформируя существующие, изменяя отношение людей к положению дел, чтобы их личностные качества компенсировали соответствующие недостатки институциональной системы.

Д.М. Моисеев (ГД РФ) в докладе «Элитаризм и парламентаризм. Идеал парламентария в античности и в Новое время. Современная критика парламентаризма» рассказал о взаимосвязи элитаристских представлений и института парламентаризма. В результате историко-философского анализа текстов античных и современных авторов докладчик пришел к выводу, что смысловые траектории элитаризма и парламентаризма, которые в древности были отражением идей справедливого правления лучших, разошлись в двух направлениях. Социальная философия накопила комплекс разных представлений и политических аргументов о сущности и эффективности элитаризма и парламентаризма, которые не позволяют относиться к современным формам либерально-демократического республиканского устройства однозначно.

Профессор А.А. Ларичев (НИУ ВШЭ) выступил с докладом «Этичность правовых норм как фактор доверия к законотворческому процессу». Рассуждая о справедливости, связи закона и морали, он отметил, что в России нередко принимаются правовые нормы, которые не воспринимаются обществом и не способствуют формированию доверия к нормотворчеству. Например, в уголовном кодексе многие нормы не соответствуют запросам общества. Возможно, это продиктовано тем, что нормотворческая деятельность, как и юридическая наука, субъективны, и государству приходится идти против установок, доминирующих в обществе, ради общего блага. Этические нормы в праве — инструмент вспомогательный, и нельзя допустить, чтобы кто-то пытался контролировать и навязывать обществу моральные установки, подводя под них правовые нормы. Обратная ситуация тоже содержит риски в плане общественного доверия.

Доцент А.А. Веретенников (НИУ ВШЭ) в докладе «Социальная справедливость: анализ понятия» рассмотрел его в рамках философии языка, формальной семантики и формальной прагматики. Он подчеркнул, что со-

циальная справедливость обычно определяется как некая разновидность дистрибутивной справедливости, как требование равенства в распределении богатства, возможностей и привилегий внутри сообщества. При этом социальная справедливость выступает целью или частью комплекса прав человека и потому имеет самые разные интерпретации. Например, американские консервативные авторы полагают, что социальная справедливость — это просто способ, с помощью которого левая часть американского сообщества, по сути, сторонники демократической партии, пытаются навязать свою социалистическую программу перераспределения ресурсов и финансов. С точки зрения философии языка справедливость можно рассмотреть как иллокутивный акт, пресуппозицию или импликатуру. В большинстве дискуссий о справедливости есть и импликатура, и пресуппозиция.

Доцент Д.А. Романов (НИУ ВШЭ) рассказал о научном проекте, связанном с автоматизированными способами оценки этичности. Опрашиваемым предлагается оценить ситуацию: «Капитану полиции Иванову, который совершил административное правонарушение, присудили 80 часов обязательных работ. Хорошо это или плохо? Этично это или не этично?». Это не законно — не соответствует правовым нормам, потому что к имеющим специальное звание сотрудникам органов внутренних дел не применяются обязательные работы. После обработки ответов были получены следующие результаты: примерно 60 % считают, что это совершенно нормально и скорее хорошо, чем плохо (менее 5 %). По мнению авторов проекта, этот и другие примеры показывают, что подход работает: можно, опрашивая достаточно большое количество экспертов, выявлять устоявшиеся оценки этичности или неэтичности правовых норм. Сейчас авторы проекта разрабатывают специальную информационную систему, которая позволяет загружать и обрабатывать тексты нормативных правовых актов, таких как федеральные законы, указы президента, постановления правительства, ведомственные нормативно-правовые акты, — чтобы исследовать сеть взаимосвязей между ними.

В завершение круглого стола В.Д. Чураков (НИУ ВШЭ) в докладе «Этичность использования технологии “подталкивания” (nudge) в законотворческой деятельности» поделился результатами исследования, основанного на поведенческой экономике: люди не всегда и не все рациональны, поэтому государству следует их подталкивать к совершению действий, которые людям кажутся хорошими. Был приведен пример подобной практики государственного управления: государство подталкивает нас к правильному действию, когда мы, допустим, мусорные контейнеры превращаем в большие баскетбольные корзины, и людям становится веселее и приятнее выбрасывать мусор, как следствие — экологическая обстановка понемногу улучшается. Обычно теоретики этической экономики выделяют четыре цели в применении технологии «подталкивания» — благополучие, достоинство, автономия и самоуправление.

Подводя итоги, следует отметить единодушное признание участниками круглого стола, что социальная справедливость является тем социально-политическим идеалом, к которому должен быть устремлен вектор развития современной России.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 21-511-07002 МОН РЮО_а «Этносоциальная идентичность на стыке культур в изменяющейся социальной реальности на постсоветском пространстве»

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-983-989

Justice and lawmaking: Social-philosophical aspect*

A.M. Orekhov

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

(e-mail: orekhov-am@rudn.ru)

Abstract. The article presents an overview of the event organized by the Higher School of Economics (NRU HSE) on December 1, 2021 — a round table “Justice and Lawmaking” as a part of the subproject “Ethics and Law: Mechanisms of Mutual Influence” of the “Applied Ethics” project with the participation of representatives of Russian universities. The article presents the main ideas of the participants of different specialties — lawyers, political scientists, philosophers and international affairs. They considered various aspects and a wide range of issues: diagnostics of social justice in Russia, the need for a deontology of justice and its risks, justice as an ‘institutional trap’ on the example of Soviet and Russian public law institutions, ideas of distributism as a theory of social welfare, historical-philosophical analysis of ideas and political arguments on the essence and effectiveness of elitism and parliamentarism, philosophical analysis of the concept ‘social justice’ in the philosophy of language, formal semantics, formal pragmatics, etc. The participants discussed the results of a number of applied research related to the issues of the round table, for example, the project on the automated methods for assessing ethics, which is carried out in the Higher School of Economics. As a result, the participants of the round table stated that social justice should be the social-political ideal for the further development of contemporary Russia.

Keywords: social justice; lawmaking; ethics; law; distributism; deontology; institutional ‘trap’; parliamentarism

Funding

The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 21-511-07002 MON RYu_a “Ethnosocial identity at the intersection of cultures in the changing social reality in the post-Soviet space”

* © A.M. Orekhov, 2022

The article was submitted on 15.08.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-990-994

Социально-демографические процессы в ЕАЭС: заметки о научных мероприятиях в Кыргызстане*

Р.В. Маньшин

Российский университет дружбы народов,
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, 117198, Россия
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН,
ул. Фотиевой, 6, стр. 1, Москва, 119333, Россия
(e-mail: manshin@list.ru)

Аннотация. 22–23 апреля 2022 года в Кыргызско-Российском Славянском университете им. Б.Н. Ельцина в Бишкеке (Республика Кыргызстан) прошел Международный научный форум «Мировая наука и современные вызовы в эпоху глобализации и цифровой трансформации». На форуме выступили известные ученые из России, Кыргызстана, Узбекистана, Казахстана, Великобритании, Турции, Сербии и Сингапура. В докладах обсуждались разнообразные проблемы экономического, социально-демографического и экологического характера, решение которых позволит обеспечить устойчивое развитие стран Евразийской экономической интеграции.

Ключевые слова: евразийская интеграция; социально-экономическое развитие; демографические процессы; миграция населения

Демографы и социологи Института демографических исследований ФНИСЦ РАН приняли участие в ряде научных и образовательных мероприятий в столице Кыргызской Республики — Бишкеке — 22–23 апреля 2022 года, где прошел Международный научный форум «Мировая наука и современные вызовы в эпоху глобализации и цифровой трансформации» под эгидой Президента и с участием ученых из стран ближнего и дальнего зарубежья. Организатором Форума выступила Национальная аттестационная комиссия при Президенте Кыргызской Республики, соорганизаторами — ведущие образовательные и исследовательские учреждения Кыргызстана (Национальная академия наук, Бишкекский государственный университет имени К. Карасаева, Кыргызская государственная медицинская академия им. И.К. Ахунбаева, Кыргызский государственный технический университет им. И. Раззакова, Кыргызский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова, Кыргызский государственный юридический университет, Кыргызский национальный аграрный

* © Маньшин Р.В., 2022

Статья поступила 15.08.2022 г. Статья принята к публикации 03.10.2022 г.

университет им. К.И. Скрябина, Кыргызский экономический университет им. М. Рыскулбекова, Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина, Международная Высшая школа медицины, Ошский государственный университет). Форум собрал более ста ученых из десяти стран.

Основной целью Форума было обсуждение проблем экономического, социально-демографического и экологического характера, решение которых позволит обеспечить устойчивое развитие стран Евразийской экономической интеграции. С приветственным словом к участникам обратились председатель Национальной аттестационной комиссии Б.К. Тыналиева, Государственный секретарь Кыргызской Республики С.С. Касмамбетов, ректор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.А. Садовничий, профессор Кавказского университета О. Атакиси (Турция), директор Центра геостратегических исследований Д. Трифкович (Сербия), академик НАН Кыргызской Республики А.А. Борубаев.

Открыл пленарную сессию доклад А.О. Кожошева, первого заместителя Председателя кабинета министров Кыргызстана, посвященный современным научным вызовам и направлениям их решения в глобальном масштабе. Б.К. Тыналиева обратила внимание на основные аспекты социальной и этической ответственности ученого. Анализ особенностей и последствий реформирования системы образования в Кыргызстане провела министр образования и науки А.Б. Бейшеналиева.

Директор Института демографических исследований (ИДИ ФНИСЦ РАН) С.В. Рязанцев обозначил в докладе роль демографической науки в решении демографических проблем Российской Федерации. Проанализировав основные концептуальные документы в области демографической политики и выделив цели, структуру и этапы Концепции демографической политики, он обосновал место демографии в Стратегии национальной безопасности и предложил пути поиска новых решений в контексте Концепции демографической устойчивости. Докладчик также отметил изменение паспорта специальностей ВАК, утвержденное приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 118: если ранее демография в рамках экономических наук относилась к специальности 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством — со специализациями «Экономика народонаселения и демография» и «Экономика труда», то в новом паспорте представлено направление 5.2.3.8 — Экономика народонаселения и экономика труда, относящееся к шифру 5.2.3 — Региональная и отраслевая экономика. В социологических науках место демографии также подверглось трансформации: если ранее существовала специальность 22.00.03 — Экономическая социология и демография, то в новом паспорте специальностей ВАК появился шифр 5.4.3 — Демография, относящийся к группе 5.4 — Социология, с присуждением научных степеней как по социологическим, так и по экономическим наукам.

Профессор политологии Гамбургского университета А. Темиркулов посвятил доклад национальной программе по сохранению и восстановлению экологии Кыргызстана и выделил наиболее проблемные направления в этой области. Продолжил тему доклад профессора Университета «Туран» М.С. Ержанова (Казахстан) — о мировом опыте и перспективах развития экологического аудита в Казахстане: он показал возможности использования положительного мирового опыта не только в Казахстане, но и в других странах Центральной Азии. О проблемах и перспективах биологизации различных отраслей производства и сельского хозяйства рассказала профессор З.Р. Ахмедова (Институт микробиологии Академии наук Республики Узбекистан). Профессор О. Атакиси (Кавказский университет, Турция) дал характеристику и определил потенциал промышленного использования рекомбинантной термоалкалофильной липазы. Профессор С.К. Сулайманкулова продолжила пленарное заседание, представив результаты исследования особенностей и проблем развития нанотехнологий в странах Центральной Азии на примере Кыргызстана. Профессор Т.М. Сооронбаев посвятил свой доклад стратегиям развития медицинской науки и особенностям передачи знаний в данной области.

Проблемам развития образования и науки в разных странах была посвящена серия докладов пленарной сессии. Так, Д. Трифкович, директор Центра геостратегических исследований (Сербия), проанализировал реформу университетского образования в Сербии с учетом места и роли гуманитарных наук в современном обществе и указал позитивные и негативные ее результаты. Сравнительный анализ развития науки и образования в Великобритании и США провела профессор Б. Давлетова (Шеффилдский университет, Великобритания), опираясь на личный опыт. Член-корреспондент НАН К.Д. Боконбаев обозначил проблемы и перспективы развития науки Кыргызстана в контексте евразийской интеграции. Профессор А. Гхош (Индия) представил особенности кейс-метода в обучении основам предпринимательства и в проведении научных исследований. Профессор Г.Дж. Дан (США) посвятил доклад историческим инструментам исследовательской деятельности, позволяющим получить глобальный результат, опираясь на детальный анализ локальных событий.

Проблемам евразийской экономической интеграции и роли социологии в системе изучения интеграционных процессов был посвящен доклад Г.И. Осадчей, заведующей отделом социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН: она представила отдельные результаты многолетних социологических исследований и охарактеризовала их динамику в странах Евразийского экономического союза. Завершил пленарную сессию доклад Р. Пханг (Наньянский технологический университет, Сингапур) о проблемах производительности, экономических потребностях и семейных отношениях.

Во второй день Форума прошли секционные заседания в ведущих профильных вузах Кыргызстана. Секция по физико-математическим, естественным и техническим наукам состоялась в Кыргызском государственном университете строительства, транспорта и архитектуры им. Н. Исанова и была посвящена задачам данной группы наук в условиях цифровой трансформации. Секция по медицинским наукам была проведена в Кыргызской государственной медицинской академии им. И.К. Ахунбаева по вопросам инновационных разработок, технологий и материалов современной медицины. Кыргызский национальный аграрный университет им. К.И. Скрябина принял секцию по биологическим, химическим и аграрным наукам о тенденциях развития современного агропромышленного производства, проблемах и перспективах биологических наук в эпоху экологических вызовов. Закономерности развития общественных наук в условиях глобализации и цифровой трансформации были представлены на секции в Кыргызском государственном юридическом университете.

Секция, посвященная состоянию и роли гуманитарных наук в современном обществе, была проведена в Кыргызско-Российском Славянском университете им. Б.Н. Ельцина. На ней выступили ученые из ИДИ ФНИСЦ РАН: так, Г.И. Осадчая представила результаты социологических исследований социальной адаптации молодых мигрантов из Кыргызстана в Москве, а директор ИДИ ФНИСЦ РАН С.В. Рязанцев — исследований мобильности рабочей силы в миграционном коридоре Центральная Азия — Россия. Последний проект опирался на социологические опросы, проведенные как в странах-реципиентах, так и в странах-донорах трудовых мигрантов. В докладе были названы причины востребованности трудовых мигрантов из стран Центральной Азии и особенности использования их труда в России и связанные с этим ключевые проблемы, отмечен дефицит рабочей силы в отдельных отраслях хозяйства как следствие пандемии и высказаны общие рекомендации по совершенствованию управления трудовой миграцией в России с акцентом на системе организованного найма.

20–30 апреля для научно-педагогических работников Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН (С.В. Рязанцев, Г.И. Осадчая, Р.В. Маньшин — заведующий отделом миграции и миграционной политики) провели курс повышения квалификации «Социально-демографическое развитие и демографическая политика стран ЕАЭС: методы анализа данных, применение в образовательном и научно-исследовательском процессе вуза». В рамках курса была прочитана серия лекций в городе Бишкек и проведены семинары и практические занятия в онлайн-формате. С.В. Рязанцев прочитал лекции о динамике численности и демографической структуре населения, особенностях демографических процессов в странах ЕАЭС, Г.И. Осадчая — о проблемах реализации демографической политики в странах ЕАЭС, Р.В. Маньшин — о миграционных

процессах и реализации миграционной политики в странах Евразийского экономического союза.

Целью курса повышения квалификации было совершенствование теоретических знаний и практических навыков научно-педагогических работников в сфере оценки демографического развития стран-членов ЕАЭС (1991–2021); обеспечение соответствия их квалификации требованиям профессионального стандарта 01.004 «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования». Более сорока научно-педагогических работников успешно закончили курс повышения квалификации.

Информация о финансировании

Публикация выполнена в рамках проекта № 060120-2-174 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН

DOI: 10.22363/2313-2272-2022-22-4-990-994

Social-demographic processes in the EAEU: Notes on the scientific events in Kyrgyzstan*

R.V. Manshin

RUDN University,
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia
Institute for Demographic Research of FCTAS RAS,
Fotievoy St, 6-1, Moscow, 119333, Russia
(e-mail: manshin@list.ru)

Abstract. On April 22–23, 2022, the Yeltsin Kyrgyz-Russian Slavic University in Bishkek (Republic of Kyrgyzstan) hosted the International Scientific Forum “World Science and Contemporary Challenges in the Era of Globalization and Digital Transformation”. Prominent scientists from Russia, Kyrgyzstan, Uzbekistan, Kazakhstan, Great Britain, Turkey, Serbia and Singapore made presentations to discuss various economic, social-demographic and environmental questions, the solution of which can ensure the sustainable development of the countries of the Eurasian economic integration.

Keywords: Eurasian integration; social-economic development; demographic processes; population migration

Funding

This publication has been supported by the RUDN University Scientific Projects Grant System. Project No. 060120-2-174.

*© R.V. Manshin, 2022

The article was submitted on 15.08.2022. The article was accepted on 10.06.2022.

НАШИ АВТОРЫ

Амбарова Полина Анатольевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: borges75@mail.ru).

Анисимов Роман Иванович — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета (e-mail: ranisimov@list.ru).

Бабинцев Валентин Павлович — доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: babintsev@bsu.edu.ru).

Барков Сергей Александрович — доктор социологических наук, заведующий кафедрой экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: barkserg@live.ru).

Беляева Людмила Александровна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения социокультурных изменений Института философии Российской академии наук (e-mail: bela46@mail.ru).

Гайдукова Галина Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: g_gaidukova@bsu.edu.ru).

Дугина Татьяна Владимировна — старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: dugina_tv@pfur.ru).

Заболотских Анна Владимировна — старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: zabolotskikh_av@pfur.ru).

Зборовский Гарольд Ефимович — доктор философских наук, профессор-исследователь кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (e-mail: garoldzborovsky@gmail.com).

Игнатова Татьяна Андреевна — лаборант кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: eignatova0304@mail.ru).

Карташкин Владимир Алексеевич — доктор юридических наук, главный научный сотрудник сектора прав человека Института государства и права Российской академии наук (e-mail: v.kartashkin@mail.ru).

Колодезникова Инна Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: inna0105@yandex.ru).

Краевский Арсений Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (e-mail: a.kraevsky@spbu.ru).

Кокаревича Анита — кандидат экономических наук, доцент кафедры общественного здравоохранения и эпидемиологии Рижского университета имени Страдыня (e-mail: anita.kokarevica@rsu.lv).

Ларина Татьяна Игоревна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: larina-ti@rudn.ru).

Маньшин Роман Владимирович — кандидат экономических наук, доцент кафедры международных экономических отношений Российского университета дружбы народов; заведующий отделом миграции и миграционной политики Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: manshin@list.ru).

Маркеева Анна Валерьевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры экономической социологии и менеджмента социологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: anna_markeeva@mail.ru).

Меньшиков Владимир — доктор социологических наук, руководитель Центра социальных исследований Института гуманитарных и социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: vladimirs.mensikovs@du.lv).

Музыкант Валерий Леонидович — доктор социологических наук, профессор кафедры массовых коммуникаций филологического факультета Российского университета дружбы народов (e-mail: vmouzyka@mail.ru).

Мукситх Мунадхил Абдул — профессор коммуникологии, доцент кафедры коммуникативной науки UPN Университета Джакарты (e-mail: munadhil@upnvj.ac.id).

Орехов Андрей Михайлович — доктор философских наук, профессор кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: orekhov_am@rudn.ru).

Пратомо Ридхо Ризки — научный сотрудник отдела международных отношений UPN Университета Джакарты (e-mail: rizkyridho0897@gmail.com).

Пузанова Жанна Васильевна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: puzanova-zhv@rudn.ru).

Розанова Нина Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры менеджмента, начальник управления по научной работе Смоленского государственного университета (e-mail: rozznina@yandex.ru).

Симонова Мария Александровна — доктор исторических наук, директор Учебно-научного института сравнительной образовательной политики Российского университета дружбы народов (e-mail: simonova-ma@rudn.ru).

Селиванова-Федорова Наталья — кандидат экономических наук, преподаватель Высшей школы бизнеса, искусства и технологий «RISEBA» (e-mail: nsel15@inbox.lv).

Смирнова Юлия Борисовна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков филологического факультета, помощник первого проректора-проректора по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов (e-mail: yuryeva-yub@rudn.ru).

Субботина Мария Владимировна — кандидат социологических наук, ассистент кафедры социологии Российского университета дружбы народов (e-mail: subbotina-mv@rudn.ru).

Сухова Елена Евгеньевна — кандидат социологических наук, декан социологического факультета Смоленского государственного университета (e-mail: elena-suchova@mail.ru).

Тагиров Филипп Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Российского университета дружбы народов (e-mail: tagirov-fv@rudn.ru).

Тайбнапис Радита Гора — профессор коммуникологии, доцент кафедры коммуникативных наук UPN Университета Джакарты (e-mail: raditagora@upnvj.ac.id).

Тертышникова Анастасия Геннадьевна — кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: tertyshnikova_ag@rudn.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии Научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики» (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Филиппов Владимир Михайлович — доктор физико-математических наук, президент Российского университета дружбы народов (e-mail: president@rudn.ru).

Чижо Эдмундс — кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики факультета социальных наук Даугавпилсского университета (e-mail: edmunds@chemi-pharm.com).

Чистякова Ольга Васильевна — доктор философских наук, профессор кафедры истории философии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: chistyakova-ov@rudn.ru).

Шаповал Жанна Александровна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы Белгородского государственного национального исследовательского университета (e-mail: shapoval@bsu.edu.ru).

Эбзеева Юлия Николаевна — кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков филологического факультета, первый проректор-проректор по образовательной деятельности Российского университета дружбы народов (e-mail: ebzeeva-yun@rudn.ru).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

- 1. Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 20 до 30 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
- 2. Все таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисовочные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
- 3. Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
- 4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники** — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии AMA. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
- 5. К статье обязательно прилагаются:**
 - ♦ **аннотация** (резюме) объемом 250–300 слов на русском и английском языках;

- ◆ **список 7–8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
- ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность, ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; **в статье допускается не более четырех соавторов.**

Срок рассмотрения и принятия решения о публикации составляет не менее **шести** месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редакция не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, гео-графических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and interdisciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 20 to 30 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250–300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7–8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as the **author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four.**

The decision as to publication is made no less than within **six** months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors' consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.

ДЛЯ ЗАМЕТОК
